

Академик В. М. Плоских

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

IV

*Время разбрасывать камни
и время собирать камни.*

Библия, Екклесиаст 3:5

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of a series of fluid, connected strokes.

Академик В. М. Плоских

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

IV

Редакционная коллегия:

А. А. Асанканов, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
Д. Д. Джунушалиев, чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук
А. Ч. Какеев, акад. НАН КР, д-р филос. наук
Т. К. Койчуев, акад. НАН КР, д-р экон. наук
З. К. Курманов, д-р ист. наук, проф.

Составитель:

профессор В. А. Воропаева

Ответственный редактор:

академик НАН КР Т. К. Койчуев

Плоских В. М.

Собрание сочинений: в 15 т. / сост. проф. В. А. Воропаева; отв. ред. акад. Т. К. Койчуев. — Бишкек: Нео Принт, 2014–2021.

Владимир Михайлович Плоских — один из ведущих учёных Кыргызстана, внёсших значительный вклад в развитие исторической науки республики.

Доктор исторических наук, профессор, действительный член Национальной академии наук Кыргызстана, действительный член Российской Академии педагогических и социальных наук, заслуженный деятель науки Кыргызской Республики, археолог, педагог, писатель, член Конфедерации подводной деятельности России, дважды лауреат Государственной премии Кыргызстана в области науки и техники, лауреат общественных премий им. Е. Д. Поливанова, А. П. Чехова, И. Бунина, Ататюрка, И. Ахунбаева.

В. М. Плоских — руководитель Центра источниковедения и рукописного наследия Института истории и культурного наследия НАН КР, директор Института мировой культуры, заведующий кафедрой истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета, главный редактор журнала «Диалог цивилизаций».

Награждён почётными грамотами КР, удостоен государственных наград КР — ордена «Манас» III степени, медали «Данк», имеет другие награды Кыргызской Республики, а также России, Казахстана, Украины, Туркменистана. Является автором ок. 500 научных трудов по истории, археологии, источниковедению, кыргызско-российским межгосударственным взаимоотношениям.

Основные научные проблемы, которыми более 50 лет занимается В. М. Плоских, обобщены и систематизированы в Собрании сочинений учёного.

В. М. ПЛОСКИХ

**ИССЫК-КУЛЬСКАЯ
«АТЛАНТИДА»**

Бишкек — 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
П 74

Плоских В. М.

П 74 **Иссык-Кульская «Атлантида»** — Бишкек: Нео Принт, 2015. — 412 с.: ил. (Собр. соч.: в 15 т. / В. М. Плоских; — Т. IV).

ISBN 978-9967-12-119-5

IV том собрания сочинений состоит из четырёх частей — по числу включённых в него монографий, изданных в разные годы, но объединённых тематически: посвящены они исследованиям территории Прииссыккуля и раскрытию подводных тайн жемчужины Кыргызстана — озера Иссык-Куль.

Часть I. «Атлантида» Центральной Азии — тайна Великого Шелкового пути.

Часть II. Иссык-Куль — путешествие в историю.

Часть III. Археология и история Кыргызстана.

Издание является стереотипным. В сводном виде монографии публикуются впервые. Автор надеется, что собранные в отдельном томе материалы исследований Иссык-Куля, проводившихся на протяжении 40 лет, окажутся более привлекательными для заинтересованного читателя.

ISBN 978-9967-12-119-5

© Плоских В. М., 2015

Часть первая

**«АТЛАНТИДА»
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ — ТАЙНА
ВЕЛИКОГО
ШЕЛКОВОГО
ПУТИ**

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ИССЫК-КУЛЯ

«Пulsирующее сердце» Евразии

Озеро Иссык-Куль – «пульсирующее сердце» Евразии – расположено в горах Центрального Тянь-Шаня.

И горы Тянь-Шаня, и озеро Иссык-Куль сравнительно «юны». Горы образовались около 25–30 млн. лет назад, озеро – 10 млн. Первый человек здесь появился около 800 тыс. лет тому назад, первые дошедшие до нас каменные орудия имеют возраст около 300 тыс. лет. Кыргызский этнос и кыргызская государственность впервые отмечены в письменных (китайских) источниках с III в. до н. э.

Поколение сменялось поколением, разноязычные местные племена (саки, усунь, тюрки) постепенно сложились в кыргызскую народность. Этот процесс, начатый две с половиной тысячи лет тому назад, был завершён к XVI в. с участием других племен Центральной Азии (включая монголо-енисейские компоненты). В течение трёх последних тысячелетий одна цивилизация трансформировалась в другую, оставляя для потомков памятники материальной и духовной культуры. Часть из них с течением времени оказалась под водами Иссык-Куля (по наблюдениям учёных, озеро, по крайней мере, четырежды претерпело периоды трансгрессии и регрессии).

Руины древних поселений на береговой линии озера Иссык-Куль известны давно. Однако ни один из серьёзных источников прошлых столетий не мог объяснить историю появления и разрушения древних строений. Многочисленные

легенды и китайские летописи свидетельствуют о существовании здесь древних цивилизаций, которые исчезли в волнах Иссык-Куля, причины их исчезновения до сих пор окончательно не ясны.

В результате исследований прошлых лет, в которых автор принимал непосредственное участие, под водой было зафиксировано более двадцати памятников, а на побережье Иссык-Куля — до сотни.

Карта. Историко-археологические памятники Иссык-Куля

История изучения

Местный фольклор изобилует легендами, существует и ряд научных версий относительно образования затонувших городов Иссык-Куля. В прибрежной части озера, на глубине до 10 метров, археологами найдены многочисленные строения, датируемые от первого тысячелетия до н. э. и вплоть до XV столетия н. э. За весь период существования озера не было проделано какого-либо серьезного детального исследования подводных памятников. И не случайно в научном

мире озеро называют «Атлантидой Центральной Азии», неразгаданной тайной Великого Шелкового пути.

Интерес к подводным памятникам Иссык-Куля возник полтора столетия тому назад. Архивные записки, отчеты первых путешественников, журнальные заметки и статьи о развалинах таинственных строений на Иссык-Куле время от времени появлялись в печати уже в середине XIX в.

В 1867 году по распоряжению туркестанского генерал-губернатора коллежский секретарь Буняковский, топограф-поручик Китаев и штабс-капитан — известный уже в то время писатель и художник Каразин — были командированы в г. Верный *«для собрания сведений о Иссык-Кульском крае как по части топографической, так и по части естествознания»*¹.

Но в декабре того же года неожиданно дается отбой. Китаев и Каразин успели доехать только до Верного, как новым распоряжением туркестанского генерал-губернатора *«по изменившимся обстоятельствам»* исследования были приостановлены. Сведения об одной из первых, правда, неудачных, попыток именно планомерного исследования Иссык-Куля содержатся в архивном деле, озаглавленном *«Переписка туркестанского генерал-губернатора с военными губернаторами областей по вопросу о назначении Китаева и Каразина в экспедицию с целью изучения Иссык-Кульского края»*, начатом и оконченном в 1867 году.

К этому времени сообщения о подводных развалинах Иссык-Куля уже возбуждали, и отнюдь не праздное, любопытство туркестанских властей. Купец Исаев, проходивший караванными тропами Прииссыккуля в 1824–1830 гг., составляет в 1857 г. по просьбе казахского ученого Чокана Валиханова записку, в которой упоминает о подводных развалинах Иссык-Куля справа от впадения в озеро реки Тюп.

¹ Плоских В. Иссык-Куль: путешествие в историю. Фрунзе, 1981. С. 43.

*«Видимые в воде здания складены из камня, — писал Исаев, — только надобно захватить на лошади сажень до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто был город тут величайший и сделалось наводнение и будто не было до этого тут озера»*¹. Сам Ч. Валиханов развалин не наблюдал, хотя на озере бывал неоднократно.

Слышал от местных киргизских жителей рассказы об исчезнувших под водой постройках П. П. Семенов Тянь-Шанский. 13 июня 1857 г. он побывал на мысе, вдающемся в озеро в восточной его части, между устьями рек Тюп и Джергалан, видел на берегу выброшенные волнами кирпичи, из которых были возведены подводные строения. Сопоставив этот факт с историческими свидетельствами, П. П. Семенов высказал предположение, что здесь ранее был остров, на котором, по словам средневековых авторов, Железный Тимур держал своих знатных пленников. Укрепление, по его мнению, существовало в XIV и XV веках и исчезло под водой позже XVI в.

О подводных замках упоминали и мусульманские средневековые историки Араб-шах и Мирза Хайдар. Их сведения перекликались с данными итальянской карты. Дело в том, что на Каталанской карте 1375 года, которую П. П. Семенов видел во время путешествия по Венеции в начале 50-х годов XIX в., на озере Иссык-Куль был указан город с тем же названием и отмечено, что здесь находится православный монастырь «армянских братьев».

Следующие сообщения о подводных развалинах на Иссык-Куле и первые практические шаги по их изучению, были связаны с Г. А. Колпаковским — военным губернатором Семиреченской области. В 1869 г. он посетил озеро. Проводники-киргизы показали ему подводные развалины на северном берегу в местности Кой-Су (у современного с. Курское) и на востоке в урочище Кой-Сары. Колпаковский

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1964. С. 317.

обследовал развалины и краткую информацию о них направил в «Известия Императорского Русского Географического общества». Он писал о виденной им под водой обширной площадке, как будто специально устланной кирпичами, обломками посуды и костями. Встретилось под водой даже древнетюркское каменное изваяние. Чем дальше от берега, тем чаще встречались кучи кирпичей, лежащих в беспорядке. Причем кирпичи были самых различных видов: в изломе желтоватые, бурые, красные и даже черные.

Тогда-то и зародилась впервые мысль: не произвести ли подводные исследования с помощью водолазов? Начал этому положило получение Колпаковским с берегов Иссык-Куля первых археологических трофеев. Это были две большие бронзовые чаши: одну вытащил на берег при впадении в озеро р. Кой-Су купавшийся киргиз, вторую, несколько меньших размеров, подарил Колпаковскому сарыбагышский манап Умбеталы Ормонов. В окрестностях озера были найдены и две серебряные монеты: одна на месте строящегося Каракола — будущего города Пржевальска, а другая — много западнее, неподалеку от Конгуролена. В ясную погоду под водой то и дело просматривались остатки исчезнувших поселений. Окрестные кыргызы доставали для строительства своих мавзолеев (гумбезов) обожженные кирпичи и передавали из уст в уста легенды и исторические предания о кладях и древностях Александра Македонского, Чингисхана и Тимура.

И Колпаковский активизирует деятельность по организации подводных исследований на Иссык-Куле. Он посылает письменное приглашение ученому А. П. Федченко, отдает распоряжение о строительстве небольшого парусного судна на Иссык-Куле, договаривается с неким частным лицом о строительстве восьмивесельного катера и т. д.

Первые попытки подводных исследований

В архиве канцелярии туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте нами было обнаружено дело «Об археологических находках в озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра».

Каллиграфический почерк чиновников — переписчиков, убористая скоропись военного губернатора, предложения кронштадтского инженера, небрежные резолюции туркестанского генерал-губернатора. Все документы написаны от руки и представлены в одном экземпляре. Итак...

3 ноября 1871 года Г. А. Колпаковский высылает в Ташкент генерал-губернатору К. П. Кауфману с Иссык-Куля археологические трофеи: медные (бронзовые) чаши и серебряные монеты, сопровождаемые пространнным письмом. *«Вообще, — писал он, — загадочность Иссык-Куля с каждым годом усложняется и побуждает меня вновь заявить мысль о необходимости исследования.... Для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение коего посредством частных средств более чем сомнительно. Не будет ли позволено выписать этот аппарат на кульджинские доходы?»*¹.

К. П. Кауфман благосклонно отнесся к этому предложению. По его распоряжению чаши были оставлены в Ташкенте в качестве экспонатов для будущего музея, монеты — переправлены на исследование в Археологическую комиссию С. Г. Строганову. А насчет водолазного аппарата и мастера решили обратиться в Кронштадт к строителю знаменитой крепости генерал-майору К. Я. Звереву.

16 декабря Кауфман пишет в Кронштадт. Письмо примечательно, поэтому приведем его полностью.

¹ ЦГА Р. Уз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 1—3.

«Милостивый Государь Константин Яковлевич! Озеро Иссык-Куль, находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек в оное впадающих в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время, изменившихся вследствие какого-либо переворота. К сожалению, археологические находки так же бедны, ибо добываются случайно не интересующимся наукою кочевым населением и притом так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу. Но так как загадочность Иссык-Куля с каждым годом приобретает все более интереса в научном отношении, то весьма естественно является мысль о необходимости исследования оною. Главная остановка в настоящее время за водолазным аппаратом, а равно за мастером, которому можно было бы поручить подводные исследования.

Ввиду всего этого я имею честь обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбой, не найдете ли Вы возможности поручить кому-нибудь собрать сведения, что будет стоить водолазный прибор, наиболее прочный, и на каких условиях можно найти охотника приехать в здешний край и заняться изысканиями. При этом, главным образом, нужно принять во внимание, что как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий.

С истинным почтением и совершенною преданностью...»¹.

¹ ЦГА Р. Уз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3.

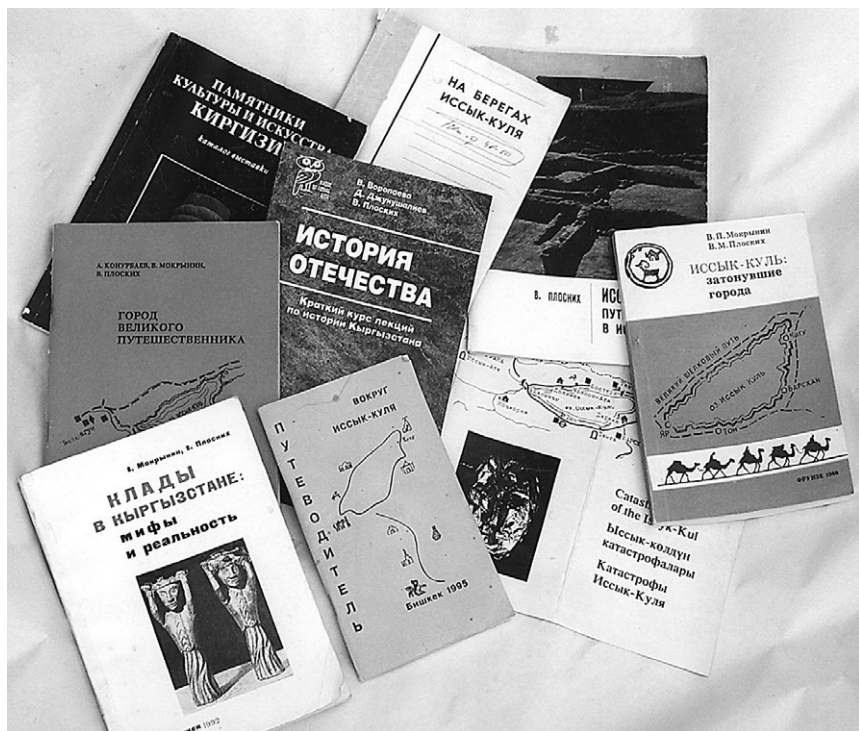

Водолазный костюм
XIX столетия

К. Я. Зверева заинтересовало предложение и он взялся помочь Кауфману в приобретении водолазных аппаратов и подыскать профессиональных водолазов. Имевшиеся в Кронштадте водолазные скафандры были старой конструкции, приобретены более десяти лет назад, громоздки и не подходили для подводных археологических исследований. Зверев высылает Кауфману описание современных водолазных костюмов, наиболее совершенные из которых предлагал закупить в Англии или Франции.

Но благим намерениям так и не суждено было осуществиться, не набралось денег для покупки подводного оборудования. Идея подводных археологических работ повисла в воздухе.

В советские годы озеро Иссык-Куль стало закрытой территорией для иностранцев (из-за военных объектов), а собственных средств на дорогостоящие подводные раскопки памятников не было. С большим трудом республиканская Академия наук в середине 1960-х годов приобрела акваланги, и археолог Д. Ф. Винник начал рекогносцировочные, разведочные работы по фиксации подводных памятников на Иссык-Куле. Затем, в 1980-х годах эстафета перешла к доктору исторических наук В. М. Плоских и кандидату исторических наук В. П. Мокрынину. В 1985–1989 гг. кыргызские археологи совместно с аквалангистами из Московского института стали и сплавов во главе с С. С. Прапором, провели небольшие работы на Иссык-Куле, сосредото-

чив основное внимание на полуобнажившемся городище Сары-Булун в Тюпском заливе. По итогам была высказана гипотеза об отождествлении этого городища с исторической столицей большого племенного образования Усунь (на рубеже веков до новой и новой эры). Последующие работы все более подтверждали эту гипотезу. Результаты исследований были обобщены в трех изданиях В. П. Мокрынина и В. М. Плоских с участием И. Т. Айтматова и А. О. Конурбаева. Издается на русском и английском языке буклет «Катастрофы Иссик-Куля», снимаются два телефильма о наших подводных археологических исследованиях Иссик-Куля (реж. А. Видугирис и К. Акматалиев) и один рекламный клип (реж. Е. Котлов).

В последние два года опубликованы коллективная монография с цветными иллюстрациями археологических находок¹, цветной буклет-путеводитель по историко-археологическим памятникам Иссык-Куля и серия научных статей В. Плоских об экспедиционных археологических исследованиях Иссык-Куля².

Затопленные города

С точки зрения археологии и экологии, исследование озера Иссык-Куль предполагает собрание больших археологических материалов: памятников истории и культуры. Кроме того, изучение водного бассейна будет способствовать проведению исследований на предмет радиации, характера и степени загрязнения воды, экологических характеристик региона.

В соответствии с изложенным выше в перспективе намечается провести следующие исследования:

- Продолжить изучение известных и осуществить поиск новых, древних подводных поселений, курганов и прибрежных памятников культуры.
- Изучение доступной поверхности и подводных древних строений для сравнения.
- Геоморфологический поиск шельфа (прибрежной части) и выборочной части побережья озера Иссык-Куль.

¹ Джунушалиев Д., Какеев А., Плоских В. Этапы хронологии кыргызской государственности. Бишкек, 2003.

² Иссык Куль: великие камни и легенды древнего озера / Сост. А. Коңурбаев, В. Плоских. Бишкек, 2003; Плоских В. Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля // Мат. междунар. науч. конф. «Единое образовательное пространство XXI века». Бишкек, 2003. С. 78–97; Плоских В. К новым открытиям Иссык-Кульской экспедиции // Проблемы истории государства и культуры. По мат. междунар. науч. конференции, посвященной 10 летию КРСУ. Бишкек, 2001. С. 56–65.

• Определить варианты решения экологических проблем. Наиболее перспективные в научно-исследовательском плане следующие зафиксированные нами объекты (назовем их по периметру озера при движении на северо-запад).

1. **Тору-Айгыр.** Северо-западный берег Иссык-Куля. Некоторыми исследователями отождествляется со средневековым городом Сикуль. Остатки верхнего городища на берегу, нижнего – под водой. На берегу раскопаны остатки жилищ и баня (Д. Ф. Винник), на дне встречаются глиняная посуда, обожженные кирпичи, кости человеческих скелетов и скелетов животных. По одной из гипотез это – возможное место средневекового монастыря X–XIV вв. В ходе полевых разведок нами здесь собраны несколько ценных керамических сосудов средневекового производства, каменная зернотерка и в воде найден бронзовый котел.

2. **Кара-Ой**, а также у полуострова Вали Котика под водой заметны остатки уложенных каменных плит, аллея спиленных деревьев, многочисленные фрагменты средневековой керамики, кости человеческих скелетов, случайные находки бронзовых предметов и фрагментов керамики. Именно здесь в полевой сезон 2003 г. нами со дна подняты два замечательных сакских жертвенных котла из бронзы и один бронзовый псалий из конской сбруи.

3. **Городище Каменское** (совр. с. Джаркынбаево). Здесь в тихую погоду в воде просматриваются остатки четырехугольных стен. Из воды местными жителями были извлечены бронзовые и каменные орудия труда античного времени, жертвенные бронзовые котлы и многочисленная средневековая керамика. В глиняном карьере из разрушенных курганов извлечены деревянные и керамические предметы раннего средневековья.

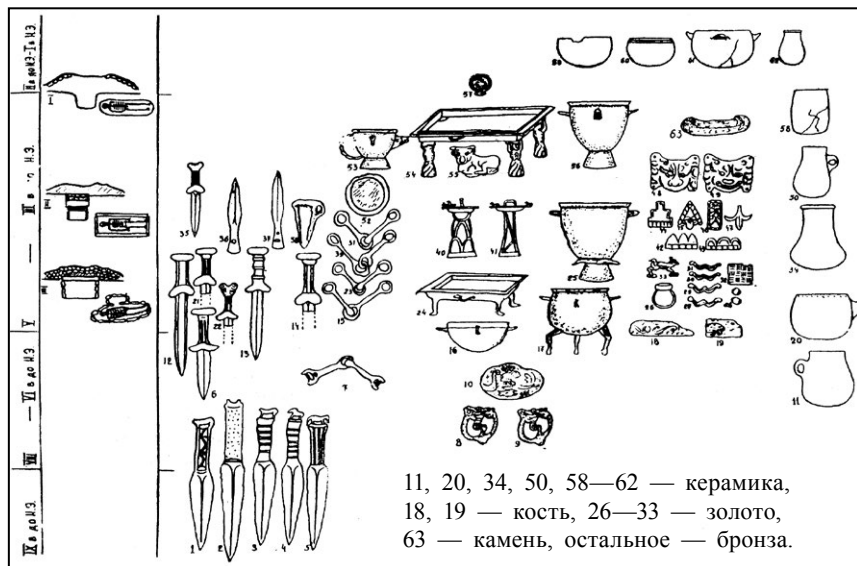
4. Самым достопримечательным античным памятником, расположенным на юго-восточной окраине Иссык-Куля (под водой и на частично освободившейся от воды территории), является городище **Сары-Булун**, отождествляемое нами со столицей Усуньского государства на Великом Шелковом пути — городом Чигу.

Во II в. до н. э. китайский дипломат и путешественник Чжан Цянь прошел из Китая в Центральную Азию, был в плену у могущественных хуннов, был гостем усуней, столица которых располагалась на живописном берегу Иссык-Куля. Чжан Цяня справедливо называют первооткрывателем Великого Шелкового пути — торговой артерии, соединившей мир Востока и мир Запада. В самой середине этой трансконтинентальной торговой артерии лежало озеро Иссык-Куль, на берегу которого китайцами для своей принцессы — невесты усуньского правителя-кунбага была отстроена столица — город Чигу (Чигучэн, буквальный перевод с китайского — «Город Красной Долины»). Китайских принцесс отдавали в жены «диким варварам», чтобы скрепить династийными браками союз государств. И они через тысячи километров, высочайшие горные системы переправлялись на Иссык-Куль в чужой им край. На чужбине китайцы помогали отстраивать города и замки уже родственным владыкам. Так был обустроен дворцами и крепостными стенами город на Иссык-Куле — Чигу. Ученые долго спорили и размышляли, где находилась столица усуней, о которой много писали китайские историки, но найти ее долго не удавалось. Произошло это потому, что город Чигу вскоре после крушения усуньского государства ушел под воды Иссык-Куля. И нужно было время, терпение и... везение, чтобы его обнаружить.

...Это произошло в полевой сезон 1985 года. Во время работы Иссык-Кульской экспедиции (руководитель профессор В. Плоских, начальник археологического отряда — доцент В. Мокрынин) на дне Тюпского залива впервые

обнаружили следы крупного городища. Находки свидетельствовали — городище существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но все это нужно было еще доказать скрупулезными изысканиями, научными исследованиями. Мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу — ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле, важного промежуточного торгового пункта на зарождавшемся Великом Шелковом пути. Поэтому наши первые прибрежные и подводные трофеи мы отнесли к предметам материальной культуры столичной ставки древних кочевых владык.

Последующие находки — одна древнее другой — все более подтверждали нашу гипотезу о столице усуньского государства г. Чигу, впитавшей в себя все элементы предшествующих культур.

Археологическая культура древних кочевников Прииссыккулья в хронологическом диапазоне

За три последующих полевых сезона на побережье и под водой нам удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которая давала представление о жизни столичных обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились под водой и были покрыты известковыми наростами.

Основные находки в Чигу подразделялись на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия, поделки из рога.

Даже беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в ее хронологию свидетельствовал о долгой жизни затонувшей столицы. Определение времени ее зарождения, расцвета и гибели связано с большими трудностями, которых не знает традиционная археология. Да и само изучение подводных памятников неизмеримо сложнее, так как нельзя проследить взаиморасположение культурных наслоений и датирующих предметов материальной культуры в них. Исследователю остается единственный метод определения времени жизни городища — сравнение находок с хорошо датированными вещами, добытыми при раскопках иных археологических памятников на суше.

Привязка исторического Чигу к определенному городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города-ставки усуньских правителей-кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но и прочную фактологическую базу на основе беспристрастных и многочисленных археологических материалов. отождествление городища Сарыбулун с Чигу позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историко-познавательное, но и научное значение. Важнейшие из них:

- Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н. э., как это представлено в некоторых современных трудах зарубежных ученых. Он уже существовал,

и только впервые упомянут в китайских летописях в связи с событиями того времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше первого упоминания, что позволяет предполагать местоположение здесь ставки еще раннесакских вождей.

- Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.
- Культура оседлого населения Прииссыккуля в I тыс. до н. э. была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений и прежде всего Ферганы.

Сведения, принесенные в Китай послом и путешественником Чжан Цянем, получают археологическое подтверждение о Великом Шелковом пути.

Сегодня, пришедший на берег Тюпского залива путник или опустившийся здесь под воду аквалангист может сам прикоснуться к древним реликвиям некогда затонувшей столицы. Студенты КРСУ в каждый полевой сезон, проходя на Иссык-Куле археологическую практику, собирают регулярно целую коллекцию керамики, бронзы, каменных зернотерок и рудотерок античного времени.

5. Кой-Сары — средневековое городище, затопленное на рубеже XV–XVI вв. и «вышедшее» из-под воды обмелевшего озера уже в XX в. недалеко от г. Каракола, областного центра на юго-восточном побережье Иссык-Куля, в 1894 г. обследованном В. В. Бартольдом. В 1926 г. П. П. Ивановым здесь был найден камень с тюркской письменностью (так называемый «орхоно-енисейской»), который позже бесследно исчез. В 1960-х гг. Д. Ф. Винником проведены частичные раскопки городища на уже обнажившемся дне озера. Обнаружены керамические трубы водопровода, остатки городских стен из жженого кирпича, глиняная посуда, изделия из металла, монеты, каменные зернотерки средневекового периода. Найден некрополь

с групповыми захоронениями, отданными отступившими водами озера.

6. Барсхан (Барскоон). Средневековый арабский географ Гардизи приводит следующую легенду об основании города Барсхан.

...Александр Македонский, покорив в 334—329 гг. до н. э. персидскую державу, взял в знатных семьях заложников, дабы предотвратить возможные мятежи. Отправляясь в поход на Китай и Индию, он взял было с собой и заложников, однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить знатных персов на берегу Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь городок на свой манер, а местности дали название Барсхан. Живописцы разукрасили дома полихромным многоярусным панно, наподобие согдийских, уструшанских и тохаристанских. Но, судя по всему, часть города вскоре оказалась под водой, а вторая часть осталась на возвышенном плато озера. Исследованием их еще предстоит заняться.

Вместе с В. П. Мокрыниным мы обнаружили на побережье современного с. Барсхан бронзовые бляшки с изображением хищных кошачьих морд (барса или тигра), относящиеся по времени к сакскому периоду, т. е. борьбы среднеазиатских саков с воинами Александра Македонского. Аналогичные, синхронные по времени бляшки найдены казахскими археологами в 1969 г. при раскопках сакского кургана Иссык (что расположено между озером Иссык-Куль и городом Алматы). Только иссыкские бляшки были золотыми, сохранившись в обширной коллекции неразграбленного кургана, а барскаунские — бронзовые, с бракованными отходами, что позволяет уверенно говорить об их местном производстве.

Коллекция кургана Иссык содержала сотни предметов из золота и серебра. Примечательно наличие серебряной чаши с сакскими письменами, которые еще не прочитаны,

их только предстоит дешифровать. Происхождением из Барсхана можно считать и серебряный кубок сакского времени, украшенный полтора столетия спустя арабской надписью в честь караханидского кагана (пока находится в частной коллекции).

7. В прибрежных водах Дархана и Саруу нами были обнаружены бронзовый сакский кинжал (акинак) и бронзовый жертвенный котелок.

Другие археологи находили на южном побережье Иссык-Куля большие жертвенные котлы из бронзы, жертвенные столики, украшенные бронзовыми фигурками зверей, камни (кайраки) с крестами и христианской эпитафией.

Все это побудило нас организовать специальную археологическую экспедицию на Иссык-Куль в поисках памятников культурного наследия древней и средневековой цивилизации.

В целом на Иссык-Куле было немало обнаружено твердо датированных находок, свидетельствующих о торговых связях. Это нумизматические клады. Первые известия о кладе серебряных монет на Иссык-Куле относятся к 1847 г., когда в местности Каракол (современный областной центр) было собрано 96 серебряных монет, отправленных в свое время в Археологическую комиссию в Санкт-Петербург. В основном это монеты караханидской чеканки (XI–XII вв.), но встречались и серебряные римские динарии I–XI веков новой эры. Одна из известных, опубликованная М. Н. Федоровым в нашем сборнике¹, относилась к правлению императора Диоклетиана (Александрия, между 284 и 305 г. н. э.). Монеты, связанные с торговыми операциями, точно датируют памятники, поэтому особой мечтой археологов является обнаружение монет в подводных развалинах.

¹ Федоров М. Н. Находка медной римской монеты / Сб. Археологические памятники Прииссыккулья. Фрунзе, 1975. С. 83–86.

К новым, открытиям Иссык-Кульской экспедиции

Экспедиция (руков. В. Плоских) с 1985 г. занималась археологическими исследованиями на Иссык-Куле, первоначально от кыргызской Академии наук, в 1994 г. она продолжила свою деятельность уже на базе только что организованного Кыргызско-Российского университета, совместив полевые исследовательские работы с краеведческой практикой студентов. В экспедиции приняли участие как опытные археологи (нач. отряда к. и. н. В. Мокрынин), краеведы (заслуж. учитель республики В. Ратман), так и постоянные или временные члены предшествующих экспедиций — М. Эктов, Ю. Бородин, к. и. н. Г. В. Харченко. Среди студентов-практикантов первого курса выделялся своей увлеченностью археологией Асан Торгоев. К слову сказать, именно он по материалам этой разведочной экспедиции вокруг Иссык-Куля подготовил и опубликовал путеводитель «По памятникам Великого Шелкового пути». Сейчас, Асан — аспирант Санкт-Петербургского Института материальной культуры РАН, работает в Эрмитаже, заканчивает кандидатскую диссертацию по археологии и приезжает к летнему полевому сезону на Иссык-Куль. В. П. Мокрынин, Г. В. Харченко и В. Г. Ратман были тем научным и педагогическим костяком экспедиции, который обеспечил ее успешную научную работу и педагогическую практику студентов не только в первый год работы, но и в последующие полевые сезоны.

Летом 2003 г. кроме ученых Кыргызско-Российского Славянского университета и Национальной академии наук (В. Плоских, руководитель; к. и. н. А. М. Камышев, ст. преподаватель С. М. Громова, научный сотрудник НАН КР В. А. Кольченко, аспирант А. Торгоев, к. ф. н. Г. Д. Данильченко, к. п. н. Е. А. Бондарь), в работе экспедиции приняли участие аквалангисты конфедерации подводной деятель-

ности России под руководством профессора С. С. Прапора и к. и. н. С. Лукашовой (Н. Лукашов, В. Кирик, С. Грушевский), а также научные сотрудники Чолпон-Атинского музея Н. Рымбекова и Р. Нурмаметов.

Для съемок видеофильма с нами работала группа кинооператоров студии «Эпос» под руководством Е. А. Котлова.

Цель комплексной разведочной экспедиции 2003 г. была конкретной:

- фиксация новых подводных историкоархеологических объектов первого тысячелетия до н. э.;
- продолжение раскопок катакомбного могильника на окраине Каменского городища;
- попытка локализации на местах легендарных кладов;
- выявление новых средневековых памятников городской и кочевой культуры;
- определение места затонувшего средневекового христианского монастыря и собрание сведений о мощах Святого Матфея Евангелиста.

Упорство и настойчивость в поиске, глубокая убежденность в возможности новых уникальных находок в сочетании с подоспевшей неожиданно финансовой подпиткой и приездом московских аквалангистов, привели в прошедшем полевом сезоне 2003 г. к поистине уникальным открытиям.

В заливе Кара-Ой, что вблизи с. Чолпон-Ата, на расстоянии 2,5 км от берега и на глубине около 5 м, было обнаружено два бронзовых жертвенных котла (в 10 м друг от друга).

По словам московских аквалангистов-дайверов: *«Рассмотрев извлеченные на свет изделия, все ахнули. Два изумительно сохранившихся, литых из бронзы жертвенных казана сакского периода. По предварительным данным, возраст затонувшего клада насчитывает около 2,5 тысяч лет. О такой удаче могут лишь мечтать археологи всего мира».*

Зарисовки и обмеры произведены археологами КРСУ С. М. Громовой и В. Кольченко. Большой котел был обнаружен московским историком-аквалангистом Светланой Лукашовой. Во время погружения занесенный грунтом, он стоял устьем вниз, и был виден только нижний ободок поддона.

Раскопки и подъем котла были осуществлены на другой день с использованием лодки, катамарана и лебедки. Он поразил в первую очередь своей хорошей сохранностью и почти полной неокисленностью. На боках котла и на поддоне бронза сияла цветами от лимонно-желтого до красновато-желтого. Практически зеленовато-бирюзовых окислов на котле не было.

Параметры большого котла:

Общая высота — 60 см. Диаметр тулова — 57–58 см. Диаметр нижнего основания конуса ножки — 24,5 см.

Вокруг припаянного к котлу верхнего основания конуса видны следы бывшей пайки другого поддона. Совершенно очевидно, что поддон был заменен на новый. Следы пайки внутри поддона хорошо видны и не очень аккуратны.

Котел № 2 (малый) на трех ножках:

Высота — 30 см. Диаметр тулова — 42,5 см. Высота ножек — 7,5–8 см (все три оканчиваются как бы птичьей лапой из четырех пальцев).

С внешней стороны котла на дне имеются следы наливки в виде круга с двумя прямыми параллельными выступающими линиями. Диаметр круга — 9–9,5 см. (возможно, клеймо мастера?)

Так охарактеризовал свое первое впечатление от увиденного профессор Станислав Прапор: *«Мы опускались*

под воду во многих морях и океанах планеты. Но чтобы всего за неделю со дна в таком количестве были извлечены столь уникальнейшие предметы многотысячелетнего возраста — в нашей, да и в мировой практике подводной археологии, — случай небывалый.

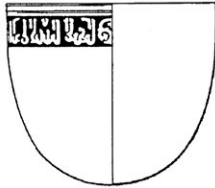
Мы любовались бронзовым жертвенным котлом, на боках которого переливалось солнечное сияние. Сосуд прекрасно украшен: в художественной манере выполнены витые ручки. Казан поменьше, покоился на сработанных древним мастером птичьих ножках. Наконец-то провидение повернулось к нам лицом. Дух захватывает, когда думаешь о том, что скрыто под волнами благословенного озера. Речь даже не о кладах, а о несметных богатствах, которые мы просто не имеем права не извлечь на свет Божий. Это наш долг перед потомками!».

Находки свидетельствуют о распространении металлургии и литья среди саков в середине I тыс. до н. э., о наличии торгово-ремесленных центров, к которым были привязаны скотоводы, ведущие кочевой или полукочевой образ хозяйствования и жизни.

Уникальной по исполнению и содержанию является находящийся ныне в частной коллекции серебряный кубок XI в., информацию о котором приводят М. Н. Федоров и А. М. Мокеев¹. Кубок сделан из серебра 903 пробы, вместимость 1,8 литров, высота 13,7 см, диаметр 15,6 см.

Вид кубка напоминает бронзовые котлы древних кочевников-саков, хорошо известных по Иссык-Кулю и широко распространенных в Центральной Азии, Европе и Сибири. По предположению М. Федорова кубок первоначально

¹ Федоров М. Н., Мокеев А. М. Серебряная чаша XI в. из Кыргызстана // Российская археология. 1995. № 1. С. 165–174; Fedorov V. Apropos Silver Goblet with Qarakhanid. Inscription // Sonderdruck aus: Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. — В. 153. Heft 1. 2003. Pp. 101–101.

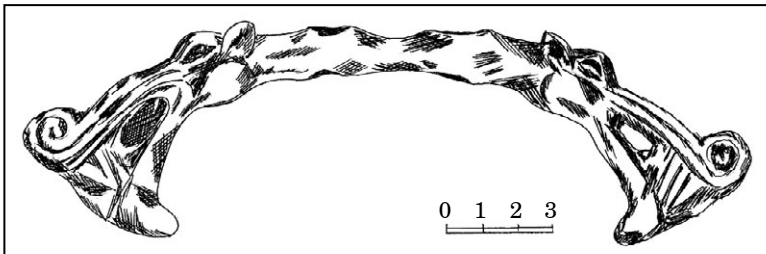

**Серебряный кубок
караханидов. XI в.**

беждающий, опора государства и правый путь религиозной общины Тогрул-карахакан, приближенный Повелителя правоверных» (т. е. халифа).

О вторичном использовании ритуальных сакских котлов в течение двух с половиной тысячелетий свидетельствует бурханизм тюрков Саяно-Алтая. На небесном жертвоприношении веками традиционно использовались сакские бронзовые котлы, считавшиеся священными, что было связано с почитанием солнца¹.

В прошедшем полевом сезоне наиболее впечатляющей находкой стал также бронзовый псалий — часть конской упряжи.

¹ См.: Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003. С. 163.

Псалии — это парные части узды, которые крепятся к удилам. Длина псалия — 20,5 см. Псалий изготовлен способом литья по восковой модели. Несомненно, как часть парадной упряжи, он является художественным изделием. Отливка выполнена в виде двух голов хищников, смотрящих в разные стороны (возможно, пантеры), челюсти хищников неестественно вытянуты, пасть раскрыта, верхняя губа как бы закручена вверх на конце, а нижняя имеет подобие бороды, соединены челюсти стилизованными зубами.

Своеобразие «звериного стиля» заключается именно в сочетании чисто декоративного начала с реалистической передачей облика зверя.

Сама отливка не очень хорошего качества, есть диспропорции в скульптурном изображении двух равноудинаковых фигур. При литье имеются огрехи: трещинки и каверны. Тем не менее, находка псалия очень значима и уверенно датируется V–IV в. до н. э.

Качественный спектральный анализ бронзовых изделий со дна Иссык-Куля, проведенный в Кыргызско-Российском Славянском университете, в совокупности с другими показателями свидетельствует о местном производстве находок.

Таким образом, обнаруженные сакские кинжалы-акинаки, новые жертвенные котлы из акватории Кара-Ой и одиночный псалий, являются традиционными именно для Иссык-Куля и Семиречья в целом и могут быть датированы V–IV вв. до н. э. или, возможно, несколько более поздним периодом — III в. до н. э. — временем активного зарождения ряда кочевых государств Центральной Азии: от гуннской империи до государств Кангюй, Давань, Усунь и Кыргыз, известных по китайским письменным источникам.

Оформленные или украшенные традиционным «звериным стилем» сако-усуньского времени, обнаруженные на дне Иссык-Куля предметы материальной культуры вписываются в заключение Ю. Н. Рериха, вынесенного им из экспедиции по Центральной Азии: «*Несмотря*

на сложный характер искусства кочевников, мы можем утверждать, что существовал общий источник, из которого черпали свое восхищение художники Центральной Азии, где, как показывают современные исследования, и находится центр кочевой культуры»¹.

Этот тезис вполне соответствует современной концепции кочевой государственности и подтверждается новыми археологическими находками со дна Иссык-Куля.

В связи с последними археологическими находками вполне уместно поставить вопрос о существовании на Иссык-Куле городов-поселений сакского времени, с развитым металлургическим ремеслом и земледелием, со своей духовной культурой и верованиями. Как заключает известный российский археолог, теоретик истории культурного наследия народов Центральной Азии проф. В. М. Массон: «Возможно, значительный сакский центр располагался на берегу Иссык-Куля, как свидетельствуют работы, проведенные усилиями подводной археологии. В числе находок здесь имеются раннекочевнические удила, псаши и предметы вооружения. Особое значение имеют многочисленные каменные изделия, в том числе зернотерки и орудия, связанные, как показала трасологическая оценка Г. Ф. Коробковой, с металлургией. Не исключено, что под воду ушел важный центр сакского общества, который в основном известен по погребальным памятникам»².

Завершая эту тему, вновь обратимся к страницам книги Ю. Н. Рериха: «За два тысячелетия волны неукротимых кочевых племен, следовавшие одна за другой, основали здесь могущественную цивилизацию и поглотили коренное население. В течение столетий, древний кочевой путь,

¹ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. М., 1991. С. 134.

² Массон В. М. Политогенез степных обществ и кочевые империи // Проблема политогенеза кыргызской государственности: Документы. Исследования. Материалы. Бишкек. 2003. С. 108.

один из старейших исторических высокогорных путей Азии, идущий к северу от Небесных гор или Тянь-Шаня и соединяющий высокогорья Монголии со степными территориями, расположенными севернее Каспия и Черного моря, оглашался топотом скачущих орд. Мы до сих пор не в состоянии постичь истоки этого могучего движения народов, которые, будучи привлечены центрами древней

культуры, вступили на путь завоевания и разрушения границ Китая и Римской империи»¹.

Сегодня, когда уже выявлены и введены в научный оборот сотни, тысячи, десятки тысяч письменных первоисточников древней истории, только памятники материальной культуры, скрывающиеся под землей или толщами волн, выявленные, раскопанные и исследованные археологами позволят раскрыть тайны веков. Ждет своего часа и таинственный Иссык-Куль.

Как образно сказал В. П. Филатов в стихотворении об Иссык-Куле, посвященном одному из основателей подводной археологии Р. А. Орбели:

«В былые годы, в век минувший
В меня был город погружен,
И этот город потонувший
Доныне мною сохранен...
Участники гигантской драмы
В моих водах нашли конец.
О, небо, ты увидишь храмы,
Среди зубчатых стен — дворец»².

Так что будем надеяться, еще все впереди. Иссык-Куль ждет своих исследователей!

¹ Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. С. 109.

² См.: Плоских В. Иссык-Куль: путешествие в историю. С. 42.

II

КЛАД ЧИНГИСХАНА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Что заставляет людей искать сокровища? Легкая нажива, романтика или желание подарить науке открытие, или народу — еще одно чудо света — сказочные богатства минувших поколений?

Тема клада является мигрирующим сюжетом в фольклорном творчестве многих народов мира. Древние сокровища окутывались таинственностью и мистикой, связанной с потусторонней силой. А в наши дни? Недалеко мы ушли от средневековых предков. Находится еще немало людей, одержимых кладоискательством, идея которой «подогревается» прессой.

Не избежали этого соблазна и мы. Ибо проверка легенд, мифов, исторических преданий на их научную достоверность все же нет-нет да и приносила успехи. Классический пример тому — находка немецким археологом Г. Шлиманом, поверившим в гомеровскую Троию древнегреческого эпоса и раскопавшим в 1870-х годах так называемый клад Приама, — золотые и серебряные сосуды,

Чингисхан

³ Том IV. В. М. Плоских

украшения, ритуальные предметы и пр. Хотя для ученых клады — это не столько драгоценности, сколько предметы культурного наследия человечества.

История и мифология клада

Древнейшие клады Кыргызстана были зарыты в землю примерно 3 тысячи лет тому назад. Все эти сведения фокусировались исследователями на различных по своему характеру и значимости археологических материалах. Дело в том, что археологическое понятие «клад» не адекватно обывательскому. Ученые «кладом» считают скопление древних предметов в одном месте, «схороненных», спрятанных в разные времена по тем или иным причинам. Это может быть коллекция оружия или керамических сосудов, монет или украшений. Но, конечно, — и драгоценности, имеющие огромную стоимость и в наше время.

Ученые по крупицам на протяжении многих десятилетий собирали сведения о кладах, да и сами клады. Свою лепту в этот общий труд внесли и историки Кыргызстана.

Известно, что во времена древних кочевников зеркало озера Иссык-Куль было намного меньше, чем в наши дни. Там, где сейчас плещутся волны, люди сажали деревья, строили дома, насыпали высокие курганы, пролагали дороги. Позже озеро стало наполняться, выходить из берегов и затопило целые селения и городища, следы деятельности человека. Теперь после шторма на побережье Иссык-Куля находят выброшенные волнами древние изделия, а рыбаки и археологи не раз натыкались на них и под водой¹.

Как бы то ни было, поиски продолжаются, а периодические публикации об Иссык-кульских сокровищах вселяют

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988. С. 159–164.

веру и надежду на их существование. Два полевых сезона в 2001–2002 гг. поисками клада Чингисхана и раки Святого Матфея на Иссык-Куле и съемкой видеофильма занимался телепродюсер из США, глава телевизионно-издательского холдинга «IPV NEWS USA» Сергей Мельникофф. Но пока о его находках мы ничего не знаем, еще не видели и видеофильма.

Восточные мыслители средневековья, пораженные первозданной чистотой и красотой озера Иссык-Куль, связывали легенды и клады с именами великих исторических деятелей – Александром Македонским, Чингисханом и Тимуром.

Так что это за легенды?

Одна кыргызская молва связывает, в первую очередь, караван сокровищ непосредственно с Чингисханом. Когда в 1227 году великий завоеватель умер при осаде столицы храбрых тангутов, то его сыновья якобы имитировали похороны великого завоевателя в Ордосе (Монголия), а на самом деле тайно отправили его тело вместе с несметными погребальными сокровищами на Иссык-Куль, где Чингисхан и был похоронен¹.

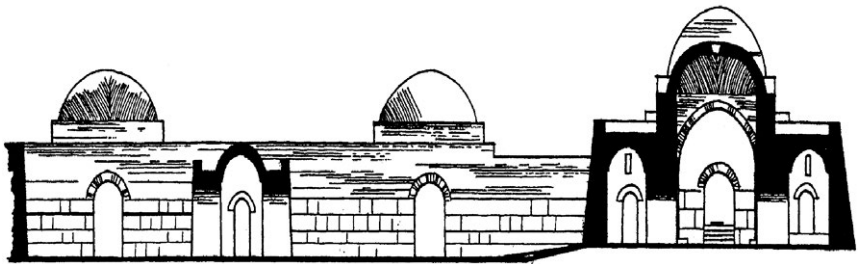
Кыргызские аксакалы уверяют, что монголы под руководством владетеля этих мест любимого сына Чингисхана, Чагатая, соорудили из сверхпрочной смолистой горной арчи большой гроб, в который уложили тело усопшего, нагрузили его сокровищами из золота и серебра и опустили в бездны Иссык-Куля. Оставшиеся погребальные ценности нашли приют в горой пещере, которую затопили, отведя воды близ протекавшей речки Курменты.

¹ Кыргызы. Исторические предания и легенды / Сост. А. Газиев и др. Бишкек, 2003. С. 53.

Народными преданиями нельзя пренебрегать. Могилу завоевателя не нашли лучшие специалисты мира ни в Монголии, ни где-либо в других местах.

Согласно средневековым письменным источникам Чингисхан прожил 72 года и умер в 1227 году. Персидский историк Рашид-ад-дин (XIII–XIV вв.) записал: *«В пятнадцатый день среднего месяца осени года свиньи, соответствующего месяцу рамазану 624 г. (29 августа 1227 г.), он покинул этот тленный мир, оставил престол, владения и государство своему именованному уругу»*¹.

Умер Чингисхан при осаде столицы Тангутского (Си Ся) государства города Нинься в Северном Китае. Тело его, согласно историческим источникам, было увезено в Монголию, к его главным ордам, где императора оплакивали царицы, жены, придворные. Согласно китайским источникам похоронили его там же на горе Буркан-Калдун, в месте, которое давно было указано самим ханом². Но место это, как и само захоронение Чингисхана, и ныне не опознано, что и порождает многочисленные легенды.

Христианский храм (в разрезе). VIII в. н. э. Суяб

¹ См.: *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир // Чингисхан: личность и эпоха. Бишкек, 1993. С. 223.

² *Владимирцов Б. Я.* Чингисхан // Чингисхан. Сер. Исторический портрет. СПб., 1998. С. 207.

Существует еще одна легенда, которая связывает имя Чингисхана, конкретно с сокровищами христианских монахов средневекового Кыргызстана¹.

Монгольские всадники, грабя население и разрушая все на своем пути, двигались по Семиречью. Христианская колония, находящаяся близ города Баласагуна – столицы Караханидского каганата – была обеспокоена заботами о сохранении своих многочисленных богатств. Начали снаряжать караван. Десятки верблюдов были нагружены золотом, серебром и церковной утварью. Под видом торгового каравана монахи спешно покинули город.

Лишь тысячелетие спустя археологи раскопали два христианских храма в Чуйской долине, на месте средневекового города Суяб².

Одиссея Курментинского клада

Пройдя Кегетинским урочищем, караван спустился к Иссык-Кулю и, свернув в сторону от традиционного тракта, пошел по северному побережью озера. Передышку сделали лишь у монастыря на берегу озера. Здесь тайно затопили часть богатств. Заменяв уставших животных свежими, спешно двинулись дальше. У Тюпского залива караван стала догонять высланная вслед монгольская погоня. Впереди ожидала засада встречных отрядов монголов. Караван оказался зажатым между всадниками Чингисхана, хребтом Кунгей Ала-Тоо и озером. Монахи спешно нашли укромное место

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Клады в Кыргызстане: мифы и реальность. С. 146–154.

² Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды КАЭЭ. Фрунзе, 1959. С. 231–233; Семенов Г. Л. Раскопки 1996–1998 гг. / Суяб. Ак-Бешим. СПб, 2002. С. 11–114.

в ущелье по левому берегу речки Курменты. Вокруг — валуны и огромные плоские камни. Мерный шум и бурлящие заводи реки. Безлюдно.

По ущелью сверху к озеру тянулась цепочка древних курганов — намогильных памятников некогда могущественных вождей кочевников. Надежный ориентир для археологов.

Согласно преданиям, проводники наметили потайную пещеру на 25-метровой высоте. Пещера уходила в сторону и вниз на десяток метров. Было темно и сыро. Монахи с трудом расширили основание пещеры, подняли тюки с золотом на себе по крутым склонам и в беспорядке побросали и вниз. Тускло светили факелы. С лишними свидетелями монахи разделались просто: убили погонщиков верблюдов и грузчиков. Клад заложили плитами, засыпали двухметровым слоем земли и камнями.

Чтобы скрыть все следы, к пещере провели воду из реки, а в наполненное озеро из пещеры для маскировки спустили тушу черного быка и набросали слой из оленьих рогов. Заканчивали работу монахи в мрачном одиночестве. Замаскировали вход в пещеру. Место запомнили по валуну, который пометили христианским крестом. Страшной клятвой поклялись хранить тайну и ни под какими пытками не выдавать богатства и христианские реликвии диким завоевателям. И растворились поодиночке в темноте.

Камень стал священным. В последующем, даже многие века спустя, паломники издалека приходили поклониться молчаливому стражу с христианскими реликвиями.

Местные аксакалы-старожилы рассказывали, что в свое время в поисках этого клада христиан, запрятанного от Чингисхана, принимал участие известный кыргызский ма-нап Шабдан Джантаев со своей дружиной, и в молодости даже будущий генерал советской армии Н. Г. Лященко, уроженец этих мест.

Таковы легенды и предания.

Поиски и раскопки клада

В начале XX века в русских эмигрантских кругах Восточного Туркестана неожиданно всплыла легенда об иссык-кульском кладе.

Некий священник со своим товарищем Успенским, бежавшие на чужбину после революции, мечтали когда-нибудь возвратиться на родину. Однако, судьба распорядилась иначе. Уже будучи на смертном одре духовник раскрывает своему другу тайну клада с условием, что Успенский употребит найденное на пользу отчизны. В сокрытии сокровищ якобы участвовали предки священника, скрываясь от нашествия Чингисхана на Семиречье. Он также передает подробный план, на котором было отмечено место хранения клада на северо-восточном побережье озера Иссык-Куль.

Когда в 1919 году по декрету Советской власти эмигранты получили возможность возвратиться на родину, вернулся на Иссык-Куль и Успенский. Заветный план клада будоражил его воображение.

Освоившись с новым положением, Успенский (назвавшись И. А. Усенко) стал изучать верховья рек Тюп и Курменты, сверяя план с местностью. Наконец, отправная точка поиска была найдена. Нашлась и группа энтузиастов — старожилы И. И. Кочергин и С. М. Галкин. После тщательных сборов приступили к раскопкам.

Слой земли чередовался со слоем рогов, затем — снова земля и человеческие кости. Далее — мощные плиты с надписями, прикрывающие, согласно рассказу духовника и плану, сам клад. Здесь нашли два молотка — один золотой, другой серебряный, оставленные на плитах «забывчивыми» хозяевами. Перед завершающим этапом раскопок решили отдохнуть, но тут неожиданно произошел обвал — пещера вновь оказалась завалена горной породой. Земля не решалась делиться с людьми своим сокровищами, да и местные власти, узнав о кладе, запретили работы.

На этом заканчивается первый этап поиска клада. Эти события и рассказ о них также можно было бы отнести на счет многочисленных легенд, если бы в 1930 г. один из раскопщиков И. И. Кочергин не сдал в контору Пржевальского «Золотоснаба» золотой молоток, что было тогда же зарегистрировано документально.

Интерес к так и не обнаруженному кладу христиан не угас. Наоборот, разрастался совсем уж мифическими подробностями. Надо сказать, что после революции слухи о всевозможных кладах пользовались большой популярностью, да и имели под собой немалые основания. Богачи и разбойники в смутные времена зачастую прятали ценности в укромных местах. Ходили разговоры о несметных богатствах «царских» курганов. Археологи уже приступали к работам: археологическую карту составлял П. П. Иванов, вскоре начали раскопки крупных курганов ленинградские археологи М. П. Грязнов и М. В. Воеводский. Поэтому и действия кладоискателей в Восточном Прииссыккулье никого особенно не удивили, а они начали копать в соответствии с отмеченной на плане точкой у молитвенного камня. Однако и этот этап поисков клада не увенчался успехом.

Миновала война. В 1952 г. Усенко, Кочергин и Галкин уже официально обращаются к властям столицы с просьбой финансировать новые раскопки. Заявители нашли неожиданную поддержку в правоохранительных органах Кыргызстана, выделивших для этих целей солдат.

В раскопках официальное и непосредственное участие приняли заместитель начальника Управления КГБ республики Д. М. Малабаев (ныне доктор исторических наук из Национальной академии), прораб геологического управления В. Н. Голубин, прораб геологической партии Геологуправления республики П. Аханов и включенные в состав экспедиции А. И. Усенко, И. И. Кочергин и С. М. Галкин. Наверняка были основания, коли в строгой секретности

поисками клада на Иссык-Куле занялись такие серьезные организации.

Поиски клада и раскопки продолжались с 22 октября 1952 г. вплоть до марта 1953 г. По легендарной версии, в одной из пустот и находится клад христианских монахов. Однако работы довести до конца не представилось возможным. Из-за смерти И. В. Сталина и начала новой политики в СССР сотрудникам КГБ стало просто не до поиска кладов. Раскопки законсервировали, лаз закрыли бетонной плитой и... надолго забыли о нем.

В 1968 г. кыргызский генерал-майор милиции Э. А. Алиев — свидетель и участник первых поисков — официально обращается к председателю Совмина республики Суюмбаеву: *«Меня и сослуживца, бывшего начальника ОБХСС Иссык-Кульской области Тов. Фомичева, до сих пор волнует судьба клада и почему прекращены раскопки. Прошу Вас рассмотреть данный вопрос, так как клад представляет большую ценность для государства»*. И это обращение осталось без ответа.

В 1975 г. Э. А. Алиев повторил запрос уже в три адреса: Совет Министров, Комитет госбезопасности и Президиум Академии наук с предложением продолжить поиски клада.

Летом 1975 г. Президент Академии наук академик К. Г. Каракеев направил в Совет Министров республики письмо следующего содержания: *«Сообщаем, что районы Иссык-Кульской котловины и Таласской долины имеют много археологических памятников, с которыми народная молва нередко связывает всевозможные легенды. При проверке большинство подобных приводимых в письме известий оказываются мифическими. В настоящее время научные исследования, запланированные в Академии наук, связаны с актуальными народно-хозяйственными проблемами и не предусматривают проведения археологических и геолого-шурфовочных работ по р. Курменты и Ак-Тюбе. Поэтому в ближайшее пятилетие проверить сведения*

и начать работы по разысканию упомянутого клада (вероятнее всего, легендарного), требующие больших ассигнований, не представляется возможным».

Убедить прежних руководителей властных структур о создании экспедиции и ее финансировании не удалось.

Мечта о кладах постоянно будоражит воображение. В данном случае отправной точкой была не пустая молва, а хорошо документированные сведения, исходящие от людей, в компетентности и правдивости которых сомневаться было бы грешно. Во всяком случае, тогда подполковник, а ныне доктор исторических наук Д. М. Малабаев и персональный пенсионер В. Н. Голубин и сейчас убеждены, что клад существует, нужно им только серьезно заняться.

Многое из легенды о кладе Чингисхана подтверждено практическими работами: были пустоты под скалой, был ход-перекоп к ним, были каменные плиты с неизвестными письменами, был золотой «молоток», сданный государству одним из раскопщиков (о чем имелась документальная запись), был даже жертвенный бычок.

27 августа 1975 г. всесильная партийная газета «Правда» в статье «Возвращение к тайне» сообщила о том, что Министерство внутренних дел СССР занимается поисками клада Чингисхана на Иссык-Куле.

В 1976–1977 гг. Кыргызское геологуправление, проверяя легенды о кладах, секретно проводит зондирование местности в районе Курменты и дает заключение, что не исключено наличие в глубине цветных металлов. Намеченные мероприятия позволят получить однозначный ответ о наличии захоронения древнего клада в указанном районе до глубины 50 м. Рекомендуются дальнейшее целенаправленное изучение объекта археологическими методами¹.

¹ Из письма заведующему промышленно-транспортным отделом ЦК КП Киргизии А. Д. Джумагулову. «О древнем захоронении клада в районе реки Когурта (Курменты). Исх. 8/1376 от 04.05.77.

В 1980-х годах кыргызские археологи несколько сезонов изучали подводные развалины на дне озера. Успех превзошел все ожидания: было обнаружено 12 затопленных городов и поселений. Наиболее ценным и перспективным для изучения оказалось городище на южном побережье Иссык-Куля, напротив Курментинского залива под водами Тюпского залива. Аквалангисты из Москвы находили, казалось бы, невозможное: бусину из гагата индийской работы, золотые бляшки и многое другое, а также были обнаружены остатки монументальных построек дворцового типа, каменные изваяния, множество керамики.

В 1985 г. Иссык-Кульская экспедиция, возглавляемая доцентом В. П. Мокрыниным и профессором В. М. Плоских, на дне Тюпского залива обнаружила следы крупного городища. Находки свидетельствовали, что оно существовало примерно в первом тысячелетии до н. э. экспедиции удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов домашнего обихода, которая дает представление о культуре, жизни и быте древнего города. Нами была выдвинута гипотеза, что это развалины бывшего города Чигу – ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле. Последующие исследования археологов в союзе с московскими аквалангистами и новые находки все более убеждали в обоснованности гипотезы. Так была открыта столица усуней (город Чигу).

С начала 1990-х годов до настоящего времени газеты «Вечерний Бишкек», «Слово Кыргызстана», «Дело №», «Ваш адвокат», «Эксклюзив», «Заман», «Ала-Тоо», «Кут билим», «Московский комсомолец» в Кыргызстане», «Комсомольская правда» публикуют материалы, посвященные тайнам сокровищ Чингисхана.

Вокруг озера Иссык-Куль было обследовано много памятников древностей: величественные насыпи царских захоронений V–III вв. до н. э. В некоторых из них археологами были обнаружены диадемы из драгоценных металлов

и золотые украшения, а также золотые фигурки животных прекрасной работы. Из девяти таких кладов, найденных в Кыргызстане, на территорию Иссык-Куля приходится семь. Часть этих драгоценных находок украшает один из залов Эрмитажа. Это уже реальность, но существует и миф. Миф о еще не найденном кладе.

Сенсационные сообщения научной археологической экспедиции лета 2003 года о находках древних культовых котлов из бронзы на дне озера лишний раз подтверждают гипотезу, что клады существуют, и любая информация о них может привести к успеху, касается ли это могильников с культовыми захоронениями, подводных памятников культурного наследия далеких эпох или сокровищ завоевателей.

Курментинский «клад Чингисхана» все еще ждет своего часа.

III

ХРИСТИАНСКАЯ СВЯТЫНЯ НА ДНЕ ИССЫК-КУЛЯ?

Еще одна проблема, которой наша разведочная экспедиция уделяла большое внимание, — попытки выявить под водой или на берегу место локализации средневекового христианского монастыря на Иссык-Куле.

Из истории раннего христианства

Христианство стало проникать на территорию Кыргызстана буквально с первых веков новой эры.

По словам митрополита Среднеазиатского и Бишкекского Владимира, Апостол Фома или Фома-Блинец первым принес в Центральную Азию весть о Господе Спасителе: *«Дорога Апостола Фомы пролегала и по Киргизской земле, — пишет митрополит в своей книге, — через Ош и Узгент»*¹.

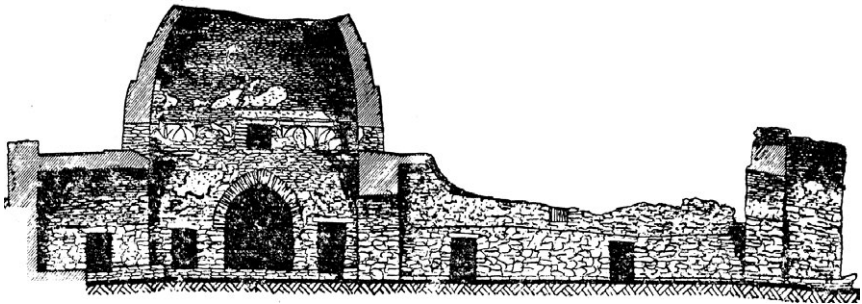

**Святой Апостол
и Евангелист Матфей**

¹ Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002. С. 20.

В древней Центральной Азии расцвет христианской веры начинается уже с III века н. э., приводя к образованию здесь своих митрополий, в том числе на земле Кыргызстана в городе Невакете (что в 35 км от Бишкека по дороге на Иссык-Куль). Процесс этот начал набирать силу где-то с середины первого тысячелетия новой эры. Самым древним памятником той давней эпохи на территории республики является церковь VIII в. в столице тюркских каганатов городе Суяб, что в Чуйской долине.

Основатели христианских церквей и монастырей были проповедниками оседлого образа жизни и городской культуры среди подавляющего большинства окрестного кочевого населения. А самым замечательным, сохранившимся до наших дней архитектурным памятником христианской обители на Тянь-Шане является Таш-Рабатский монастырь. Построенный на рубеже IX–X вв., он представляет собой стационарное жилище монастырского типа. Его функции со временем менялись. Позже здание использовалось как караван-сарай на одном из маршрутов Великого Шелкового пути.

Таш-Рабат Христианский монастырь. X–XI вв.

Имеются документальные свидетельства, что один из христианских монастырей находился и на берегу Иссык-Куля. По преданиям, именно с ним, связывают мощи

Святого Матфея, одного из последователей – Апостолов Иисуса Христа. Как считает митрополит Владимир, *«есть основания предполагать, что в Кыргызстане, на Иссык-Куле находится одна из величайших христианских святынь – рака с мощами Святого Апостола и Евангелиста Матфея.*

По теологическим преданиям, Матфей претерпел мученическую смерть от рук язычников за проповедь христианства в Сирии. Там-то вначале и хранились его мощи. Когда римский император объявил гонения на христиан во всех захваченных империей странах, верующие, опасаясь поругания святыни, перенесли раку в Среднюю Азию».

В христианских исторических преданиях говорится, что мощи Св. Матфея хранятся в монастыре армянских братьев на берегу озера Иссык-Куль. Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир уверен, что именно *«на киргизской земле нашло посмертное упоение тело Святого Апостола и Евангелиста Матфея. Как известно, мученическую кончину за Христа он принял в Сирии. Оттуда, по-видимому, еще во II или III веке, бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи Апостола были унесены в край, славившийся широкой веротерпимостью. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль; весь христианский мир знал о ее местонахождении»,* – пишет митрополит Владимир¹.

Каталанский атлас

Есть ли реальные подтверждения этим преданиям? Однозначно, да! Одним из важных документов является всемирно

¹ Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир. Земля потомков патриарха Тюрка... С. 22–23.

известный Каталонский атлас мира — произведение майорской школы картографии. А это не только высокий уровень изготовления, но и приложенные к картам легенды, т. е. пояснения на латинском языке. Изготовлен он примерно в 1375 году (или несколько позже). Атлас приписывают еврею Крескесу (Cresgues), сыну Авраама. Современные исследования подтверждают не только то, что автор был в состоянии репрезентативно составить такой атлас, служивший скорее украшением, чем практическим пособием для мореплавания, но и то, что среднее отклонение измеренных точек в Средиземном море составляет лишь 34 км — впечатляющая точность для того времени. Немецкий археолог, православный священник архидиакон Василий Кляйн в специальной статье проанализировавший сообщения Каталонской карты о христианском монастыре и мощах Святого Матфея на Иссык-Куле пишет, что атлас состоял из 6 листов, причем только 5–6-й листы включали отдельные части Средней Азии и азиатского континента. На 6-м листе атласа изображено озеро «Иссикол» (Yssicol), т. е. Иссык-Куль, на южном берегу которого обозначен армянский монастырь¹.

Интересным является тот факт, что озеро Иссык-Куль имеет на карте продолговатую форму и вытянуто с востока на запад. Это соответствует реальности, что само по себе необычно, поскольку остальные озера, известные только своим названием, изображались в форме круга. Иссык-Куль упоминается начиная с VII века в китайских и мусульманских источниках, в последних также под тюркским именем, которое употребляет и Крескес на своей карте. Если факт существования озера находит подтверждение на многих географических картах, то рисунок

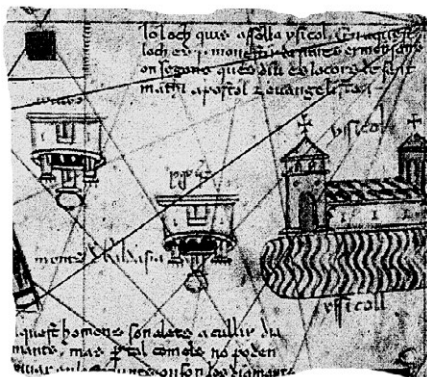
¹ См.: Кляйн В. География религий Средней Азии между реальностью и фикцией в Каталонском атласе (1375) // Проблемы политогенеза кыргызской государственности. Бишкек, 2003. С. 319–324.

здания на его берегу приводится впервые. К нему есть пояснение: «*Это место (не озеро!) называется Исикол (Ysicol). В этой местности расположен монастырь армянских братьев, где, как говорят, находятся (погребены) останки Св. Апостола и Евангелиста Матфея*»¹.

Вероятно, не само озеро вызывало особый интерес Крескеса, а изображенный на его берегу и упомянутый в пояснении монастырь.

К слову сказать, Каталанский атлас на русском языке до сих пор не опубликован, хотя и представляет серьезный научный источник.

Подтверждением присутствия на территории нынешнего Кыргызстана общины или небольшой группы армянских братьев является давно и хорошо известная находка армянского надгробия в Чуйской долине. На надгробии изображен украшенный крест, содержащий сокращенную надпись на армянском языке: «*Иисус Христос, Господь Бог*». Вокруг креста (в форме овала) написано по-армянски: «*Настоятель Иоанн армянский епископ. По армянскому летоисчислению в 112 (т. е. в 1323 г. н. э.) написан этот памятник*». На краю надгробия находится сирийская надпись: «*Это могила Йоханана, армянского епископа*». Направление армянского епископа в Среднюю Азию в начале XIV в. не удивительно. Армяне были в рядах монгольской армии и были депортированы в Каракорум.

Фрагмент Каталанской карты с монастырем и оз. Иссык-Куль (XIV в.)

¹ См.: Кляйн В. География религий Средней Азии...

⁴ Том IV. В. М. Плоских

Они торговали в китайских городах. Удивляться приходится лишь тому, что этот епископ вообще путешествовал в начале XIV в. через беспокойную Чуйскую долину. Объяснить это может только действительное существование монастыря — серьезная причина, которая потребовала приезда епископа.

Для нас чрезвычайно важно, где же конкретно находился этот монастырь? Мог ли он быть построен в Чуйской долине? Скорее всего — нет. Ведь в таком случае епископ Иоанн должен был быть похоронен недалеко от монастыря, и сирийская надпись оказалась бы излишней. Кроме того, это армянское надгробие не было бы тогда найдено вместе с остальными на несторианском кладбище. Это, скорее всего, возможно, только в случае отсутствия там армянской общины или братьев. Основываясь на немногочисленных известных нам фактах, можно все-таки сделать заключение, что монастырь располагался на Иссык-Куле, как и указано в Каталанском атласе. Судя по всему, это был монастырь, а не община, т. к. для общины или епископства не было достаточного количества верующих. Какое-либо большое поселение также отсутствовало. Даже у жителей в чисто христианском городе Тарсакенте (Чуйская долина) не было своего епископа. Таким образом, подтверждается теория о монастыре, довольно маленьком, который был создан так далеко и в таком труднодоступном месте, возможно с единственной целью — сохранить реликвию — мощи Св. Матфея и, возможно, материальные ценности церковной организации армянского братства.

Возникает и еще одно предположение: с XIV в. на Иссык-Куле, также как и на всей территории нынешнего Кыргызстана, существовало большое количество брошенных или разрушенных завоевателями городов и поселений, и в одном из них можно было разместить монастырь, а не строить его заново полностью.

И еще один вопрос: можно ли верить Крескесу, что монастырь располагался на южном берегу озера, как он изображен на карте? Это не обязательно. Имея в виду, что в северной половине карты надписи выполнены вверх ногами, можно предположить, что монастырь был изображен на южном берегу по эстетическим и этическим причинам. Возможно, Крескес хотел избежать перевернутого изображения монастыря, расположи он его на северном берегу. Но в пользу расположения монастыря на северном берегу могут выступать более благоприятные климатические условия. Однако, на южном берегу в деревне Сару были найдены несколько христианских надгробий. Кроме этого, дорога в Кашгар пролегла через Барскоон на южном берегу и уходила в горы, т. е. на южном берегу пути сообщения были лучше.

Но на основании рисунка трудно сделать выводы о месте расположения монастыря и его архитектуре.

Основная задача ученых как раз и заключается в том, чтобы:

- *во-первых*, точно определить местонахождение монастыря на Иссык-Куле;
- *во-вторых*, раскопать его, будь то на берегу, или под водой.

В этом направлении и ведутся нами научные поиски, разведочные археологические работы.

В Каталанском атласе множество данных о Средней Азии основано на мифах и догадках. Именно поэтому запись об армянском монастыре на Иссык-Куле вызывает особый интерес. Здесь фикция и реальность находятся рядом, но запись убедительная, она отражает достоверную информацию.

Исследования продолжаются

В свое время, в период путешествия на Тянь-Шань в 1856—1857 гг., русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский впервые опубликовал сведения о знаменитой Каталанской карте 1375 г., увиденной им в середине XIX в. в Венеции, об изображении на ней города и озера Иссык-Куль и на северном его побережье монастыря христиан (академики В. Бартольд и Н. Мар называют его армянским монастырем). П. П. Семенов упомянул, что христиане, бежавшие с Ближнего Востока (из Сирии) в глубь Азии, основали в XII в. свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Он же первый и привел в переводе на русский язык надпись с карты о монастыре, Матфее и Иссык-Куле.

Ученый не нашел на побережье следов монастыря, но высказал предположение, что он вполне мог быть построен в Курментинской бухте и позже затонул¹.

Полвека спустя, поблизости от затонувшей святыни в 1882 году был основан Свято-Троицкий мужской монастырь. Побывавший в этих местах в конце XIX века барон А. Каульбарс писал: *«Замечательно, что неподалеку от Иссык-Кульской Троицкой обители, у устья рек Тюп и Кой-Су сохранились под водой развалины древнего города. В этом городе, по предположению археологов, и существовал тот армянский монастырь, где находились мощи Евангелиста Матфея».*

Незадолго до Каульбарса это место посетил военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский. Он получил в подарок от местных кыргызов, в частности, сарыбагышского манапа Умбеталы, две медные (бронзовые) чаши.

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1946. С. 186—187.

Озеро Иссык-Куль. Фото из космоса

**Фрагмент каталанского атласа XV в.
с изображением христианского монастыря на оз. Иссык-Куль**

**Российские политики и военные моряки в гостях у археологов.
Иссык-Куль 2003 г.**

С. С. Прапор с подводным артефактом

**С. Иванов – министр обороны России в гостях у археологов.
Иссык-Куль 2003 г.**

Подготовка к погружению

Члены международной кыргызско-российской экспедиции

Место подводных изысканий

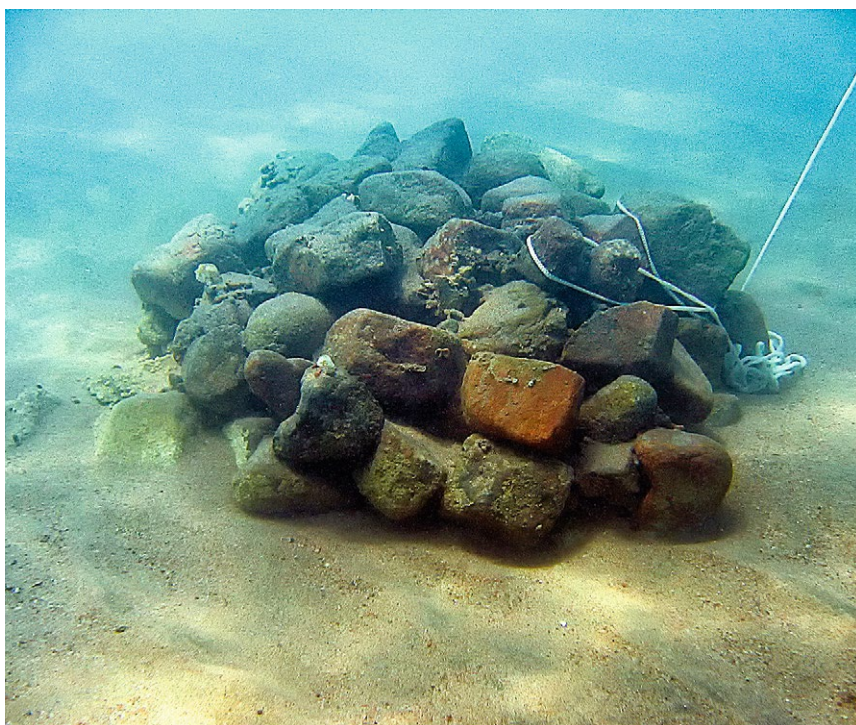
Члены международной кыргызско-российской экспедиции

Аквалангисты за работой

Артефакты сако-усуньской культуры со дна оз. Иссык-Куль

Курган под водой

Размытые погребения на дне оз. Иссык-Куль

Японские кинематографисты на оз. Иссык-Куль

Члены кыргызско-российско-американской экспедиции. 2012 г.

На одной из них арабской куфической вязью было выведено: *«Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслажденье»*. Чаша была поднята со дна Иссык-Куля при впадении в озеро реки Кой-Су¹. Судя по всему, чаша и надпись были сделаны в караханидское время (XI–XII вв.), когда по мнению П. П. Семенова-Тян-Шанского был основан и христианский монастырь.

Ранее мы упоминали о подобном серебряном кубке с южного побережья Иссык-Куля.

В архивной записке сведений о церквах Семиреченской области, составленной 1 февраля 1915 года одним из обследователей, записано: *«В 9 часов вечера 8-го сентября я прибыл в Иссык-Кульский Свято-Троицкий миссионерский монастырь, расположенный на северо-восточном берегу Иссык-Кульского озера в 41 версте от города Пржевальска. Замечательно, что вблизи монастыря, около устья рек Тюп и Кой-Су, сохранились под водой останки древнего города. В этом именно городе, по предположению ученых-археологов, и существовал армянский монастырь...»*.

В последние два года на Иссык-Куле поднялся настоящий бум в поисках затонувшего монастыря и раки с мощами Св. Матфея. Особенно активно действовал на этом поприще в 2002 г. «американец русского происхождения» Сергей Мельникофф². Но единоразовым кавалерийским наскоком такой проблемы не решить.

В ходе полевых разведочных работ 2003 г. нами был собран подъемный материал, в том числе два фрагмента

¹ ЦГА Р. Уз. Ф. И. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 1–3.

² См. газеты: Дело №... 2002. 17 апреля; Вечерний Бишкек. 2002. 2 августа; Слово Кыргызстана. 2002. 6 августа; и др.

(боковины керамических сосудов) с четким изображением креста. Оба найдены в северной акватории озера в районе Кара-Ой и с. Джаркинбаево. Ранее находили камни с эпиграфами и изображениями креста на берегу Тору-Айгыр и в местности залива Саруу. Аквалангисты обследовали дно Курментинского залива. Археологи прошлись по прибрежным средневековым городищам. Намечен фронт последующих экспедиционных работ на берегу и под водой озера.

Приглашаем энтузиастов.

Смотреть в будущее

Еще летом в районе бухты Светлый Мыс мы планировали исследование Курментинского городища, но поскольку вся площадь внутри крепостных стен была засеяна пшеницей и засажена картошкой, было невозможно провести инструментальную разведку. Впервые это городище описал востоковед В. В. Бартольд еще в 1894 г., а в советское время незначительные разведочные работы здесь проводили А. Н. Бернштам и Д. Ф. Винник, которые дали заключение о периоде его существования с VIII по XIII вв. Почти квадратное в плане, по периметру чуть более километра, городище с трех сторон защищено крутыми валами, образованными за счет расположения на высоком берегу затона и глубокого сая, огибающего его с двух сторон. На южной, обращенной к озеру, невысокой стене лежит каменное изваяние. Местные жители поведали нам о произошедшем несколько лет назад таинственном провале в центре городища, который сейчас засыпан землей.

Результатом наших поисков стали обломок серебряной пряжки и смятая серебряная коробочка в виде амулетницы, инкрустированная ныне утраченными драгоценными камнями и с узором, выполненным по технологии скани. В узоре выделяются четыре небольших крестика, в которых

при желании можно увидеть христианскую символику (А. М. Камышев).

Хотелось бы связать эту находку с отмеченным на Каталанской карте XIV в. монастырем армянских братьев. И вновь вопрос: является ли эта, обычная на первый взгляд, средневековая сторожевая крепость местом разыскиваемого монастыря, могут прояснить только будущие археологические раскопки.

На территории Кыргызстана обнаружено два блюда с христианскими сюжетами¹. Аниковское блюдо (относится к VIII в.) иллюстрирует ветхозаветную книгу Иисуса Навина: иудейские войска, штурмующие Иерихон; шествие с Ковчегом Завета, Иисус Навин, останавливающий своей молитвой солнце и луну. На Григорьевском блюде (IX–X вв.) изображена Дева Мария в окружении Святых Апостолов и Воскресение Спасителя.

¹ История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе. 1984. Т. I. С. 366.

На берегу озера Иссык-Куль найдена ваза, покрытая синей глазурью, с изображением 12 Апостолов Христовых¹. Так что интересующих сюжетов для исследования предостаточно.

* * *

Главные направления будущих исследований, как нам представляется: хронологическая разработка известных подводных поселений и захоронений, открытие новых объектов, обобщение ранее известных и собрание новых фактов истории и культуры, которые объясняют характер катаклизмов, имеют место в прошлом и продолжают до настоящего времени.

В результате предстоящих работ намечается исследование исторических и географических явлений жемчужины Тянь-Шаня — озера Иссык-Куль. Должны быть найдены причины колебаний водного уровня и его влияния на развитие древних цивилизаций в этой области. Исследование палеографии и геоморфологии Иссык-Куля позволит идентифицировать древние подводные поселения с историческими названиями, упомянутыми в работах средневековых географов. Археологические находки помогут дать ответы на неизученные проблемы истории материальной и духовной культуры древних жителей.

¹ *Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир*. Земля потомков патриарха Тюрка. С. 38.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Результаты многолетних археологических исследований, проведенных на берегу и под водой высокогорного кыргызского озера Иссык-Куль, позволяют сделать следующие заключения:

1. Край богат малоисследованными памятниками культурного наследия трехтысячелетней истории. Здесь и наскальные рисунки (петроглифы), и царские курганы народа саков (скифы), и тюркские каменные изваяния с рунической письменностью, согдийская, уйгурская, тибетская и арабская эпиграфика. Тут и средневековые городища и поселения с христианскими монастырями и буддийскими храмами, исламские минареты и мавзолеи, кыргызские гумбезы, святые природные места. До сих пор не составлены археологическая карта и кадастр памятников культурного наследия, требующих изучения, консервации и реставрации.
2. Уникальной особенностью озера Иссык-Куль является то, что с течением времени в результате природных катаклизмов, снижения (регрессии) и повышения (трансгрессии) уровня воды часть памятников оказалась затопленной. Сегодня мы насчитываем более десяти городищ на дне озера и неизвестное даже приблизительно количество курганов под водой. Их изучение — дело предстоящего будущего.
3. Исторические источники, легенды и народные предания свидетельствуют и о бытующих до наших дней рассказах о богатых кладах, некогда зарытых в пещерах или затопленных в водах Иссык-Куля. Наиболее устойчивые и привлекательные из них предания о кладе Чингисхана и мощах Святого Матфея, хранящихся в реке у затопленного христианского монастыря.

4. Историко-археологическая разведка, проведенная на Иссык-Куле летом 2003 г., позволила наметить координаты поиска заманчивых памятников на берегу и под водой. Была обследована Курментинская пещера, берега и дно залива у Светлого Мыса и в Тюпском заливе, подняты со дна озера в местности Кара-Ой и Джаркымбаево уникальные, прекрасной сохранности сакские жертвенные котлы двух с половиной тысячелетней давности. Предварительные поиски показали, что народная молва, легенды и предания имеют под собой основание и заслуживают научного внимания. Необходимы более углубленные исследования и раскопки профессионалов, оснащенных современным оборудованием, как на берегу, так и под водой. Конечно, находка клада — воля случая.

А если случай благосклонен к Вам? Памятники культурного наследия Иссык-Куля, несметные сокровища Чингисхана и христиан, рака с мощами Святого Матфея, Апостола и Евангелиста все еще ждут своего первооткрывателя.

Иссык-Куль приглашает к поиску!

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подводным сокровищам 25 веков!

Международная археологическая экспедиция сделала на Иссык-Куле открытия, по значимости не уступающие египетским раскопкам. Кыргызстанский ученый академик В. М. Плоских назвал это событие сенсацией мирового масштаба!

РАНДЕВУ С ВЕЧНОСТЬЮ

Сенсационные находки под водой и на суше сделали участники историко-археологической экспедиции Национальной академии наук Кыргызской Республики, завершившей работу на Иссык-Куле. Многие из них, несомненно, превратят Кыргызстан в археологическую Мекку.

Призрачная столица

В одном из кабинетов биологической станции НАН КР бережно собраны удивительные вещи.

— Первую скрипку в нашей поисково-исследовательской работе сыграли российские водолазы, — перебирая разноцветные черепки, рассказывает старший преподаватель кафедры истории и культурологии Кыргызско-Российского Славянского университета историк-археолог Светлана Громова. — Такое количество интереснейших форм было извлечено со дна озера благодаря самоотверженной работе и высочайшему профессионализму наших российских и казахстанских коллег. Мы даже не предполагали, сколь плодотворным окажется каждый из дней поиска.

— Похоже, призрачные города Иссык-Куля, хранящие свои удивительные тайны под толщей синих вод, становятся явью, — вступил в разговор руководитель экспедиции профессор Владимир Плоских. — Античный Чигу — затонувшая столица усуней на Великом Шелковом пути в районе местности Сарыбулун, что у современного села Песчаного, из легенды превращается в реальность. И не только тайны этого древнего поселения приоткрыли нам свою завесу этим летом.

Дворцы забвения

...Перед усталым путником возникло сказочное зрелище. На берегу сияющего пронзительной голубизной озера, в обрамлении зелени садов, словно парящие на фоне хрустала покрытых снегом горных вершин, одно из чудес света казалось миражом, который вот-вот растает в мареве солнечных потоков воздуха.

Измуржденные купола, венчающие ажурные строения башенного типа, грозные зубчатые стены крепостей, стрельчатые окна причудливой формы белоснежных дворцов, лабиринты узких улочек, заполненных пестрой толпой. Именно такой явилась китайскому страннику Чжан Цзяню столица великого усуньского государства — город Чигу, или Чигучэн (буквальный перевод с китайского «Город Красной Долины»). Благодаря путевым записям путешественника-миссионера, широко известного в своем мире ученого, мы узнали о легендарном центре трансконтинентальной торговой артерии, соединявшей древние Восток и Запад.

Найти следы города ученым долго не удавалось. В старинных источниках его местоположение точно не указывалось. Но главная загадка заключалась в том, что Чигу после крушения усуньского государства вскоре ушел под воды Иссык-Куля. Его дворцы навсегда скрыли волны озера, предавшие забвению некогда цветущий уголок Прииссыккуля.

Весточки от кочевых владык

Лишь весной 1985 года экспедиция, так же как и сейчас руководимая профессором Плоских, обнаружила на дне Тюпского залива остатки крупного городища. Находки свидетельствовали о том, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Одна древнее другой, они убеждали археологов в том, что найденный подводный

город и есть знаменитая ставка могущественного правителя древнеусуньского племенного союза.

За три последующих полевых сезона на побережье и под водой удалось собрать весомую коллекцию предметов материальной культуры, дававшей представление о жизни обитателей Чигу, их занятиях и быте. Изучение поднятых со дна предметов неопровержимо доказывает: у затонувшей столицы был долгий век. Однако ученым требовалась прочная фактологическая база, без которой научное открытие не может считаться таковым. Лишь нынешняя экспедиция, осуществленная без малого два десятка лет спустя после первых знаменательных находок, сможет теперь, по убеждению ученых, расставить точки над «і».

В одной лодке

...Светлана Михайловна бережно берет в руки осколки керамики различных цветов, форм и размеров. Вот это донце когда-то было основой тонкогорлого сосуда с вином. Витая ручка принадлежала застольной кружке, шедшей по кругу именитых гостей. В керамических емкостях размером побольше домовитые хозяйки готовили похлебку. А модницы древних столетий гляделись в бронзовое, начищенное до блеска зеркальце, обратную сторону которого украшали витиеватые растительные и животные орнаменты.

— Но более всего нас поразила, на первый взгляд, мало-значительная деталь на осколке жженой глины, — поясняют ребята. И демонстрируют махонький светло-коричневый плоский кусочек, уместающийся в ладони. В глаза бросается: на нем выдавлен четкий крест. Один из священнослужителей из Бишкека, по случаю выступивший в роли эксперта, заверил ученых, что эта находка — явно христианский символ. У армянских несториан подобный культовый предмет имеет несколько отличную форму.

Подтверждением тому служат многочисленные поминальные камни, найденные в Прииссыккулье. Символ веры на них выбит в венце персидской вязи.

— Крошечный осколок говорит о многом, — поясняет Громова.

Киргизия благословенна тем, что на ее территории никогда не велись религиозные войны. Бок о бок в древних городах и селениях на берегу Иссык-Куля мирно уживались мусульмане, монахи-несторичанцы, православные христиане, буддисты, представители других вероисповеданий.

Впрочем, это мы можем наблюдать и сегодня.

Дары Нептуна

Не обошлось и без других интересных находок. Хитро улыбаясь, Владимир Михайлович извлекает на свет уникальную вещицу. Это прекрасно сохранившаяся бронзовая деталь парадной конской сбруи. Выполнена она в виде двух изящных рысьих головок. Подобные вещицы могут украсить стенды любого музея. Что-то подобное находили при археологических раскопках в Сибири. Иссык-кульский Нептун, обитающий в Тюпском заливе, расщедрился не на шутку, расставшись с такой редкостью.

Затем перед нами выкладывают массивный керамический жертвенник. Тоже небывалая археологическая редкость. Как правило, ритуальная вещица выполнялась из дерева или отливалась из бронзы. На керамический ее вариант археологи наткнулись впервые. Примерный возраст извлеченных на свет божий уникальнейших предметов — более двух тысячелетий.

— Похоже, само провидение на нашей стороне, — шутит профессор.

С ним нельзя не согласиться. Вот лишь один случай. При раскопках на городище Кок-Дюбе, неподалеку от села

Жаркымбаево Иссык-Кульского района, ученые собрались приступить к работе в залежах удивительной по своим качествам глины, использовавшейся древними исыккульцами для изготовления домашней утвари. Местные жители как раз загружали ее в телегу. На глазах археологов сошел маленький оползень. И миру явилось многовековое захоронение катакомбного типа. Чего только не извлекли из него ошалевшие от свалившейся на них удачи исследователи. Даже сразу не поддающийся классификации деревянный продолговатый сосуд, изготовленный, видимо, из арчи, сохранился под землей на протяжении более десяти веков почти в первозданном виде.

— Будем считать, что сделана серьезная пристрелка на будущие объекты исследования для предстоящих экспедиций, — подводя итог проделанной работе, сказал профессор Плоских. — Задел прекрасный, результаты превзошли самые радушные ожидания, но впереди ещё много интереснейших поисков и находок. На этот раз Иссык-Куль всё-таки решил расстаться с некоторыми своими тайнами. Остается сказать нашему уникальнейшему озеру: «До скорого!».

О, СКОЛЬКО ЗДЕСЬ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ!

Когда верстался этот номер, с северного побережья пришли ошеломляющие вести.

Госпожа удача

Звонок в «ВБ» раздался ближе к вечеру. На том конце провода слышался непривычно взволнованный голос руководителя экспедиции профессора Владимира Плоских:

— Приезжайте скорее, похоже, что наши ребята натолкнулись на что-то поистине сенсационное.

... Над Кара-Ойским заливом сгустились сумерки. Вдалеке от берега еле заметным силуэтом маячила лодка. Зыбкое суденышко стало временным базовым лагерем для московских и алматинских водолазов. Эти бесстрашные специалисты археологических поисковых работ высочайшего класса уже без перерыва в течение десяти часов находились под толщей воды. Наверх поднимались лишь для смены кислородных баллонов.

«Виновица», благодаря которой изменились все планы группы, собиравшейся еще днем свернуть работы (пора домой, в Москву), историк, археолог и аквалангист в одном лице Светлана Лукашова на все вопросы страховавших наверху отвечала односложно: «Не знаю, что это, но очень большое и непонятное...».

В день завершения экспедиции исследователям улыбнулась небывалая удача. Они еще не верят в нее до конца.

Операция «Котел»

В основной лагерь — палаточный городок, уютно раскинувшийся под огромными разлапистыми елями у самой воды на территории биологической станции НАН КР, — группа вернулась уже затемно. Ребята валились с ног. Весь день, проведенный в жутком напряжении под водой, небывалые даже для профессионалов физические перегрузки сделали свое дело. Но на усталых лицах москвичей и казахстанцев светились счастьем глаза: только что они соприкоснулись с чудом.

Профессор Станислав Прапор, вице-президент Российского клуба подводной деятельности, не скрывал профессионального азарта.

— Ребята, останемся до тех пор, пока не достанем эту штуковину. Завтра подъем с рассветом.

Владимир Кирик, водолаз из Москвы, тем временем рассказал о том, как несколько часов кряду пытались высвободить из-под песка таинственное нечто, на первый взгляд, напоминающее венчик огромной греческой амфоры.

— Завтра приступаем к осуществлению операции «Котел», — подвел черту Владимир Михайлович. — Всем спать, к утру готовность номер один.

Презент от саков

Денег на фрахт судна в экспедиционной казне уже не осталось. Вышли из положения, приняв неординарное решение. Место, где предстояло развернуть работы по подъему груза со дна, находилось в паре километров от берега. Подогнали катамаран, взятый в ближайшем пансионате, закрепили на нем ручную лебедку. Трудились споро и уверенно. Опыта аквалангистам, на счету у каждого из которых сотни погружений, не занимать. Но и им пришлось не один час

провести на дне, очищая сосуд от заполнившего его песка. Наконец трос, прикрепленный к катамарану, натянулся, и все с облегчением вздохнули. Процесс пошел. Машина тронулась с места и под плеск лебедки медленно поползла.

Тем временем другая группа подводников принесла новую ошеломляющую весть. Буквально в десятке метров от места раскопа они обнаружили еще одну неизвестную диковинку, только поменьше размером. В столь потрясающую удачу даже выдавшие виды археологи отказывались верить. Рассмотрев извлеченные на свет изделия, все просто ахнули. Два изумительно сохранившихся литых из бронзы жертвенных казана относятся, специалисты уже определили, к сакскому периоду. Возраст затонувшего клада насчитывает ни много ни мало около двух с половиной тысяч лет. О такой удаче могут лишь мечтать археологи всего мира.

Будничный переворот

— Это целый переворот в наших представлениях об истории иссык-кульской цивилизации, бурно развивавшейся на берегах озера во времена таинственной древности, — не скрывая бурных эмоций, делилась своими впечатлениями историк-археолог из Бишкека Светлана Громова. — До сегодняшнего дня ученый мир был абсолютно уверен, что большинство крупных городищ, оказавшихся в свое время затопленными озерными водами, относятся к средним векам. А попавшие к нам в руки уникамы, к слову, выполненные удивительно высоким профессиональным способом и с добавлением особых присадок в бронзу, неопровержимо свидетельствуют о том, что огромное карайское городище еще до новой эры являлось примером развитого, высокоцивилизованного и, что самое главное, оседлого образа жизни наших пращуров на кыргызской

земле. Более яркого примера, подтверждающего 2200-летний возраст нашей государственности, не сыскать!

Что ни говори, а экспедиция профессора Плоских преподнесла в канун празднования нашего многовекового юбилея поистине шикарный подарок.

Колыбель цивилизации

Профессор Станислав Прапор откровенен в своих суждениях.

— Мы опускались под воду во многих морях и океанах планеты. Но чтобы всего за неделю со дна в таком количестве и столь уникальнейшие предметы многотысячелетнего возраста были извлечены — в нашей, да и в мировой практике подводной археологии — случай небывалый!

Станислав Станиславович абсолютно уверен в том, что из всех водоемов планеты Иссык-Куль один из немногих, представляющих собой богатейший археологический подводный музей, аналогов которому в мире нет. Если в столь короткий срок без проведения многомесячной рекогносцировки, обладая, прямо скажем, скудным спецснаряжением, водолазы экспедиции сумели найти та-а-кое?! Какие же еще сенсационные находки предстоит сделать будущим, более экипированным экспедициям, остается лишь догадываться!

У бездны тайн

Мы любовались бронзовым жертвенным котлом, на боках которого переливалось солнечное сияние. Сосуд прекрасно украшен, в художественной манере выполнены витые ручки. Казан поменьше, «расписанный» в традиционно сакском зверином орнаменте, покоился на великолепно сработанных древних мастером птичьих ножках.

«Михалыч», как с теплотой называют участники экспедиции своего руководителя академика Плоских, не мог наглядеться на трофей:

— Наконец-то провидение повернулось к нам лицом. Дух захватывает, когда думаешь о том, что скрыто под волнами благословенного озера. Речь даже не о кладах, а о несметных богатствах, которые мы просто не имеем права не извлечь на свет божий. Это наш долг перед потомками!

Эх, побольше бы спонсоров для столь благого дела и улыбок судьбы, которая одаривает тех, кто через преграды с упорством целеустремленных прокладывает тернистый путь к заветной мечте. Сегодня вряд ли кто из неспециалистов может осознать всю историческую, археологическую и, наконец, государственную важность открытия, сделанного в августе 2003 года на Иссык-Куле. Однозначно, что будущие исследования должны стать стратегической задачей для ученых Кыргызстана и мировых научных кругов. Ведь новые, пока неизведанные тайны нашей жемчужины уже, без сомнения, откроют новые неизвестные доселе страницы истории...

Александров Ю.
Газета «Вечерний Бишкек» 15.08.2003.

СОКРОВИЩА ЧИНГИСХАНА (поиски, находки)

Не все клады найдены

Общеизвестно, что по территории Кыргызстана проходил Великий Шелковый путь. Сотни лет несчетное число караванов с востока на запад и с запада на восток везли самые разнообразные товары, в том числе и драгоценности. А времечко-то было беспокойное: то разбойники, то войны, то болезни косили купцов и их вооруженное сопровождение. И чтобы сохранить богатства, их частенько предавали земле. Поэтому не случайно по сей день, при проведении земляных работ, строители натываются на удивительные находки. Не всегда, однако, о находках сообщают в соответствующие инстанции. Если найдены какие-нибудь керамические кувшины, тогда еще о них сообщают. Но если кто натолкнулся на золотые изделия... Здесь начинается горячка...

А ещё было здесь басмаческое движение, пусть не такое активное, как в других регионах Средней Азии. Как правило, лидеры этих вооруженных отрядов были люди небедные: им было что терять и за что воевать. Таскать же с собой золотишко не очень-то удобно. Проще где-нибудь в горах соорудить надежный схрон. Горы охотно принимают на хранение драгоценности, но отдают их с большим нежеланием.

В пользу кладов говорит и тот факт, что на территории Кыргызстана и раньше, и сейчас добывают золото. Кумтор — одно из крупнейших золотоносных месторождений в мире, но здесь золото надежно спрятано, и чтобы добыть его, республике пришлось обращаться за помощью

к иностранцам. А раньше, в основном, золото добывали старатели. Причем находили просто удивительные по размерам самородки.

Не только в легендах повествуется о богатейших сокровищах, скрытых в горах и на дне озера Иссык-Куль, но есть немало письменных источников, упоминающих о захороненных кладах, подлинность которых не вызывает сомнений.

Кто ищет, тот обязательно найдет

Пусть даже не то, что ищет...

Не все то сокровище, что содержит драгоценные металлы. Иной раз открытие какого-нибудь древнего городища важнее и намного дороже, чем груды золота.

В полевой сезон 1985 года Иссык-Кульская экспедиция во главе с В. Плоских, а начальником археологического отряда был доцент В. Мокрынин, на дне Тюпского залива обнаружила следы крупного городища. Находки свидетельствовали, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Предположение, что это развалины знаменитого города Чигу — ставки могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле и важного торгового пункта на Великом Шелковом пути — с каждым полевым сезоном находило все большее подтверждение. Ученым удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которая дает представление о жизни и быте древнего города. Даже беглый обзор находок свидетельствует о долгой жизни затонувшей столицы усуней. Археологические находки свидетельствуют, что жизнь городища, по меньшей мере, на 500 лет старше первого упоминания о нём в китайских летописях. Можно предполагать, что здесь была ставка еще раннесакских вождей. Впрочем, исследования про-

должаются, и новые находки постепенно будут расширять наши познания о далеком прошлом. А знания — самое ценное сокровище.

По одной из легенд, дошедших до нашего времени,

Чингисхан, могила которого до сих пор так и не найдена, был похоронен на территории Кыргызстана. Ведь именно в Таласе после его смерти был завершен раздел Золотой Орды. Есть гипотеза, что потомки Чингисхана, опасаясь разграбления его могилы, перевезли тело своего вождя в эти спокойные места и предали его земле, как полагалось по обычаям кочевников, вместе с немалыми богатствами.

Одни ученые считают эту гипотезу более или менее состоятельной, хотя и не имеющей прямых документальных свидетельств. Другие полагают, что это не более чем легенда. Ибо маловероятно, что в те беспокойные времена потомки Чингисхана повезут его тело за тысячи верст. Но в таком случае, где же могила одного из самых могущественных государей мира?

— Все начинается с легенд. В свое время так открыли Троию и многие другие древнейшие города, — говорит Владимир Плоских, вице-президент Национальной академии наук КР, академик, доктор исторических наук. — Да, предания свидетельствуют ничуть не хуже документальных источников. В том, что могила Чингисхана находится где-то на северном побережье Иссык-Куля, есть своя логика и косвенные тому подтверждения. Мы находим скопление оружия, останки древних городищ, жертвенники. Были найдены и настоящие клады, сотни лет хранившие

⁶ Том IV. В. М. Плоских

золотые украшения, монеты. Но чаще мы наталкиваемся на разграбленные курганы. Но не нашими современниками, а далекими предками. Мы ещё слишком мало знаем об удивительной истории этого края. В советские годы озеро Иссык-Куль было закрытой территорией для иностранцев (здесь были размещены военные объекты), а собственных средств на дорогостоящие раскопки памятников не было. Так что главные открытия — впереди.

Золото христианских монахов

В 1856–1857 гг. русский путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский впервые опубликовал сведения о так называемой Каталанской карте 1375 года, виденной им в Венеции, на которой были изображены город и озеро Иссык-Куль. На северном побережье озера обозначен монастырь средневековых христиан (академики В. Бартольд и Н. Мар называют его армянским монастырем). Христиане, бежавшие с Ближнего Востока (из Сирии) в глубь Азии, основали в XII в. свой монастырь на берегу Иссык-Куля. Семенов-Тянь-Шанский не нашел следов монастыря и высказал предположение, что он мог быть затоплен водами озера и предположительно находится в районе Курментинской бухты. Позже, уже в конце XIX века (в 1882 году), именно там православные переселенцы построили свой Свято-Троицкий мужской монастырь, который в начале XX века был разрушен. Его руины сохранились до сего времени.

Так вот, с тем древним городом и монастырем связаны не только легенды, но и документальные свидетельства. Упоминается он в истории походов Тимура на Иссык-Куль. Но главное свидетельство — Каталанская карта. Вот что пишет в своей книге «Земля потомков патриарха Тюрка» Митрополит Бишкекский и Среднеазиатский Владимир: *«На Киргизской земле нашло посмертное упокоение нет-*

ленное тело святого Апостола и Евангелиста Матфея. Как известно, мученическую кончину за Христа он принял в Сирии. Оттуда, по-видимому, еще во II или III веке бежавшими от древнеримских гонений христианами честные мощи Апостола были унесены в край, славившийся широкой веротерпимостью. Эта святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль; весь христианский мир знал о ее местонахождении. На Каталанской карте мира, датированной 1375 годом, на северном берегу озера Иссык-Куль изображено здание с крестом, а рядом имеется надпись: Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте монастырь братьев армянских, где пребывает тело Святого Матфея, Апостола и Евангелиста. Впоследствии город, где находилась древняя армянская обитель, был затоплен водами озера».

Рассказывает Владимир ПЛОСКИХ:

— Легенда, повествующая о сокровищах христианских монахов, на мой взгляд, имеет реальную основу. Христианская колония находилась вблизи города Баласагуна (период государства Караханидов) — эдакий осколок христианства в мусульманском мире. По легенде, спасаясь от преследования отрядов Чингисхана, караван из 200 верблюдов, груженых золотом, серебром и церковной утварью, пройдя Кегетинским ущельем и Кочкорской долиной, спустился к Иссык-Кулю. По северному берегу он дошел до Тюпского залива и здесь оказался зажатым преследователями между горами Кутей-Ала-Тоо и озером. Вернувшись к речке Курменты, монахи решили у цепочки древних курганов, и спрятать свои сокровища. Возможно, часть этих сокровищ была спрятана в самом монастыре, о котором есть немало упоминаний, часть — за его пределами. Причем, большую часть драгоценностей, как гласит предание, монахи

спрятали в горных ущельях, засыпав их многометровым слоем камней. Все свидетели, участвовавшие в этом захоронении, были убиты. Этот клад искали все: и археологи, и геологи, и даже чекисты. Я уверен, что если удастся найти тот христианский монастырь, то со временем будут найдены и сокровища монахов. И под водой, и на суше.

Справка КП:

Имя «Матфей» означает «дар Божий». Он был одним из двенадцати Апостолов Христа, Евангелие от него помещено в Новом Завете в самом начале. Матфей был сборщиком пошлин (мытарем) на таможне в городе Капернауме, который расположен на берегу Галилейского моря. Скорее всего, он был на службе не у римлян, а у правителя Галилеи Ирода Антипы. Большинство современных ученых-богословов считают, что это Евангелие появилось между 40 и 50 годами после Рождества Христова. Вероятно, что первые записи Матфей сделал в то время, когда ещё ходил вслед за Христом и слушал Его святыя слова.

Как известно из Священного Предания, Святой Апостол Матфей погиб от рук язычников, проповедуя христианство в Сирии, где первоначально его верные сподвижники хранили нетленные мощи Апостола и поклонялись им. Когда император Декий (249—251 гг.) объявил гонения на христианство во всех захваченных Римской империей странах, верующие, опасаясь поругания святыни, перенесли честные мощи Святого Матфея в Среднюю Азию, где уже в то время существовали многочисленные христианские общины.

Только факты

1. В начале XX века в Киргизию из Китая была завезена карта с планом сокровищ, закопанных на Иссык-Куле.
2. По этой карте эмигрантами, возвратившимися из Китая, в 1926 г. начались раскопки Курментинской пещеры в поисках клада.
3. Кладоискатели на глубине 6 м обнаружили каменную плиту с неизвестными письменами (что соответствовало плану) и два старинных «молотка» — один медный, другой золотой. Золотой сдали в контору «Золотоснаб» г. Пржевальска в 1930 г., что было зарегистрировано документально. Дальнейшие работы кладоискателям запретили.
4. В 1952 г. в строгой секретности поисками клада занялась такая серьезная организация, как Министерство Госбезопасности.
5. В 1968—1975 гг. киргизский генерал Э. Алиев — свидетель и участник первых поисков — официально обращается в Совмин, Комитет Госбезопасности и Академию наук Киргизской ССР с предложением продолжить поиски клада.
6. 27 августа 1975 г. всесоюзная партийная газета «Правда» в статье «Возвращение к тайне» сообщила о том, что Министерство внутренних дел занимается поисками кладов Чингисхана на Иссык-Куле.
7. В 1976—1977 гг. Киргизское геологоуправление, проверяя легенды о кладах, секретно проводит зондирование местности в районе Курменты и дает заключение, что не исключено наличие в глубине металлов. Рекомендуется дальнейшее целенаправленное изучение объекта археологическими методами, т. е. раскопками.
8. В 1996—1997 гг. без афиширования были начаты работы археологов и геологов, но приостановлены из-за нехватки средств.

9. В 1999 г. получено разрешение на проведение широко-масштабных работ с привлечением зарубежных инвесторов. Создана специальная комиссия.

Следы Александра Македонского

Александр Македонский, покорив в 334–329 годах до н. э. Персию, взял заложников из знатных семей, дабы предотвратить возможные волнения, что было распространенной практикой в то время. Отправляясь в поход на Китай и Индию, он взял с собой и заложников; однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить знатных персов на берегу Иссык-Куля. Отпрыски славных персидских фамилий, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь замечательный город, естественно, на свой вкус и в соответствии со своими традициями. Живописцы разукрасили дома полихромным многоярусным панно, наподобие согдийских, уструшанских и тохаристанских. Местность эта получила название Барсхан (ныне Барскоон). Часть города со временем оказалась под водой, часть — на возвышенном плато озера.

В. Плоских и В. Мокрынин обнаружили здесь медные бляшки с изображением хищных кошачьих морд, относящиеся к сакскому периоду, когда местное население воевало с Александром Македонским. Точно такие же бляшки, только золотые, были найдены казахскими археологами в 1969 году при раскопках кургана Иссык, что находится как раз между озером Иссык-Куль и Алма-Атой. Этому кургану повезло: он не был разграблен. Археологи тогда нашли сотни предметов из золота и серебра. Самой замечательной с исторической точки зрения является серебряная чаша с сакскими письменами, которые ещё предстоит расшифровать.

Проезжая по Иссык-Кульскому побережью, можно видеть спускающиеся с гор цепочки древних курганов, уходящие под воду. Кто знает, может в их недрах тоже есть сокровища?

Я искал клад Наполеона

— Когда я искал клад Наполеона, то всегда брал с собой в экспедицию человека из органов, чтобы потом меня не «таскали», — рассказывает о своей работе «кладоискателя» Станислав Прапор, заведующий кафедрой Российского института интеллектуальной собственности, руководитель отряда аквалангистов подводной археологии. — На Иссык-Куле я впервые работал в 1985 году, когда мы снимали для японцев фильм «По Великому Шелковому пути». Уникальное озеро! Условия высокогорья накладывают особенности и на работу подводников: здесь кессонная болезнь, так называемое «азотное опьянение», срабатывает на меньших глубинах, чем в обычных условиях. Мы, в основном, работаем на глубине не более 40 метров. К счастью, и находки все неглубоко упрятаны. Холодно. На глубине 10 метров температура воды 12–14 градусов. Час можно выдержать, но только в гидрокостюме. Зато вода настолько прозрачна и чиста, что даже на больших глубинах дно видно отлично без подсветки. В этом году мы провели что-то вроде разведки; в следующем сезоне, если удастся найти средства, поработаем основательно. Но, боюсь, что до нас здесь пройдутся любители «черной археологии». Вот сегодня рядом с нами плавали ребята из какого-то клуба. И ведь не запретишь! Многие ценные вещи, таким образом, попадают на черный рынок. Народ пошел ушлый, знает цену этим черепкам. То же могу сказать о других экспедициях — все ищут сокровища, но у каждого свое

о них понимание. К примеру, американцы из «Эй-Пи-Ви-Ньюс» во главе с господином Мельникоффым, я думаю, на дне Тюпского залива искали вовсе не древний город, а нечто более современное — останки торпед или сами торпеды, которые имеют привычку теряться во время испытаний. Но все равно я верю, что мы найдем... Только под сокровищами я понимаю не серебро и золото, а уникальные свидетельства древних эпох. Они поистине бесценны.

На этой неделе группа подводников Российского института стали и сплавов во главе со Станиславом Пропром возвращается в Москву. Кстати, все ребята — члены Конфедерации подводной деятельности России, которая обещала в следующем году часть расходов по изучению Иссык-Куля взять на себя. Археология сама по себе — дорогое занятие, а подводная археология не просто во сто крат сложнее, но и дороже.

Гладилов А.

«Комсомольская правда в Кыргызстане»

15.08.2003.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ АРХЕОЛОГОВ

Церковное предание гласит: после того как Апостол Матфей принял мученическую смерть, его последователи укрыли тело Святого от поругания. Якобы останки одного из четырех Евангелистов захоронили в краю, где не ступала нога римского легионера. По одной из версий, нетленные мощи Матфея нашли посмертное упокоение на территории современной Киргизии — на берегу озера Иссык-Куль. «Иссык-кульская версия» вовсе не церковный

апокриф. Многие христиане убеждены в том, что легендарный Евангелист был похоронен в Центральной Азии. Например, митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир говорит об этом как о неоспоримом факте: «Святыня хранилась в монастыре, расположенном на берегу озера Иссык-Куль, и весь христианский мир знал о ее местонахождении». В последнее время дискуссия вокруг места захоронения Евангелиста разгорелась с новой силой. В прошлом году МИД Киргизии даже пригласил в Бишкек представителя Ватикана. Дело в том, что несколько серьезных исследователей одновременно, независимо друг от друга, пришли к выводу, что тело Апостола Матфея, скорее всего, было погребено именно на берегу озера Иссык-Куль. «Итоги» попытались разобраться, действительно ли христианский мир стоит на пороге сенсации.

Следы уходят на Восток

Святой Матфей — одна из самых загадочных фигур христианства. Местонахождение его могилы остается загадкой на протяжении двух тысячелетий. Несколько стран претендует на право обладания святыми мощами Апостола. Итальянцы, в частности, утверждают, что мощи Евангелиста еще в I веке нашей эры, то есть сразу после смерти, попали на Апеннинский полуостров и сейчас якобы хранятся в соборе Сан-Маттео в городе Салерно. По словам представителей католической церкви, тело Апостола, якобы, было найдено при раскопках одного из лангобардских замков. Сейчас кафедральный собор Сан-Маттео занесен во все католические путеводители для паломников и во все туристические проспекты по Италии. Однако никаких документальных свидетельств в пользу этой гипотезы на сей день не имеется. Официальный Ватикан по этому поводу дипломатично заявляет буквально следующее: «По старой католической традиции считается, что мощи, находящиеся в Салерно, принадлежат Апостолу, Евангелисту Матфею...» Таким образом, Ватикан не утверждает однозначно, что мощи из Салерно принадлежат Евангелисту.

Зато в пользу центральноазиатской версии говорит один важный документ. В середине XIX века известный русский ученый Семенов-Тян-Шанский, оказавшись в Венеции, получил возможность изучить так называемую Каталонскую карту мира, составленную в 1375–1377 годах Авраамом и Иегуди Крескесами. Ученый обратил внимание на изображение здания с крестом, которое, если верить карте, располагалось на северном берегу озера Иссык-Куль. Рядом имелась надпись: «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте монастырь братьев армянских, где пребывает тело Святого Матфея, Апостола и Евангелиста». На карте здание с крестом было соединено прямой линией с Иерусалимом. В 1857 году Семенов-Тян-Шанский отправился

исследовать Туркестан. Во время своего путешествия он пытался найти следы «монастыря братьев армянских». Но от иссыккульских киргизов он слышал только многочисленные легенды о затонувших городах: мол, некогда на месте озера была обширная равнина с многолюдными и богатыми поселениями, но Бог покарал людей за грехи, и города ушли под воду. В доказательство своих слов местные жители демонстрировали гостю находки, выброшенные на берег волнами. И добавляли, что недалеко от берега озеро прячет в глубинах руины подводных дворцов. Практичные иссыккульцы частенько доставали со дна озера кирпичи и строили из них мавзолеи для своих умерших родственников. Семенов-Тянь-Шанский следов монастыря на побережье не обнаружил, но высказал предположение, что он вполне мог существовать в районе Курментинской бухты Иссык-Куля и позже ушел под воду.

Любопытно, что неподалеку от того места, где, по мнению известного путешественника, мог находиться древний армянский монастырь, спустя несколько лет — в 1882 г. — был основан русский Свято-Троицкий мужской монастырь. Монастырь этот тоже не сохранился, от него остались лишь здания трапезной и молельни, выполненные из такого прочного дерева, что их и топор с трудом берет. Сегодня на месте Свято-Троицкого монастыря стоит детский дом. И женщины, работающие здесь, уверяли корреспондентов «Итогов», что часто по ночам над заливом можно наблюдать необычное явление: на несколько минут будто светящийся крест начинает возвышаться над водой...

Изгнанники во Христе

Однако мог ли на берегу Иссык-Куля в первом тысячелетии существовать христианский монастырь? Могли ли первые христиане достичь областей, столь удаленных

от Средиземноморья? Ученые на эти вопросы отвечают утвердительно. Благодаря проведенным археологическим исследованиям сегодня известно, что в Центральной Азии в свое время обосновались так же христиане-несториане. Несторианство, как религиозное течение, возникло в Византии в первой половине V века. Особо влиятельны были несториане в Сирии — в те времена византийской провинции. В 431 году это учение было объявлено ересью, его основателя, константинопольского патриарха Нестория, отправили в ссылку, а его сторонников подвергли гонениям. Сначала несториане бежали в Персию, затем в Среднюю Азию. Некоторые из них добрались до Таласской и Чуйской долин. Тому есть целый ряд археологических доказательств по берегам Иссык-Куля: на городище Ак-Бешим были раскопаны христианская церковь и кладбище вокруг нее, на Краснореченском городище тоже проживала христианская община, о чем свидетельствуют могильные камни (кайраки) с эпитафиями и погребения, где находили бронзовые и нефритовые христианские кресты. Кайраки с изображениями крестов были найдены на городище Бурана. Кроме того, на Иссык-Куле нашли покрытую синей глазурью керамическую вазу, на которой изображены двенадцать Апостолов. Керамика с крестной символикой была обнаружена повсеместно как в долинных частях Киргизии, так и в ее высокогорных районах. Следов пребывания христиан в Прииссыккулье сравнительно немного, но те, что найдены, являются сегодня неоспоримым фактом.

Теперь ученым предстоит проверить версию Семенова-Тянь-Шанского относительно возможности существования монастыря и «Матфеевой могилы» в Курментинской бухте. Ведь Каталанская карта, на которую он ссылался, не дает четкого указания на какое-то строго определенное место. Таким образом, нельзя исключить, что древний монастырь находился на территории одного из затопленных городов.

К началу 90-х годов XX века ученым было известно как минимум о шести ушедших под воду Иссык-Куля древних населенных пунктах: это Койсары, Дархан, Долинка, Койсуу, Тору-Айгыр и Тюп. В тихую погоду сквозь толщу хрустальных вод можно было видеть то полуразрушенные стены, то остатки домов, то очертания башен, залитых волнами. В принципе любое из вышеназванных городищ могло иметь отношение к предмету поиска. Начались методичные подводные исследования, в ходе которых археологи с аквалангами обнаружили помимо названных остатки еще семи античных и средневековых поселений. В прибрежных водах было найдено множество керамики, каменных орудий труда, оружие из бронзы, произведения искусства в скифском «зверином стиле», фундаменты строений. Впрочем, древние предметы по берегам Иссык-Куля находят то и дело. В этом корреспонденты «Итогов» смогли убедиться лично, совершив поездку по северному берегу горного озера в сопровождении научных сотрудников Кыргызско-Российского Славянского университета. Куда бы мы ни заезжали по пути — в краеведческий музей поселка Чолпон-Ата, на Иссыккульскую биостанцию, в местный яхт-клуб, — везде нам показывали свежие находки. В их числе были бронзовые топоры и светильники, необычной вытянутой формы черепа представителей племени гуннов, целые и разбитые глиняные кувшины и горшки.

Но ничего похожего на развалины монастыря до сих пор обнаружить не удалось. Вышло так, что из всех затопленных городов на сегодняшний день самым малоизученным остается город Тюп, расположенный как раз в Курментинской бухте. Археологи не спешили в Тюп, считая его неперспективным. Если в начале XX века, по свидетельствам очевидцев, подводные развалины Тюпа были четко видны под водой, то уже к 50-м годам они не просматривались. Причиной тому могло стать медленное, но неуклонное повышение уровня озера. Интересно, что тогда же, в середине

50-х, поисками исчезнувшего монастыря в Курментинской бухте пытались заняться сотрудники МВД СССР и КГБ Киргизской ССР. Их интересовали, прежде всего, не мощи Святого, а якобы спрятанные в том же монастыре сокровища. Поверить в существование клада силовиков заставило одно происшествие: в 20-х годах из китайской эмиграции в Страну Советов вернулся некто Успенский — бывший офицер-белогвардеец. С собой он привез план-схему, переданную ему за границей умиравшим православным священником. На карте было отмечено место укрытия сокровищ — где-то на северо-восточном побережье Иссык-Куля, недалеко от Тюпа. Карта попала в руки чекистов, и четверть века спустя они взялись за лопаты — но так ничего и не нашли. Может быть, просто плохо искали?

Новая Троя?

Сегодня, если идти методом исключения, именно город Тюп, как наименее исследованный и к тому же расположенный в том месте, где по версии Семенова-Тян-Шанского некогда находился «монастырь братьев армянских», и может являться местом захоронения мощей Святого. По крайней мере именно к такому выводу сегодня склоняются некоторые историки. Доктор исторических наук, вице-президент Национальной академии наук Киргизии Владимир Плоских посвятил изучению этой проблемы многие годы: «У меня практически не осталось сомнений, что именно здесь, в устье рек Тюп и Кой-Су, могут находиться остатки древнего монастыря. В ближайшее время мы сосредоточим свои поиски именно в этом месте. Возможно, уже в середине апреля в Курментинскую бухту будет снаряжена первая полномасштабная экспедиция». Ученые уверены в успехе предстоящего мероприятия и в настоящее время заняты поиском спонсоров для серьезного исследования.

Выводы ученых вызвали небывалый ажиотаж не только в республике, но и за ее пределами. Президент Кыргызской Республики Аскар Акаев на встречах с историками всячески поддерживает их начинания в этом направлении. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир во время своего последнего визита в Москву довел эту информацию до Патриарха всея Руси Алексия II. Министерство иностранных дел Киргизии, ведет переговоры с деятелями церковного мира о дальнейшей судьбе мощей Матфея, хотя они еще не найдены. Среди местных ученых царит эйфория, и мало кто сомневается в успехе. «В существование Трои, о которой писал Гомер, — говорит академик Плоских, — тоже никто не верил, но ведь ее нашли. И именно благодаря гомеровским сказаниям. А если быть скептиком, то лучше вообще ничего не искать». Уже выразили свое желание принять участие в предстоящей экспедиции американские исследователи, они обратились в официальном порядке к Святому престолу в Ватикане с просьбой предоставить подтверждающие возможность данного факта документы. А в Киргизии уже вынашивают планы постройки над местом предполагаемой могилы Апостола Матфея часовни, гостиницы и прочей «паломнической инфраструктуры». В том, что верующие сюда потянутся, митрополит Владимир более чем уверен: «Как трон царя Соломона на Святой горе в Оше — вторая Мекка для мусульман всего мира, совершающих туда паломничество, так и к местам Святого Апостола, Евангелиста Матфея тоже потечет людской поток».

Дятлов В.

Журнал «Итоги» (Москва)

18.03.2003.

Публикуется по изданию:

«Атлантида» Центральной Азии — тайна Великого Шелкового пути. — Бишкек: «Илим», 2004. — 56 с.

Часть вторая

**ИССЫК-КУЛЬ —
ПУТЕШЕСТВИЕ
В ИСТОРИЮ**

«Историческое дело осуществляется не только тогда, когда оно совершенно, но когда оно описано и передано последующим поколениям».

Стефан Цвейг

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Заоблачным морем, жемчужиной Тянь-Шаня, аквамаринном в серебряной оправе гор и другими столь же лестными эпитетами называют озеро Иссык-Куль. «Иссык-Куль» в переводе с киргизского означает «горячее озеро». Под таким названием оно впервые встречено в анонимном географическом сочинении X века «Худуд ал-Алам» («Границы мира»). Однако в разные времена и у разных народов озеро имело и другие названия: «Темир-нор» — железное озеро, «Тузкуль-нор» — соленое, «Джит-куль» — душистое, «Же-Хай» — теплое и т. д. Западная Европа впервые с ним познакомилась по Каталонской карте XIV века. Русские топографы нанесли озеро на карту лишь в первой четверти XVIII века.

До установления Советской власти в Средней Азии киргизский народ не имел своей письменности и потому события его самобытной истории не оказались зафиксированными ни в летописях, ни в других подобных им источниках. Лишь фольклорные материалы в виде монументального эпоса «Манас» да легенд доносят до нас эхо давно минувших веков.

Но память человеческая зыбка, в ней лишь отдельные примечательные вехи жизни народа, перемежаемые фантастическими сценами из мифологии, перекликаются с историей. Обращаясь к прошлому Иссык-Куля, нет-нет да и вспомнишь одну характерную притчу известного средневекового географа Мухаммеда Казвини:

«...Однажды я проходил по улицам весьма древнего и удивительно многолюдного города, — повествовал седой мудрец, — и спросил у встретившегося жителя: «Давно ли основан этот город? — Действительно, это весьма древний город, — отвечал он, но мы не знаем, с какой поры он существует, да и наши предки ничего не знали об этом, по крайней мере они нам ничего не могли сказать об этом».

Пятьсот лет спустя я снова проходил по этому же самому месту и не заметил ни малейших следов когда-то бывшего здесь города. Я спросил у крестьянина, косившего траву на месте прежней столицы: «Давно ли она разрушена?» — «Чудной вопрос я слышу от тебя, старик, — отвечал он. — Эта земля никогда ничем не отличалась от той, какую ты ее теперь видишь». — «Но разве прежде не было здесь когда-то большого и богатого города?» — сказал я. — «Никогда, — отвечал он, — никаких городов здесь не было, по крайней мере мы их не видели, да и отцы наши никогда нам об этом не говорили».

Через пятьсот лет я снова возвратился на это место и нашел уже здесь море. На недалеком расстоянии от берега стояли разбросанные там и сям бедные и невзрачные рыбацкие хижины. Увидев на берегу толпу рыбаков, расправлявших свои неводы, я подошел к ним и спросил их: «Давно ли эта земля покрылась водой? — «Тебе ли об этом спрашивать, — сказали они, — это место всегда было таким же морем, как и теперь».

Спустя еще пять веков я снова пришел сюда же и опять нашел громадный цветущий город. Последний был еще многолюднее и еще богаче и роскошнее постройками, чем тот, который я видел в первый раз. И когда осведомился о времени его происхождения, то жители его с нескрываемой гордостью и самодовольством отвечали: «Начало нашего города теряется в глубокой древности, так как мы сами не только не знаем давно ли он существует, но и наши предки, так же, как и мы, ровно ничего не знали об этом».

Притча эта как нельзя более подходит к истории Прииссыккулья. Чьи могилы разбросаны по Иссык-Кульской котловине? Какие поселения существовали в древности по берегам озера? Почему горное море время от времени выбрасывает то глиняные черепки, то битые кирпичи необычной формы, а то металлические вещи, вроде того огромного медного котла, который местные киргизы отправили как диковинку кокандскому хану? Почему в тихую погоду сквозь толщу хрустальной воды иногда чудятся любознательному наблюдателю то полуразрушенные стены, то остатки домов, то очертания башен, залитые волнами?

Иссык-кульским «бумом» можно назвать вспыхнувший в последние годы интерес к озеру. Иссык-Куль становится всесоюзной курортной зоной и сотни тысяч отдыхающих каждое лето нежатся на его золотистых пляжах.

Создан Иссыккульско-Чуйский территориально-производственный комплекс, объединивший творческие усилия ученых и производственников. Он предусматривает всестороннее научное исследование края в целях рационального использования водных ресурсов для орошения, гидроэнергетики, хозяйственно-промышленных и бытовых нужд, для разведки и добычи богатейших полезных ископаемых Тянь-Шаня.

В экологическом плане уже ведутся исследования о взаимоотношениях между живыми организмами и человеком, а также их с окружающей средой, решаются проблемы охраны флоры и фауны.

Историки изучают и реконструируют общественно-экономические, культурные и политические события далекого прошлого, исследуют и современность. В воссоздании былой истории края первостепенное значение приобретают археологические раскопки. На Иссык-Куле они укладываются всего в какие-то четыре десятилетия, тогда как существование человека на этой территории определяется

десятками тысяч лет. К тому же первые шаги в организации и проведении раскопок предпринимались непланомерно. Да и сами археологические памятники территориально разбросаны и датируются хронологически так же бессистемно. Сохранились они выборочно, только из того материала, который не поддается или слабо подвержен разлагающему влиянию времени.

И все-таки удивительная Иссык-Кульская котловина богата историческими памятниками. Начиная от палеолита — древнекаменного века — здесь одна культура сменяла другую на протяжении тысячелетий. От находок древнейших галечных орудий — чопперов, от стоянок неандертальца следы человеческой деятельности ведут через века к мощным сако-усуньским курганам, к тюркским каменным изваяниям, к крупным средневековым поселениям.

Вот уже почти четверть века производит в Прииссыккулье раскопки памятников истории и занимается их изучением археолог Дмитрий Федорович Винник. Ему принадлежит заслуга выявления в котловине свыше 100 средневековых поселений, сотен курганных могильников, сбор десятков каменных изваяний, проведение поисков бронзовых кладов и т. д.

Но не только побережье, сам Иссык-Куль является кладовой тайн для историка. Уже обнаружены на дне озера остатки развалин тимуридского города и кирпичного завода. В этом опять-таки заслуга Д. Ф. Винника, в течение трех лет проводившего подводные археологические исследования на Иссык-Куле.

По крупицам воссоздается картина исторического прошлого. Составив его мозаику, попытаемся совершить свое путешествие в глубь веков примечательного, богатого и во многом уникального горного края и его жемчужины — озера Иссык-Куль. Путешествие в историю — не есть бегство в прошлое. Оно непременно связано с настоящим. История мертва, если не видит перед собой современника.

Переключка поколений, знание творений предшественников побуждают к действиям, направленным на дальнейшее познание мира и преобразование общества, которое по мере своего развития само становится историей. А. М. Горький подчеркивал: «... Знать прошлое необходимо, без этого знания заплутаешься».

Документальное путешествие в прошлое полно тайн и приключений, так же как и воображаемый маршрут в будущее. Только если будущее мы можем как-то запрограммировать, то на прошлое мы не имеем никакого влияния. Оно уже совершилось. И объективно нам неподвластно. Зато субъективно...

Сколько писателей, ученых, почти столько и представлений о прошедших эпохах. Даже строгий летописец и тот небеспристрастен, волен описывать только те факты, которые сам считает важными, интересными, полезными. Но другой летописец отобрал бы, может быть, другие факты и события, или другие детали из тех же событий. И в нашем представлении прошлое открылось бы с другой стороны, возможно, прямо противоположной.

Предлагаемая книга не является строго историческим исследованием, в хронологической последовательности повествующим о прошлом края. Она рассказывает о современных экспедициях и работе ученых по выявлению памятников старины, о поисках следов первобытного человека и древнейших наскальных рисунках, о мифических и действительных кладах, о курганах и остатках средневековых поселений, о подводной экспедиции, исследовавшей затонувшие памятники давно минувших культур.

Словом, книга позволяет совершить увлекательное путешествие в прошлое Прииссыккулья.

СЛЕДЫ ПЕРВОБЫТНОГО ЧЕЛОВЕКА

Предыстория. Сколько лет Иссык-Кулю?

С наступлением летнего полевого сезона самые различные отряды ученых: геологов, гляциологов, геоморфологов, историков уходят в дальний поиск. Они исследуют строение земли и движение ледников, флору и фауну, памятники истории и культуры. Хронологический диапазон исследований охватывает период от нескольких лет до сотен миллионов их. Результаты поиска все шире приоткрывают завесу тайн прошлого, все больше обогащают наши знания об историческом и далеком доисторическом времени.

Что же сегодня известно о прошлом Иссык-Кульского края?

Когда-то, много-много миллионов лет назад, в этих местах гуляли волны древнейшего моря-океана Тетис, названного так учеными-романтиками по имени греческой богини, мифической супруги Океана. Тетис включал в себя Средиземное, Черное, Каспийское моря, весь Среднеазиатский бассейн и почти всю Центральную Азию вместе с пустыней Гоби. На теперешней суше обнаружены осадочные породы именно морского происхождения.

Вспоминаю, как мы, историки, были поражены (геологи восприняли это спокойно), встретив окаменелые раковины брахиопод в породах карбонового периода на Джеты-Огузе, застывшие морские ракушки в известняковых толщах пещеры Ак-Чункур высокогорного Сары-Джазского бассейна Центрального Тянь-Шаня. Воды древнейшего океана не

были безжизненными: в них обитали фито-и зоопланктон, панцирные рыбы; на дне – белемниты, трилобиты. Иногда волны разрезала длинная сигарообразная тень мозазавра, хищного морского ящера, чем-то похожего на дельфина. Палеоихтиологи находят окаменелые отпечатки их скелетов.

За прошедшие сотни миллионов лет на этой территории неоднократно возникали горы, которые затем разрушались, а впадины, образовавшиеся при этом, заполнялись морем. Последний раз волны шумели здесь где-то около 25–30 млн лет назад. Затем морское дно начало постепенно вспучиваться. Все было охвачено вертикальными движениями, в результате которых суша раскалывалась на отдельные блоки. Одни из них вздымались более интенсивно, другие – медленнее. Пласты морских отложений сминались в складки. В результате возникла горная система складчато-глыбового строения. Это и был современный Тянь-Шань.

Но процесс горообразования на этом не остановился, горы продолжали расти. При вертикальных передвижениях земной толщи получились прогибы. Во время великих оледенений, а также в промежутках между ними, по мере таяния льдов и стока горных речек эти прогибы постепенно заполнялись водой. В не имевших стока котловинах образовывались озера. Так на лике земли появился и наш прекрасный Иссык-Куль – совсем «юное» озеро, возраст которого всего каких-то 10 млн лет. В период всеобщего потепления край заполнился пышной цветущей растительностью, появились теплолюбивые животные: слоны, носороги, бизоны. Сегодня их останки можно видеть в Пржевальском краеведческом музее.

Шли века. Тысячелетия. Десятки и сотни тысячелетий. Периодически поднимался и опускался уровень озера, которое то становилось бессточным бассейном, то связанным с Чуйской орографической системой. Менялись климат Прииссыккулья, растительность. Менялся и животный

мир: одни животные вымирали, другие — более совершенные — выживали. И, наконец, наступил момент, когда на лазурных берегах озера появилось самое совершенное творение природы — первый человек.

Геологическое время его появления: нижний плейстоцен — древнейший этап четвертичного периода. Но это — протяжение в два миллиона лет. Более точную дату, казалось, могли установить лишь археологи. Они назвали этапом становления человечества нижний палеолит, т. е. ранний период древнекаменного века, который начался два с лишним миллиона лет назад и закончился где-то на сотысячном году до нашей эры.

Первые исследователи палеолита Прииссыккуля

Основная заслуга в исследовании каменного века Прииссыккуля принадлежит Вадиму Александровичу Ранову и Мелису Болотовичу Юнусалиеву. Исходный материал для палеолитических исследований был получен ими от геологов.

В начале 60-х годов в прибрежных горах Кызыл-Омпул — в нескольких километрах юго-западнее Рыбачьего — геологи среди окатанных галек случайно наткнулись на крупные ударные и режущие каменные орудия из темно-коричневого порфирита. Археологи их называют чопперами и чоппингами — двусторонне и односторонне оббитыми галечными орудиями, одними из древнейших в производственной деятельности человека. Они аналогичны наиболее ранним каменным орудиям, обнаруженным известным советским ученым-палеолитчиком А. П. Окладниковым в долине реки Он-Арча в Южной Киргизии. Он-арчинские орудия стали эталоном первых произведений человеческого труда периода нижнего палеолита Киргизстана. Это были самые древние следы, оставленные человеком на Тянь-Шане.

Таким образом, находки геологов в горах Кызыл-Омпул обнадеживали. И вот на поиски орудий древнейшего человека в окрестностях Иссык-Куля отправляются специалисты. В. А. Ранов в составе геоморфологической экспедиции Московского государственного университета и его аспирант М. Б. Юнусалиев вместе с геологами Киргизской Академии наук произвели первую палеолитическую разведку в Прииссыккулье. В результате работ были обнаружены орудия каменного века, в том числе на интереснейшей стоянке мустьерского времени Тоссор и одном из древнейших поселений человека на Иссык-Куле – Боз-Бармаке.

Тоссор

В 1967 г. автору посчастливилось присутствовать при начале стационарных работ на Тоссоре (они были завершены в 1971 г.), а в 1976 г. на Боз-Бармаке. Научные отчеты дают исчерпывающее представление о проделанной здесь работе, но окончательные выводы все-таки – дело будущего. А пока – пройдемся по страницам полевых дневников тех дней, окунемся в атмосферу поиска следов далекого прошлого.

Итак, 1967 год. Разведочный отряд под руководством кандидата исторических наук В. А. Ранова.

...Мы медленно поднимаемся вверх по речке Тоссор. Наше внимание привлекло обрывистое плато в 4,5 км от озера. Его можно было видеть уже с берега; оно как бы высвечивало в глубине ущелья. Машина сделала опасный крен, крутой разворот и, громко чихая, на первой скорости еле взобралась на обрыв. Перед нами расстилался небольшой трапециевидный останец. Его площадь была более чем скромной – 75 на 135 м. Ничего примечательного, кроме одного: здесь на поверхности встречались орудия, которые можно было обнаружить и в неглубоких промоинах. А это

уже указывало на культурный слой. Заложили шурф размером $2,5 \times 0,8$ м, дошли до глубины 2,5 м. Находок немного, но они обнадеживали.

В следующем году расширили предыдущий шурф и заложили 4 новых: они должны были выявить структуру отложений и положение в них находок. Максимальная глубина раскопов достигала 3,1 м. Ниже этого уровня археологический материал не встречался, поэтому дальнейшие работы проводились не на углубление, а на расширение раскопов.

В 1971–1972 гг, на Тоссоре работы продолжал М. Б. Юнусалиев. Начали большой новый раскоп размером 15×8 м, заложили лабораторную площадку с целью выявления вертикально расположенных находок, начиная от дневной поверхности до континентальных отложений древнего останца, И здесь начались открытия. В литературе Тоссор известен как «стоянка». На самом деле стоянка была расположена где-то вверху. Вот почему каменные орудия, найденные при раскопках, были разбросаны в толще лёсса как попало, вопреки всем геологическим представлениям.

Раскопки дали коллекцию в три с лишним тысячи «культурных» камней, т. е. орудий и отходов производства. Но все они были рассеяны в толще лесса на различной глубине. В результате датировка памятника и определение его принадлежности представили исключительную трудность. Нужно было исходить при установлении даты только из результатов анализа и сопоставления обнаруженных орудий труда, но это давало слишком расплывчатую хронологию. Следовало также найти и карьер, из которого брали заготовки для производства орудий.

С помощью геологов установили, что для изготовления орудий труда использовались местные материалы: серый кремнистый сланец, порфирит, реже — яшма, роговик. Многочисленные нуклеусы, сколы и осколки наводили на мысль о том, что Тоссор был своеобразной мастерской

по изготовлению орудий для охоты. Нуклеусы — это основы каменных орудий, так называемые заготовки, первичный материал, от которого уже откалывали орудия. По размерам они отличались большой вариативностью, но чаще всего встречались орудия, имеющие в поперечнике 5–7 см. Более или менее выраженных нуклеусов оказалось около трех десятков.

Одним из критериев датировки памятника стал тот факт, что для Тоссора были характерны заготовки неправильной формы. Сравнение с аналогичными памятниками позволило сделать довольно определенный вывод: финальный мустье, стоящий на самой ближайшей ступени к верхнему палеолиту. А это значит, что первобытная стоянка вместе с мастерской по изготовлению и обработке каменных орудий и древний человек существовали на Иссык-Куле уже 40–50 тыс. лет назад. Иссык-Куль знал неандертальца — человека разумного (*Homo sapiens*).

Боз-Бармак

Шло время, поисковые работы с каждым годом понемногу расширялись. Все новые районы охватывались маршрутами поиска. Настоящей кладовой каменных орудий оказалось обширное плато Боз-Бармак, находящееся в трех километрах от Рыбачьего на южном берегу озера. Еще в 1965 г. геолог М. А. Талипов нашел на этом плато несколько отщепов и каменных орудий, которые передал М. Б. Юнусалиеву. В 1976 г. первая же археологическая разведка на Боз-Бармак принесла десятки отщепов, орудий и заготовок. Основные находки шли на удлиненной террасе, которую М. Б. Юнусалиев назвал Саламат-Булаком по имени бьющего ниже родника. За два полевых сезона (1976–1977 гг.) на этой террасе было собрано около 1000 каменных орудий, нуклеусов, отщепов,

т. е. всего того, что обычно характеризует стоянку или место длительного пребывания первобытного человека. Для древнего человека первая озерная терраса Саламат-Булак оказалась очень удачной во многих отношениях. Во-первых, она начиналась в нескольких десятках метров от берега, гряды возвышенностей защищали ее от очень сильного западного ветра, который теперь называют уланом. На берегу озера после штормов можно было собирать съедобных моллюсков, водоросли, древесину, пригодные для обработки гальки. Невдалеке располагался карьер, из которого добывали камень для изготовления орудий труда. Чего же древнему человеку еще надо?

... Место для разбивки лагеря археологи долго не выбирали. Стоянка далекого предка их вполне устраивала. Наутро у родника красовалось семь разноцветных палаток, очаг из камней и старая грузовая машина.

Накануне первого выхода — краткая лекция о палеолите, демонстрация каменных орудий и их отходов, поднятых здесь же на террасе Саламат-Булак. Рабочие — в цепь и — в поход. Метр за метром, километр за километром, расширяющимися кругами идет работа по всему плато.

Первые же находки вызывают удивление: как все эти предметы могли оказаться на поверхности, тогда как с удревнением памятники должны, наоборот, все больше погружаться в глубь земли, заноситься «культурным» слесом, песком и т. п.?

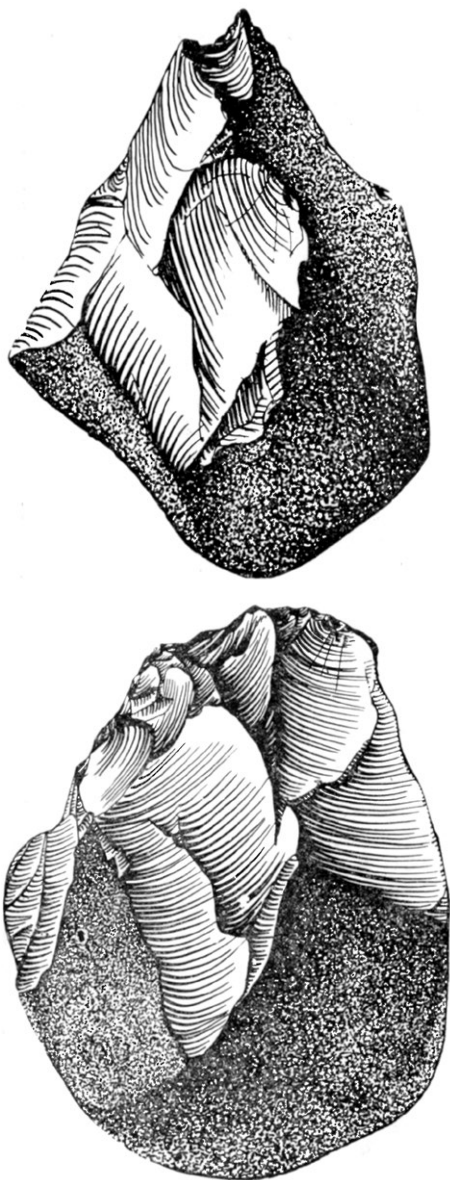
Очевидно, подобное перемещение вызвано колебаниями земной коры, с одной стороны, и процессом выветривания, постоянно разрушающим эту кору и превращающим даже скальные породы в обломки, щебень, песок и пыль, с другой. Действиями силы ветра, течения воды рыхлый разрушенный материал был перемещен в пониженные части рельефа, более громоздкий и тяжелый — остался на месте. Таким образом, ранее погребенные отложения, в том числе и единичные камни, оказались на так называемой дневной

поверхности, а более поздние — погребенными. Вспомним процесс добычи промывного речного золота! Точно так же на поверхности плато Боз-Бармак оказались каменные орудия первобытного человека — золотые песчинки палеолитической эпохи.

Сначала было собрано большое количество камней, не имеющих никакого отношения к орудиям труда древнего человека. Затем все реже приходилось отбрасывать находки в сторону, все больше орудий и отщепов пополняло шифрованные коллекции. Они росли прямо на глазах. Найдки стали исчисляться уже тысячами, зато на плато они попадались единицами. Наконец, последнее обследование во главе с руководителем — и ни одного орудия. Подъемный материал исчерпан. Тогда пошли вглубь. Прорыли несколько шурфов, каменных орудий не обнаружили и на глубине. Значит, плато себя исчерпало.

Размышления. Сопоставления. Анализ. Математические выкладки. Сразу встало много проблем, одна из которых и главная — специфичность собранной коллекции первобытных орудий. То были орудия с небольшими выемками: мелкие скребочки, шила — как бы специально предназначенные для вытяжки жил, обработки шкур, костяных и деревянных изделий. Словом, довольно миниатюрные ручные орудия для сравнительно тонкой работы. Поражало почти полное отсутствие крупных охотничьих орудий. В результате создавалось впечатление, что если на Тоссоре находился очаг охотничьей культуры, то на бозбармакской террасе Саламат-Булак — нечто вроде специализированного кожевенного производства. Вывод археологов гласил: Саламат-Булак — не стоянка, а мастерская по изготовлению орудий и обработке шкур, кости и дерева. Этаким древнекаменный индустриальный центр миниатюрных орудий, некая пошивочная мастерская.

Сама стоянка должна была находиться где-то вверху, в пещерах, но никаких следов ее обнаружить не удалось.

Каменные орудия стоянки Боз-Бармак

Определили предварительно возраст памятника. Сравнительный анализ и последующее обследование орудий в секторе палеолита Ленинградского отделения Института археологии показали: орудия относятся в основном к домустьерскому периоду.

Согласно канонам археологической науки, мустьерские орудия характерны для верхнеплейстоценовых террас (10–100 тыс. лет). На Саламат-Булаке же были обнаружены домустьерские орудия, которые должны были располагаться в среднеплейстоценовых слоях (100–900 тыс. лет). Геологи относят Саламат-Булак к нижней части среднего плейстоцена. Таким образом, на Боз-Бармаке вполне мог обитать как неандерталец, так, теоретически, и его прямой предшественник — питекантроп.

Итак, древность истории человеческого общества на Иссык-Куле получила убедительное подтверждение: не менее 100 тыс. лет. Иссык-Куль, следовательно, хотя и находился в стороне от центров возникновения человечества, однако видел на своих берегах его первых представителей. Они здесь жили, охотились, производили орудия и себе подобных. С этого времени история человечества в Прииссыккулье уже не прерывалась.

Реальность и надежды Джергалан

Жажда поисков не знает предела. Археологам всего было мало. Хотелось найти убедительные доказательства пребывания человека на Иссык-Куле в еще более раннее время. Характер климата, флоры и фауны среднечетвертичного периода в этом регионе указывал на то, что такое предположение небезосновательно. Имелся и подходящий для подтверждения данного предположения объект — знаменитый древнефаунистический комплекс Джергалан, что находится в песчаном карьере на левом берегу одноименной реки,

⁸ Том IV. В. М. Плоских

плавно несущей свои мутные воды в прозрачный до голубизны Иссык-Куль.

Мы прибыли к разрезу в 1968 году полные надежд и предчувствий открытия. Разрез представлял собой подмытый рекой глубокий обрыв, по которому, как по геологическому пособию, читались древние слои и отложения. Можно представить себе как постепенно жаркий и сухой климат среднего плейстоцена менялся на более мягкий вследствие увеличения общей увлажненности. Склоны гор покрывались пышными лесами, в которых паслись длинноногие бизоны и шерстистые носороги, лошади и олени, лохматые мамонты оглашали окрестности трубными звуками.

Геологические находки, а также находки остатков древнейшей фауны говорили нам о том, что климат и местность были вполне подходящими для обитания первобытного человека.

В других местах республики, в том числе и на Иссык-Куле, каменные орудия нижнего палеолита, т. е. старше 100-тысячелетней давности уже находили. Велик был соблазн найти их на Джергаланском разрезе. Тогда можно было бы увязать пребывание здесь человека с определенной, строго датированной геологической эпохой, ее флорой и фауной. Характер обрыва позволял надеяться, что древние орудия в отвалах найдутся. Мы не мечтали о большем — по крайней мере вслух. Но воображение! Так и напрашивалось сравнение Джергаланского разреза со знаменитым обрывом над рекой Соло острова Ява. И в обрыве реки Соло четко просматривались геологические слои: 15-метровая стена древних речных отложений перемежалась пластами вулканического пепла и песчаника. Именно здесь сделал голландец Эжен Дюбуа в 1891—1895 гг. свое великое открытие. Он начал работы методичным снятием верхних слоев и постепенным углублением. Через два месяца стали попадаться окаменелости давно вымерших животных и был найден (один

единственный!) зуб древнего примата, похожий на зуб человекообразной обезьяны. Позже, наряду с множеством костей неизвестных животных, был обнаружен еще один зуб, черепная крышка и бедро. Так явился миру питекантроп! Э. Дюбуа всю жизнь считал, что нашел недостающее звено между обезьяной и человеком, недостающее звено дарвинской теории происхождения человека. Дюбуа ошибался. Он нашел не переходный тип, а первого настоящего человека, *Homo erectus* – человека прямоходящего. Его возраст насчитывал 750 000 лет. Это была одна из самых замечательных находок на заре антропологии. Дюбуа для величайшего открытия потребовалось пять лет раскопочных работ.

В Джергаланском разрезе хотя и не было вулканических слоев, зато озерно-дельтовые отложения чередовались с песчаником и слоями глины по вертикали на целых 50 метров. Обрыв здесь был в три с лишним раза выше, чем у р. Соло. Естественно, что мы были полны надежд и предчувствий открытия,

Отряд новоявленных дюбуа рассыпался цепочкой по вертикали и стал прочесывать разрез горизонт за горизонтом. День. Второй. Третий. Обнаруживаем небольшие фрагменты костей давно вымерших животных. В средних слоях попадают осколки бивня мамонта, череп какого-то неизвестного археологам зверя. Отдаем его для исследований зоологам. Но орудий или их следов не находим.

Надежды не оправдались, предчувствия не сбылись. Утешаем себя лишь тем, что экспедиция была разведочной, она наметила перспективные объекты для последующих поисковых работ.

С Джергалана мы уехали с мизерными находками, но и... с твердым убеждением в необходимости развертывания здесь в будущем больших стационарных работ.

Через девять лет археологический отряд уже под руководством М. Б. Юнусалиева разбил свой лагерь в устье

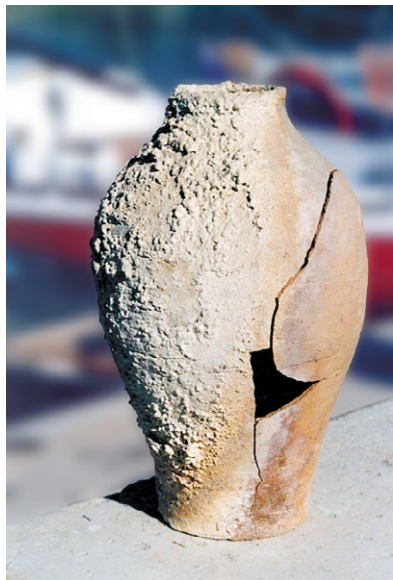
р. Джергалан, у начала разреза. Почти весь полевой сезон ушел на поиски следов пребывания древнего человека в этих местах. И опять безрезультатно.

Дело в том, что вся полевая работа опять-таки разворачивалась в поисках подъемного материала — так сказать, того, что лежит сверху. Раскопок не производили. Орудий или других следов пребывания здесь человека не нашли. Словом, находок не было, но оставалась убежденность, что они тут должны быть. Пришлось перенести поиски на новое место. Джергаланский разрез — это такой орешек, разгрызть который могут только большие людские силы и техника.

Позже геолог М. А. Талипов рассказывал, как он все же нашел в озерно-дельтовых отложениях среднечетвертичной джергаланской террасы (100—900 тыс. лет) у села Михайловки первобытные кострища с частично обуглившимися костями животного. Анализ показал, что это древний бизон. Так что же, неандертальцы были большими лакомками и не любили сырого мяса? Выходило, что они долго обжаривали этого бизона на костре, прежде чем съесть. Время обитания бизона на территории Иссык-Куля 300—400 тыс. лет тому назад. Таким образом, было получено новое косвенное свидетельство, указывающее на существование древнейшего человека нижнего палеолита — неандертальца (или его предка?!) в Прииссыккулье.

Мало того. Другой геолог, Н. Удалов, работая на левом берегу р. Джергалан, в слоях, геологически датированных тем же среднечетвертичным периодом, обнаружил каменные орудия, которые, следовательно, тоже относятся к нижнему палеолиту и являются орудиями первого существовавшего здесь человека.

Вперед! Новые поиски, приключения, находки.

Хумча. Керамика. VIII–XII вв.

Котел. Бронза. III–II вв. до н. э.

Наконечники копий, кинжал, серп. Бронза III–II вв. до н. э.

Котлы. Бронза. II–I вв. до н. э.

Котел и акинаки. Бронза. III–II вв. до н. э.

Котел и кувшины. Керамика. VIII–XII вв.

Христианская церковь, г. Каракол

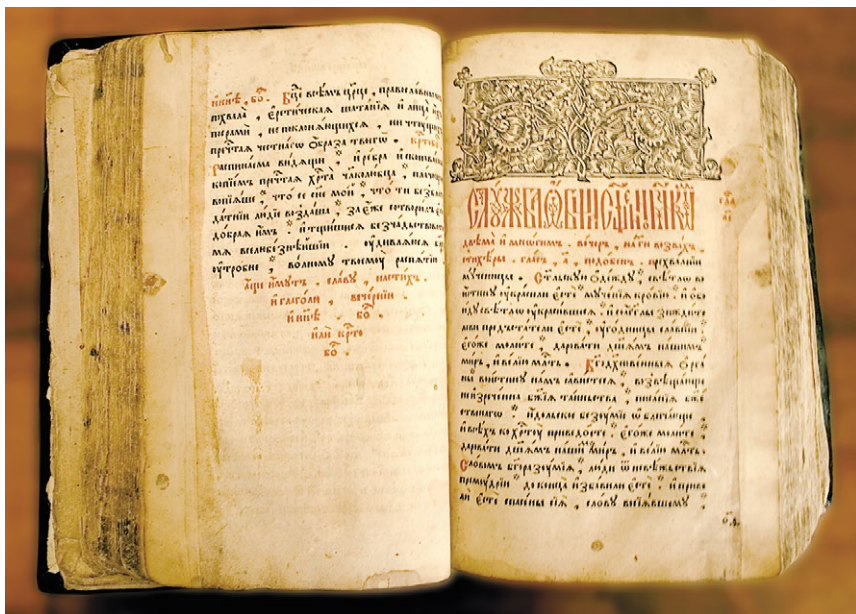
Раскоп

Петроглифы

Керамика с христианской символикой со дна оз. Иссык-Куль

Евангелие

Джейранчик. Золото. V—III вв. до н. э.

Серебряная амулетница

Серебряный кубок эпохи караханидов. XI в.

Ножки жертвенного котла. Бронза

НАСКАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Самолет в художественной мастерской древности

Як-40, пройдя над ущельем, вырвался на просторы голубого Иссык-Куля. Сверху он был особенно красив в обрамлении ослепительно белых хребтов Кунгей и Терской Ала-Тоо. Через несколько минут курс резко меняется: повернули круто на север и сразу пошли на снижение. Казалось, пилот готовится врезать самолет в крутой берег. Неожиданно набежала взлетно-посадочная лента. Колеса глухо коснулись асфальта. Пробег до конца двухкилометровой полосы, медленный разворот и вот мы среди огромных скальных пород и валунов. Приземлились прямо у наскальной галереи. Стоит пройти несколько сот метров и перед глазами предстанут причудливые рисунки на камнях, покрытых с одной стороны южным темно-коричневым загаром.

Воздушные ворота Иссык-Куля — Чолпон-Атинский аэропорт построен на месте и среди многотысячного скопления наскальных изображений. В определении их возраста специалисты на удивление «солидарны»: от нескольких столетий до нескольких тысячелетий. Группы подобных наскальных рисунков разбросаны по всем предгорьям.

Загадки первобытного искусства

Обращение к первичным формам искусства сразу же ставит целый круг вопросов.

— Время создания наскальных рисунков и появления пещерной живописи?

— Что заставило человека отойти на время от прозаичной хозяйственной деятельности и предаться столь отвлеченному занятию?

— Чем было вызвано появление искусства? Что это: магия или стремление к эстетике?

И многие-многие другие вопросы.

Буквально еще четверть века назад история всемирного искусства открывалась ассирийскими и древнеегипетскими памятниками IV—III тысячелетий до н. э. Сейчас этот диапазон расширился и хронологически и географически: ушел в глубь истории на десятки тысяч лет и охватил почти все регионы земного шара.

Иссык-кульские рисунки в научном мире довольно известны. Ученых поражают сюжеты «наскальной живописи». Здесь и сцены из жизни древних людей — скотоводство, земледелие; изображения солнца и различных животных: собак, волков, верблюдов, лошадей; всадников на лошадях, отдельные тамгообразные знаки.

Но иссык-кульские наскальные рисунки в полной мере не изучены до сих пор. Ученые все еще не могут с твердой уверенностью датировать их: а рисунки есть и времени бронзы, и XIX века, не расшифрованы и сюжеты многих рисунков. Открытым остается вопрос о цели, которую преследовал первобытный человек, создавая эти рисунки: есть ли это ритуал и магия, либо это уже потребность в творчестве. Требуют ответа и другие важные вопросы.

История изучения иссык-кульских «писаниц» насчитывает менее века, но пристальное внимание ученых они привлекли лишь в последнее десятилетие.

Первое печатное заявление о наскальных рисунках Иссык-Куля сделал ботаник А. Н. Краснов. В 1886 г. он принял участие в экспедиции Русского Географического общества по исследованию Хан-Тенгри и по дороге на эту

горную систему Тянь-Шаня зарегистрировал древние рисунки на камнях южных склонов Кунгей Ала-Тоо.

В одном из ущелий на южном побережье Иссык-Куля встретил и описал изображения верблюда и горных козлов пишпекский краевед Ф. В. Поярков в 1887 году.

Более подробно о наскальных рисунках Иссык-Куля поведал художник С. М. Дудин — постоянный спутник и помощник известного востоковеда и знатока Средней Азии академика В. В. Бартольда во время его путешествия по Семиречью в 1893—1894 гг. В своем научном отчете о поездке В. В. Бартольд примерно так описывает впечатления художника.

«Г-н Дудин ехал по северному берегу озера ближе к горам, спускаясь на станции лишь для покупки припасов и расспроса сведений о дальнейшем пути. В ущельях около станций Чоктал и Чолпон-Ата он встретил камни с изображением козлов и других животных, аналогичные тем, которые ранее ученый уже обследовал на Нарыне. Фигуры были древнего происхождения. Но на одном из камней художник отметил два изображения козлов, высеченных, несомненно, совсем недавно, но в стиле древних фигур тех же козлов. Изображения были сделаны не специальным инструментом, а куском обычного твердого камня, что привело к убеждению — не все рисунки древнего происхождения». Академик Бартольд целиком присоединился к мнению художника, считавшего рисунки творчеством как древних кочевников Иссык-Куля, так и современных ему киргизов. «Нет никаких оснований отрицать художественные наклонности у современных киргизов; даже в новейших муллушках (надгробных сооружениях — В. П.), — писал он, — мне случалось видеть на стенах изображения лошадей настолько недавние, что краски еще не успели стереться».

С этим трудно не согласиться. Добавлю от себя, что во время многочисленных поездок по горам и мне однажды

удалось наблюдать процесс такого творчества. Молодой киргизский чабан, пригнавший на отдых к водопою овец, с усердием выбивал на потемневшем от загара валуне силуэт дикого козла. Точно так же, как это сотни и тысячи лет до этого делали его предки.

Но все-таки подавляющее большинство рисунков, без сомнения, — дело рук предшествующих поколений, многих десятков поколений.

Рисунки встречаются как на отдельных валунах, так и на скальных глыбах. Есть они и возле могильников, которые ученые датируют рубежом нашей эры. Справедливость такой датировки уже в советское время доказал раскопками курганов, соседствующих с наскальными рисунками, А. Н. Бернштам.

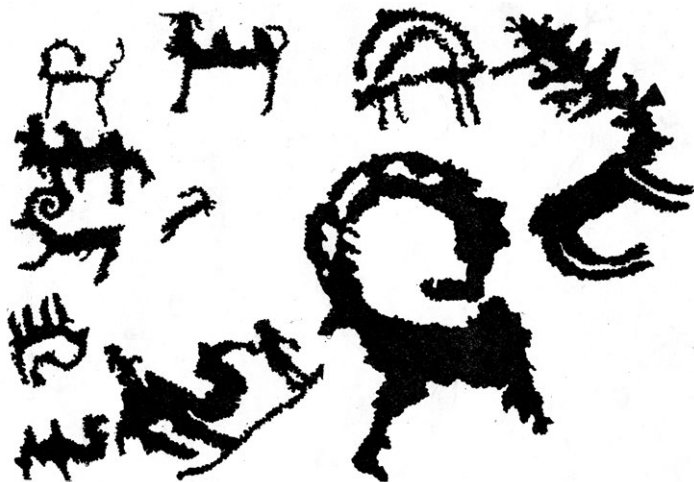
Одни из самых последних исследователей иссык-кульских наскальных рисунков — Д. О. Винник и Г. А. Помакина — основную их массу относят к периоду от первых тысячелетий до н. э. до XII в. н. э., т. е., считают они, рисунки создавались на протяжении более чем двух тысячелетий. Исследователи не только пришли к выводу о непрерывности линии развития наскального искусства на протяжении двух тысячелетий, но и проследили его историческую трансформацию, заключающуюся в переходе от геометрического стиля через теневой к линейному.

Большинство наскальных рисунков имеют небольшие масштабы, лишь единичные экземпляры предстают перед нами размером в 1 метр. Повсеместно рисунки наносились на загарную, гляцевую сторону гранитных глыб и валунов, имевших цвет от темно-коричневого до черного.

В ходе исследований ученые сделали еще один важный вывод: с течением времени число единичных изображений постепенно увеличивается, а групповые сюжеты — наиболее древние — исчезают полностью.

**Археологи за камеральной обработкой находок.
Слева направо: Д. Ф. Винник, К. Т. Ташбаева, И. К. Кожомбердиев**

Иссык-кульские наскальные рисунки

С фотоаппаратом за рисунками

В середине сентября 1973 г. автор с группой археологов — Д. Ф. Винником, В. П. Мокрыниным, М. К. Кубатбековым и Г. А. Помаскиной — приехал на Иссык-Куль. Цель поездки — более детальный осмотр наскальной галереи.

...Переночевали на берегу озера. Подъем назначили на шесть часов утра. К наскальным изображениям следовало добираться при восходе солнца, чтобы косые лучи рельефнее их высвечивали. Скорые сборы, и вот автобус по бездорожью медленно тянется в гору, лавируя между огромных камней. Солнце взошло не слепящим южным заревом, а небольшим золотистым диском. Было сыро и прохладно. Во всем уже чувствовалось наступление осени. На востоке дымка, а нам нужны яркие косые лучи, чтобы сделать фотоснимки рисунков, обращенных к востоку. Они наиболее интересны. Остальные рисунки пока неясны — тень скрадывает их очертания. Быстро щелкают фотоаппараты: нужно успеть снять на цвет, черно-белую пленку, узкий и широкий слайд. Торопимся. На валунах и скальных глыбах сюжетные сцены и одиночные рисунки. Выполнены они методом гравировки: каменным орудием прорезывали, прочерчивали или точечными ударами выдалбливали контуры рисунка, как правило, в профиль. Рисунки не едины и по стилю: реалистическое изображение сменяется условной схематичностью. Но при всем этом они представляют единый историко-культурный комплекс в его многовековом развитии.

Сюжеты самые разнообразные. Вот четко виден силуэт человека, ведущего караван верблюдов, на одном из верблюдов — всадник. Караван шествует по прочерченной тропе, видимо в гору. Рядом на камне — поводырь одиночного верблюда. Вот несколько изображений всадников на конях. Один размахнулся лассо, другой натянул тетиву лука, третий с мечами или ножами скачет вдогонку

за горным козлом, рядом прирученная собака. На соседнем камне человек держит козла за рога. А вот какая-то магическая сценка: мужчина в ритуальном танце тянется к другой фигуре, возможно, женщине.

Чаще других можно наблюдать изображения животных, особенно горного козла. Козлы с вытянутыми загнутыми рогами, козлы с рогами, закрученными в спираль и т. д. Все фигуры выбиты в профиль. Техника исполнения одна и та же: точечная отбивка. Нередко встречается на рисунке олень (бугу) с ветвистыми рогами — священный тотем далеких времен местного киргизского племени. Несколько реже — верблюды. На камнях можно узнать быка, собаку, лошадь, барса. Фигуры животных выполнены вполне в реалистической манере, поражают мастерством первобытного художника. Многие фигуры даны в динамике. Каждый рисунок и сюжет — настоящее произведение древнего искусства. Наиболее восторженные поклонники последнего усматривают в этих рисунках даже печать индивидуальности художника. Но в целом для них, конечно, характерны общие традиции, приемы изображения и сюжеты, отражающие магические, религиозные и бытовые моменты из жизни древнего общества.

Иссык-кульские наскальные рисунки показывают, что ранние формы искусства были непосредственно связаны с трудовой деятельностью человека, сюжеты их тесно переплетались с мифологией и религией древнего общества. Это было то самое нерасторжимое единство, которое искусствоведы называют первобытным синкретическим культурным комплексом.

Сколько лет рисункам?

В качестве исторического первоисточника наскальные рисунки использовать довольно сложно, так как они очень

трудно датировать. Даже ученый-археолог, специально занимающийся изучением петроглифов — наскальных рисунков — в большинстве случаев не может с желаемой точностью ответить, к какому времени относится тот или другой сюжет. Условно считают, что самые ранние рисунки относятся к бронзовому веку. Самые поздние — к XIX веку (если не принимать во внимание современных автографов и подражаний старине). Большинство рисунков, несомненно, древние и являются произведениями ранних кочевников. Это можно установить по различной технике нанесения наскальных рисунков и различному их стилю. Но какой именно рисунок к какому времени относится — сказать не так-то просто.

Археологи при датировке памятников используют главным образом сопоставительный метод: например, время создания наскальных рисунков можно определить путем соотнесения их с рисунками на камнях, костях или дереве из соседних могильников или поселений, время создания которых уже установлено по другим критериям. При датировке нужно учитывать и возможность наложения молодых рисунков на древние изображения. Это дает основание к относительной хронологии: сюжеты поглощенные, нижние, более древние, а верхние наслоенные, более молодые. Чтобы решить задачу с датировкой рисунков на камнях, разбросанных среди иссык-кульских могильников, Д. Ф. Винник решил раскопать несколько курганов, расположенных между валунами с наскальными рисунками. Только рассмотрение рисунков в комплексе с археологическим материалом из курганов внесло бы ясность в вопросы хронологии. В 1972 г. наиболее привлекательные из курганов были раскопаны. Но археологов постигла неудача — не такой уж редкий гость в археологических поисках. Все курганы оказались полностью разграбленными. Лишь в одном обнаружили череп

с явными следами от трехгранной стрелы. Сравнения и аналогии не получилось. Но идея заманчива, и поиски еще не закончены.

Остается неразрешенным и вопрос о назначении наскальных рисунков. Более всего оснований считать их скопление своеобразным культовым храмом под открытым небом, местом поклонения древних кочевников.

Таким образом, ближайшая задача ученых заключается не только в том, чтобы точно датировать наскальные изображения, но и в том, чтобы постичь смысл и предназначение иссык-кульской художественной галереи – этого уникального памятника первобытного искусства.

У подножья Хан-Тенгри

... Рисунки осмотрены, все камни обследованы. Можно двигаться дальше. В соседнем труднодоступном горном районе находится творческая мастерская другого первобытного художника. Уже не скульптора и гравировщика, а живописца. Оказывается, и в Киргизии, в высокогорном Тянь-Шане, там, где вознесся гордый пик Хан-Тенгри (6995 м), можно встретить цветные росписи – один из уникальнейших памятников искусства каменного века на территории нашей родины. Его история и седа, и одновременно молода.

... Четверть века тому назад в «Известиях Всесоюзного Географического общества» появилась статья археолога А. П. Окладникова и альпиниста В. И. Радека, вскоре привлекавшая всеобщее внимание в нашей стране и за рубежом. Для своего времени это было сенсационное открытие; в районе крупнейших ледников Тянь-Шаня – Иныльчек, всего в 15–18 км от ледников Семенова и Мушкетова, по правому берегу р. Сары-Джаз – одного из истоков р. Тарим – в пещере Ак-Чункур (букв. «белая яма») были

обнаружены уникальные рисунки. Художник каменного века выполнил их охровой краской прямо по стенам и потолку пещеры.

Пещеру первым обследовал и снял на план альпинист В. И. Радек. Во время многочисленных его странствий по Тянь-Шаню и покорений неприступных вершин местные охотники и скотоводы высокогорных пастбищ нередко рассказывали о большой пещере в верховьях р. Сары-Джаз. Пещера якобы прорезала с юга на север весь хребет Терской Ала-Тоо и выходила на поверхность в ущелье Джергалан. Охотникам и застигнутым непогодой животноводам она служила надежным укрытием и ночлегом. Расположенная в каменистом известняковом утесе на высоте 3 тыс. м над уровнем моря, пещера даже по внешним признакам обнадеживала: она вполне могла представлять убежище первобытному охотнику многие тысячелетия назад. Когда В. И. Радек поделился своими соображениями с известным палеолитчиком страны А. П. Окладниковым, тот предложил включить в ближайшую альпинистскую партию археологов. Так, в 1953 г. вместе с альпинистами к пещере пошли молодой казахский археолог Х. А. Алпысбаев и художник Л. В. Юрасов.

Уже первый осмотр поразил воображение: при мерцании лампочек фонаря на ступенчатых, переходящих в свод стенах пещеры, проступали очертания живописных рисунков. Казалось, первобытный художник орудовал вместо кисти пальцем руки, обмакнутым в охровую минеральную краску. Здесь и групповые сцены, и отдельные фигуры, и причудливые фантастические изображения неизвестных животных. Небольшой, заложенный археологами тут же раскоп дал уникальную находку: на полуметровой глубине в кострище был обнаружен рог горного козла, внутренняя полость рога сохранила следы охры. В руках ученых оказалась первая в мировой истории палитра, которой пользовался палеолитический художник. Его произведения,

тысячелетиями скрывавшиеся во мгле пещеры, предстали перед людьми космического века во всем своем многообразии.

В статье ученых в «Известиях Всесоюзного географического общества» пещерные рисунки были не только описаны, но и приведены, правда, в черно-белой прорисовке (см. стр. 68). Все изображения были сконцентрированы в шести группах. Вот две схематично выполненные человеческие фигурки, как бы устремленные в беге (1). Второй сюжет (5) намного сложнее и его расшифровка гораздо условнее: вероятно это какая-то охотничья сценка. Часть человеческой фигуры здесь вплетается в сложный рисунок, на котором можно различить соединенные друг с другом изображения лука с тетивой, человека вниз головой и сильно стилизованное контурное изображение животного.

Самая обширная и представительная третья группа рисунков (6). Вверху слева – фигура человекообразного существа с обращенной назад головой и с поднятой вверх и загнутой рукой. Фигура переходит в нижней части в торс животного с подогнутыми передними и задними ногами и загнутым вниз крючком-хвостом. А рядом... средневековый несторианский крест, нанесенный черной краской. В правом нижнем углу композиционно сложная сцена: короткая вертикальная полоса с отходящими от нее двумя отростками; квадрат с вписанным в него тамгообразным знаком из вертикальной линии с поперечниками на концах; антропоморфная фигурка с овальной головой и крыловидными свисающими вниз руками; фигурки, напоминающие человека, кустообразное изображение, отдельные соединенные линии.

В четвертой группе (4) нечеткие, едва видимые две фигуры и живо переданное изображение быка: крупный торс, круто выгнута спина, напряженная поза и угрожающе загнутый вперед рог.

Интересна следующая группа: (2) хорошо знакомая по графическим наскальным рисункам фигурка горного козла с большими дугообразными рогами, загнутыми на спину. Рядом волнообразно извивается змея, ее голова округла и поднята в угрожающей позе. Ниже схематическая фигура человека с поднятыми вверх руками. Человек стоит на змее, изогнувшейся подобно лодке. С головой змеи перекрещивается голова второй, круто извивающейся в два колена змеи, напоминающей кобру. Она передана очень реалистично и с большой экспрессией. В левом нижнем углу — снова схематическое изображение горного козлика.

И последняя — шестая группа (3), состоящая всего из двух фигур: как бы написанной отдельными мазками человеческой и крестообразного знака — не исключено, что это также часть человеческой фигуры.

Все рисунки размером 13—15 см, выполнены они нанесением охровой краски пальцем прямо на стены пещеры, в архейской манере и близки как по стилю, так и по сюжетам многочисленным графическим изображениям на камнях.

В пещере были отмечены и следы более позднего времени — несторианский крест, характерный для средних веков, а также 23 вертикальных строчки буквенных надписей, сделанных черной краской. Надписи не расшифрованы.

Вопрос датировки наскальных рисунков, как уже говорилось, сложен и во многом противоречив, но акчункурским рисункам повезло. В заложённых здесь же шурфах было обнаружено несколько камней со следами обработки их человеком. О том, что в пещере жили люди, свидетельствовали и небольшие орудия из черного роговика и красного непрозрачного камня. Каменные орудия при сопоставлении с подобными изделиями из других мест, довольно точно датировались — неолит. Следовательно, к этому же времени — 8—3 тыс. лет до н. э. — относились и красочные

пещерные росписи. С такой датировкой пещера и ее настенные рисунки вошли в научный оборот, в фундаментальные труды ученых, в многотомную «Историю Киргизской ССР», в школьные учебники по истории Киргизии.

А. П. Окладников и В. И. Рацек с присущим им энтузиазмом высказались за необходимость дальнейшего всестороннего изучения пещер Тянь-Шаня, которые могут хранить многочисленные тайны древнейшего прошлого человечества. К сожалению, последователей у них не нашлось. Более двух десятилетий пещеру так и не посетил ни один археолог.

Наш путь в пещеру

Летом 1977 г. разведочная группа Института истории Академии наук Киргизской ССР в маршрут археологических поисков следов древних горнорудных разработок в высокогорной Сары-Джазской долине включила и пещеру Ак-Чункур. В составе группы вместе с автором были: геолог О. В. Антонов, фотограф Ю. Н. Михайлов, краевед В. Г. Ратман и, к сожалению, ни одного палеолитчика.

Старенький «уазик», обогнув южный берег Иссык-Куля, въезжает в Пржевальск — в основную отправную базу альпинистов и геологов, 6 июля с первыми лучами солнца «уазик» уже мчал по прекрасной асфальтированной дороге на Теплоключенку. Далее Ново-Вознесенка и живописное ущелье Тургань-Аксу. Внизу с грохотом перекатывала валуны горная река. По склонам — зеленые свечи знаменитых тянь-шаньских елей. Неожиданно опустился туман. Сразу стало прохладно, но мы были готовы к этому. Знали заранее: все тепло останется внизу — вместе с Иссык-Кулем, несмотря на то, что июль — самый жаркий месяц года. Далеко позади — и асфальт, и населенные пункты. Медленно, но упорно объезжаем камни, поднимаемся

по крутому склону в гору, вперед — на перевал Чон-Ашу, расположенный почти на четырехкилометровой высоте над уровнем моря (точнее — 3982 м). Особенно трудны и опасны одиннадцать серпантинов.

На перевале нас встретил снег, поднялся ветер. Это была уже настоящая зима. Небольшая стоянка и спуск по ущелью, где глубоко внизу шумит река Оттук, к слиянию ее с Сары-Джазом. Обычно в Оттуке вода чистая, а Сары-Джаз всегда несет массу глины. Но сейчас после снега и дождя вода в обеих реках была одинаково мутной.

...Наступила холодная лунная ночь. Долго горел на берегу Сары-Джаза костер. Мы были в Центральном Тянь-Шане, среди высочайших его пиков, у истоков крупнейшей реки Таримской системы, вблизи теплого киргизского «моря», на пути к истокам древнейшего искусства.

В пещере Ак-Чункур

Утром в ярких лучах солнца величественно проступил весь горный хребет и знаменитый пик Хан-Тенгри. Не только высокогорные вершины, но и подножья были покрыты снегом, правда, свежим. Путь к пещере лежал влево от дороги, вверх по Сары-Джазу. Дороги никто не знал, но статья Окладникова и Рацека служила хорошим путеводителем. Попутно регистрируем встреченные могильники, отдельные накосим на план. Вот и точный ориентир — по левому берегу Сары-Джаза серповидное озеро. Пещера Ак-Чункур должна быть по правому берегу в известняковом утесе прямо напротив озера. Так и есть. Теперь мы видим и черный треугольник входа в пещеру. Уже вечер и основные заботы — по разбивке лагеря. Ставим палатку, разводим костер. Темноте наступила сразу — густая, с яркими блестками звезд.

Рисунки охрой на стенах пещеры Ак-Чункур

Итак, мы у цели своего путешествия. Над нами на высоте 132 м над руслом Сары-Джаза чернел вход в пещеру. Около 400 метров довольно крутого подъема, и мы в пещере. Вход трапецевидный, ширина его внизу 4 м, вверху — 10 м, высота боковых стен 8 и 6 метров.

Пещера естественная, карстового типа, в мраморизованных серых известняках. В отличие от пещер Южной Киргизии не имеет сталактитов, сталагмитов и других кристаллических образований. Возникла пещера, несомненно, в ледниковый период. Над пещерой заметные аллювиальные речные наносы из хорошо окатанной гальки и валунов, ниже пещеры встретили окаменевшую улитку. Делаем детальный обмер и составляем план пещеры по азимуту. Тускло светят шахтерские лампы и карманные фонарики. Ищем рисунки. Стены и свод покрыты мелкими шероховатыми наростами кальцита и серой пылью, отдельные места отполированы до блеска. Дно пещеры выстлано плотной краснокоричневой глиной — продуктом распада известняков, в конце пещеры от застывших натеков оно покрылось такырными плитами. На 22-м метре от входа образовался завал, однако легко проходимый. Пещера имеет уклон до 10°, заканчивается расширяющейся камерой. Длина пещеры 52,3 м, ширина — от 1,2 до 9 м, отдельные своды достигают высоты 12—13 м.

Обследование задней стенки пещеры показало, что пещера не заканчивается одной галереей, как думали ранее, а имеет продолжение. На высоте около 8 м оказался вход в другую галерею. Однако из-за отсутствия веревок и лестницы мы не смогли детально ее изучить. Местные жители утверждали, что она по своим размерам аналогична первой.

Тщательно обследовали все стенки и своды пещеры в поисках рисунков. Дело в том, что предшествующие исследователи указали их расположение довольно неточно — «на ступенчатых, переходящих в свод стенах пещеры». Слабые лучи фонарика вырывают в сплошной

темноте просветленные пятна. Метр за метром пройдена вся пещера. Только автографы нашествия современных посетителей. Возвращаемся. От проникающего из входа дневного света — полумрак. К надписям туристов добавляется копоть от недавно в изобилии горевших костров, мазутных факелов, и снова жирные масляные автографы. Своды покрыты коркой выветривания, затрудняющей осмотр первичной поверхности стенок. Но вот, наконец, и росписи. С трудом просматривается человеческая фигура с поднятыми руками, рядом — расплывчатое изображение, напоминающее змею. Две змейки и два каких-то знака, либо переплетение фигур. Вот и все, что осталось от рисунков, зафиксированных учеными четверть века назад.

Решили посмотреть, что хранит в себе культурный слой пещеры. Забили три шурфа — в конце, середине пещеры и при входе в нее. Те же самые мелкие отщепы, небольшие косточки и... альчик. Обыкновенный бараний альчик. Он имел сквозное отверстие и, вероятно, носился в древности как амулет. Это еще одно свидетельство существования определенных эстетических потребностей у древнего человека. В хронологически более поздних курганах сакоусуньского типа, датируемых VII в. до н. э. — III в. н. э. довольно часто встречаются такие амулеты-альчики, но для каменного века — это только культовое начало, которое станет впоследствии традиционным для кочевого населения на протяжении более чем тысячелетнего периода истории.

Беречь и изучать

... Продолжаем внимательно, до боли в глазах, до галлюцинаций всматриваться в пещерные своды. Слабый свет от наших фонариков, возможно, не позволил всесторонне и тщательнейшим образом рассмотреть и без того нечеткие

и расплывчатые рисунки. Однако, несомненно, часть их, причем большая, погибла безвозвратно. И мы можем быть только признательны А. П. Окладникову, В. И. Рацеку, Х. А. Алпысбаеву, Л. В. Юрасову, 25 лет назад зафиксировавшим еще первобытную свежесть рисунков и опубликовавшим свое исследование, ставшее теперь единственным источником сведений о каменных полотнах первобытного художника.

9 февраля 1979 г. газета «Советская культура» опубликовала критическую статью «Костры в пещере Ак-Чункур уничтожают уникальный памятник культуры», в которой с сожалением отмечала: «Представители местных Советов, в частности, Иньльчекский Совет народных депутатов Ак-Суйского района Иссык-Кульской области даже не знали, что на их территории находится такая достопримечательность и что по закону они должны осуществлять контроль за ее сохранностью!» Газета призвала общественность республики сберечь эту художественную галерею первобытного искусства. Памятник был взят под особую охрану и уже в 1981 году по инициативе Киргизского добровольного общества охраны памятников истории и культуры его всесторонним изучением наконец-то занялись ученые Института истории Академии наук Киргизской ССР.

О пещерных изображениях горных козлов мы вспомнили, когда спустились вниз по Сары-Джазу и далее по Иньльчеку к речке Каинда. На правом ее берегу полуметровый, покрытый темно-коричневым глянцевым загаром камень с такими же графическими козликами, выбитыми точечным приемом.

И этот, самый высокогорный и суровый район был обжит в глубокой древности. Графика на камне, красочные рисунки на стенах пещеры являются первыми образцами художественного творчества кочевников и охотников. Жители каменного века Прииссыккуля как и пещерные обитатели Франции и Испании, древнейшие художники

Сахары, авторы знаменитых енисейских писаниц оставили нам свое представление об окружающем мире, его видении и понимании.

В специальной литературе содержится много размышлений о функциональном назначении первобытного искусства. Почти столько точек зрения, сколько и исследователей. Но большинство сходятся на том, что функции эти не были однозначными. Сюжеты рисунков позволяют говорить о таких функциях ранних форм искусства, как идеологическая — культовые и магические изображения, сцены плодородия; познавательная — реалистические изображения животных и сцен охоты, пахоты; эстетическая — она не была самоцелью, но сущность ее заложена в самой основе искусства. Все эти функции присущи и иссык-кульским наскальным рисункам.

Наскальные рисунки Киргизии — это своеобразные художественные шедевры первобытной эпохи. Анализируя их, ученые приходят к выводу о том, что древний художник обладал инстинктивным пониманием простейших принципов композиции: ритмическим построением групп, сценичностью, круговой или фризовой организацией элементов на плоскости, масштабным выделением смысловых центров, что имело существенное значение для эмоционально-действенного воплощения художественного замысла.

Первые краманьонцы Иссык-Куля стремились упорядочить свои представления об окружающем мире и средствами искусства противостоять невзгодам жизни, бороться с неведомыми, необъяснимыми силами природы.

От первобытных наскальных полотен художник последующего периода переходит к ювелирным изделиям. Сакоусуньский период донес до нас образцы художественного ювелирного искусства так называемого «звериного стиля», от которого уже один шаг до объемной человеческой скульптуры — древнекаменных тюркских изваяний. Но это уже новые самобытные страницы истории.

В ПОИСКАХ КЛАДА

Легенда или быль!

... Лазутчики принесли страшную весть. Верить не хотелось, но черные слухи распространялись неумолимо: десятки тысяч монгольских всадников, все разрушая на своем пути, движутся в Семиречье. Агенты Чингисхана запугивали правителей, сеяли слухи. Началась паника и в столице Караханидского государства — Баласагуне. На минарете Бурана днем и ночью дежурили дозорные, до боли в глазах всматриваясь вдаль.

Несторианская колония близ города — осколок христианства в мусульманском мире — была обеспокоена заботами о сохранении многочисленных богатств и втайне начала снаряжать караван. До двухсот верблюдов были нагружены золотом и серебром — спасали сокровища и церковную утварь. Караван под видом торгового в строгой секретности тронулся на юго-восток, вглубь Тянь-Шаня. И вовремя. Караханидские правители без боя сдали столицу полководцам Чингисхана, за что монголы назвали Баласагун «хорошим городом». Все окрестности были вытоптаны монгольской конницей, и земледельческие оазисы на столетия превратились в скотоводческие пастбища.

Пройдя Кегетинским урочищем, караван по Кочкорской долине спустился к Иссык-Кулю. Далее повернули в сторону от традиционного торгового тракта и пошли по северному побережью озера. Остановки были очень краткими, проводники неразговорчивыми. Передышку сделали лишь у монастыря на берегу озера. Пополнили караван верблю-

дами, заменили некоторых лошадей и спешно двинулись дальше. Вот уже заметно как северный берег Иссык-Куля смыкается с южным. Их разделяет лишь узкая полоска воды – Тюпский залив. У истоков Тюпа нагнала страшная весть: монгольские отряды организовали погоню и выслали на перехват к Санташу отряд. Караван оказался зажатым между хребтом Кунгей Ала-Тоо и озером. Впереди ожидала засада, сзади надвигалась погоня. Что оставалось делать? Выбора не было. Монахи решили спрятать богатство. Нужно было найти укромное место. Вернулись к речке Курменты. Здесь по-над берегом в ущелье тянулась цепочка древних курганов – намогильных памятников некогда могущественным вождям кочевников. Незаметный, но надежный ориентир. Курганы достигали более 10 м высоты и уже более тысячелетия с молчаливым равнодушием взирали на «брённости бытия».

По цепочке курганов пошли к истокам реки. Щербатыми трещинами скалились выходы известковой породы. Утес, поросший красавицами елями. По склонам – валуны и огромные плоские камни. Мерный шум и бурлящие заводы реки. Вокруг ни души. Здесь и решили оставить клад.

Проводники наметили потайную пещеру. Тюки с золотом поднимали по крутым склонам на себе. На 25-метровой высоте расширили вход в грот и на веревках подняли тюки. Пещера шла в сторону и вниз на десяток метров. Было темно и сыро. Тускло светили факелы. С трудом расширили основание пещеры и в беспорядке посбрасывали вниз тюки. Клад заложили плитами, плиты засыпали двухметровым слоем земли. С лишними свидетелями монахи разделались просто: убили погонщиков верблюдов и грузчиков и на них навалили еще двухметровый слой земли с камнями. Чтобы скрыть все следы – к пещере провели воду из ближайшего родника, а в наполненное озеро для маскировки спустили тушу черного быка и набросали слой из оленьих рогов. Заканчивали работу

¹⁰ Том IV. В. М. Плоских

монахи в мрачном одиночестве. Замаскировали вход в пещеру. Место запомнили по валуну, который пометили несторианскими крестами. Страшной клятвой поклялись хранить тайну и ни под какими пытками не выдавать богатства и христианские реликвии диким завоевателям.

Камень стал священным. В последующем, даже многие века спустя, паломники издалека приходили поклониться молчаливому стражу с несторианскими реликтами. Но тайна клада оставалась нераскрытой.

Это один из вариантов легенды о богатом кладе, спрятанном на Иссык-Куле в далекие времена, кладе, будоражившем воображение людей многих поколений. Дело в том, что нашествие Чингисхана, копытами коней вытоптавшего все живое и задержавшего на века цивилизацию к западу от Монголии, оставило печальный след в памяти народов. Как мусульмане, так и христиане предавали анафеме жестокие подвиги средневекового грабителя, возвысившего разбой в ранг государственной политики. Поэтому не удивительно, что и многочисленные легенды о кладах связаны с периодом монгольского нашествия, когда население прятало от разбойников все, что можно.

Существует и другая версия легенды. По ней обладателями золотого клада на 60 верблюдах были калмыки, непродолжительное время господствовавшие на Тянь-Шане в XVII–XVIII веках. Они-то якобы и зарыли его то ли в верховьях р. Тюп, то ли по склонам р. Курменты. Местные старики — киргизские аксакалы рассказывали, что в свое время в поисках клада принимал участие известный киргизский манап Шабдан Джантаев со своей дружиной. Даже производили раскопки.

Первые поиски

Как бы то ни было, легенда, каких немало ходит по свету, неожиданно вновь привлекла к себе внимание в начале XX века. Это было время великих революционных потрясений и трагических судеб, трудового энтузиазма масс и мистических воззрений повергнутого класса. В русских эмигрантских кругах Восточного Туркестана неожиданно ожила и забытая было легенда об иссык-кульском кладе. Некий священник, уже будучи на смертном одре и не имея наследников, передал план клада своему товарищу Успенскому. Они вместе бежали после революции на чужбину и там мечтали о возвращении на родину. Духовник поведал, что в сокрытии клада участвовали его предки и что теперь он, оставшись один, передает эту тайну ближайшему другу, чтобы тот употребил ее на пользу отчизны.

В 1919 г. по декрету Советской власти эмигранты получили возможность возвратиться на родину. Те, кто не имел за собой особых преступлений, потянулись в Россию. Возвращались и семиреченские казаки, бежавшие в Китай после разгрома белых войск и подавления мятежей. Вернулся на Иссык-Куль и Успенский. Заветный план клада будоражил воображение.

Шли годы мирного труда. Успенский освоился с новым положением. Неоднократно облазил верховья Тюпа и Курментов, сверяя план с местностью. Наконец, отправная точка поиска была найдена. Нашлась и группа энтузиастов. В 1927 году 14 человек в глубокой тайне приступили к раскопкам.

Надо сказать, что после революции слухи о всевозможных кладях пользовались большой популярностью, да и имели под собой немалые основания. Богачи и прямые разбойники в смутные времена зачастую прятали ценности в укромных местах. Ходили разговоры о несметных богатствах «царских» курганов. Археологи в то время у же

приступили к работам: археологическую карту составлял П. П. Иванов, вскоре начали раскопки крупных курганов ленинградские археологи М. П. Грязнов и М. В. Воеводский. Поэтому и действия кладоискателей в Восточном Прииссыккулье никого особенно не удивили, а они начали копать в соответствии с отмеченной на плане точкой у молитвенного камня.

Слой земли чередовался со слоем рогов, затем — снова земля и человеческие кости. Дошли до мощных плит с надписями, прикрывающих, согласно рассказу духовника и плану, сам клад. Здесь нашли два молотка — один золотой, другой серебряный. Они были когда-то оставлены на плитах забывчивыми хозяевами. Перед завершающим этапом раскопок решили отдохнуть и отметить заметные успехи. И здесь произошел обвал. Весь труд пропал даром — пещера вновь оказалась завалена горной породой. Природа противилась грабителям. Дальнейшие работы местные власти, узнав о них, запретили.

Эти события и рассказ о них также можно было бы отнести на счет многочисленных легенд, если бы через три года один из раскопщиков не принес в пржевальский золотоснаб и не сдал государству тот самый золотой молоток.

Ученые не остались в стороне

Интересно, что в том же 1927 году поисками клада был занят и другой человек — начинающий краевед-археолог, которому позднее было суждено стать известным ученым-востоковедом — П. П. Иванов. Наслушавшись многочисленных рассказов местных жителей о кладах, он решил проверить Каменское ущелье (по-киргизски Чон-Байсаурын) — наиболее часто упоминавшееся в рассказах. По преданиям там должен находиться камень с неизвестными письменами и сокровища, только уже не христианские, а калмыцкие.

Калмыки для преграждения входа в пещеру с сокровищами отвели воду от соседней реки по искусственному руслу и сделали водяную завесу в виде водопада. Точное место клада называлось Бургансу, т. е. «отведенная вода».

14 августа П. П. Иванов в сопровождении местного жителя И. Г. Лященко выехал в Каменское ущелье. К ним присоединились двое возвращавшихся в свои айлы киргизов, которые и стали их проводниками. Они точно указали место Бургансу и даже видневшийся издали водопад. Пришлось преодолеть несколько опасных переходов через горные реки и даже заночевать в еловом лесу, прежде чем достигли указанного ориентира. Лошадей оставили внизу и крутой тропинкой по каменистому склону поднялись к водопаду. Его ложе представляло собой две плоские, почти горизонтальные площадки около 8 кв. м. Уступ водопада также плоский и гладкий. Воды немного. И никаких следов пещеры и признаков древности. Тщетно П. П. Иванов искал прорубленные контуры двери, про которые ходило так много рассказов.

На другой день крестьяне убеждали разочарованного ученого, что он был совсем не там, где нужно, и что его сознательно ввели в заблуждение проводники. Однако трудная и безрезультатная поездка охладила кладоискательский пыл П. П. Иванова.

Четверть века спустя

Прошло еще четверть века, прежде чем легенда, а точнее немногие из оставшихся в живых кладоискателей не заинтересовали припрятанными древними сокровищами соответствующие учреждения и, в первую очередь, геологов.

И вот наконец, в 1951 г. поиски повели по всем правилам геологоразведочных работ. Были тщательно обследованы верховья и притоки рек Тюп и Курменты. Вскоре

обнаружили следы старых раскопок. Они скорее напоминали остатки древних горнорудных выработок. Углубились по ходу пещеры на 20 м — никакого клада не обнаружили, но наткнулись на подземное озеро. Для выведения его вод требовалось отвести по новому руслу реку. Работы на время прекратили. Вход на всякий случай замуровали бетонной плитой. Интерес к кладу пропал.

Археологи, немало слышавшие в своей жизни легенд в отношении почти каждого крупного памятника старины, с легкой иронией относятся обычно ко всем сообщениям о кладах. Скептически относятся к ним и специалисты-геологи, хотя нелишним было бы еще и еще раз перепроверять эти сообщения уже с помощью новейшей аппаратуры. Радиоволновый метод разведки, например, позволяет с поверхности земли, без нарушения сплошного массива, обнаружить любое вещество на глубине до 70 м, электрические свойства которого отличаются от воздуха. Два маленьких неказистых ящика, в которых помещаются датчик и приемник радиоволн, могут показать любую неоднородность грунта на значительной глубине. Представим себе, насколько увеличится коэффициент полезного действия археологов, если прежде чем приступить к раскопкам кургана с помощью такого радиоглаза провести определение его содержания: ограблен ли он, как большинство степных курганов и египетских пирамид в древности, или нет; совершенно пустой или грабители кое-что в нем «позабыли», т. е. есть внутри предметы, отличные по структуре от грунта, или нет. Хотелось бы такую аппаратуру видеть в качестве помощника ученых при определении перспективных скрытых археологических объектов.

Шамсинский клад

Легенды до сих пор продолжают жить и будоражить воображение. Нередко они рождаются уже после знаменитых археологических открытий или неожиданных находок, таких, например, какие были сделаны в Шамсинском ущелье и урочище Иссык.

Находки эти имеют прямое отношение к иссык-кульским памятникам, хотя и отстоят от них на расстоянии до сотни километров, так как дают возможность представить, что могли бы обнаружить ученые в иссык-кульских курганах, не будь они ограблены еще в глубокой древности.

Связь эту позволяют провести и те единичные и случайные находки, которые были сделаны учеными в разграбленных иссык-кульских курганах. Изучение этих находок показало, что они аналогичны материалам шамсинского и иссыкского курганов — пока единственных вблизи Иссык-Куля памятников такого рода, сохранивших до наших дней все погребенные в них богатства — и хронологически синхронны им.

Неожиданность и ценность таких находок позволяет классифицировать их в науке как клады.

Шамсинское ущелье расположено в нескольких километрах к югу от тракта Фрунзе — Иссык-Куль. Оно стало обрастать легендой после сенсационной находки 1958 г.

В начале августа во время сельскохозяйственных работ на полях совхоза «Шамси», в двух километрах от выхода речки в Чуйскую долину, колесо комбайна неожиданно провалилось в яму. Тракторист и комбайнер бросили работу, взялись за лопаты. Грунт был твердый, глинистый, но под ним — пустота. Это был катакомбный курган — древнее захоронение с полой камерой.

Спустившись в яму, механизаторы разгребли тонкий слой осыпавшейся земли. И вдруг!.. Тусклый блеск золота.

Золотые украшения. Ожившая легенда, о встрече с которой тайно мечтаешь с детства.

Вот и высохшие, распавшиеся кости скелета того, кто некогда, был, видимо, могущественным. Почти две тысячи лет назад его богато украсили, наложили на лицо маску из листового золота и захоронили в кургане, среди подобных усыпальниц знаменитых предков.

В тот же день в Президиум Киргизской Академии наук позвонили: высылайте специалистов — в кургане нашли золотой клад. Назавтра археологи в сопровождении руководства Академии были в Шамси.

С приездом их была выставлена охрана и раскопки продолжили по всем правилам.

В первую очередь у кургана оказались ученые археологи Петр Никитич Кожемяко и Дмитрий Федорович Винник. Они первым делом произвели тщательный внешний осмотр. Ничего особенного. Когда-то здесь был курганный могильник, но в результате многолетней распашки, он превратился в ровное поле пшеницы. Только случайность открыла вход в катакомбу. Его осторожно расширили, сняли насыпь и просеяли через сито все содержимое кургана. Три дня под проливным дождем Д. Ф. Винник упорно расширял раскоп кургана, но новых находок почти не было.

Обнаруженный курган располагался на правой террасе ущелья, но могильник целиком был сnivelирован под пашни четыре года назад и все остальные курганы сравнены с землей. Если бы под тяжестью комбайна колесо не провалилось в яму, о могильнике никто бы и не вспомнил.

Расчистка показала: курган относится к захоронениям типичным для кочевников IV—V вв. н. э., к так называемым катакомбным памятникам. В земле делался подкоп и вырывался свод-катакомба, которая оставалась полой. На дневной поверхности возводилась насыпь из камней и земли.

В шамсинском кургане была захоронена женщина. Она лежала в гробу из тонких досок, скрепленных медными скобами. Гроб покоился на слое из древесного угля. Череп, как это было нередко в ту пору, искусственно деформирован. У кочевников катакомбной культуры существовал обычай — с рождения пеленать голову ребенка так, чтобы череп рос удлинненно вверх. Такие характерные черепа ученые относят к катакомбной культуре первых веков нашей эры. Вопрос о том, какой именно народ ее оставил, все еще дискутируется в научных кругах. Но большинство склоняется к тому, что носителями катакомбной культуры были гунны. Те самые гунны, которые участвовали в великом переселении народов и в IV–V веках способствовали крушению могущества Римской империи. Именно те, которые участвовали в формировании этноса современных венгров, в названии которых (хунгры) и сейчас чувствуется дыхание далеких ветров истории.

Обладательница шамсинских богатств была, без сомнения, знатного происхождения. На ее лице покоилась золотая маска размером 20×15 см. Специалисты даже усматривают в ней черты монголоидности (гунны были тоже монголоидны). Глаза миндалевидной формы были из камня сердолика. Нос маски — накладной, краями припаян к ее основе. Щеки покрыты татуировочной насечкой. По краям маски видны отверстия: она крепилась, видимо, посредством ремешков на голове.

Возле черепа лежала золотая диадема и три пары золотых подвесок — для косы и на уши. В захоронении также были обнаружены медальон, ожерелье и широкий кожаный пояс с двумя пряжками. Особенно примечателен медальон: миниатюрный женский барельеф из янтаря и граната в золотом обрамлении. Лицо также восточного типа: мягкий овал, те же миндалевидные глаза, высокий лоб, нос с горбинкой, широкие скулы, полные губы. Трудно

удержаться от восприятия медальона как портрета самой погребенной. Таким образом, и форма черепа, и черты маски, и рельефный портрет медальона — все свидетельствует только о восточном типе женщины.

На костяке лежало четыре браслета из нефритового камня дымчатого цвета и два массивных перстня в золотой оправе. Здесь же находились миниатюрный золотой сосудик для благовоний, серебряная ложка, золотые бубенчики и другие украшения. За гробом в могильной яме были оставлены большой глиняный сосуд, бронзовый котел с четырьмя ручками, деревянная чаша, богато украшенная конская сбруя. При расчистке кургана обнаружили много костей животных.

Шамсинскому кладу повезло. Он оказался одним из немногих (едва ли не один на тысячу), который избежал разграбления. То ли потому, что служил потайным захоронением, то ли еще в глубокой древности внешние признаки кургана исчезли под воздействием дождей и ветров, то ли грабители начали свое дело, но не закончили, а все шедшие по их следам считали курган ограбленным. Эту загадку уже не разгадать. Известно, что захоронения вождей и представителей скотоводческой родоплеменной знати уже в древности неумолимо влекли грабителей. Обычай богатых захоронений вызвал к жизни и профессию грабителя. Вспомним знаменитые египетские пирамиды. Никакие строгости, моральное порицание и вооруженная охрана, потайные камеры и ухищрения не спасали древние курганы от грабежей. И первое, с чем сталкивается современный ученый-археолог во время раскопок, — это следы, оставленные древними грабителями: воронки и боковые лазы в курганах, разбросанные костяки, разбитая посуда и почти полное отсутствие драгоценного инвентаря и оружия. Лишь оставленные грабителями ненужные им предметы, да случайно второпях потерянные вещи являются, как правило, добычей археологов и достоянием науки.

Поэтому с полным правом такие находки археологи называют кладом. И шамсинский курган более известен как шамсинский клад. Он был в свое время описан П. Н. Кожемяко и И. К. Кожомбердиевым (рукопись хранится в фондах сектора археологии Института истории АН Киргизской ССР) и вошел в Каталог выставки древнего киргизского искусства, организованной в Государственном Эрмитаже.

Золотой джейран

Иногда в силу каких-то причин древние грабители оставляли в курганах, понятно не по доброй воле, единичные вещи, в том числе ювелирные украшения. Характерный пример этому – раскопки археолога В. П. Мокрынина в местности Туура-Суу в 1971 году.

Туура-суйский могильник сакского времени (V–III вв. до н. э.) оказался полностью ограбленным, причем каждый из одиннадцати курганов грабился неоднократно. Могильник попадал в зону затопления создававшегося здесь Торткульского водохранилища, поэтому археологи вскрывали все курганы методически, один за другим. Было от чего прийти в уныние: отсутствовала даже керамика. Лишь отдельные фрагменты незначительных предметов, ничего интересного. И вдруг в самом последнем, одиннадцатом кургане – сенсация: грабители в спешке потеряли одну из деталей богатого головного убора – золотую фигурку бегущего джейрана.

Как правило, предметы сакского искусства плоскостные. Лишь аму-дарьинский клад да вот иссык-кульский курган дали объемные фигурки. Объемным был и туура-суйский джейран. Его ноги крепились к двум горизонтальным пластинкам, которые в свою очередь прикреплялись в качестве деталей к какому-то, вероятнее всего, головному убору. Бегущий джейран с загнутыми вверх рожками

зафиксирован в момент, когда он припал на вытянутые вперед ноги, готовясь к новому толчку задними. Фигурка выполнена с большим художественным мастерством и знанием натуры. Она еще в древности подвергалась «реставрации» — передние конечности спаяны, а к задней правой ноге припаяна пластинка, что свидетельствует о каком-то вторичном использовании фигурки, помимо ее первоначального назначения.

Тайник иссыкского кургана

Удача и случай в работе археологов нередко соседствуют, но удача приходит к тому, кто энергично, последовательно, со знанием дела ведет поиск.

Самым знаменитым в Семиречье, несомненно, является клад, обнаруженный казахскими археологами при раскопках иссыкского кургана.

Богатое захоронение саков относится к V в. до н. э. и по своей сохранности, количеству золотых вещей, высокой технике изготовления украшений, предметов вооружения и быта является поистине уникальным. Содержимое этого клада было подробно описано в книге заведующего отделом археологии АН Казахской ССР К. А. Акишева «Курган Иссык». История раскопок кургана такова: в 50 км к востоку от Алма-Аты на берегу р. Иссык располагался хорошо и давно известный археологам могильник из 45 курганов с явными признаками древнего ограбления. Раскопки отдельных курганов полностью подтвердили заключение: полное разграбление. Под планировочные работы при строительстве дороги попадал один из этих 45 курганов. Его диаметр — 60 м, высота — 6 м, на вершине — большая воронка, глубиной почти в 2,5 м. По склонам кургана валялись выброшенные древними грабителями камни. Поскольку курган подлежал нивелированию бульдозером,

ученые организовали археологический надзор и стали фиксировать каждый снимаемый слой земли.

После того как насыпь была снята, на глубине чуть более метра от древнего горизонта открылось два захоронения: центральное, полностью и неоднократно грабившееся, и боковое, в южной части насыпи, которое грабители не смогли обнаружить. И здесь долготерпение археологов было вознаграждено. Перед глазами ученых предстала погребальная камера из стволов тянь-шаньской ели, многочисленная керамическая и серебряная посуда, наконец, нетронутые останки погребенного юноши в полном убранстве. Здесь и золотые изделия, украшавшие одежду, головной убор и обувь, предметы вооружения, туалета, многочисленная бытовая утварь, золотые серьги, массивная золотая гривна, золотая статуэтка горного барана – архара, золотые бляхи, золотые нашивки и т. д., и т. п. Было от чего закружиться голове. Но блеск золота тут же затмило художественное совершенство предметов древнего искусства.

Два года медленно сантиметр за сантиметром археологи расчищали курган, еще три года занимались восстановительными и реставрационными работами, итогом которых явилась экспозиция «человека в золотой одежде» в музее археологии Академии наук Казахстана. И еще пять лет научно-исследовательской и издательской работы, пока не увидела свет книга об этой уникальной находке – самом драгоценном из кладов древнейших жителей Казахстана и Киргизии VIII–IV вв. до нашей эры. Древние персидские источники называют их саками, Геродот и другие античные авторы – азиатскими скифами. Этот народ оставил самые внушительные в отечественной истории курганы, на которые и сейчас любознательный путник может обратить внимание при путешествии вокруг Иссык-Куля, на севере Киргизии и на юге Казахстана. Их раскопки обогатили науку высокохудожественными предметами так называемого «звериного» стиля.

Барскаунская коллекция

До последнего времени существовало мнение, что тончайшие ювелирные изделия, изображающие переплетающихся в причудливых позах зверей и птиц, изготовленные из золота и серебра, — привозные и что местные среднеазиатские племена были не в состоянии достигнуть такого высокого мастерства художественной обработки металла. Это мнение бытовало до находки иссыкского клада и до изучения барскаунской коллекции. Причем, если иссыкские находки изготовлены из золота, то барскаунские — из меди, и для науки последние оказались более ценными, так как они позволили доказать несомненную принадлежность этих древних шедевров искусству местных художников и ювелиров. Научное «открытие» барскаунского клада произошло совершенно случайно.

... 13 сентября 1973 года. Свежее осеннее утро на берегу Иссык-Куля, Густая роса покрыла траву и кустарники. К семи утра солнце поднялось над горным кряжем. Мы наскоро позавтракали и собрались в маршрут. Поднимаемся на правый берег террасы. Здесь когда-то была кокандская крепость, но во время восстания киргизов против ханского гнета в 1842 г. ее гарнизон был уничтожен, а стены продолжали стоять еще более сотни лет. Внизу грохочет река Барскаун. Она вырывается из теснины скал, где в старые времена через нарынские сырты пролегалла одна из ветвей торгового тракта, связывавшего Ферганскую долину с Восточным Туркестаном.

В низовьях реки в средневековье существовал город, как ставка местного правителя. Барскаун (точнее Барсхан) значит буквально «хан барсов» — один из титулов крупного придворного феодала, от него и пошло название города и местности. Археологи датируют культурные слои города VI—XII веками. Разрушен он был теми же самыми неумолимыми монгольскими полчищами.

По пути заходим в местную школу, так как слышали, что здесь собран кое-какой краеведческий материал и осматриваем его: старые советские монеты, одежда XIX в., случайные археологические находки — керамика, бронза и т. д. Среди них есть и представляющие интерес. Д. Ф. Винник обратил внимание на хорошо сохранившийся средневековый кувшин с четко прочерченным орнаментом. Орнамент этот широко используется и сегодня при изготовлении киргизских войлочных ковров-ширдаков.

В. П. Мокрынин с любопытством рассматривает редкостные бронзовые предметы — детали явно древнетюрского поясного набора. В свое время некоторые элементы такого набора нашел А. Н. Бернштам при строительстве Большого Чуйского канала. Аналогичный набор был найден также Мокрыниным. Барскаунский пояс дополнял эти находки и, несомненно, нуждался в научном описании и регистрации. Обнаружен он был рабочими соседнего села Бозбешик при строительстве котлована и передан в школьный музей.

Вот рядом с тюркским поясом лежит кисет. Беру его в руки. Что внутри: монеты, украшения, огниво и кресало? У меня на руке потемневшие медные пластинки, заготовки с готовыми отрисками. Медленно перебираю по одной: четко проступает стилизованное изображение тигровой морды. Одна, вторая, третья и так далее. Изображения напоминают что-то очень хорошо знакомое, хотя и вижу их в первый раз. Всплывают в памяти знаменитые пазарыкские курганы Алтая. Там только вечная мерзлота помешала грабителям растащить погребенные драгоценности. И здесь и там — чисто скифское (сакское) искусство, типичный «звериный» стиль. Несомненно, предметы уникальные и опять в форме клада. От того, что он медный — ценность его не уменьшается.

Заключение ученых было единодушным: в наших руках ценный для науки памятник — древние украшения, предметы сакского искусства примерно VI–V вв. до н. э.

Сплюснутый сверху и снизу кошачий лик. Хищная тигровая морда как бы улыбается, прищулив удивленные глаза. На планках — отверстия для нашивки украшения на одежду. Точно такие же, как на украшениях из иссыкского кургана. Как же попал этот клад в школу и когда?

В школьном музее клад с 1967 года. В то лето во время одного из краеведческих походов учителя М. Узакбаев и К. Ибраев со школьниками решили внимательно осмотреть могильник юго-восточнее села Барскаун в местечке Кок-Ой. На одном из курганов над обрывом заметили щель. Расширив ее, оказались в погребальной яме, где и собрали эти украшения, а также обрезки медных пластин, напоминавшие рабочие заготовки. Это и были действительно заготовки для украшений, без сомнения свидетельствовавшие о местном происхождении предметов искусства, о его высоком развитии, о богатых традициях и широком распространении от Дальнего Востока до Восточной Европы.

Школьные экспонаты были сфотографированы на черно-белую пленку и слайд и отправлены для полного исследования и изучения археологам Института истории республиканской Академии наук.

Интересно, что незадолго до этого, в 1969 г. был вскрыт и знаменитый иссыкский курган с его удивительными трофеями и их подлинно местное происхождение удалось доказать именно барскаунскими находками. Таким образом, трофеи иссыкского и барскаунского курганов уже связаны воедино и в науке неразделимы.

Находки продолжаютя

Иссык-Куль чрезвычайно богат археологическими кладками и неожиданными находками. Самые первые упоминания о них относятся к 1842 году.

Неподалеку от мыса Кара-Бурун на южном побережье озера волнами выкинуло огромной величины медный котел, который был переправлен к ханскому двору в Коканд, немало сакских котлов экспонируется и сейчас в Пржевальском музее. Но наиболее примечательные из случайных находок — это знаменитые иссык-кульские жертвенники сакского периода. Дореволюционные находки их затерялись, но затем были обнаружены в 30-х годах и переданы в Эрмитаж, где и сейчас представляют сакскую культуру. Мы расскажем о самой последней такой находке.

Летом 1976 г. школьники с. Чельпек, что в нескольких километрах от Пржевальска, обратили внимание на торчащий из края обрыва металлический предмет. Его подкапали и вытащили. Это был бронзовый стол на ножках, тут же нашли обломки бронзовых котлов, можно сказать, традиционный набор иссык-кульского жертвенника, аналогичного найденным в Семиречье и на Тянь-Шане. Но он в своем роде был уникален. Стол — тяжелый поднос с бортиками — стоял на четырех ножках, оформленных в виде женских фигур. Из четырех сохранились только две фигуры, совершенно идентичные. Они уникальные, так как во всех других дошедших до нас жертвенниках человеческих фигурок не оказалось. Женская фигурка — одно из немногих сохранившихся до нашего времени изображений сакского человека и единственная объемная скульптурка. Все остальные были барельефами. Высота скульптуры 22 см, внутри полая, художественное исполнение вполне реалистичное.

Попробуем взглядеться внимательно в скульптурные изваяния из меди, сделанные две с половиной тысячи лет назад на берегах Иссык-Куля. Отчетливо просматриваются черты мягкого удлиненного лица: миндалевидные глаза, широкий приплюснутый нос, узкие тонкие губы. На голове обруч в виде диадемы. Обнаженные до плеч

¹¹ Том IV. В. М. Плоских

руки подняты над головой и как бы поддерживают стол, у запястья отчетливо видны браслеты. Одежда состоит из кофты-безрукавки, украшенной елочным рисунком, и юбки, слегка расклешенной книзу.

Сохранились также две фигурки безрогих яков, некогда венчавшие края бронзовых котлов. Яки лежали набок, подогнув ноги и повернув анфас головы. Длина фигурок 7,5 см, высота — 4 см. Фигурками яков были украшены все края котлов, сохранились же лишь две. Произведенные на этом месте Д. Ф. Винником археологические раскопки позволили обнаружить лишь следы долговременного костра и обломки массивной жаровни, а также многочисленные фрагменты керамической посуды. Таким образом, и эта находка оказалась случайной, и найдена она была не в храмовом святилище, как полагалось бы, а в разрушенном кургане. Опять — клад.

В настоящее время жертвенник экспонируется в Республиканском историческом музее г. Фрунзе.

...Иссык-Куль богат кладами, наибольшую ценность из которых порой представляют даже не золотые изделия, а художественные произведения из менее благородных металлов — меди, бронзы.

А воображение по-прежнему щекочут легенды и мифы о десятках верблюдов, груженных золотом, о пещерах и курганах с несметными богатствами. Археологи продолжают раскапывать ограбленные в древности курганы, радуются единичным находкам, выискивают древние рудные разработки, по крупицам восстанавливают былую историю народа. И каждое новое сообщение о кладе, или о любом археологическом предмете, переданном в музей и попавшем в руки ученых для исследования, может способствовать заполнению еще одной страницы истории жизни, быта, культуры древнего общества. Клады стали служить науке.

ПОДВОДНЫЕ ТАЙНЫ

Инициаторы

Еще не приступили к работам, а уже начался археологический бум. Весть о том, что на Иссык-Куле намечается проведение подводных археологических исследований разлетелась быстро. В Институт истории Киргизской Академии наук посыпались письма от школьников Ленинграда, студентов Свердловска, научных сотрудников Москвы — отовсюду шли заявки с просьбой включить в состав экспедиции. И даже от отряда аквалангистов ГДР. Всех привлекало необычайное по своей красоте голубое озеро, тайны древности, романтичность раскопок под водой.

Идея подводных разведывательных работ, которая родилась еще в прошлом веке, была подана вновь в 1956 г. научным сотрудником Института истории АН Киргизской ССР К. И. Петровым. По его мнению, работы целесообразнее всего было начинать с обследования подводных остатков — настилов бревен, глиняных сосудов и других предметов, которые жители близлежащих окрестностей и приезжие путешественники якобы видели с поверхности озера на его дне. К. И. Петров, как и другие, предполагал, что это возможные остатки погрузившейся в озеро крепости XV в. Кой-Сары. О ней упоминалось в «Тарихи Рашиди» — «Рашидовой истории» автора первой половины XVI в. Мухаммеда Мирзы Хайдара.

Заманчивая идея обследования «подводного города» была поддержана директором и сотрудниками Института,

последовала совместная разработка планов, были обсуждены вопросы материального обеспечения экспедиции.

Условия работы требовали специальной подготовки и определенных навыков в области подводно-археологических исследований. Ю. Д. Баруздин и К. И. Петров связались с ЭПРОНОм КБФ (Экспедиция подводных работ особого назначения Краснознаменного Балтийского флота). Был сформирован отряд подводной археологической экспедиции. Возглавил его Дмитрий Федорович Винник.

Первым погружениям на Иссык-Куле предшествовала длительная тренировка на Комсомольском озере. Первые же столкновения с практикой показали, насколько острожно и серьезно нужно подходить к подводным работам.

В течение двух месяцев — апреля—мая 1959 г. тренировки были завершены. На вооружении отряда имелись аппараты двух конструкций: кислородный аппарат «ИСА-М-48» и более усовершенствованный акваланг «Подводник-1». В них под водой можно было находиться до 45 минут. В июне 1959 г. отряд приступил к работам. Впервые мечта исследовать подводные памятники озера стала реальностью. Правда, в предшествующем году прибрежное дно озера Иссык-Куль в районе с. Курское по инициативе начальника комплексной археолого-этнографической экспедиции М. Айтбаева было осмотрено водолазами ДОСААФ Киргизской ССР, но это было не профессиональное обследование, а скорее проверка на возможность подводных работ.

В результате рекогносцировочных погружений у северного побережья озера извлекли несколько обожженных кирпичей, фрагменты керамической посуды и куски водопроводных труб, окислившиеся бронзовые наконечники стрел и обломки железных ножей, кости людей и животных. Это была лишь разведка, подтвердившая целесообразность проведения планомерных подводных археологических исследований.

Перед первым в республике подводным археологическим отрядом, скомплектованным в 1959 г., стояло четыре задачи, а именно: составление археологической карты памятников, находящихся под водой; сбор подъемного материала и проведение раскопочных работ, увязка данных обследования подводных археологических памятников с памятниками прибрежной полосы озера и предгорной части котловины; выяснение исторической топографии средневекового Прииссыккуля,

...Тору-Айгырский затон на северном берегу озера. Д. Ф. Винник празднично торжественен. Напряжены ребята. Волнуется инструктор А. Матиенко. Даже водитель перестал возиться с вечно барахлившим мотором старенького «Газика». Повар забыла про кипящий казан. Немало любопытных собралось на берегу: здесь и босоногие вездесущие мальчишки, и степенные седобородые аксакалы, и отдыхающие. Еще бы, водолазы будут искать сокровища древних, погребенные в волнах Иссык-Куля!

Именно здесь озеро неизменно выбрасывало на берег, особенно после штормов, многочисленные осколки гончарной посуды, называемые на языке археологов керамикой, окислившиеся медные монеты, обожженные кирпичи, отдельные непонятного назначения предметы. Но работа оказалась намного прозаичнее радужных мечтаний. Погружение шло за погружением. Рабочие дни из праздника превратились в будни, но интересных находок и следов бывших застроек в этом районе обнаружить так и не удалось.

Но археологи не унывали. Их влекла романтика будущих открытий. Все уже знали наизусть стихотворение В. П. Филатова об Иссык-Куле, посвященное основателю подводной археологии проф. Р. А. Орбели. Нередко можно было слышать как то здесь, то там декламировались строки о происшедшей некогда трагедии на берегах Иссык-Куля.

«В былые годы, в век минувший
В меня был город погружен,
И этот город потонувший
Доныне мною сохранен...
Участники гигантской драмы
В моих водах нашли конец.
О небо, ты увидишь храмы,
Среди зубчатых стен — дворец,
Он весь зарос травой дикой,
Полуразрушен древний храм,
Покрытый скользкой мозаикой.
Белеют кости здесь и там.
Безглазый череп из под шлема
Улыбку тяжкую хранит,
На мертвых пленницах гарема
Запястий золото блестит.
Из лабрадора изваяний
Герою памятник взнесен,
И под парчою златотканной
Объял царевну вечный сон...»

...Тщательно обследуя прилегающее к берегу дно озера, медленно продвигались на восток. Некоторое оживление произошло у с. Чирпыкты, где из воды подняли фрагменты поливной посуды и кости животных. Никто не роптал: понимали — открытия в труде, кропотливом напряжении монотонных будней, упорстве и настойчивости. А руководитель был одержим, одержим фанатически: планами, работой, мечтами. Вечера не были однообразны. Веселый костер с неизменным медным чайником, обжигающая алюминиевая кружка и беседы, беседы, беседы. Винник рассказывал захватывающие истории. Перед глазами вставало многовековое самобытное прошлое горного края, история героическая и трагическая, история грабительских войн и жестокой эксплуатации, история путешествий и от-

крытий. Но более всего слушателей интересовала история подводных развалин, о которых они уже слышали столько разнообразных и противоречивых легенд, что совместить их было просто немислимо. Здесь за костром впервые и был прочитан вводный курс в подводную археологию. Ее история – история подводных развалин и их изучения – охватывает века, свыше полтысячелетия. Но интерес к подводным развалинам особенно всколыхнулся после добровольного вхождения Киргизии в состав России, когда была предпринята дерзкая попытка организовать подводные археологические работы – впервые в истории!

Сто лет до этого

Первые шаги в планомерном исследовании Иссык-Куля были сделаны в 1867 году. По распоряжению туркестанского генерал-губернатора коллежский секретарь Буняковский, топограф поручик Китаев и штабс-капитан – известный уже в то время писатель и художник – Каразин – были командированы в г. Верный «для собрания сведений о Иссык-Кульском крае как по части топографической, так и по части естествознания».

Но уже в декабре того же года неожиданно дается отбой. Китаев и Каразин успели доехать только до Верного, как новым распоряжением туркестанского генерал-губернатора «по изменившимся обстоятельствам» исследования были приостановлены. Сведения об одной из первых, правда неудачных, попыток именно планомерного исследования Иссык-Куля содержатся в архивном деле, озаглавленное «Переписка туркестанского генерал-губернатора с военными губернаторами областей по вопросу о назначении Китаева и Каразина в экспедицию с целью изучения Иссык-Кульского края», начатом и оконченном в 1867 году.

К этому времени сообщения о подводных развалинах Иссык-Куля уже возбуждали и отнюдь не праздное любопытство туркестанских властей. Купец Исаев, проходивший караванными тропами Прииссыккулья в 1824—1830 гг., составляет в 1857 г. по просьбе казахского ученого Чокана Валиханова записку, в которой упоминает о подводных развалинах Иссык-Куля справа от впадения в озеро реки Тюп.

«Видимые в воде здания складень: из камня, — писал Исаев, — только надобно заехать на лошади сажен до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто был город тут величайший и сделалось наводнение и будто не было до этого тут озера». Сам Ч. Валиханов развалин не наблюдал, хотя на озере бывал неоднократно.

Слушал от местных киргизских жителей рассказы об исчезнувших пол водой постройках П. П. Семенов-Тянь-Шанский. 13 июня 1857 г. он побывал на мысе, вдающемся в озеро в восточной его части, между устьями рек Тюп и Джергалан, видел на берегу выброшенные волнами кирпичи, из которых были возведены подводные строения. Сопоставив этот факт с историческими свидетельствами, П. П. Семенов высказал предположение, что здесь ранее был остров, на котором Железный Тимур держал своих знатных пленников. Семенов-Тянь-Шанский подверг сомнению бытовавшее априорно сказание, что затопленный город был некогда — во II в. до н. э. — столицей усуньского народа под названием Чигу, хотя не исключал возможности отнесения подводных развалин к античному времени. Укрепление, по его мнению, существовало в XIV и XV веках, исчезло под водой позже XVI в.

О подводных замках упоминали и мусульманские средневековые историки Араб-шах и Мирза Хайдар. Их сведения перекликались с данными итальянской карты. Дело в том, что на Каталонской карте 1375 года, которую Семенов видел во время путешествия по Венеции в начале 50-х годов XIX в., на озере Иссык-Куль был отмечен город

с тем же названием. Город Иссык-Куль был обозначен на северном берегу и снабжен примечанием, что здесь находится несторианский монастырь «армянских братьев».

Следующей колоритной фигурой, с которой связаны сообщения о подводных развалинах на Иссык-Куле и первые практические шаги по их изучению, был Г. А. Колпаковский – военный губернатор Семиреченской области. В 1869 г. он посетил озеро. Проводники-киргизы показали ему подводные развалины на северном берегу в местности Кой-Су (у современного с. Курское) и на востоке в урочище Кой-Сары. Колпаковский обследовал развалины и краткую информацию о них направил в «Известия Русского Географического общества». Он писал о виденной им под водой обширной площадке, как будто специально устланной кирпичами, обломками посуды и костями. Встретилось под водой даже древнетюркское каменное изваяние. Чем дальше от берега, тем чаще встречались кучи кирпичей, лежащих в беспорядке. Причем кирпичи были самых различных видов: в изломе желтоватые, бурые, красные и даже черные.

Тогда-то и зародилась впервые мысль – не произвести ли подводные исследования с помощью водолазов. Непосредственным толчком к этому послужило получение Колпаковским с берегов Иссык-Куля первых археологических трофеев. Это были две медные чаши: одну вытащил на берег при впадении в озеро р. Кой-Су купавшийся киргиз, вторую, несколько меньших размеров, подарил Колпаковскому сарыбагышский манап Умбеталы Ормонов. В окрестностях озера были найдены и две серебряные монеты: одна на месте строящегося Каракола – будущего города Пржевальска, а другая – много западнее, неподалеку то Конгуролена. На малой чаше по краям арабской вязью – кувфическим шрифтом – был выведен витиеватый орнамент-надпись. Туркестанский чиновник Ибрагимов сделал перевод: «Весенние дни доставляют нам

счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток — сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан, жизнью считай лишь то время, которое смертным дает наслаждение». Это был гимн воде, дающей жизнь.

И Колпаковский развивает бурную деятельность по организации подводных исследований на Иссык-Куле: он приглашает А. П. Федченко, отдает распоряжение о строительстве небольшого парусного судна на Иссык-Куле, договаривается о строительстве восьмивесельного катера, через ташкентского генерал-губернатора К. П. Кауфмана инициирует приобретение володолазного оборудования.

Ученые сомневаются, спорят

Но благим намерениям так и не суждено было осуществиться. Идея подводных археологических работ повисла в воздухе.

Через пятнадцать лет этот вопрос был снова поднят, уже учеными. Геолог А. В. Мушкетов, скептически относившийся к наличию подводных крепостей и считавший их особыми геологическими отложениями, в 1886 г. представляет в Русское Географическое общество доклад об организации экспедиции на горную систему Хан-Тенгри в Тянь-Шане. Поскольку такую экспедицию было целесообразнее всего снарядить в Караколе — первом городе на берегу Иссык-Куля, то ученый сам предлагал попутно проверить наличие остатков поселений на озере, выяснить искусственного или естественного происхождения эти подводные развалины.

Экспедицию возглавил горный инженер И. В. Игнатъев. На обратном пути с Хан-Тенгри в сентябре месяце он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь Игнатъев сумел найти жернова, гранитный

шар неизвестного назначения, глиняную домашнюю утварь, скопление обожженных кирпичей, которые, по заключению ученого, могли представлять только остатки разрушенных волнами стен.

М. В. Певцов — продолжатель экспедиции Н. М. Пржевальского в Центральную Азию во время пребывания в Караколе получил в дар от иссык-кульского киргиза Джеламана две медные древние монеты, найденные в подводных развалинах. Местные жители неустанно рассказывали путешественнику о находках на дне Иссык-Куля обломков глиняной посуды, медных котлов, монет, даже человеческих костей и черепов.

Казалось бы, вопрос решен, но еще и позже будут высказываться сомнения: естественные ли это туфы, которые игра воображения превращала в легендарные крепости, ушедшие в результате каких-то катаклизмов под воду, или действительно это остатки творения рук человеческих. Достаточно сказать, что два сотрудника одной и той же экспедиции могли высказать прямо противоположные мнения — художник С. Дудин и историк В. Бартольд. При содействии смотрителя таможни А. А. Михайлова (по имени которого, кстати, и названо село в устье реки Джергалан) С. Дудин в 1894 г. на лодке осмотрел побережье Кой-Сары.

Была ясная тихая погода, только мерно расходились круги от весел. Дно озера просматривалось на несколько метров. Спутники внимательно изучили дно, по которому расходились какие-то зыбкие изображения, и Дудин пришел к выводу, что это мнимые стены. Они, отмечает художник, «представляют собой толщи сланцевой глины, размытые водою, опустившись под озеро, они продолжали размываться, а поверхность их покрывалась (и продолжает покрываться) слоем туфа; в местах, где туф почему-либо держался не особенно прочно, его сорвало сильным волнением, и глина, ничем не защищенная, была вымыта, отчего

и образовались ямы и воронки неправильных очертаний и различной глубины». Дудин заключает: все подводные стены — не что иное, как «ряд тонких слоев глины желтой с желтыми прослойками песка и даже гравия, т. е. представляет типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя».

Это мнение приводит в своем научном отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893–1894 гг. В. В. Бартольд, ближайшим помощником которого в экспедиции был С. Дудин. Как истинный ученый, он привел мнение Дудина, но сам же постарался его и проверить, В этом же 1894 г. он нанимает лодку и лично внимательно осматривает дно. Погода стояла неблагоприятная, по озеру шла рябь. Под водой все же отчетливо видны были жернова, кирпичи, осколки глиняных сосудов, развалины стен. Все это было, несомненно, делом рук человеческих. И это было фактом. Но кому же принадлежали затонувшие постройки и предметы обихода? Находки не могли быть из размытых курганов — памятников древних жителей усуней, так как те считались кочевниками, а найденные же предметы старины относились к жителям оседло-земледельческой культуры. В. Бартольд по размерам кирпичей и фрагментам керамики датировал подводные развалины средневековым, отнеся их к оседлому населению, проживавшему здесь уже после XIII в.

Прекрасно зная средневековые мусульманские источники, В. В. Бартольд приводит упоминание в них свидетельства ибн Араб-шаха и Мухамеда Хайдара о строительстве посреди озера Тимуром некоей крепости, заселенной татарами, увезенными из Малой Азии. Это место в источниках называется Кой-Су (букв, «баранья вода»). Будто бы один монгольский эмир послал туда в XIV–XV в. свою семью, чтобы обезопасить от набега врагов. Книги указывали на конкретные исторические факты, которые игнорировать было невозможно. Но с течением времени бывшие события в памяти народа стирались или обрастали легендами

и из исторических преданий фактически превращались в мифологические сказания. «Киргизы, – писал В. В. Бартольд, – твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город; в середине города был колодец, закрывавшийся на ночь. Однажды какая-то женщина (по другому варианту – три странника) забыла это сделать; вода вышла из колодца и затопила город».

Иссык-кульская легенда

Легенда популярная. Еще и сейчас можно встретить седобородого старика, который с удовольствием поведает ее за пиалой терпкого кумыса. Впервые легенда о затопленной столице хана с ослиными ушами была напечатана известным краеведом, старожилом г. Пржевальска генералом Я. И. Корольковым в 1890 г. на страницах журнала «Восточное обозрение». Существует несколько вариантов этой легенды. Вот один из них:

«В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который славился не только своим богатством, но еще более своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Несмотря на старость, хан был сластолюбив, но он не знал ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевника есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Не один славный джигит на поединке сложил голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка, никто не мог узнать, да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро,

когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом коне красавец-джигит, схватил ее и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила как с быстротою вихря неслись они вдвоем в недостижимой вышине, как он обнимал ее, целовал, а расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложили выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула;

— Я люблю другого, и ничьей женой, кроме своего возлюбленного, не буду!

Сказав это, девушка незаметно ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она поняла, что находится в плену у хана и решила лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец, хан решил силой взять то, чего бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

— Я люблю другого, — был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

— Нет, хан, я не буду твоей, — и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула

вода, уже скрылись под водой остатки ханского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину».

От легенды к науке

Во всех легендах повествовалось о существовании в долине Иссык-Куля еще до образования озера города или по крайней мере построек богатого владельца; «Среди заснеженных киргизских гор в большой долине стоял прекрасный белый город...», «В древние времена в долине среди гор были владения одного богатого бая...» и т. д. Далее в легендах описываются различные варианты фантастического образования озера. Но легенды остаются легендами. И подходить к ним как к историческим памятникам, конечно же, нельзя, хотя сведения почти из каждой легенды о существовании на месте озера поселений довольно подкупающие и связаны с подводными развалинами. В легендах дошел до нас опозитизированный отзвук тех далеких времен, когда по берегам Иссык-Куля в действительности существовали населенные пункты. (Д. Ф. Винник нанес на археологическую карту свыше ста поселений). Сюжет о городе «вписался» в легенды уже после того, как вода покрыла остатки бывших поселений и люди видели их через толщу прозрачной воды Иссык-Куля. Как бы там ни было, но существует неоспоримый факт наличия развалин многочисленных построек, покоящихся на дне озера. И пока ученые не взялись вплотную за подводные археологические раскопки, их объяснение могло быть только умозрительным, лишь с определенной долей достоверности.

В решении археологической загадки исследователям пытались помочь геологи, гидрологи. Много сделал для этого акад. Л. С. Берг. Еще в 1904 г. он обобщил все имеющиеся сведения и гипотезы об Иссык-Куле и пришел

к выводу, что находки под водой бытовой утвари должны показывать, что, во-первых, на Иссык-Куле имело место быстрое опускание, во-вторых, оно в то же время не было особенно интенсивным, так как развалины находятся недалеко от берега и неглубоко под водой. Итак, возникал вопрос: какая причина вызвала это явление и когда оно могло произойти?

Л. С. Берг просматривает старые газеты, пожелтевшие листы «Туркестанских ведомостей», выписывает факты.

После весьма сильного землетрясения 22 июля 1885 г., разрушившего г. Пишпек и несколько русских селений, через два года — 8 июня 1887 г. произошло новое землетрясение в Верном, отозвавшееся на Иссык-Куле. Газета по этому поводу писала, что на возможность землетрясения вблизи Верного указывало уже само озеро Иссык-Куль, образовавшееся вследствие сильного провала.

Провал Иссык-Куля, констатировала газета в 1887 году, произошел сравнительно не в очень отдаленные времена, может быть даже тогда, когда мусульманство уже проникло в Среднюю Азию. Кирпичи, которые выбрасываются на берег во время бури волнами озера, очень схожи с теми, которые находятся в развалинах времен монгольского нашествия на Среднюю Азию.

Кроме кирпичей и разных глиняных сосудов волнами выбрасывались и железные вещи. Однажды была выброшена медная, серповидная полоса и большой медный котел с рельефными украшениями по бокам. Несколько железных вещей из Иссык-Куля переданы в Ташкентский музей.

Причина одна — землетрясение.

Л. С. Берг и другие видные советские геологи в своем мнении были единодушны: подводные развалины на Иссык-Куле обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясения. Уже позже, осмотрев трещины в подводных стенах, Д. Ф. Винник также пришел к заключению, что они — следствие землетрясе-

ния. Район озера Иссык-Куль сейсмоопасная зона. Всем памятно недавние туюпские землетрясения. Они не привели, как ранее, к большим смещениям береговой полосы озера, но разрушения были серьезными. Вся страна помогала иссыккульцам залечивать следы стихийного бедствия.

Время же определения землетрясения, погрузившего под волны озера прибрежные строения, было установить сложнее. Геологи оперируют тысячелетиями. Здесь же нужна была «ювелирная» точность – необходимо определить хотя бы столетие. Письменные источники о катастрофе не сообщали, мифы и легенды были слишком неопределенны. Память местного населения, передававшего свои генеалогические предания до седьмого поколения, не сохранила сведений о погружении, да и вообще о городах на берегу Иссык-Куля. Потому-то за решение загадки взялись археологи. В 1926–1927 гг. большие исследовательские работы на Иссык-Куле провел наш земляк, будущий известный ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела подошел к изучению подводных тайн Иссык-Куля. П. П. Иванов на лодке обследовал все побережье северо-восточной части озера и зарегистрировал подводные развалины в районе Тору» Айгыра, Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары, отметил интенсивный спад уровня воды в озере и появление местами из-под нее отдельных развалин. П. П. Иванов отнес к единой культуре остатки средневековых памятников на побережье и в прибрежных водах. Заслуга ученого заключалась также в том, что он впервые, правда визуально, но снял на план широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождествленные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминающие улицы, либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т. д. По словам сопровождавших Иванова и помогавших ему

¹² Том IV. В. М. Плоских

местных жителей, отмель со следами подводных развалин тянулась в глубь озера на 2 км и шириной доходила до 600 м.

Понятно, что визуальный осмотр имел много недостатков, и самый главный — осматриваемые развалины были искажены толщей воды, а на глубине и вовсе не просматривались. Наконец, в 1939 г. на Иссык-Куль прибывают первые водолазы ЭПРОНа со специальным тяжелым оборудованием для изучения древностей Иссык-Куля. Однако из-за отсутствия судов, с которых можно было бы проводить погружение, планировавшиеся работы осуществить не удалось. Правда, даже если бы водолазам, которые не были учеными, и удалось бы погрузиться, то их тяжелые и неуклюжие костюмы вряд ли позволили бы успешно провести осмотр дна, не говоря уже о проведении элементарных подводных раскопок. Водолазы уехали, проблема осталась.

По мере развертывания археологических работ в Киргизии и особенно в Прииссыккулье, где широкие планомерные исследования начали проводить сотрудники Института истории Академии наук Киргизской ССР, интерес к подводным памятникам из простого любопытства перерос в научную проблему. Ее нужно было решать. Вот за эту трудную задачу и взялся Дмитрий Федорович Винник.

Таким образом, подытоживая исторический экскурс, можно прийти к следующим выводам. Накануне специальных работ по подводной археологии в литературе имелось три точки зрения на иссык-кульские развалины. 1. Они естественного происхождения, и только воображение превращает их в остатки крепости; 2. Развалины древние, они относятся к античному времени, являются следами усуньского населения, жившего в начале новой эры; 3. Поселения средневековые, ушли под воду вследствие постепенного опускания суши после XVI в.

Задача требовала решения, тем более, что к этому времени было определено значение и разработана методика ве-

дения подводных археологических работ. Их зачинателями в Советском Союзе являлись Р. А. Орбели и В. Д. Блаватский. Последний и дал Д. Ф. Виннику необходимые консультации по методике подводных археологических исследований на Иссык-Куле.

Под голубыми волнами

...Погружение шло за погружением. Радостно-торжественный настрой сменился нелегкими буднями, а сенсационных находок все не было. «Ради грамма радия – тонны руды!» – надежды не покидали археологов. Между селами Корумды и Темировкой, а также в зоне Григорьевской пристани на большой глубине прибрежной полосы обнаружили фрагменты котлообразных сосудов и горшков. Осколки посуды тянулись от берега в глубь озера на расстояние в 100 метров. Более разнообразными находки оказались у сел Ананьево и Каменка. Кроме многочисленной керамики археологи со дна озера подняли каменные зернотерки, каменный нож, кости животных, фрагмент бронзового котла с припаянной к днищу подставкой. Работы вели не только под водой. Самые трудоемкие – на берегу и даже вдали от берега, у подножья гор Земляные работы, пыль, жара. Озеро как на ладони, но в нескольких километрах, И только вечером живительная прохлада морской воды.

Многообещающей казалась стоянка у с. Ойтал. Здесь пробыли несколько дней. Дело в том, что на расстоянии 400 м от берега среди волн поднимался небольшой островок размерами 4 на 7–15 м, весь буквально усыпанный глиняными черепками.

Обожженные кирпичи, черепки виднелись под водой и создавалось впечатление, что здесь когда-то было разрушено большое поселение. Станковая керамика уверенно датировалась X–XII веками, но здесь же были найдены

и фрагменты с поливой — ярко-зеленого, голубого и сине-фиолетового цветов, характерной для XIII—XV веков. То и дело слышались возгласы: «Уникум», «уникум», «уникум» — самое любимое слово первого года работы. Подъемная керамика и подводные трофеи позволили четко определить хронологические рамки некогда существовавшего здесь поселения. Это был бурный полутысячелетний период с X по XV века — время возвышения караханидского государства, все уничтожающих полчищ татаро-монгольских завоевателей, грабительских походов Тимура и гнета тимуридских правителей.

Подводный мир зачаровывал. Одно дело, если смотреть на него через кино- и телеэкран, совсем другое, когда очутишься в полном безмолвии, наедине с живыми водорослями, мечущимися чебачками и стремительно величественной маринкой. Коричневый налет на камнях скрашивает как бы замаскированные обломки посуды. Поражали остатки крепостных стен и мощенная булыжником мостовая. Из XX века невольно мысленно переносишься в мифическую Атлантиду. Особенно сильны эти ощущения в местности Чон-Койсу, на отмели, которая протянулась с севера на юг и про которую так много писали путешественники.

Палатки разбили прямо на берегу, напротив отмели. Наутро моторная лодка на буксире вытягивала в нужную точку плотик, с которого и осуществлялось погружение. Сняли на план отмель шириной в 215 м, уходящую километровым языком на юг, в глубь озера. С восточной стороны отмель имела крутые — до 6 м — склоны, тогда как в западной части уклон был пологим. Погружение — и ты в легенде. Повсеместно обожженные кирпичи квадратной формы, характерные для X—XII вв., они перемежаются с прямоугольными кирпичами XII—XV вв. Вот остатки керамической водопроводной трубы уходят в илистый песок, встречаются керамические плитки шестигранной

и прямоугольной форм с рельефным орнаментом, нередко плиты с голубой поливой, отсвечивающие желтизной кости животных. Внимательно обследуется дно, метр за метром. На берегу разбиты квадраты, на них раскладываются археологические трофеи озера.

В 212 м от берега на восточном крае отмели натолкнулись на стену из крупных камней. Стена продолжалась и уходила под толщу ила и песка. Поверх стены был положен бревенчатый настил из 18 жердей. Сверху на настиле — отложения каменистого туфа, который мешал всплыванию бревен и удерживал их под водой. В 15 м от стены был обнаружен второй такой же настил. Медленно, стараясь не поднимать клубы ила и песка, проводили расчистку. Обнаружили несколько заплывших каменных выкладок — мощеного двора или пола дома, еще три стены, идущих параллельно друг другу с востока на запад, а к юго-востоку от них — остатки постройки из жженого кирпича. Стены местами имеют вертикальные трещины — свидетельство гибели сооружения от разбушевавшейся стихии.

Все говорило о том, что некогда отмель была островом, на котором возвышалось кирпичное сооружение — крепость. Здесь вполне могли содержаться заложники из легенды. Легенда об иссык-кульском замке, в котором жестокий хромец Тимур содержал знатных своих пленников, постепенно наполнялась реальным содержанием. Добытый археологический материал подкреплял это предположение, были внесены коррективы и в хронологию — на острове жили не только в XIII—XV вв., но и много ранее — начиная с X века.

Раскопки подтвердили наличие интересных археологических памятников под водой, доказали, что их было намного больше, чем предполагалось, что погибли они в результате катастрофы — сильного землетрясения и последовавшего за ним опускания суши под воду. Научный

итог уже первого года работы заключался в существенных коррективах в топографии средневековых оседлых поселений Иссык-Кульской котловины.

Исследования продолжаются

Итак, год работы позади. Разъезжались с чувством удовлетворенности и твердой увеоченностью — в следующем сезоне повезет больше. Археологи уж стояли на пороге открытия, которое вело под волны Иссык-Куля.

Два следующих полевых сезона — 1960 и 1961 гг. — оказались еще более насыщенными. Начали с «коронки» — знаменитого урочища Кой-Сары, уже более столетия славившегося подводными дарами. Исследованием охватили прибрежную полосу в 6 километров.

Сорок лет назад П. П. Иванов проследил здесь развалины на протяжении 600—700 м от берега. Но за прошедшие годы озеро существенно обмелело, уровень воды понизился на 3 м. Многие из того, что Иванов видел под водой, теперь было на суше, подводная кирпичная постройка оказалась южнее береговой линии на 1 километр. Теперь ее можно было раскапывать, не прибегая к аквалангу.

На всей территории, обнажившейся из-под воды, встречались черепки глиняной станковой посуды X—XII вв., обломки каменных зернотерок, обожженные кирпичи, разъеденные водой и воздухом медные монеты. По густому скоплению материала определили центр средневекового поселения — в западной зоне урочища Кой-Сары. К раскопкам на берегу в первую очередь и приступил отряд.

В 1969 г. Д. Ф. Винник в «Известиях» республиканской Академии наук опубликовал подробный отчет о работах 1960 года, озаглавив его «К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары». В нем он писал о том, что в 1 километре к югу от береговой полосы на месте

скопления обожженного кирпича заложили небольшой раскоп 10 на 20 м. Но не прошли и полметра в глубину, как обнаружили кирпичные стены, уходящие в сторону. Раскоп расширили. Начали проясняться архитектурные формы. Определилась квадратная в плане постройка (стена в 14,2 м при толщине 2,4 м), ориентированная по странам света. В каждой стене симметрично располагались трапециевидные ниши. Внутри застройки оказалось 13 костяков, расположенных на деревянных настилах в три ряда и ориентированных головой на север. Все говорило о том, что обнаружен гумбес – ритуальное надгробное сооружение. Способ захоронения и форма кирпича свидетельствовали о том, что гумбес являлся родовой усыпальницей и был характерен для XIII–XIV вв.

Рядом заложили еще несколько шурфов, выявивших остатки построек из жженого кирпича VIII–XII, реже XV вв. В 200 м от гумбеса на глубине полутора метров наткнулись на обломки водопроводной трубы, пошли по ним и выявили целые звенья труб водопровода, проложенного почти тысячу лет назад. Он состоял из керамических труб цилиндрической формы, длиной в 35–40 см, диаметром в 14–20 см.

К сожалению, все дальнейшие работы пришлось прекратить из-за быстрого заполнения раскопа подпочвенными водами. Далее археологический материал с побережья уходил под воду и просматривался уже на дне озера.

Отряд облачился в акваланги и тщательно обследовал прибрежную полосу озера от устья р. Джеты-Огуз до курорта Кой-Сары. Из-под воды подняли фрагменты керамики X–XII вв., два каменных жернова, разрозненные кости животных и человеческого скелета. Раскопки под водой привели еще к одному открытию: обнаружили шлаки металлургического производства, слитки кричного железа, выплавляемого местными жителями из прибрежного исык-кульского железистого песка еще в глубокой древности.

В свое время много споров и оживленную дискуссию вызвала вскользь приведенная академиком Л. С. Бергом в его статье об Иссык-Куле фраза о некоей золотой испанской монете с восточного берега озера. Берг ссылаясь на известного немецкого ученого Рихтгофена, который слышал это от другого ученого — Дилька, а тот, якобы, узнал все это от иссык-кульского уездного начальника Чайковского. Золотая испанская монета могла убедительно свидетельствовать о широко разветвленной торговле на берегу Иссык-Куля в средневековье.

В целом нумизматические находки на Иссык-Куле хоть и не были частыми, но не были и редким исключением. Первые известия о кладе серебряных монет с Иссык-Куля относятся еще к 1847 г., когда местными киргизами на месте древних развалин по р. Каракол было обнаружено в земле 96 серебряных монет. В 1871 г. две серебряные монеты были отправлены в Археологическую комиссию. Туда же поступило и пять медных восточных монет в 1895 г. из Пржевальска. Сохранились сведения о древних монетах, подаренных М. В. Певцову его информатором Джеламаном.

Позже на Иссык-Куле были обнаружены и серебряные римские динарии I—II веков новой эры. Самая последняя нумизматическая находка относится уже к нашему времени. Эта монета, выпущенная в правление императора Диоклетиана между 284 и 305 годами в Александрии. Сделанная из меди и лишь едва посеребренная, она обращалась по принудительному курсу и на Иссык-Куль попала вовсе не случайно. Монеты, точно датировавшие памятники, связаны с торговыми операциями на Иссык-Куле, начиная с первых веков нашей эры и до позднего средневековья. Поэтому особой мечтой археологов и было обнаружение монет в подводных развалинах.

Залив Кой-Сары удивительно красив. Особенно в минуты отдыха при закате солнца. Оно уже не грело, а лишь ласкало своими косыми лучами. Поистине «неаполитанский

залив» — как назвал его приехавший к подводникам в гости ведущий археолог республики П. Н. Кожемяко. Ребята не только работали до седьмого пота, но и хорошо умели отдыхать. Грех было не пользоваться всей прелестью высокогорного взморья. На понтоне поставили парус, вместо якоря спускали на дно лом. С этого плавучего островка совершали погружения. Купались и отдыхали. Иссык-Куль тих и спокоен в ясную погоду. Но стоит облачком затянуть небо, с гор неожиданно спускаются тяжелые тучи, из ущелья вырывается ураганный ветер — улан (с запада) или санташ (с востока). Здесь не зевай: только успевай быстрее выбраться на берег. Не то унесет в открытое озеро и не жди добра.

Рабочие дни скрашивались, буквально, курортными днями отдыха. Что стоила одна подводная охота, когда на гарпун насаживаешь карпа, сазана или маринку, а вокруг мельтешат стайки чебачковой мелюзги! Настоящие подводные заросли, коралловые рифы. Красота!

Еще один год работы в подводной иссыккульской экспедиции. Новые обследованные районы побережья, новые находки, уточнение средневековой топографии поселений и курганных могильников.

Итоги

Первый этап работы завершен. Результаты тщательно проведенных археологических подводных и прибрежных исследований убедительно показали: да, подводные развалины средневековых поселений VIII—XIV веков действительно существуют.

Принимая во внимание возраст подводных археологических объектов, а также геоморфологические данные, ученые пришли к заключению, что самое большое поднятие Иссык-Куля в историческое время произошло после

XVI в., возможно в XVII веке, когда уровень озера поднялся на 20 м — до отметки 1620 м и подошел к водоразделу в урочище Кутемалды. Иссык-Куль стал проточным озером. Со второй половины XIX в. озеро начинает неуклонно усыхать и по мере отступления воды подводные археологические объекты вновь постепенно оказываются на побережье.

Проведенные исследования позволили нанести на карту новые археологические объекты, которых оказалось значительно больше, чем было визуально выявлено и зафиксировано за все предшествующее столетие. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате отступления береговой полосы, ранее находившиеся под водой развалины, оказались на берегу.

В средневековье здесь существовал большой город, занимавший площадь всего урочища. Он возник в VIII в. и прекратил свое существование в XVI столетии, что подтверждалось керамикой и находкой точно датированных монет. Позже городище ушло под воду и поражало воображение приезжих своими мифическими контурами. Волны размыли стены, рассеяли по всему побережью археологические предметы. Сейчас все эти развалины распаханы, от них не осталось и следа. Но до сих пор то там, то тут прибой — особенно после штормовых бурь — выносит на берег то осколок керамики, то глазурованную чашу, то обломок средневекового кирпича, а то просто отбеленную кость.

Впереди новые работы. Подводный мир Иссык-Куля требует их продолжения. Дно озера как песчаная пустыня. Где сегодня ничего не видно — завтра может быть вымыт и выброшен на берег уникальный сосуд или бронзовый котел, украшенный фигурками животных. Иссык-Куль по-прежнему полон тайн.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Иссык-Кульскую котловину называют уникальным археологическим музеем под открытым небом. Нам действительно хотелось бы видеть её в качестве музея со всеми его атрибутами: охраной и изучением памятников, их описанием и показом для посетителей, музея, как хранителя исторического прошлого и пропагандиста современной действительности. Ведь музеи представляют ни с чем несравнимую возможность для непосредственного контакта человека с историей.

По подсчетам ученых, общее количество так или иначе зарегистрированных археологических памятников в Иссык-Кульской области достигает примерно 1500. Но на самом деле их значительно больше. Здесь встречаются почти все виды памятников, характерные для каменного, бронзового и железного веков. Здесь и стоянки под открытым небом, и пещеры первобытного человека, погребения и клады оружия и орудий труда эпохи бронзы, наскальные гравюры и настенные пещерные росписи, курганные могильники и тайники с различными драгоценностями сако-усуньского времени, каменные скульптуры и рунические письма древних тюрков, развалины городских центров оседлого населения и средневековые поселения, скрытые водами Иссык-Куля, горнорудные выработки и остатки старой ирригационной сети, фортификационные памятники XVIII—XIX вв. и культовые сооружения киргизов. Иными словами, в Прииссыккулье представлены все периоды истории и все виды памятников, расшифровкой и исследованием которых занимаются археологи и историки, востоковеды, этнографы, лингвисты и другие ученые республики.

Изучение иссык-кульских памятников началось еще в до-революционный период. Такие видные ученые своего времени, как П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Ч. Ч. Валиханов,

И. В. Мушкетов, В. В. Бартольд, краеведы А. М. Фетисов, Ф. В. Поярков, Н. И. Пантусов и другие впервые информировали научную общественность, глазным образом через публикации на страницах журналов Русского Географического Общества, о наскальных рисунках, курганах, каменных изваяниях, надписях, городищах и подводных развалинах Иссык-Куля. Но эти исследования носили эпизодический характер, зарегистрированные памятники никем не охранялись. Наиболее ценные из находок вывозились в областные или краевые центры, в частности, в Верный (Алма-Ата), Ташкент, и почти все оказались потерянными для науки. На местах памятники беззастенчиво разрушались: каменные изваяния использовали под фундаменты строящихся домов, средневековые кирпичные стены разбирались для новых построек, были случаи прямых грабительских раскопок курганов. Наиболее ценные находки и монеты оседали в собраниях коллекционеров и были недоступны для ученых.

В первые годы Советской власти поездки ученых в Иссык-Кульскую котловину сопровождались проведением широких разведочных работ и планомерными раскопками памятников. Полученный при этом археологический материал использовался для изучения истории края. Известный востоковед П. П. Иванов в 1926–1927 гг. составил первую археологическую карту Прииссыккулья, нанеся на нее 100 памятников, относящихся к различным историческим периодам. Через два года археологи М. П. Грязнов и М. В. Воеводский раскапывают крупные курганы в окрестностях г. Пржевальска и села Чельпек. На многие годы единичные находки из этих курганов стали как бы эталоном усуньской культуры древних кочевых племен, населявших не только Прииссыккулье, но и другие обширные пространства Средней Азии и Казахстана.

В 1937 году экспедиция Киргоспединститута под руководством Б. М. Зима обследует наскальные изображения

и курганные могильники, несколько позже Семиреченская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама изучает городище средневековой области Верхний Барсхан на южном берегу Иссык-Куля. И, наконец, с 1950-х годов экспедиции под руководством научного сотрудника Института истории Киргизской Академии наук Д. Ф. Винника регулярно из года в год проводят разведочные поиски и раскопки всех видов памятников на территории Иссык-Кульской котловины, дающих возможность проследить исторический процесс за несколько сот тысячелетий. Составлена полная археологическая карта Прииссыккулья, составляется свод памятников Иссык-Кульской области, который включает археологические, исторические, архитектурные и мемориальные достопримечательности края с древнейших веков до настоящего времени.

Однако для гарантированной охраны памятников археологии и их изучения в соответствии с современными требованиями науки всего этого недостаточно. Необходимо проводить более широкие работы по консервации и реставрации памятников и по превращению их на базе археологических и этнографических раскопок в музеи под открытым небом.

К сожалению, еще нередко приходится сталкиваться с фактами отсутствия охраны памятников на местах. Интенсивное строительство и освоение новых земель, мелиорация и прокладка оросительных систем, строительство водохранилищ и промышленных объектов — необходимые и столь важные хозяйственные мероприятия — при формальном отношении к делу отдельных руководителей могут привести к безвозмездной утрате уникальных памятников и ценнейших исторических материалов. Хозяйственники и представители исполкомов местных советов даже зачастую могут не знать, о каких «буграх» идет речь, когда уничтожаются под ножом бульдозера или лемехом грейдера очередной курган или тепе — остатки поселения.

Разрушены курганы на местности, прилегающей к селениям Бозтери, Комсомол, Корумды, Темировка, Григорьевка, Семеновка и другим. В книге уже говорилось о покрытых копотью костров красочных рисунках эпохи камня и бронзы в пещере Ак-Чункур.

Погибли наскальные рисунки при строительстве Чолпон-Атинского аэропорта, но основная угроза им сейчас с другой стороны — от туристов и других всевозможных любителей увековечить память о своем невежестве непосредственно на древних наскальных рисунках. Еще весной 1972 г. Д. Ф. Винник привозил группу кинематографистов с оператором К. Орозалиевым снимать наскальные рисунки для цветного фильма о памятниках истории и культуры Киргизстана. Осенью следующего года многие рисунки были уже отмечены свежими автографами туристов.

Место скопления наскальных рисунков к северу от Чолпон-Ата — главного курортного центра Иссык-Куля — давно пора объявить заповедным. Наиболее ценные экземпляры, конечно, целесообразнее всего транспортировать в музей, в частности для этого может быть использован музей под открытым небом по дороге Фрунзе — Иссык-Куль — археолого-архитектурный комплекс Бурана. Но целесообразнее создать собственный аналогичный музей, например в Чолпон-Ата, на базе биологической станции Академии наук Киргизской ССР. Именно сюда свозить из окрестностей каменные изваяния и эпиграфические памятники. Здесь место и уникальным экземплярам наиболее древнего, первобытного искусства — наскальным рисункам.

Создание музеев под открытым небом — вот та большая задача, которая может быть решена лишь совместными усилиями Министерства культуры, исторических научных учреждений, Общества по охране памятников истории и культуры и местных органов власти.

Охрана памятников истории и культуры — дело не только общественных организаций, но и гражданский долг каждого, так как памятники — это объекты истории, истории древних жителей долины-частицы человечества. Они представляют собой историко-культурное наследие прошлого, бесценное богатство современности и их сохранение диктуется задачами будущего. Эти памятники составляют прекрасное дополнение к естественным богатствам края, имеют непреходящее научное и культурное значение. Служат делу патриотического воспитания людей и их духовному обогащению.

Совершая путешествие в прошлое, в историю родного края, мы старались ни на минуту не забывать о современности и как можно зорче всмотреться в будущее.

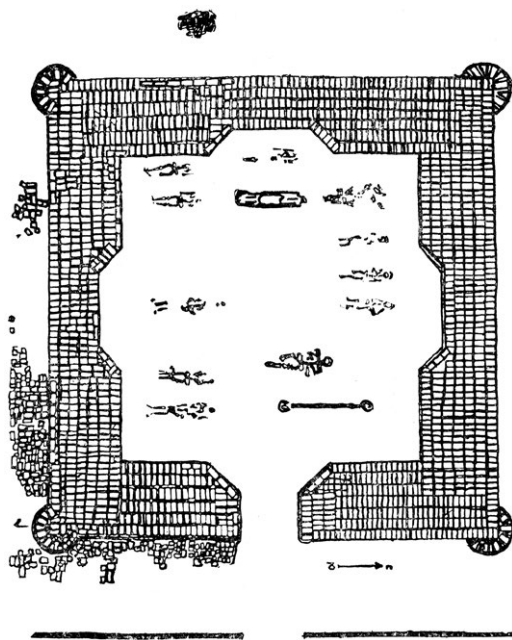
В этой преемственности культур — преемственность поколений.

Публикуется по изданию:

Иссык-Куль: путешествие в историю / Под ред. К. У. Усенбаева. — Фрунзе: Кыргызстан, 1981. — 76 с.

Каталог исторических памятников Прииссыкулья

№№ п. п.	Наименование	Время	Местоположение
1.	Коллекция орудий каменного века	свыше 100 тыс. лет	Стоянка Боз-Бармак, терраса Саламат-Булак (у г. Рыбачьего)
2.	То же	50 тыс. лет	Стоянка Тоссор
3.	Пещерная живопись	3—8 тыс. лет	Ак-Чункур
4.	Наскальные рисунки	2 тыс. лет — XIX век	Южные склоны Кунгей Ала-Тоо, северные склоны Терской Ала-Тоо
5.	Курганные могильники	VII в. до н. э. — VIII в. н. э.	Тору-Айгыр, Чолпон-Ата, Курменты, Джеты-Огуз, Чельпек, Туура-Суу
6.	Каменные изваяния тюрков	VI—IX в.	Чон-Койсу, Чон-Урюкты, Джеты- Огуз, Тамга, Туура-Суу
7.	Клады	V в. до н. э. — XIII в.	Чельпек, Барскаун, Курменты.
8.	Горнорудные промыслы	VIII—XIX вв.	Сары-Булун, Сары-Джаз, Курменты.
9.	Средневековые поселения	IX—XVI вв.	Тон, Туура-Суу, Каджисай, Барскаун, Тюп, Корумды, Чолпон- Ата, Тору-Айгыр.
10.	Подводные археологические памятники	XII—XVI вв.	Тору-Айгыр, Чирпыкты, Чоктал, Чолпон-Ата, Чон-Аксу, Кой-сары.

Коллективный некрополь древности,
отданный отступавшими водами озера

Раскопки Каджисайского средневекового караван-сарая

¹³ Том IV. В. М. Плоских

Часть третья

**АРХЕОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
КЫРГЫЗСТАНА**

*Заря будущего мирно пасется
с тенями прошлого...*

Велимир Хлебников

ПРЕДИСЛОВИЕ

На дне Тюпского залива Иссык-Куля в полевой сезон 1985 г. мы обнаружили крупное городище античного времени. Находки свидетельствовали, что оно существовало где-то в первом тысячелетии до нашей эры. Но все это нужно было еще доказать новыми изысканиями, научными исследованиями.

При подготовке книги мы взяли за основу одну привлекательную гипотезу: обнаружена Чигу — столица кочевников II в. до новой и рубежа новой эры. Это следовало полевыми (а точнее — подводными) археологическими исследованиями либо подтвердить, либо опровергнуть. Как нам кажется, построение гипотезы, а затем тщательная проверка ее — несомненно, путь поисков истины лучший, чем простое первоначальное накопление фактов, когда исследователь не опирается на стержневую гипотезу, а затем на выводы, гипотезы или теории, вытекающие из суммированных итогов. Не отрицая возможности идти вторым путем, мы предпочли первый как более интересный. Даже если факты опровергнут гипотезу, это тоже будет определенным решением проблемы. Ибо отрицательный результат — тоже результат. Итак, мы предположили, что нашли развалины знаменитого города Чигу — ставку могущественного правителя древнеусуньского племенного союза на Иссык-Куле (позже она, как полагают ученые, именовалась Кункат и Багкат). Исходя из этого, мы на наши первые прибрежные и подводные трофеи стали смотреть как на предметы материальной культуры столичной ставки древних кочевых владык.

Последующие находки — одна древнее другой — все более уводили нас от рубежа новой эры к началу первого тысячелетия до новой эры — ко времени финальной бронзы и становления сакского кочевого союза племен. Это позже ему на смену пришел усуньский племенной союз со столицей Чигу, впитавший в себя все элементы предшествующей культуры.

Так может быть, мы обнаружили неизвестное сакское городище на берегу Иссык-Куля, которое позже выросло в столицу усуней? Вопрос следовал за вопросом, загадка за загадкой. Пошли они и позже, когда мы коснулись средневековых подводных поселений.

Предыстория поиска, сам процесс поиска, анализ добытых материалов, факты, легенды, гипотезы и составляют сюжеты предлагаемой книги.

ЧИГУ

*Вопрос о местонахождении Багката
(Чигу) — один из трудных ребусов
исторической географии Киргизии*

С. Умурзаков

ИСТОКИ

Семенов-Тянь-Шанский ищет Чигу

Научные поиски реального или мифического Чигу имеют четко обозначенную начальную дату. В теплый вечер 14 июня 1857 г. молодой русский ученый-путешественник, прибывший из далекого Санкт-Петербурга на Иссык-Куль в поисках разгадки происхождения Тянь-Шаньских гор, стоял на мысе Кара-Булун, у водораздела рек Тюп и Джергалан, и вглядывался в покрытое рябью зеркало залива, тщетно пытаясь в лучах заходящего солнца увидеть причудливые развалины подводного дворца. Окружавшие его местные киргизы через переводчика рассказывали ему, что именно здесь они доставали кирпич со дна озера для своих мавзолеев-гумбезов, что именно тут на мысе разбушевавшиеся волны время от времени выбрасывают на берег старинные предметы — «дары озера». Незадолго до этого, например, здесь были найдены «очень древний по форме и украшениям больших размеров

медный котел и несколько медных орудий», которые ученый ориентировочно датировал эпохой бронзы¹.

Ученый не только занимался сбором строго научных фактов. Он внимательно слушал киргизские легенды о том, как образовалось озеро, почему оно теплое и соленое, сказания о крылатых конях — тулпарах, о храбром джигите и красавице-пери, о жестоком хане с ослиными ушами и «двурогом Искандере» — так на Востоке называли Александра Македонского. Суть легенд сводилась к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многочисленными и богатыми городами.

П. П. Семенов решил проверить рассказы иссык-кульских киргизов об исчезнувших под водой строениях. Место, где развалины бывали видны, по его мнению, являлось подводным продолжением мыса Кара-Булун, во всяком случае — в восточной мелководной части озера. Осмотренные им археологические находки, вынесенные волнами в этом месте, Семенов относил не к усуньскому периоду, а к более позднему — монгольскому, к XIV и XV вв. И он был прав. В его руках действительно оказались находки, относящиеся к монголо-тимуридским временам. Но здесь же были обнаружены и предметы более раннего — сако-усуньского периода, как определял сам ученый.

Отметив все это, Семенов задается вопросом: где же все-таки могла располагаться ставка усуней, которую китайские летописцы называли Чигучен, т. е. «Город красной долины»? Усуни, по его мнению, «оставались бесспорными владельцами бассейна Иссык-Куля», по крайней мере, в течение пяти веков, и оставили «самые древние предметы из выбрасываемых волнами Иссык-Куля»².

¹ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М., 1946. С. 180.

² Там же. С. 184.

Как представлялись усунь в свете научных знаний Семенову? Все познания ученых того времени об усунях базировались лишь на сведениях китайских летописей. Археологические раскопки усуньских памятников тогда еще не производились и свидетельств материальной культуры практически не было, за исключением разрозненных случайных находок.

Итак, пишет П. П. Семенов, страна усуней, по мнению китайцев, была холодна и обильна дождями, с превосходными пастбищами, горы поросли еловыми и лиственными лесами. У усуней были многочисленные стада, охотнее всего они занимались коневодством. Китайские императоры искали союза с усуньскими правителями, видя в них потенциальных союзников против гуннов. Для этого использовались, как один из методов, династические браки. В 107 г. до н. э. китайский двор отдал свою принцессу в жены усуньскому правителю. Для нее в ставке правителя был выстроен дворец. Эту-то резиденцию китайцы и называли «Городом красной долины». Семенов считал, что «красной долиной» могла быть только долина р. Джергалан. Он полагал, что рядом со ставкой кочевого владыки необходимы были, скорее, богатые пастбища, а не обилие воды, а потому ставка Чигу не была на берегу Иссык-Куля. Довод этот может быть принят во внимание, но до конца не убеждает. Ведь вполне могло быть и так: ставка располагалась непосредственно на берегу озера, а стада выпасались на богатых предгорных лугах той же Джергаланской долины.

Как бы там ни было, П. П. Семенов, убежденный в том, что Чигу расположен в Восточном Прииссыккулье, даже не предполагал обнаружить его непосредственно на берегу. Как объективный, беспристрастный ученый, он все же отметил случаи находок на берегу и под водой предметов, которые относил к кругу усуньских.

Господство усуней прекратилось на Тянь-Шане где-то к VI в. н. э. Они смешались с пришедшими сюда тюркскими

племенами. Но, как справедливо считал П. П. Семенов, усунь не исчезли с лица земли. Их остатки следует искать среди казахов и киргизов, в родоплеменных подразделениях которых уцелело название «усунь», в частности, так именовали один из родов большого киргизского племени сарыбагыш. Среди сарыбагышей ученый изредка встречал голубоглазых и русских, выделявшихся на общем фоне монголоидного черноволосого и черноглазого населения. Надо сказать, что и тут Семенов оказался прав. Современной наукой убедительно доказано, что в этногенезе как казахского, так и киргизского народов, самое непосредственное участие принимали древние усуньские племена и их ассимилированные компоненты¹.

Непосредственно усуньских памятников П. П. Семенов-Тянь-Шанский не обнаружил. «Но зато, — писал он, — природа Заилийского края и Тянь-Шаньских предгорий местами сохранила свои характерные черты, так хорошо подмеченные две тысячи лет тому назад китайцами»².

Что ж, обнаружение и изучение усуньских памятников выпало на долю следующего поколения ученых. Эстафету приняли младшие современники Семенова.

Несбыточные мечты губернатора

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман не забыл письменного уговора, с которым обратился к нему спустя несколько лет после путешествия на Иссык-Куль Петр Петрович Семенов, ставший уже признанным ученым, фактически главой Русского географического общества. П. П. Семенов, указав на подводные находки киргизов

¹ История Киргизской ССР. В 5 т. Т. 1. Фрунзе, 1984. С. 441; История Казахской ССР. В 5-ти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979. С. 241.

² Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань... С. 186.

с Иссык-Куля, отмечал их несомненную научную ценность и призывал разыскивать предметы старины, сосредоточив их в музее, который обязательно должен быть открыт в Ташкенте. Генерал-губернатор хотел прослыть человеком просвещенным и в недавно присоединенном к России крае мечтал навести административный порядок, преобразовать экстенсивное хозяйство, возродить культуру. В канцелярии туркестанского генерал-губернатора хранилась составленная еще в 1856 г. по просьбе Чокана Валиханова записка купца Исаева, не раз ходившего с караванами через Иссык-Куль в Восточный Туркестан в 1820-х годах. Купец упоминал о неких подводных развалинах в Тюпском заливе, справа от впадения реки в озеро. «Видимые в воде здания складены из камня, — читаем в записке, — только надобно заехать на лошади сажен до двухсот. Сказывают эти жители о сих зданиях, что будто бы город тут величайший, и сделалось наводнение, и будто бы не было до этого тут озера»¹. И, конечно, приводились киргизские легенды об образовании озера. Кауфман мало придавал им значения. Другое дело — письмо просвещенного сановника П. П. Семенова! Да к тому же и военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский упорно настаивает на том же, и древние вещи присылает в подтверждение, да большинство из-под воды!

Объезжая по делам службы свои владения, Г. А. Колпаковский в 1869 г. посетил Иссык-Куль. Рассказывали, что он заставлял первых русских поселенцев и казаков высаживать вдоль дороги деревья, а кто ослушничал — тут же наказывал плетью. Мужики терпели, ворчали, но... аккуратно высаживали положенное количество саженцев, которые через несколько лет превратили трассу по северному берегу Иссык-Куля в сплошной зеленый туннель.

¹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5-ти томах. Т. 3. Алма-Ата, 1964. С. 317.

Вернувшись из поездки в областной центр — г. Верный, Колпаковский направил в Ташкент записку, которая в ноябре 1869 г. была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества (еще до его официального открытия). В записке говорилось о древних «предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля, доказывающих существование в прежние времена на этом месте города». Тогда же Колпаковский направил и краткую информацию в «Известия Русского географического общества» с описанием виденной им под водой обширной площадки, которая, как писал он, будто специально устлана кирпичами, обломками посуды и костями. Там же видел он под водой и каменное изваяние.

Колпаковский был инициативным чиновником и не ограничивался только служебным рвением. Круг его интересов распространялся и на научное освоение края. Он ежегодно посещал Иссык-Куль, постоянно интересовался древностями его, собирал случайно найденные предметы старины. 3 ноября 1871 г. военный губернатор направляет К. П. Кауфману очередной рапорт следующего содержания: «В последнюю поездку в южную часть Семиреченской области приобретены мною две археологические вещи и две серебряные монеты, найденные на берегу Иссык-Куля». Это были: большая медная чаша, обнаруженная киргизами в устье р. Сары-Булак, при впадении ее в озеро (на северном берегу), и медная чаша с арабской вязью, найденная в устье р. Койсу на южном берегу и подаренная генералу сарыбагышским манапом Уметалы. Переводчик при туркестанском генерал-губернаторе, знаток местных обычаев и наречий Ш. М. Ибрагимов сделал перевод арабской надписи на чаше: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан. Жизнь считай то время, которое смертным дает наслажденье». Еретическое восхваление земного наслаждения вместо послушания

и ханжеского стремления к вечному блаженству в раю в век ортодоксального ислама было дерзким. Оно слишком явно перекликалось с рубаи Омара Хайяма, чтобы не вызвать чувства, что и эти строки принадлежат какому-то поэту из его окружения.

Чаши, несомненно, относились к давно ушедшему средневековью и были, по всей вероятности, изготовлены в период Караханидов, правивших на территории Кыргызстана в X—XII вв. из столицы Баласагун, развалины которого раскапывают сейчас наши археологи близ города Токмака, что в 60 км восточнее Фрунзе.

Г. А. Колпаковский предлагал К. П. Кауфману организовать научные изыскания на Иссык-Куле, возложив их на молодого ученого-натуралиста А. П. Федченко. «Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым годом увеличивается и побуждает меня, — писал он, — вновь заявить мысль о необходимости исследований. Затруднения относительно устройства судна по возможности устранимы. Ожидая на Иссык-Куле г. Федченко, я распорядился об устройстве небольшого парусного судна, которое уже приведено к концу; кроме того, для этой же цели одним частным лицом устроен восьмивесельный катер. Затем, для полноты предприятия недостает водолазного аппарата, приобретение которого посредством частных средств более чем сомнительно». К. П. Кауфману в целом предложение Г. А. Колпаковского понравилось, и 10 ноября он накладывает на его письмо резолюцию следующего содержания: «Вещи: котел или большую чашу и малую чашу хранить здесь для будущего музея... Что касается до водолазного аппарата (скафандра), то выписать можно не иначе, как с мастером, а потому просить свиты его величества генерал-майора Зверева, строителя Кронштадта, не может ли он поручить кому-либо собрать сведения, что будет стоить прибор наиболее прочный и на каких условиях можно найти охотника пожаловать сюда и заняться исследованиями».

Заинтересовавшись в определенной мере находками и сознавая возможность прослыть покровителем наук в крае, К. П. Кауфман рьяно взялся за приобретение подводного аппарата и поиски водолаза.

В свое время, просматривая документы архива канцелярии туркестанского генерал-губернатора, мы обнаружили дело «Об археологических находках на озере Иссык-Куль, приобретении водолазного аппарата и найме водолазов для подводных исследований в Иссык-Куле. Описание скафандра», датированное 15 ноября 1871 г. — 20 октября 1873 г.¹ Оказалось, что более ста лет тому назад была предпринята попытка первых подводных археологических исследований древних памятников на дне Иссык-Куля — поселения и городищ. Насколько это удалось, увидим ниже.

После настойчивых предложений Г. А. Колпаковского и предварительного официального уведомления К. П. Кауфман пишет строителю Кронштадтской крепости Константину Яковлевичу Звереву письмо с просьбой помочь в организации исследования подводных тайн Иссык-Куля. «Озеро Иссык-Куль, — писал он, — находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек, в оное впадающих, в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время... К сожалению, археологические находки так еще бедны, ибо добываются случайно, не интересующимся кочевым населением, и при том так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу...» И туркестанский генерал-губернатор просит кронштадтских специалистов содействовать в приобретении необходимого водолазного скафандра и привле-

¹ ЦГА Уз. ССР. Ф. И. 1. Оп. 15. Д. 102 (Приводимые цитаты взяты из этого дела).

чении специалистов-водолазов. «При этом, — писал Кауфман, — главным образом нужно принять во внимание, что так как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий». Последнее замечание было отнюдь не случайным. Ибо даже высокопоставленные чиновники Сибири и Туркестана погрязли в пьянстве и коррупции, о чем в свое время так ярко повествовали Федор Михайлович Достоевский и Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский — непосредственные свидетели быта колониальных чиновников окраин.

Поскольку отечественных водолазных приборов и костюмов, соответствующих особым условиям и археологическим задачам, не было, Зверев, получив предварительно описание нескольких рекламных образцов с Парижской выставки, спрашивал, а не закупить ли их за границей, где «в устройстве скафандров произведены значительные улучшения», но все они стоили немалых денег. Так, один из предложенных усовершенствованных французских водолазных приборов с регулирующимся воздушным резервуаром, называемым «искусственными легкими», отмеченный Золотой медалью на Всемирной Парижской выставке 1867 г., стоил 1625 рублей — сумма по тем временам преогромная!

В Ташкент направляется подробное описание скафандра с рисунками. Но..., как нередко бывало в истории, в конечном итоге денег именно на приобретение аппарата и приглашение водолаза не оказалось. Парусник неожиданно затонул, А. П. Федченко в свое время не приехал. И благие намерения так и остались неосуществленными. Лишь архивное дело свидетельствует о несбывшихся мечтах губернатора.

Внимание не ослабевает

Но интерес к подводным тайнам Иссык-Куля не исчез. В 1886 г. геолог И. В. Мушкетов представляет в физико-географическое отделение Русского географического общества доклад «Мотивы и задачи исследования на Хан-Тенгри» — об организации специальной экспедиции в горную систему Хан-Тенгри на Тянь-Шане. И хотя сам ученый скептически относился к наличию подводных крепостей и селений на дне озера, считая следы развалин продуктом особых геологических отложений, тем не менее полагал необходимым их обследовать. «Так как экспедиция предполагает окончательно снарядиться в Караколе (ныне г. Пржевальск. — Авт.), т. е. в долине Иссык-Куля, — докладывал И. В. Мушкетов членам общества — организаторам экспедиции, — и на обратном пути тоже будет в долине Иссык-Куля, то было бы весьма желательно, чтобы она занялась, насколько возможно, *исследованием остатков древних поселений на Иссык-Куле* (выделено нами. — Авт.), которые давно уже известны и в последнее время получают все больший интерес, особенно вследствие открытия сирийских памятников в Токмакском уезде, т. е. местности, соседней с Иссык-Кулем. Особенно интересно проверить данные о нахождении развалин древних поселений, находящихся на северном берегу озера у р. Ак-Су под уровнем воды. При этом желательно проследить распространение и характер новейших туфов, которые, обладая правильной трещиноватостью, иногда принимаются за остатки искусственных стен, например, в юго-восточном углу озера вблизи берегов»¹.

Экспедицию поручили возглавить горному инженеру И. В. Игнатьеву. При возвращении с Хан-Тенгри в сентябре

¹ Архив ГО СССР. Ф. 7. Оп. 1. д. 6. л. 11-12; Археологические памятники Прииссыккуля. С. 31–32.

1886 г. он провел с лодки специальный осмотр дна озера в районе Кой-Сары. Здесь под водой были найдены каменные жернова, гранитный шар неизвестного назначения, керамическая посуда, обнаружено скопление обожженных кирпичей, которые, по заключению ученого, могли представлять собой только развалины стен. Судя по перечню предметов, это были остатки разновременных памятников, оказавшихся под водой Иссык-Куля. Сам И. В. Игнатьев все их отнес к древнеусуньским.

В 1888 г., после кончины великого путешественника Н. М. Пржевальского, экспедицию в Центральную Азию возглавил М. В. Певцов. Он также заинтересовался подводными развалинами на Иссык-Куле и лично осмотрел их. «К западу от Пржевальска, в местности Кой-Сары, на дне Иссык-Куля, — записал ученый, — находятся развалины небольшого древнего города, лежащие близ южного берега озера на глубине около пяти футов». Обожженный кирпич, который находили здесь, был небольшого формата и украшен отчасти изразцами. Как рассказывали ученому местные киргизы, нередко они находили в развалинах и обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, а также человеческие черепа и кости. От одного из киргизов — Джеламана, «весьма любознательного и правдивого», Певцов получил в подарок «две медные, очень древние монеты, найденные в развалинах»¹.

Судя по описанию, здесь наряду с явно средневековыми остатками материальной культуры, свидетельством чему являлись кирпичи, встречались и более древние, сако-усуньские предметы. Наиболее характерным из них являлся «медный котел».

Казалось бы, вопрос решен, ясность внесена: на Иссык-Куле имеются подводные памятники, причем добываемые

¹ Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кунь-Лунь. М., 1949. С. 42.

¹⁴ Том IV. В. М. Плоских

со дна предметы хронологически весьма отдалены один от другого: от первого тысячелетия до н. э. до середины второго тысячелетия н. э.

Собранные краеведом Ф. В. Поярковым и переданные в свое время в Ташкентский музей трофеи со дна Иссык-Куля — сабля, наконечник пики, бронзовый топор и другие самые разновременные предметы, казалось бы, должны были убедить в реальном существовании археологических памятников на дне озера и в необходимости дальнейших серьезных научных изысканий. Но высказывались сомнения: а не плод ли это воображения, когда естественные туфы ученые, не будучи ни археологами, ни историками, выдавали за легендарные подводные крепости? Достаточно сказать, что два квалифицированных участника одной и той же экспедиции — художник С. М. Дудин и востоковед В. В. Бартольд в 1804 г. высказали по этому поводу прямо противоположные мнения. Так, С. М. Дудин после осмотра с лодки акватории озера в местности Кой-Сары заявил, что «подводные стены» — не что иное, как толщи сланцевой глины, размытой водой, т. е. представляют собой «типичное осадочное образование, чего, понятно, в глинобитных стенах ни в коем случае допустить нельзя»¹. Бартольд же не разделял точки зрения своего художника и был уверен, что озеро действительно хранит следы древней жизни. По размерам и форме найденных на дне озера кирпичей, фрагментам керамики он относил подводные развалины к послемонгольскому времени. Убеденный в том, что подводные иссык-кульские развалины — остатки средневековых поселений, Бартольд не дал, однако, никакого объяснения находимым местными жителями в подводных развалинах около устья Тюпа более древним орудиям из меди (ножи, пики, стрелы, топоры, серпы), никак не

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893–1894 гг. // Соч. Т. 4. М., 1966. С. 65.

вязавшимся хронологически со средневековьем. В с. Преображенском (современное с. Тюп) ученому показали большой медный котел на трех припаянных ножках, обнаруженный в пяти верстах от устья р. Тюп. Бартольд хотел купить котел, но за него запросили так дорого (30 рублей), что это оказалось не по средствам. Зато он тут же приобрел медный нож, «похожий на древнесибирские медные орудия»¹. Здесь ученый отдает должное их древности.

Конкретные исторические факты, археологические находки невозможно было игнорировать. Их надо было объяснять. Далекие предки киргизского народа, созидатели и жители ныне подводных поселений, не оставили письменных свидетельств. Поэтому с течением времени былое в памяти народа стиралось, трансформировалось в исторические предания, в мифы и сказки. «Киргизы, — писал В. В. Бартольд, — твердо убеждены, что озера прежде не было, а на месте его был обширный город»².

Новейшие исследования

В советское время большие исследовательские работы на Иссык-Куле в 20-х годах провел уроженец Киргизии, известный впоследствии ученый-востоковед П. П. Иванов. Он был первым, кто со знанием дела, профессионально подошел к изучению подводных тайн Иссык-Куля. Обследовав на лодке прибрежную акваторию озера, П. П. Иванов зарегистрировал подводные развалины поселений в районе Чон-Койсу, Тюпского залива и Кой-Сары.

Ученый отнес их к единому времени, полагая, что это остатки средневековых памятников. Иванов снял на план

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 65–66.

² Там же. С. 63.

широкую отмель в урочище Чон-Койсу, нанес расположенные на ней подводные развалины: выложенные из кирпича и камня стены, деревянные настилы, отождествленные им с перекрытиями подземных сооружений, каменные вымостки, напоминающие улицы либо полы зданий, жернова, фрагменты керамической посуды, кости и т. д.¹

Надо сказать, что никто из исследователей, в том числе и П. П. Иванов, даже не ставил вопроса о наличии подводных остатков античных поселений — первого тысячелетия до новой эры или новой эры. Не ставили, хотя поднимаемые со дна озера предметы, особенно бронзовые изделия, были явно более раннего, не средневекового времени. Все были как бы загипнотизированы средневековьем (для чего, кстати, были все основания) и не пытались дифференцированно подойти к анализу находок из Иссык-Куля.

Специальную задачу исследования подводных памятников Иссык-Куля с применением аквалангистской техники середины XX в. поставил перед собой археолог Д. Ф. Винник. Пройдя специальную стажировку у одного из основателей и энтузиастов подводных археологических раскопок профессора В. Д. Блаватского, Д. Ф. Винник в 1959 г. приступил к планомерному археологическому обследованию подводных памятников Иссык-Куля. За два года небольшим отрядом Д. Ф. Винника, состоявшим в основном из энтузиастов-студентов Киргосуниверситета и Фрунзенского политехнического института, была обследована местами северная и восточная прибрежная акватория Иссык-Куля. На вооружении отряда имелись подводные аппараты двух конструкций: кислородный акваланг «ИДА-М-48» и более усовершенствованный «Подводник-1». В них под водой можно было находиться до 45 минут.

¹ *Иванов П. П.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды института истории АН Кирг. ССР. Вып. 3. Фрунзе. 1956.

Сосуды. Керамика. IX–V вв. до н. э.

Котлы. Бронза. III–II вв. до н. э.

Кельты. Бронза. III–II вв. до н. э.

Наконечники стрел. Бронза. III–II вв. до н. э.

Псалий с головой пантеры. Бронза. V–III вв. до н. э.

Ножки жертвенного столика. Бронза. III–II вв. до н. э.

Ременная пряжка. Бронза. V–III вв. до н. э.

Кольцо. Бронза. V–III вв. до н. э.

Зеркала. Бронза. V–III вв. до н. э.

Нашивные бляшки. Бронза. V–III вв. до н. э.

Результаты работ оказались обнадеживающими. Они подытожены в двух специальных статьях Д. Ф. Винника¹. Убедительно было доказано, что под водой имеются поселения не только XII—XV вв., но и несколько более ранних периодов, начиная с VIII в. н. э. В то же время подводное обследование в урочище Кой-Сары показало, что в результате обмеления озера ранее находившиеся под водой развалины оказались на берегу. Это позволяло переключиться в этом районе на традиционные раскопки наземных памятников².

С этого времени Д. Ф. Винник подводные археологические работы прекратил. И в дальнейшем — в 60—80-е годы — занимался изучением памятников древних кочевников и средневековых поселений только на берегу, преимущественно в предгорной зоне Иссык-Куля.

Но подводные памятники продолжали тревожить воображение и манили к новым исследованиям. Недаром один из авторов настоящей книги, В. М. Плоских, подводя итог предшествующим подводным исследованиям на Иссык-Куле, писал в 1981 г.: «Впереди новые работы. Подводный мир Иссык-Куля требует их продолжения. Дно озера как песчаная пустыня. Где сегодня ничего не видно — завтра может быть вымыт и выброшен на берег уникальный сосуд или бронзовый котел, украшенный фигурками животных. Иссык-Куль по-прежнему полон тайн»³.

¹ Винник Д. Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. // Изв. АН Кирг. ССР. Сер. обществ. наук. Т. 3. вып. 3. Фрунзе. 1961; Он же. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары // Изв. АН Кирг ССР. Сер. Обществ. наук. Т. 5. Вып. 1 (История). Фрунзе. 1963.

² Винник Д. Ф. К историко-археологическому изучению урочища Кой-Сары. С. 42. (О подводных работах Д. Ф. Винника подробнее см.: Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. М., 1962).

³ Плоских В. М. Иссык-Куль: путешествие в историю. Фрунзе, 1981. С. 57.

И новый этап подводных исследований начался летом 1985 г. работами Иссык-Кульского историко-археологического отряда¹. Толчком к нему послужила новая встреча с древностями на берегу озера за три года до этого — в 1982 г.

Трофеи из Иссык-Куля

Солнце уже склонялось к закату, когда мы — историко-археологический отряд Института истории Академии наук Киргизской ССР по обследованию памятников XVIII—XIX вв. — решили сделать остановку на южном побережье Иссык-Куля, у с. Дархан. Как в самом Дархане, так и в соседнем с. Сару нас интересовали мавзолеи — гумбезы XVIII—XIX вв. и особенно гумбез Балчака в среднем течении р. Джуука, которая у Дархана впадает в озеро.

Остановка на Иссык-Куле, даже на пару дней, в самый разгар лета — была приятной наградой за недели пути по трудным горным трассам, за пыльные километры безасфальтных дорог, за переходы по горным кручам и обрывистым склонам вдоль стремительных речек.

Не успели мы разбить лагерь, как к палаткам на телеге подъехал пожилой человек. Теперь он уже пенсионер, а еще год назад гонял отары в верховья р. Джуука. До Великой Отечественной войны был пограничником, а в годы войны — летал на советских и американских истребителях, сражаясь с немецкими захватчиками. Ветеран войны Тойтобай Маалиев приехал с женой. «Она — мать-героиня, — сказал аксакал. — У нас семь сыновей и семь дочерей. Я теперь на пенсии, но зимой опять пойду на Джууку. Не могу без отар, скучаю без настоящего дела».

¹ Начальник Киргизской историко-археологической экспедиции В. Плоских, руководитель археологических работ В. Мокрынин.

Помолчал, по-хозяйски осмотрел лагерь. «Археологическая экспедиция» — прочитал он на машине. И тут же спросил: «Подводные находки вас интересуют? Могу показать».

**Предметы из бронзы, найденные на дне озера.
VII–V вв. до н. э.**

Все это было как-то неожиданно. Слишком уж быстро. Да и Иссык-Куль, мы знали это по собственному многолетнему опыту, не так-то легко расставался со своими сокровищами, особенно подводными. И Тойтобай рассказал, как он рыбачил несколько лет назад здесь с лодки, метрах в 20–25 от берега — он показал на середину затона. «Вдруг смотрю, в воде какие-то предметы необычной формы. Спрыгнул. Было неглубоко — метра полтора. Достаяю — металлические предметы. Сначала думал — золото. Но потом, уже дома, понял — бронза. Да что там — едем ко мне, покажу». Мы все еще не очень верили в удачу. Но поехали к нему домой, в с. Дархан. И уже через 15 минут держали в руках фрагменты двух бронзовых кинжалов и бронзовый котелок с маленьким носиком. А когда хозяин передал нам и сплюснутый фрагмент большого

бронзового котла, все сомнения отпали — находки очень древнего происхождения. Начали вспоминать аналоги по литературе и экспонаты, выставленные в Пржевальском музее, Республиканском историческом музее и археологическом музее Института истории Академии наук республики. Перед нами лежали изделия, которые были отлиты, по крайней мере, две с половиной тысячи лет тому назад.

Первый кинжал с отломанным концом, но сохранились самые важные и самые ценные его части: фигурное навершие, бабочковидное перекрестие, двулезвийный реберный клинок. На ручке с обеих сторон по три вертикальных гофра. Длина сохранившейся части кинжала 161 мм, причем 124 мм приходится на рукоятку, ширина рукоятки 18 мм, клинка у основания — 25, фигурного навершия — 44 мм. Самым примечательным, делающим кинжал индивидуальным, было именно художественное навершие, выполненное в виде двух головок горных козлов в зеркальном изображении — как бы соприкасавшихся затылками с закрученными рогами. Из огромного числа наверший мечей и кинжалов скифо-сакского мира нашему кинжалу найдена пока единственная аналогия — кинжал с подобным (но не тождественным) навершием, найденный также случайно несколько лет назад археологом И. К. Кожомбердиевым в долине Кетмень-Тюбе (Токтогульский район Ошской области). Последний ученые датировали VI—V вв. до н. э.

Второй кинжал был в общем похож на первый. С брусковидным навершием, бабочковидным перекрестием и двулезвийным реберным клинком, правда, отломанным у самого основания. На ручке с обеих сторон три вертикальных гофра. Рукоятка значительно меньше, чем у первого кинжала, — всего 110 мм при ширине 18 мм, ширина навершия 48, перекрестия — 58, лезвия — 20 мм.

Мы скрупулезно, тщательно записывали все размеры находок, художники дела ли зарисовки, а фотографы — фото-

снимки. Мельчайшие подробности могли пригодиться при выявлении аналогий и определении хронологии. Уже во Фрунзе, просматривая публикации и многочисленные археологические таблицы, мы нашли ближайшие подобию кинжалу, приближающиеся к тождеству, — это случайная находка в Чуйской долине А. К. Кибирова и кинжал, входящий в состав Иссыкского клада, найденного К. А. Акишевым близ Алма-Аты. Последний датировался VI—IV вв. до н. э.

Не остался без внимания и бронзовый ритуальный котелок со сферическим корпусом и массивными стенками. Венчик у котелка слегка выступал, под ним был сохранившийся в целости носик-слив. Ручки у котелка не было. На ее месте под углом 90° от носика на тулове котелка зияло отверстие. Ручка, очевидно, была отломлена еще в те далекие времена, когда сосуд использовался по своему прямому назначению. Подобные изделия находили не раз в зоне бывшего расселения саков и савроматов.

Фрагмент же большого жертвенного котла был невыразителен, без орнамента и украшений, которыми иногда отличались жертвенные котлы сакского времени. Так, в 1976 г. в с. Чельпек были найдены обломки аналогичного бронзового котла и две фигурки лежащих быков-зебу, некогда венчавших края котла. Изделия из бронзы высокохудожественной работы находили и раньше. Сейчас они экспонируются не только в музеях республики, но и в знаменитом Эрмитаже в Ленинграде.

Дарханские находки 1982 г. дополнили сакскую коллекцию экспозиции музея Института истории республиканской Академии наук. Но значение их не только в этом. Они еще раз доказали, что озеро Иссык-Куль хранит много неразгаданных тайн. Необходим был подводный археологический поиск. К тому же, главная задача нашего отряда — сбор материалов для очередного тома «Свода памятников истории и культуры Киргизской ССР. Иссык-Кульская область».

¹⁵ Том IV. В. М. Плоских

А это, естественно, означало необходимость учета также и затонувших памятников.

Мировая практика

Исследование подводных городищ — дело чрезвычайно трудоемкое, нередко опасное и дорогостоящее, да к тому же и полученный научный результат здесь несравненно ниже, чем при раскопках городищ на суше. Поэтому археологи крайне редко приступают к подводным работам. В мировой практике подводных археологических изысканий вполне справедливо отдается предпочтение изучению затонувших кораблей. Например, с древних затонувших кораблей в Черном и Средиземном морях было поднято множество ценных предметов, среди них выделяются шедевры античных скульптур. Многие древние триеры, ладьи, галеры, челны запорожцев и даже очень крупные корабли были подняты из пучины и сейчас украшают музеи. После многолетней работы 4 апреля 1961 г. был поднят, например, флагман шведского королевского флота фрегат «Ваза», затонувший 10 августа 1682 г. на рейде Стокгольма. Сейчас музей, где экспонируется фрегат, привлекает свыше 400 000 посетителей ежегодно¹. Подъем затонувших кораблей производится и в наши дни. Осенью 1986 г. хорошо оснащенная египетско-французская экспедиция в заливе Абу-Кир, близ Александрии, вела поиски остатков эскадры Наполеона Бонапарта, потопленной адмиралом Нельсоном в августе 1798 г. водолазы нашли и обследовали флагман эскадры «Орьян» и научно-транспортное судно «Патриот», которые будут подняты со дна и помещены в музей в г. Александрии. Одна из пушек, весом в 2 т, поднятая с «Патриота»,

¹ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. М., 1982. С. 76–93.

была преподнесена президентом Египта в дар президенту Франции и будет выставлена в Парижской политехнической школе¹.

Крупные археологические изыскания на подводных городищах можно перечесть по пальцам. Так, наиболее успешными исследованиями можно считать изучение «пиратского Вавилона» — Порт-Ройала на Ямайке, который в последней трети XVII в. превратился в родной дом для работорговцев, воров, искателей счастья — «джентльменов удачи» всех мастей, в том числе для таких суперпиратов, как Кидд, Морган, Мэнс-филд и др. Гибель города была внезапной и страшной: 7 июня 1692 г. около полудня раздалась три сильных подземных толчка, после чего на берег накатила мощная океанская волна. Всего за несколько минут девять десятых города, имевшего около 2000 зданий, оказалось под водой. Современники сочли это возмездием свыше². В 1966—1967 гг. под руководством опытного морского археолога Роберта Ф. Маркса на глубине 5 м на территории бывшего города велась систематическая расчистка на участке площадью 133×50 м, то есть менее 5% затонувшей части Порт-Ройала. Здесь обнаружено три сохранившихся дома и остатки двух кораблей, заброшенных в момент катастрофы гигантской волной в черту города. Кроме того, археологами добыто около 20000 железных предметов, 6500 курительных трубок, 2000 стеклянных бутылок, 500 серебряных и цинковых сосудов, два больших клада серебряных монет³. Однако нельзя забывать, что исследование Порт-Ройала — не столько научное, сколько коммерческое, самоокупающееся предприятие. Ведь никакие

¹ Известия. 1986. 24 октября; 30 ноября; 13 декабря.

² Варшавский А. Следы на дне. М., 1975. С. 88—109; Влон Ж. Флибустьерское море. М., 1985. С. 202

³ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. С. 115—116.

траты не остановят богатых коллекционеров, стремящихся заполучить подводные сокровища! И еще одно коммерческое предприятие будет осуществлено здесь. Правительство Ямайки утвердило проект возрождения Порт-Ройала, рассчитанный на 20 лет. Очищенные от ила и песка подводные руины города будут обозреваться со специальных судов с прозрачным полом¹.

В Средиземном море успешно изучались затонувшие древние порты Тир (современный Сур), Сидон (Сайда), Массилия (Марсель) и ряд других. В Швейцарии, Италии, Германии исследовались доисторические поселения, оказавшиеся, как и исыккульские, на дне внутренних водоемов.

У нас в стране подводные раскопки были проведены на затонувшей части древнегреческой Фанагории и в некоторых других местах побережья Черного моря².

В 1968 г. по инициативе «Литературной газеты» предпринимались попытки отыскать даже легендарное озеро Светлояр и град Китеж Великий на его дне.

Во всех случаях исследования подводных городов археологи пытались использовать методы, оправдавшие себя при работах на суше, т. е. перенести их в иную среду. Вот тут-то они и сталкивались с трудностями разного порядка. Ведь здесь нужны не просто рабочие, а хорошо подготовленные аквалангисты. Время работы их на глубине ограничено. Кроме того, работа может быть приостановлена в любое время из-за штормовой погоды и плохой видимости. Для организации работ нужны, как минимум, специально оборудованное судно, «место наземных лопат — эжектор или землесосный снаряд, телесистема с буксируемой под водой загерметизированной камерой, вертолет

¹ Варшавский А. Следы на дне... С. 109.

² Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А. Открытие затонувшего мира. М., 1963. С. 76–85; Жарнак П. Потънали в морето селища и кораби. София, 1983. С. 128–129.

для обзора дна на небольших глубинах. Конечно, в будущем появятся более широкие технические возможности для подводных исследований. Газета «Советская Киргизия» 8 февраля 1987 г. известила своих читателей, что финские корабли строят подводную лодку, в которой пассажиры будут размещены вдоль бортов у больших иллюминаторов. Мощные прожекторы позволят им любоваться подводным ландшафтом озера Симонярви на глубине до 100 м.

Мы верим, что в будущем и мы сможем использовать самые современные специальные суда и снаряжение. Но это в будущем. А сегодня из всего необходимого ассортимента технических средств в нашем распоряжении были только аквалангисты, но зато какие!

Аквалангисты в экспедиции

Осенью 1812 г. армия Наполеона, отступая из Москвы, захватила с собой огромное количество ценностей: золото, серебро, самоцветы, церковную утварь, оружие, меха и т. п. Наиболее ценные вещи составили так называемую «московскую добычу» самого императора. Если верить мемуарам француза Марингоне, она была погружена на двадцать пять повозок. Под натиском преследовавших русских войск французы вынуждены были бросить все свои трофеи, в том числе и «московскую добычу», где-то в районе села Семлево, что в 29 км от Вязьмы.

Три независимых друг от друга свидетеля утверждают это. Известный русский историк М. Д. Михайловский-Данилевский, например, писал: «Близ Семлева французы бросили в озеро большую часть старинных воинских доспехов из Московского арсенала». Наполеону уже было не до «трофеев». В мемуарах графа Сегюра читаем: «... нам пришлось бросить в Семлевском озере вывезенную из Москвы добычу: пушки, старинное оружие, украшения

Кремля и крест с Ивана Великого». Знаменитый шотландский романист Вальтер Скотт в книге «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов», отмечал, что 1 ноября Наполеон «повелел, чтобы «московская добыча», древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого были брошены в Семлевское озеро, как трофеи, которые ему не хотелось отдать обратно и которых он не имел возможность везти с собой».

На Семлевском озере в 1960–1961 гг. по инициативе газеты «Комсомольская правда» на общественных началах было проведено 4 экспедиции. Специальными анализами была выявлена аномальная зона, в воде которой оказалось повышенное содержание драгоценного металла. Зона имела глубину около 15–20 м, из которых 10–13 м приходилось на донный ил, сверху довольно жидкий, у дна очень плотный. Все это чрезвычайно осложняло работы. Только привлечение современной техники при энтузиазме историков, инженеров, подводников позволило напасть на след драгоценных (из золота и серебра) окладов старинных икон, на отдельные предметы оружия. Все говорило за то, что именно здесь покоится «московская добыча» Наполеона. Но сверхтрудные, дорогостоящие работы так и не позволили достать брошенные Наполеоном награбленные богатства.

В этих работах по поиску и извлечению «московской добычи» принимали участие аквалангисты Московского института стали и сплавов. Мы обратились к ним за помощью, и они стали постоянными участниками наших поисков на Иссык-Куле.

Руководителем группы аквалангистов был мастер спорта международного класса Станислав Станиславович Прапор. С 1957 г. он ежегодно участвует в подводных экспедициях Академии наук СССР, Института археологии, Института водных проблем, Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанологии, Камчатского отделения научноисследовательского института рыбного

хозяйства, МГУ, Министерства цветной металлургии и др. Погружался во многих морях земного шара — Адриатическом, Средиземном и Карибском, в Мексиканском заливе, в Тихом океане, у Курильских островов, у побережья Перу. Провел под водой более пяти тысяч часов.

Под стать ему мастер спорта СССР Алексей Демьянович Курманенко. Вместе с С.С. Прапором он участвовал в большинстве подводных экспедиций, в том числе и в поисках «клада» Наполеона, и в работах за рубежом.

Третий участник нашей экспедиции — опытный подводный археолог Анатолий Владимирович Блаватский. Подводным делом начал заниматься с 1950 г. во время службы в Военно-Морском Флоте СССР. В 1956 г. принял участие в археологической экспедиции Института археологии АН СССР в районе г. Керчи, где проводилась подводная разведка ряда античных поселений. Ежегодно участвовал в различных подводных экспедициях, погружался практически во всех морях, окружающих нашу страну, на многих озерах, участвовал в подводных работах по обследованию трубогазопроводов через реки, крупных портов и ГЭС.

К ним присоединились более молодые аквалангисты — мастера спорта СССР Раиса Митрофановна Носова и Виктор Васильевич Волчанский, которые в свое время участвовали в сложных подводных работах на Волге, Лене, Дальнем Востоке.

Что же могли увидеть аквалангисты под волнами Иссык-Куля, где располагались затонувшие города?

Пустынное, ровное, зачастую илистое дно. Изредка выступают похожие на туф известковые образования, достигающие иногда метровой высоты и занимающие площадь до 10–15 кв. м. Островки чахлых водорослей. Поражает почти полное отсутствие ихтиофауны.

Как только встречается керамика, аквалангист — весь внимание. К находке подплывает против течения, внимательно осматривает место в радиусе 0,5–1 м и только

после этого решает, что брать. Если обнаружено несколько предметов, то наиболее ценный берется первым, а затем все происходит на ощупь. Потому что даже при легком прикосновении к грунту поднимается столб черного ила. Сняв все на поверхности, аквалангист начинает копать руками, стараясь выбрать возможные находки под илом. Есть нож, но он не «чувствует» предмета, поэтому применяется в редких случаях. На месте находки выбрасывается буй, по которому она и наносится на план. Так метр за метром аквалангист практически прощупывает площадь.

В экспедиции была использована и новинка, едва ли не впервые примененная в нашей практике археологических работ, — прибор дистанционного зондирования, который позволяет находить под землей (и под водой) на глубине до полутора метров не только железные, но и бронзовые предметы. Но этим наша техника в основном и ограничивалась.

В составе отряда были археологи Института истории АН Киргизской ССР и энтузиасты-любители. Например, палеолитчик М. Б. Юнусалиев вел, и небезуспешно, поиск следов первобытного человека на Иссык-Куле. Л. Е. Семениченко и Б. Аманбаева обрабатывали керамику, освобождая ее от озерных отложений и восстанавливая по фрагментам керамики формы сосудов. Б. Дуйшеев изучал памятники зодчества киргизов прошлого — гумбезы; особый интерес исследователя вызывали те из них, что были построены в XVIII—XIX вв. из кирпичей, поднятых в свое время со дна Иссык-Куля. Неутомимый сподвижник в наших исследованиях по дореволюционной истории Киргизии В. Я. Галицкий и научный сотрудник А. Кошелев в рамках «Свода памятников» описывали сохранившиеся памятники истории и культуры конца XIX — начала XX вв. Нашим постоянным лаборантом и самодеятельным художником экспедиции являлся М. Эктов, неизменным участником всех работ была студентка исторического факультета С. Плоских. Много лет во время своих отпусков работают с археологами

краевед В. Г. Ратман, доцент политехнического Института А. А. Запольский, инженер С. К. Желоховцев. Разведку средневековых подводных развалин в районе села Тору-Айгыр провел фрунзенский аквалангист В. М. Блинов. В сезон 1986 г. нам удалось привлечь к работе юных водолазов Пржевальской детской морской школы, которыми руководил В. П. Савинов. «Летописцем» наших изысканий стал живо интересующийся историей Прииссыккуля собкор газеты «Советская Киргизия» Э. Л. Паин (Лазарев).

Благодаря такому составу отряда тяжелая повседневная работа приобрела форму увлекательного поиска, смелых гипотез.

Учитывая наше техническое оснащение, на первом этапе работ мы могли поставить перед собой только следующие научные задачи:

1. Выявление в акватории озера мест, где располагались древние поселения, и определение их примерных площадей.
2. Обозначение мест наиболее важных находок при помощи системы буев. Нанесение их на план.
3. Сбор коллекции предметов материальной культуры. Определение хронологии поселений по хорошо датированным находкам.

Наиболее серьезным успехом наших работ является открытие городища Сарыбулун, которое функционировало в I тысячелетии до н. э. (древнее Чигу).

ГОРОДИЩЕ САРЫБУЛУН

*Недаром высятся грозные стены
вокруг новых укрепленных городов:
в их рвах зияет могила родового
строя, а их башни достигают
уже цивилизации.*

Ф. Энгельс

Открытие

Известный краевед, преподаватель средней школы № 31 г. Фрунзе М. К. Синусов неоднократно рассказывал киргизским археологам, в том числе и нам, что в районе Сухого Хребта в Тюпском заливе озера Иссык-Куль на отмелях находят много осколков глиняных сосудов и зернотерок. По его предположению, в этом месте наступающие волны озера когда-то разрушили крупный могильник, вымыли керамические сосуды, которые клади вместе с погребенными, перебили их, а фрагменты рассеяли по громадной площади дна залива и кромке побережья. Он призывал археологов неотлагательно организовать экспедицию в район Сухого Хребта. К сожалению, тогда не придали серьезного значения словам краеведа. Да и не волен археолог по своему желанию заниматься уточнением и проверкой открытий энтузиастов-любителей (нередко мнимых). Организация же экспедиционных работ — дело далеко не простое, требующее, к тому же, немалых средств.

Осенью 1982 г. М. К. Синусов показывал нам свои находки. В груде невыразительных битых черепков ручной

лепки, нескольких кусков каменных зернотерок и двух-трех оселков глаз археолога сразу выделил бронзовый кинжал и навершие булавы художественной работы. Сомнений не было — эти вещи сделаны в глубокой древности и не позже VI в. до н. э. Воистину, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Сомнения исчезли. Наметились вполне реальные аргументы в пользу того, что объект, открытый М. К. Синусовым и его помощниками — юными краеведами из школы № 31 г. Фрунзе, требует серьезного внимания ученых.

В сезон 1985 г. одной из задач Иссык-Кульского археологического отряда стал осмотр акватории Тюпского залива.

В настоящее время вся прибрежная зона озера является заповедной и охраняется государством. Однако южное побережье залива требует особо тщательной охраны. Нигде на побережье нам не приходилось видеть в такой первозданной красоте естественного иссык-кульского ландшафта. С обрыва у с. Песчаное открылся вид на бирюзово-синюю гладь, которая удивительно сочетается с мягкими пастельными тонами ровной, как стол, долины, покрытой невысокой щеткой красноватой и светло-зеленой травы. Пустынный берег и отмель, которые совсем недавно были дном озера, привлекают сюда большое количество пернатых. По последним данным, на Иссык-Куле зарегистрировано 98 видов водоплавающих и околоводных птиц¹. Мы любовались здесь крупными стаями лебедей, гоголей, крохалей, черных казарок. Нырки подпускали человека почти на расстояние вытянутой руки. На мелководье скапливалось множество птиц из семейства куликов, а на побережье стаи серых журавлей. Местный охотовед Г. И. Журавлев видел здесь даже очень редких южных гостей — пеликана

¹ *Кривицкая Р. Р.* Вопросы охраны природы // Озеро Иссык-Куль: Очерк по физической географии. Фрунзе. 1978. С. 189–195.

и фламинго. Все это заставляет думать о более серьезном отношении к охране неповторимой природы восточной части Прииссык-кулья. А пока здесь дымят трубы Курментинского цементного завода, и густой шлейф дыма загрязняет воздушный бассейн над многими селами и Тюпским заливом. Нет покоя и пернатым. Напуганные взрывами в горах, где добывают известняк для завода, с криком поднимаются тысячи птиц и долго не могут уgomониться. Согласно букве заповедного режима на территории, ставшей сушей после отступления озера, нельзя выпасать скот, и уж тем более складировать, да еще под открытым небом, химические удобрения. Только до сих пор на берегу и скот пасут, и сваливают горы удобрений. Овцы вытаптывают весь травостой, затаптывают птичьи кладки яиц, а химические удобрения в сезон дождей и таяния снегов загрязняют воды уникальнейшего озера.

Однако вернемся к нашим работам в 1985 г. В 2,5–3 км севернее с. Песчаное на широкой полосе побережья и примыкающей к нему илистой отмели (примерно 1500×500 м) было найдено множество фрагментов керамики, зернотерок, обнаружены скопления и отдельно лежащие речные окатанные валуны разных размеров. Уже беглый осмотр местности говорил о том, что это не следы древнего могильника. Целый ряд признаков указывал на то, что здесь было крупное поселение сако-усуньского времени — I тысячелетия до н. э. А это значит, что обнаружено поселение на территории Прииссыккулья с культурой, не известной археологам.

Подводные сокровища

На городище Сарыбулун за три полевых сезона удалось собрать довольно солидную коллекцию предметов материальной культуры, которые в какой-то степени дают

представление о жизни его обитателей, их занятиях и быте. Все предметы долгое время находились в воде и покрыты известковыми наростами. Иногда эти наросты образуют толстые слои, скрывающие саму форму предмета. Они настолько крепко «сцементированы» с древними изделиями, что механическая очистка, особенно хрупкой керамики, практически невозможна. Изделия из керамики и камня можно освободить от известковых наростов, только используя 50%-ный раствор соляной кислоты.

Все находки в местности Сарыбулун можно подразделить на четыре группы: керамика, изделия из камня, металлические изделия, поделки из рога.

Керамика. Как и на подавляющем числе археологических памятников, керамика Сарыбулуна — наиболее массовый материал. Обломки ее разных размеров и цвета рассеяны на большой площади дна залива и на побережье, которое до недавнего времени тоже было дном озера. Здесь за очень небольшой промежуток времени можно составить внушительную коллекцию древней керамики¹.

Обилие материала позволяет быть более разборчивым. Мы осматриваем все, но берем и храним только те осколки древних сосудов, которые могут дать максимальную информацию. Наибольший интерес вызывают фрагменты керамики с частью венчика или донца. По ним специалисты определяют форму верхней и нижней части сосудов. Большой удачей считается находка черепка, который сохранил хоть маленькую толику донца и венчика. Такой сосуд считается «археологически целым», так как без особого труда можно восстановить его размеры и форму. Не оставляются без внимания все осколки, на которых видны следы орнамента или характерных сеточек (отпечатков древних

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников древних кочевников Прииссыккуля // Изв. АН Кирг ССР. 1986. № 3. С. 63–64.

тканей), расположенных обычно на внутренней стороне посуды. Они тоже несут информацию об эстетических вкусах и ремесленной технологии древних скотоводов. И уж совсем большой праздник для археолога — находка целых сосудов. На Сарыбулуне их найдено около десятка.

Поражает разнообразие форм и размеров посуды древних скотоводов Прииссыккулья. Насколько ассортимент ее на городище богаче, чем в курганах! Если в подкурганых погребениях I тыс до н. э., раскопанных археологами, в подавляющем большинстве найдены лишь сосуды индивидуального пользования, т. е. столовая посуда, из которой человек ел и пил, то на поселении кроме нее находится и кухонная (для приготовления пищи) посуда, и тарная (для хранения продуктов). На городище Сарыбулун найден также расписной сосуд (правда, пока один), который можно отнести к парадной посуде. Кухонная посуда — это котлы. Кроме многочисленных фрагментов счастливый случай помог найти великолепный целый экземпляр глиняного котла шаровидной формы с четырьмя горизонтально расположенными петлеобразными ручками. На дне котла видны отпечатки ткани. Стенки толстые, вылеплены из огнеупорной глины. Емкость котла около 7 литров, что может обеспечить разовой пищей семью из 7—10 человек.

Этот котел не смогли бы найти даже наши опытные аквалангисты, хорошо знающие особенности микрорельефа и специфику структуры придонных отложений на площади городища Сарыбулун. Он был почти полностью заглублен в песок. Над дном в воде были видны только одна из ручек и часть венчика, которые, как и окружающее их пространство, были скрыты известковыми наростами. А найден он был, как ни странно, при помощи специального прибора, который реагирует только на металлические изделия. И вдруг прибор стал подавать сигналы над ручкой котла. Велико же было удивление и радость подводных археологов, когда вместо металлического (они давно известны

науке) был найден первый целый керамический котел древних скотоводов Прииссыккуля. Почему же ошибся умный прибор, который должен реагировать только на изменения магнитного поля? Известно, что даже среди металлов изменение магнитного поля может вызвать только железо или сталь, а тут — совсем уж нейтральная керамика. Консультация с физиками все разъяснила. Прибор не ошибся. Дело в том, что глина, из которой был изготовлен котел, содержала значительную часть окиси железа. При обжиге сосуда частицы окиси железа ориентируются по направлению магнитного поля земли и остаются в таком положении. А это значит, что котел имеет свое собственное магнитное поле, на что и среагировал прибор. Этот эффект давно известен охотникам за затонувшими амфорами в Средиземном и Черном морях. При помощи прибора на расстоянии нескольких метров они могут обнаружить группы амфор в придонных отложениях¹.

Столовая посуда представлена гораздо богаче, чем кухонная. Здесь найдены кувшины с широким горлышком, кружки с петлеобразными вертикально расположенными ручками, чаши разных размеров, широкие открытые миски, сосуды баночной формы с вертикальными стенками, кубки. Такие сосуды давно известны археологам, так как именно они наиболее часто встречаются в погребениях сако-усуньского времени².

¹ Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города. С. 24–25.

² Образцы посуды из погребений древних скотоводов Прииссыккуля. См.: Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР: К истории усуней // ВДИ. 1938. № 3; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л., 1952 // МИА. № 26. С. 53–61; Мокрый В. П., Гаврюшенко П. П. Курганы сакского времени долины р. Тон // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. С. 81; Плоских В. М. Иссык-Куль: путешествие в историю. С. 69.

Особого внимания заслуживает небольшой кувшинчик, расписанный стойкой красной краской. Весь сосуд был покрыт плотным известковым налетом и лишь с одной стороны едва просматривались следы красной краски. Мы долго колебались, прежде чем обработать сосуд соляной кислотой. А вдруг вместе с придонными отложениями исчезнет и роспись? Она не исчезла, а засияла красными запятыми и точками на светло-желтом покрытии кувшина.

Форма сосуда — шар с широким горлышком-раструбом — хорошо известна археологам и датируется очень широко в пределах второй половины I тыс. до н. э. Более узкую хронологию, на наш взгляд, может дать мотив росписи — беспорядочно расположенные запятое, точки, отрезки прямых линий. При известной доле фантазии здесь можно увидеть изображения птиц, рогов архара и даже схематическое изображение лица человека. Но лучше не фантазировать. Так, воображение одного из известных корреспондентов республики завело столь далеко, что он увидел в сарыбулунских росписях текст, написанный какими-то древними графемами, вроде санскрита, округлых рунических знаков или даже так называемым «червячковым письмом», предшествовавшим китайским иероглифам. Устные консультации с виднейшими специалистами в этой области позволяют говорить о том, что нужно сдержаннее подходить к этой сверхсмелой гипотезе. Сосуд, тем не менее, является уникальным предметом, который может быть соотнесен с первобытным искусством (декоративно-прикладным).

Если столовая посуда древних скотоводов была хорошо известна по находкам в погребениях, а кухонная — по металлическим образцам из случайных находок, то тарная керамика, предназначенная для хранения продуктов (зерна, муки, вина, масла и др.), совершенно не была известна науке ни из Прииссыккуля, ни из других северных районов нашей республики. Обнаруженные

нами тарные сосуды представляют собой толстостенные (до 2 см) бочонковидные корчаги со слегка расширенным или цилиндрическим туловом, все они широкогорлые (от 25 до 61 см). Многие корчаги в верхней части тулова имеют петлевидные ручки, у других ручки оформлены в виде массивных выступов круглого или овального сечения. По всей видимости, тарные сосуды имели округлое днище, так как в наших сборах имеется большое количество сферических толстостенных днищ, по составу теста с большим количеством крупнозернистого песка идентичных фрагментам верхней части корчаг. По своей форме сарыбулунские тарные сосуды отдаленно напоминают корчаги, найденные в Фергане при раскопках поселений шурабашатской культуры¹.

В целом для керамики городища Сарыбулун характерны самые разнообразные ручки. Основные их разновидности следующие:

- 1) петлеобразные, расположенные как вертикально, так и горизонтально;
- 2) подковообразные, плотно прилегающие к тулову сосуда;
- 3) в виде массивного уплощенного выступа;
- 4) в виде шишковидных выступов овального или круглого сечения;
- 5) в виде полуовальных наделов с узким сквозным отверстием.

Поражает очень большое число фрагментов сосудов с носиком-сливом самой различной формы и длины. Носики чаще всего в виде цилиндров или усеченных конусов. Во втором случае они крепились к тулову сосуда как большим, так и малым основанием. Показательно, что сосуды с носиком-сливом известны и в варианте из бронзы. Такие сосуды были найдены, как уже отмечалось, на дне озера

¹ *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л., 1962. С. 113. табл. 51. 11–15. (МИА. № 118).

¹⁶ Том IV. В. М. Плоских

близ с. Дархан и на полях колхоза «Дружба» Джеты-Огузского района¹.

На городище Сарыбулун известны и редкие формы керамики: крышка для сосуда, представляющая собой толстый круглый диск с петлевидной ручкой, фрагмент неглубокого сосуда подквадратной формы, цилиндрическая цельная подставка от сосуда типа вазы или кубка, два фрагмента жаровни, вылепленной из рыхлой глиняной массы.

На многих фрагментах и на целых экземплярах (котел, расписной кувшин) у донца, на нижней части стенок видны следы рельефной густой сеточки — отпечатки тканей, при помощи которых формировали сферическую нижнюю часть сосудов.

Вся керамическая посуда сарыбулунских мастеров, за исключением очень небольшого числа, была вылеплена вручную, без применения гончарного круга. Можно было ожидать, что древние скотоводы, умеющие создавать художественные шедевры из куда менее податливых материалов, чем глина (из металла, дерева, кости), так разрисуют свои сосуды, что любой из них, подобно греческим расписным, займет свое почетное место в истории древнего искусства, поведав потомкам о самых неожиданных сторонах жизни, быта, идеологии своих создателей. К сожалению, этого не случилось. Те же сарыбулунцы, которые мастерски использовали сферическую поверхность для изображения свернувшегося свирепого хищника с оскаленной пастью и сумели воспроизвести изображение в бронзе, были беспомощны, когда дело касалось украшения самой массовой продукции их ремесла — керамики.

Нам известны два технических приема орнаментации керамики на городище Сарыбулун: роспись (о ней сказано выше) и процарапывание украшений по сырой глине

¹ Мокрыгин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 68, 69, рис. 3.

до обжига. Мотивы орнамента так же примитивны, как и их исполнение. Обычно это волнистая или зигзагообразная горизонтальные линии, нанесенные на плечики сосуда. В одном случае строенные волнистые линии были процарапаны вертикально — от венчика к донцу.

С какой любовью украшались очень сложными и технически совершенными узорами сосуда эпохи бронзы! Как нарядно выглядела раннесредневековая керамика, особенно вышедшая из мастерских согдийцев-переселенцев! Возможно, что во времена древних скотоводов (между эпохой бронзы и средневековьем) керамика по непонятным причинам не считалась достойным объектом для выражения потенциально высоких эстетических возможностей ее создателей.

В наши дни наука открывает поистине фантастические информативные возможности керамических сосудов. Профессор патологии и археолог из канадского города Торонто Питер Левин рассматривает посуду древних как грампластинку, на которой записаны обрывки разговоров мастеров-керамистов. При вращении горшка на гончарном круге звуковые колебания от человеческой речи или музыки вызывали едва уловимые вибрации горшка. Это оставляло соответствующий отпечаток — естественную звуковую запись. Ее можно воспроизвести, используя новую оптическую технику, подобную той, что применяется в компакт-дисках. Сейчас Питер Левин разрабатывает «проигрывающее устройство» для воспроизведения древних записей. Информацию, запечатленную на посуде, будет считывать луч лазера. Появления всяких нерегулярностей в луче, отраженном на фотодетектор, будут затем с помощью компьютера, отсеивающего посторонние шумы, вновь переводиться в звуки¹. Возможно ли это? Будущее покажет.

¹ Известия. 1986. 8 декабря.

Каменные орудия труда

Даже в самых лучших книгах о культуре древних скотоводов, где представлены редчайшие изделия из золота и самоцветов, прекрасные образцы художественных поделок из дерева, кожи и войлока, чудом сохранившиеся в подкурганной мерзлоте, есть общие для всех слабые разделы. В этих монографиях явно недостаточно освещены или совсем не освещены орудия труда древних скотоводов¹. И это происходит не потому, что авторы не в совершенстве владели методикой исследования, и не потому, что их работы не отмечались глубиной анализа. Нет, слабость таких разделов была обусловлена самим объектом изучения — курганами, которые, как правило, не дают достаточной информации именно об этой важнейшей стороне истории человечества. Картина резко меняется при исследовании поселений, на которых чрезвычайно редки находки драгоценностей, что целиком компенсируется довольно частыми находками орудий труда.

На поселении Сарыбулун были найдены следующие орудия труда, сделанные из камня: зернотерки, песты, молоты, наковальни, точила, разнообразной формы грузила, пряслица, терки, серповидные ножи, мотыги².

Все зернотерки продолговато-овальной формы, чаще всего встречаются экземпляры значительных размеров (30—40×12—15 см), рабочая площадь их сильно сработана и концы зернотерок оказались приподнятыми так, что

¹ См., например: Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII—III вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. М., 1973; Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978.

² Авторы благодарны д. и. н. Г. Ф. Коробковой за определение функционального назначения каменных орудий труда.

в профиль они напоминают силуэт ладьи с высокими носом и кормой. Зерна растирались при помощи терочного камня, которым служила обычно удлиненной формы природная галька. В процессе работы средняя часть терочника стиралась и края его опускались по сторонам зернотерки. В отдельных местах на небольшой площади находилось до десятка целых и разбитых зернотерок, что свидетельствует о том, что здесь когда-то было помещение хозяйственного назначения.

Среди зернотерок есть экземпляры, на которых перемалывали отнюдь не зерно. Специалисты полагают, что они использовались для дробления металлоносных руд.

Специальные эксперименты, проведенные Г. Ф. Коробковой, показали, что труд по превращению зерна в муку при помощи подобных зернотерок был чрезвычайно тяжелым, производительность очень низкая: не более 2 кг зерна за 4 часа чистого рабочего времени. Интересно и то обстоятельство, что, как показал эксперимент, современные женщины при работе с зернотеркой дают вдвое более высокие показатели, чем мужчины¹. Воистину, хлеб для земледельцев того времени, особенно для женщин, был трудным.

Каменные зернотерки появляются на широкой территории еще в эпоху бронзы и окончательно вытесняются круглыми жерновами только в средневековье.

Особого внимания заслуживает находка каменных серповидных ножей, изящной, можно сказать, ювелирной, выделки. Такие ножи типичны для Ферганы, Южного Узбекистана и Синьцзяна, где они известны по массовым находкам на поселениях финальной бронзы и начала железного века².

¹ *Коробкова Г. Ф.* Трудный хлеб первых горожан / Памятники Туркменистана. № 2. Ашхабад, 1974.

² *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. С. 33, 36, рис. 12; с. 37, рис. 13, табл. XXV, XXVI; *Аскарлов А. А., Альбаум Л. Н.* Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979. С. 2.

Но на Иссык-Куле каменные серповидные ножи — большая редкость. Так, если на поселении Боз-Тепе в Узгенском районе Ошской области было обнаружено 20 серповидных ножей и 21 заготовка для их изготовления, то в Прииссыккулье — пока только восемь и одна заготовка. Обломок каменного серповидного ножа нашел Д. Ф. Винник. Он лежал на глубине до 1 м на дне озера где-то между селами Ананьево и Каменка (современное Джаркинбаево)¹. Три целых экземпляра прекрасной сохранности нашли краеведы средней школы с. Тору-Айгыр в предгорьях Кунгей — Ала-Тоо, севернее этого села. Сейчас эти каменные серповидные ножи экспонируются в краеведческом музее г. Чолпон-Ата. Городище Сарыбулун (найденно три серповидных ножа и одна заготовка) фиксирует третью точку распространения каменных серповидных ножей в Прииссыккулье, которое сейчас можно считать самым северным регионом распространения этих орудий труда.

Каково функциональное назначение этих хрупких на вид предметов, изготовление которых требовало немало мастерства, терпения и времени? Что можно было делать с их помощью? Обилие находок каменных серповидных ножей на поселениях позднебронзового времени в Фергане позволили археологу Е. В. Дружининой провести эксперимент с одним из них. По ее словам, нож легко срезал пучки (из 15 стеблей) пшеницы и ячменя, резал полый камыш и даже тонкие ветви кустарников. Эксперимент был полностью подтвержден трассологическими анализами. Исследование микроследов на ферганских каменных ножах убедительно доказало, что они в основном использовались в качестве серпов. Не исключено, что в дополнение к основному функциональному назначению каменные серповидные ножи, подобно киргизским серпам — орокам,

¹ Винник Д. Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 89, 91, рис. 3.

использовались для обработки шкур животных (снятия мездры) и, как предполагают, в качестве трепала при обработке растительных волокон для ткачества¹.

На городище Сарыбулун удалось собрать коллекцию более чем из двадцати различных по форме и размеру каменных молотов и молотков, напоминающих песты: цилиндрические, усеченноконические, с выделенным овальным навершием. Все они в сечении круглые или овальные. Некоторые экземпляры имели в длину до 20 см и в ширину — до 7. Однако есть и миниатюрные. Так, близ острова на глубине 1,7 м был найден маленький (5×2 см) каменный молот-цилиндр, тщательно сделанный из камня черного цвета. Где есть молоты, должны быть и наковальни. Две из них найдены на берегу у кромки залива на расстоянии 12 м друг от друга; они представляют собой уплощенные шарообразные речные валуны с широким круглым углублением в верхней части. Камни весом более 50 кг, что значительно затрудняло их перемещение. По всей видимости, эти наковальни были стационарными. Тут же были подняты небольшая (21×6 см) круглая наковальня и фрагмент овальной².

На дне озера А. В. Блаватский обнаружил изящную миниатюрную ступку, мастерски выполненную из плотного мраморовидного минерала с хорошо отшлифованным рабочим углублением и выделенной подставкой (6×3 см). Миниатюрные изделия такого рода могли применяться для приготовления косметических или лекарственных снадобий.

Мастера того времени освоили сверление камня. На городище найдены просверленные круглые и овальные гальки, так называемые грузила, пряслица, пуговицы

¹ Семенов С. А., Ширинов Т. Каменные серпы чувствской культуры // ОНУз. 1976. № 10; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 125–126.

² Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы... С. 76, примеч. 33.

и точильные бруски. Особого внимания заслуживает находка маховика для сверла.

Загадочные шары

Видный исследователь Средней Азии геолог А. В. Мушкетов был одним из тех, кто весьма скептически относился к наличию подводных развалин городов на Иссык-Куле. В 1886 г. он представил доклад в Русское географическое общество об организации геологической экспедиции в район Хан-Тенгри. Попутно, по замыслу ученого, экспедиция должна была решить вопрос об «иссык-кульской Атлантиде»: да или нет? «Да», — ответил горный инженер И. В. Игнатъев, который возглавил намеченную А. В. Мушкетовым экспедицию. Он осмотрел акваторию залива озера в районе Кой-Сары, где нашел жернов, глиняную домашнюю утварь, скопление обожженных кирпичей. Последние могли быть только остатками размытых волнами стен, а не природными геологическими отложениями, как предполагал А. В. Мушкетов. Среди находок И. В. Игнатъева на Кой-Саре был каменный шар «неизвестного назначения»¹. О подобных шарах писали и другие исследователи подводных развалин. Столетие спустя после работ И. В. Игнатъева, на поселении Сарыбулун было найдено свыше тридцати каменных шаров. И все они, как и прежде, к сожалению, «неизвестного назначения». Подводные археологи, выкладывая из сеток очередной улов, так и говорили: «А вот и загадочный шар».

¹ Небольшая, тщательно сделанная, овальная наковальня могла служить алтариком или жертвенником. (См.: Вишневская О. А. Культура сакских племен низовий Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. С. 86–87).

На первый взгляд, все шары как шары, диаметром 6—8 см, есть и побольше, есть и поменьше, сделаны из камня, которого полно в любом горном ручье. В ход шли и крупнозернистые и мелкозернистые граниты. При ближайшем рассмотрении большой коллекции шары оказались не такими уж и однотипными. Подавляющее большинство из них не являются идеальными. На некоторых из них выбита короткая, но сравнительно глубокая борозда, на других видны следы плоских стертостей — с одной или двух диаметрально противоположных сторон. Такой шар не покатится по плоскости. Однако встречаются и идеальные шары. Рассматривая один из них, участник экспедиции физик из новосибирского Академгородка Д. Есаев заключил, что примитивной техникой и без специальных приборов вручную сделать такой шар в наше время невозможно. Что же, это делает честь древним исык-кульским мастерам каменных дел. Совершенно очевидно, что труд столь квалифицированных мастеров не был бесцельным. Их изделия были нужны людям. Но для чего?

Отсутствие приемлемого объяснения функционального назначения археологических находок всегда порождает массу предположений у всех участников поисков — от школьников до опытных археологов. Однако, если отбросить самые фантастические из них, вроде того, что у древнего населения Прииссыккуля были на вооружении пневматические пушки, стрелявшие каменными ядрами, то останутся вполне приемлемые варианты с «милитаристским» и «спортивным» уклонами. Высказываются мнения, что древние обитатели Сарыбулуна при военных действиях могли использовать метательные машины типа катапульты или, на худой конец, примитивную пращу. В ответ приводится довод, что для этого достаточно простого булыжника и совсем не нужны идеальные шары, которые есть не что иное, как спортивный инвентарь для какой-то игры.

Так ли это? «Конечно, нет», — ответила Г. Ф. Коробкова. В исык-кульских шарах не оказалось ничего загадочного для нашего крупнейшего специалиста-трассолога. По едва заметным следам (трассам) на камне она определила, что все шары, даже идеальные, являются орудиями труда. При помощи одних делали каменные орудия труда (зернотерки, молоты, мотыги), другие использовались для обогащения руды, третьими что-то растирали, например, краску. Один из шаров с правильной плоской круглой стертостью служил матрицей для изготовления плоских металлических изделий типа зеркал.

Таким образом, исык-кульские каменные шары утратили столь привлекательную загадочность, но зато пополнили коллекцию орудий труда древних скотоводов, о которых ранее было известно чрезвычайно мало.

Маленькая гостья из сказочной страны

Такие находки не прогнозируются. Они всегда неожиданны, а в условиях подводных работ при илистом дне — почти невероятны. Речь пойдет о прекрасной крупной черного халцедона бусине, которую, конечно же, нашла единственная в сезоне 1986 г. женщина-аквалангист Раиса Носова. Бусина была так хорошо отполирована, что на ней не смогли наслоиться придонные отложения. Она была целой и блестящей. Казалось, что ее совсем недавно уронили в озеро. На самом деле возраст ее исчисляется тысячелетиями. Бусина представляет собой длинный цилиндр с небольшим утолщением к середине. Особенностью ее был орнамент — по черному полю белые волнистый зигзаг и цепочка кругов.

В древности такие бусы с орнаментом в большом количестве производились в Индии. Оттуда они распространялись во все концы ойкумены. В Средней Азии их находят не так

уж и редко¹. Однако на Иссык-Куле наша бусина — первая находка. Она указывает на экономические связи древних скотоводов с далекой Индией.

Секрет нанесения орнамента на камень, да так, что он кажется вполне естественным, природным рисунком, раскрыл нам великий мыслитель средневековья аль-Бируни. В одном из своих трудов он отметил: «На камнях для перстней, [выточенных] из сердолика, пишут, что пожелают, посредством раствора поташа и нашатыря; затем камень приближают к огню, и написанное становится белым»².

Великий хорезмиец записал забавную историю о применении технологии нанесения надписей на камень мусульманскими проповедниками с целью не столько укрепления веры, сколько наживы. Один из шиитских шейхов долго приставал к аль-Бируни и наконец выпытал секрет письма на самоцветах. «И вот он надписывал на них (камнях. — Авт.) слова: Мухаммад, Али и тому подобные, не заботясь о тщательности и красоте письма. И выдавал он их за природные, [говоря], что они добыты в таком-то месте. И таким образом он получил за них у шиитов [много] денег»³.

В наши дни этот древний рецепт упрощен. Для подобных упражнений пользуются простым раствором пищевой соды.

Сарыбулунская бусина является первым свидетельством экономических связей Прииссыккуля с далекой Индией. Едва ли они были регулярными в I тысячелетии до н. э., но уже были.

¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972. С. 78–82.

² Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей. (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. М., 1963. С. 160.

³ Там же. С. 457.

Современная техника и подводные поиски изделий из металла

Ночное небо над безветренным Иссык-Кулем кажется декорацией. Знакомые созвездия, яркие и блестящие, неправдоподобно близкие, отражаясь в тихой глади, создают впечатление, что небо везде, а ты — в космосе. Жаль только, что вполне земные комары быстро возвращают восторженного созерцателя из благодушной космической эйфории в реальный археологический лагерь, обитатели которого, как и положено, сидят у голубого экрана. Только наш телевизор включен не в розетку (электролиний здесь нет), не присоединен к системе батареек — он работает на солнечных батареях. Небольшая площадь ее за один солнечный день аккумулирует столько энергии, сколько нужно для работы не только телевизора, но и электробритвы, и даже электрочайника.

Большая удача для каждого коллектива, временно оторгнутого от городских удобств, иметь такого сотрудника, как Виктор Волчанский. Чего только нет в его необъятном рюкзаке. Оказался там и дистанционный зонд — прибор, который помог подводным археологам за один лишь месяц работ найти более десятка металлических изделий. Такого еще не бывало. Внешне прибор очень прост: небольшой металлический круг на длинной ручке. Но какая в нем сложная начинка, если он подобно миноискателю мгновенно подает звуковой сигнал за метр-полтора до всякого предмета из любого металла — будь то на земле, под землей или под водой. С его помощью в сезон 1986 г. было найдено большинство древних изделий из бронзы. Прибор, к которому до начала работ относились скептически, сразу был признан археологами «чудом современной техники на службе гуманитарных наук». Таковым бы он и остался, если бы не Болот Дуйшеев. Порывшись в своих толстых папках, он достал вырезку

из газеты и при свете костра громко прочел: «Группа египетских специалистов в сотрудничестве со своими коллегами из США впервые в археологических работах применила современное электронное оборудование, в том числе компьютеры. Не прибегая к ручным работам, эта группа, проводя поиски в районе южнее храма Карнак, обнаружила под землей остатки двух гигантских статуй Аменхотепа III»¹. Это сообщение несколько поубавило восторги по поводу нашего «чуда». Однако оптимисты остались в уверенности, что Волчанский, если достанет схему, вполне осилит изготовление прибора не хуже американо-египетского.

Первые изделия из металла на городище Сарыбулун были найдены не с помощью нашего «чудо-прибора» и не археологами. Прекрасной сохранности бронзовые кинжал-акинак и полусферическое навершие булавы высокохудожественного литья случайно нашли юные краеведы средней школы № 31 г. Фрунзе, руководимые преподавателем истории М. К. Синусовым. Эти находки стали знаменитыми еще за два года до открытия самого подводного городища Сарыбулун: в июне 1983 г. и акинак, и навершие булавы экспонировались на выставке «Памятники культуры и искусства Киргизии» в одном из величайших музеев мира — в Государственном Эрмитаже.

Кинжал (длина 26,5 см) отлит из бронзы. Клинок прямой с продольным ребром, в сечении ромбовидный. Рукоять с брусковидным навершием и с тремя продольными ребрами несколько расширяется к клинку. Гарда бабочковидная, шириной 7,5 см². Бронзовые кинжалы идентичной формы были широко распространены у кочевников-саков в VI—III вв. до н. э. от Семиречья до Тувы, а на Иссык-Куле

¹ Известия. 1986. 9 января.

² Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки. Л., 1983. С. 30. № 42.

это уже третья находка. Показательно, что все три кинжала были подняты со дна озера¹.

Навершие булавы — уникальное произведение скифо-сибирского звериного стиля, тоже было найдено на городище Сарыбулун. Оно полушаровидной формы с отверстием в верхней части. На внешней стороне рельефная фигура свернувшегося в кольцо хищника кошачьей породы (тигр?). Голова крупная, пасть оскаленная, широкое ухо, глаз круглый с выпуклым зрачком. Мощные когтистые лапы. Хвост тонкий и длинный, на конце свернут в кольцо. Свиный хищник подмял под себя сразу двух сайгаков, горбоносые головы которых видны под головой и грудью животного².

Мотив животного, свернувшегося в кольцо, широко распространен в искусстве обитателей гор и степей Евразии. Известен он и в Прииссыккулье³. Но сарыбулунский хищник — явление уникальное. Точных аналогий ему нет. По ряду деталей (когтистые лапы, круглый глаз, загнутый в кольцо кончик хвоста, оконтуренная валиком оскаленная пасть) он очень напоминает древнейшие изображения свернувшихся кошачьих хищников, в частности, знаменитого тигра из кургана Аржан в Туве. М. П. Грязнов датировал его VIII—VII вв. до н. э.⁴ Однако имеющиеся различия и особенно композиция из трех животных — хищника и его жертв, ранее не встречавшиеся при изображениях свернувшихся зверей, хотя и не исключают сарыбулунскую

¹ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата. 1963. С. 110, рис. 85; Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. 1980. С. 250. рис. 5; Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 61. рис. 1; С. 67. рис. 2, 5.

² Памятники культуры и искусства Киргизии. С. 31. № 44.

³ История Киргизской ССР. Т. 1. С. 166.

⁴ Грязнов М. Л. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 28, рис. 15.

булаву из круга памятников искусства аржано-черногородского типа, но не позволяют считать ее синхронной аржанской бляхе. Скорее всего, она несколько моложе и отлита в VII–VI вв. до н. э. На наш взгляд, на сарыбулунской булаве изображена одна из древнейших в скифо-сакском мире сцен терзания хищником травоядных животных. Сцена еще далека от классических образцов, представленных скифо-сибирским искусством в V–III вв. до н. э. Тем не менее, смысл ее тот же: по мнению Е. Е. Кузьминой, это графическое отражение астрального явления смены на небосклоне созвездий Плеяд (Быка) и Кассиопеи (Оленя) созвездием Льва. Именно в это время — время весеннего равноденствия — в Месопотамии начинались посевные работы. Здесь возник миф, по которому лев, как и положено, побеждал оленя и быка, что несло всеобщее благо. Этот астрально-космогонический миф был воспринят многими народами, в том числе и саками¹. Последние заменили незнакомого им льва вполне знакомым тигром, а быка и оленя — двумя сайгаками. Таким образом, сцена, изображенная на сарыбулунской булаве, скорее всего, передавала языком символов победу солнца над тьмой в начале весны, что означало наступление Нового года — Ноуруза.

Вот о чем рассказала находка юных археологов, поднятая со дна Тюпского залива. находка кинжала и булавы — ценный вклад в археологию Киргизии ныне покойного краеведа Михаила Константиновича Синусова.

По роду своей деятельности местный охотовед Г. И. Журавлев не один десяток раз бороздил на лодке отмель, где расположено городище. Ему, человеку любознательному

¹ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977. С. 108–109, 40–41; Г. А. Федоров-Давыдов обосновывает иную точку зрения на семантику мотива терзания травоядных хищниками (см.: Федоров-Давыдов Г. А. О сценах терзаний и борьбы зверей в памятниках скифо-сибирского искусства // УСА. Вып. 3. С. 23–29).

и с разносторонними интересами, удалось собрать здесь солидную коллекцию изделий из бронзы. По его словам, она включала: кинжал, целый наконечник и втулку от наконечника копья, несколько наконечников стрел, серповидный предмет и котел. К сожалению, постоянно меняющиеся сотрудники Пржевальского краеведческого музея не пожелали приехать в с. Маяк и принять коллекцию, в результате она утрачена. Большинство бесценных для науки бронзовых изделий древних мастеров затерялось при переезде Г. И. Журавлева из одного села в другое. При встрече он передал нам только котел и втулку от наконечника копья, которые мы доставили в институтский музей, где они экспонируются среди других изделий сакского времени.

Котел бронзовый, полусферический, с отогнутой закраиной, на коническом поддоне. К тулову котла прикреплены две горизонтальные петлевидные ручки, между ними — рельефная тамга (знак мастера?) в виде двух сомкнутых концентрических полуovalов, напоминающих изображение месяца рожками вниз. Высота котла 56,8 см, ширина устья 56 см¹.

Подобные котлы были широко распространены в Семиречье и за его пределами во второй половине I тыс. до н. э. В Прииссыккулье на суше и на дне озера их найдено более десятка². Конечно же, в таких котлах едва ли готовили пищу на одну семью. Эти громадные емкости — немые свидетели былых грандиозных шумных пиров родовых

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 64—65.

² Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 43—47, рис. 21; Винник Д. Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. С. 92, рис. 4; Кызласов Л. Р. Сакская коллекция с Иссык-Куля // Новое в археологии. М., 1972. С. 102—105; Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 70—71, рис. 4.

коллективов древних скотоводов на праздниках в честь своих божеств. Одним из самых популярных празднеств, как полагает Е. Е. Кузьмина, был Ноуруз — день весеннего равноденствия, когда приносилась жертва солнцу. В таких котлах варили мясо жертвенного коня и, собравшись вместе, съедали его. Этот акт должен был гарантировать всеобщее благополучие. По-видимому, не только ритуальная пища, но и сам котел наделялся магическими свойствами¹.

Более скромно выглядит вторая переданная нам находка Г. И. Журавлева: втулка наконечника копья, бронзовая, литая, усеченноконической формы, со следами двух отверстий для крепления к древку. Высота сохранившейся части 4,5 см, диаметр втулки 3,5 см. Бронзовые втульчатые наконечники копий хорошо известны археологам по находкам в Семиречье, в том числе и в Прииссыккулье, где они датируются V—III вв. до н. э.²

Таким образом, краеведами обнаружены на дне Туюпско-го залива и сохранены для науки редкие, а иногда и уникальные изделия древних сарыбулунцев, которые при более тщательном изучении, особенно специалистами-металлографами, еще много поведают о древней истории Киргизии.

В сезон 1985 г. на городище Сарыбулун подводным археологам не удалось найти ни одного изделия из металла. Зато сезон 1986 г. (благодаря прибору Волчанского) условно можно назвать «бронзовым сезоном». И все-таки самая первая находка из металла была поднята со дна озера близ острова руководителем группы аквалангистов С. С. Прапором. Это был целый серповидный нож отличной сохранности, покрытый, правда, тонким слоем известкового налета. У тупого конца — отверстие для крепления

¹ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. С. 109–110.

² Акишев А. К., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или... С. 110. рис. 85; Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 68. рис. 2, 3.

к рукоятке, которая, скорее всего, была деревянной. Позже, уже с помощью прибора, были обнаружены еще три таких же серповидных ножа (один целый и два обломка), но куда им было до самого долгожданного — первого!

Однолезвийные серповидные ножи имеют три варианта: с подкошенной рукоятью, со сплошной рукоятью и с прямой спинкой. Они хорошо известны в Фергане, в Хорезме (литейная форма из Якке-Парсан), в Ташкентском оазисе, где они датируются XI—IX вв. до н. э. Однако устоявшиеся формы серповидных ножей жили едва ли не больше тысячелетия. Они известны и для раннесакского времени. Обломок такого серповидного ножа найден даже на усуньском поселении Актас-2 в Казахстане (рубеж н. э.)¹. Таким образом, первые бронзовые однолезвийные серповидные ножи, найденные в Прииссыккулье, невозможно датировать в пределах одного-двух столетий.

Слабым утешением является то обстоятельство, что все серповидные ножи были найдены поблизости от неказистого, на первый взгляд, бронзового кружочка, который, как оказалось, относится к строго определенной эпохе. До сих пор непонятно, как в придонном иле можно найти такую миниатюрную вещь, притом не блестящую, как после очистки, а пок рытую плотным слоем серого известкового налета. Бронзовый кружок оказался ажурным. В него был вписан ромб со слегка прогибающимися внутрь сторонами и с отверстием в Центре. Этот знак — символ солнца — был хорошо известен в евразийских

¹ Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. 4—9, табл. IX, X, XI; *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. Табл. XI, 7; *Аскаров А. А., Альбаум Л. И.* Поселение Кучуктепа. Табл. XXIII; *Дуке Х.* Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982. С. 61—62, рис. 14; *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 71.

степях в VIII—VII вв. до н. э. и изображался на изделиях начального этапа сакской культуры в Туве, Казахстане и на Памире. Очень часто ромб с точкой в центре наносили на детали конской сбруи. В могильнике Уйрагак (низовья Сырдарьи), например, найдено сразу пять бронзовых изделий с подобным знаком и все они украшают металлические детали конской узды¹. На наш взгляд, это обстоятельство еще раз подтверждает ассоциативную связь в религиозных воззрениях саков (массагетов) солнца и коня. Солнце почиталось как быстроконное божество. Возможно, что и сарыбулунский солярный амулет был деталью конского снаряжения. Наиболее близкие по форме аналогии сарыбулунскому амулету находят даже не в низовьях Сырдарьи, а далеко от Иссык-Куля — в степях Северного Кавказа и Причерноморья². Не исключено, что бронзовые серповидные ножи, найденные поблизости от солярного амулета, тоже принадлежали к раннескифской (III—VII вв. до н. э.) эпохе. Однако с полной уверенностью принять эту датировку не представляется возможным, так как волны Иссык-Куля за те почти 3 тысячи лет, когда серпами уже не жали, а амулет не носили, могли «подстроить» любое мнимое совместное залегание любых хронологически несовместимых вещей.

Так случилось с первой и пока единственной находкой на территории Киргизии боевого кистеня (гиря на ремне). Он представляет собой цельнолитой бронзовый шар диаметром 6 см с трапециевидным ушком и найден был тоже у острова, неподалеку от серповидных ножей и амулета.

¹ Вишневская О. А. Культура сакских племен... Табл. I, 3; XI, 4; XVII, 2; XVIII, 33. Курганы № 29, 38, 60 и 70, где были найдены изображения солярных знаков, датированы VI в. до н. э. В свете новых работ их вполне можно отнести к VIII—VII вв. до н. э. (см.: Грязнов М. П. Аржан... С. 61.).

² Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. Рис. 92.

Сохранность изумительная. Молодые археологи тотчас же объявили этот кистень самым древним в мире, а Прииссыккулье — родиной этого вида оружия ближнего боя. Если бы амулет с солярным знаком и бронзовый кистень были найдены в одном погребении, либо в одном и том же культурном слое при раскопках городища, заключение это имело бы резон. Однако опытный археолог и здесь вел бы себя осмотрительно: нет ли подвоха? Дело в том, что во всей полосе гор и степей Евразии, где раскопаны тысячи курганов древних скотоводов, кистень ни разу не был найден. Не были кистени и на вооружении у южных соседей скифо-сакского мира — бактрийцев, персов, греков, фракийцев. Зато в той же полосе степей в средние века было найдено немало подобных боевых гирь как из бронзы, так и из железа. Следовательно, несмотря на то, что на дне Тюпского залива солярный амулет VIII в. до н. э. и бронзовые серповидные ножи располагались рядом с кистенем, их весьма рискованно считать синхронными. Скорее всего, последний принадлежал к совершенно другой, гораздо более поздней, хронологической эпохе.

Заслуживает внимания и находка на городище Сарыбулун обломка бронзового кельта — тесла. Сохранились только его нижняя рабочая часть и очень незначительная часть втулки. Ширина рубящей рабочей части кельта 3 см, одна из сторон сработана заметно больше другой. Это уже вторая находка кельта времени древних скотоводов на территории Прииссык-куля. Первый совершенно целый экземпляр входил в состав клада, поднятого со дна озера у с. Каменка (ныне с. Джаркинбаево)¹ в 1954 г. Подобные орудия труда были распространены в Средней Азии и Казахстане в VII—V вв. до н. э.² Назначение их было

¹ *Кызласов Л. Р.* Сакская коллекция с Иссык-Куля... С. 103, рис. 2, 4.

² *Ставиский Б. Я.* Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 126, рис. 54, 2;

достаточно разнообразным. Они служили для обработки дерева, использовались при земляных работах, а возможно, и в качестве оружия. В одном из курганов могильника Уйгарак найден кельт-тесло с остатками деревянной рукоятки, она представляла собой палку с коротко обрезанным сучком. Втулка кельта-тесла надевалась на остаток сучка так, чтобы он оказался под острым углом к рукояти¹. Полностью снаряженный кельт-тесле очень напоминает современную среднеазиатскую тешу, которая и по сей день употребляется в домашнем хозяйстве киргизов.

Если бы не поисковый прибор, аквалангистам ни за что не удалось бы найти небольшие бронзовые шилья-проколки. Даже увидев их, не сразу понимаешь, что это орудия труда, к которым человек приложил руку. Внешне это обыкновенные мелкие речные камешки-окатыши.

Но прибор не ошибается (если не считать случая с керамическим котлом, когда он «правильно ошибся»), и окатыши были извлечены со дна озера. Когда осторожно разбили толстую скорлупу «окатыша», внутри увидели подвижный острый бронзовый стерженек. Этого не ожидал никто. Разгадка «подвижности», «свободы» шильев возможна, если предположить (и это наиболее вероятно), что мелкие, легко теряющиеся и опасные острые проколки хозяева помещали в чехлы из кожи или дерева. Оказавшись в озерной воде, чехлы разбухли, потеряли первоначальную форму, а бронза качала окисляться. Со временем окислы пропитали материал чехлов, придав им субстанцию металла. Донные известковые отложения завершили метаморфозу, закамуфлировав деформированные чехлы под серые речные камни.

с. 127; *Грязном М. П.* Древняя бронза Минусинских степей // Тр. Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л., 1941. С. 264–265, табл. VIII, 8, 9.

¹ *Вишневская О. А.* Культура сакских племен... С. 72–73.

Есть основания для предположения, что сарыбулунцы сами плавил металл. На эту мысль наводит находка близ острова скопления обломков различных крупных бронзовых сосудов, которые ни на что не годились, кроме переплавки. Здесь же найден небольшой слиток металла и, что является главным доводом в пользу металлопроизводства на городище, литник (заполнение подводящего отверстия литейной формы), представляющий собой небольшой бронзовый конус. Не исключено, таким образом, что какая-то часть металлических изделий, найденных на городище, даже уникальное навершие булавы с изображением разъяренного тигра, могла быть отлита на месте.

Изделия из рога

Найден рог джейрана, насквозь просверленный у основания. Выше — глубокий продольный срез. Функциональное назначение изделий подобного рода не известно. Одни исследователи называют их шилом-проколкой, хотя трудно представить, что можно проткнуть таким шилом, да кроме того, неясно, зачем столь обширное отверстие? Другие полагают, что таким рогом развязывались туго затянутые узлы на вьюках, юртах, конских сбруе и путах. Это, на наш взгляд, ближе к истине, так как скотоводы-кочевники постоянно имели дело с веревками и ремнями.

Приглашение к поиску

На городище Сарыбулун, таким образом, выявлен комплекс предметов материальной культуры, который определяет характерные черты поселения, его лицо, или, как говорят археологи, — его культуру. Наиболее распространенными из них, как мы уже знаем, были изделия из камня (зерно-

терки, молоты, песты и ступы, грузила, шары), керамики (круглодонные лепные сосуды) и металла (кинжал, котел, серповидные ножи). Значение открытия городища Сарыбулун заключается не только в том, что впервые в Северной Киргизии найдено городище, начавшее функционировать в VIII–VII вв. до н. э. Выявленный здесь комплекс предметов создает прецедент для поиска одновременных поселений в других местах Прииссыккуля. Иными словами, если на побережье или на дне озера обнаружатся множество битых черепков грубой лепной посуды с округлыми днищами без орнамента, каменные зернотерки, грузила, шары, песты, а где-то рядом (чего только не бывает!) ядовито-зеленое специфическое изделие из бронзы, наверняка вы открыли бывшее поселение древних скотоводов, основанное более 2000 лет тому назад.

Что нам известно о поселениях древних скотоводов в Семиречье? Очень мало, хотя скудные сведения о них в литературе появились еще в конце 20-х годов. Тогда молодой еще археолог, а впоследствии один из виднейших советских скифологов А. И. Тереножкин обследовал памятники Чуйской долины. У села Аламедин ему удалось открыть остатки древнего поселения и собрать на нем фрагменты керамики, которые датировались временем древних кочевников-усуней¹.

Более определенные данные получены на другом поселении Чуйской долины – Карабалтинском, расположенном в пределах длинных стен крупного средневекового поселения Шиш-Тюбе, у современного города Кара-Балта. Открыто оно было в конце 50-х годов студентом исторического факультета КГУ М. Н. Оморовым (ныне доцент того же факультета), а изучено в 60-х годах археологом А. К. Абе-тековым. Поселение было сильно разрушено в результате

¹ Тереножкин А. И. Археологические разведки на реке Чу в 1929 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6.

хозяйственных работ, тем не менее здесь удалось раскопать овальное в плане глинобитное помещение, где были найдены очаг, многочисленные фрагменты керамики, зернотерка, грузило, пряслице от веретена, поделки из кости. Исследователь полагает, что Карабалтинское поселение было основано усунями и функционировало в I—III вв. н. э.¹

Третье поселение в Чуйской долине было обнаружено археологом И. К. Кожомбердиевым, который в 1975 г. раскопал катакомбный могильник у села Кум-Арык, что в 20 км к юго-западу от г. Кара-Балта. Здесь же на большой площади пашни были собраны многочисленные фрагменты керамики древних кочевников. Ю. А. Заднепровский, интерпретировавший находки, отнес это поселение к усуньскому времени².

Наиболее результативные раскопки поселения древних скотоводов были предприняты в какой-то сотне километров к северу от городища Сарыбулун в долине реки Кегень (Восточное Семиречье). Здесь казахский ученый К. А. Акишев изучал поселение-зимовку усуней Актас-2. Кроме орудий обработки земли (каменные мотыги) и уборки урожая (бронзовый серп), ученому удалось обнаружить остатки арыков и определить участки полей, орошаемых ими. Подобных поселений-зимовок было немало. В одном ущелье Курайлы их было шесть³. Факт весьма показателен. Он позволяет надеяться, что тщательная и целенаправленная разведка ущелий Кунгей- и Терскей-Ала-Тоо выявит такие поселения-зимовки и в Прииссыккулье.

Анализируя итоги полевых работ Иссык-Кульского историко-археологического отряда в сезоны 1985-1987 годов,

¹ См.: *Абетеков А. К.* Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней // КСИА. 1970. № 122.

² История Киргизской ССР. Т. 1. С. 147.

³ *Акишев К. А.* О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья... С. 72.

с учетом предыдущих поисков, уже сейчас с достаточной определенностью можно указать на перспективные места для фиксации и исследования мест поселений древних скотоводов.

Дархан. Близ с. Дархан на дне озера случайно были обнаружены два бронзовых кинжала, котелок с носиком-сливом и фрагмент большого жертвенного котла. Все находки датированы VI–V вв. до н. э. В 1984 г. аквалангисты обследовали этот район и помимо большого числа средневековой керамики X–XII вв. нашли два фрагмента и одну целую зернотерку более древних времен. Они могут быть синхронными бронзовым изделиям, найденным здесь же.

Койсара. Здесь кроме уже упомянутого каменного шара найдены фрагменты зернотерок.

Курменты. В сезон 1986 г. капитан судна «Юнга» Н. С. Медведев на северном берегу Тюпского залива указал место, где, по его словам, находили много различных человекоподобных фигурок из камня. Местонахождение было обследовано лаборантом отряда М. В. Эктовым. На пашне с россыпью керамики сако-усуньского времени были найдены два песта, каменный шар, фрагмент зернотерки. Фигурки отыскать не удалось.

Колхоз Фрунзе. Южнее центральной усадьбы колхоза в 1985 г. на северном берегу Тюпского залива среди россыпи мелких фрагментов лепной керамики найдено шесть зернотерок, пест, а в 30 м от берега на глубине около 2 м — замечательной сохранности бронзовые удила со стремявидными концами. Удила относятся к раннесакскому времени — VIII–VII вв. до н. э.

Ананьево — Каменка. На дне озера между селами Ананьево и Каменка Д. Ф. Винник в 1959 г. обнаружил зернотерку, бронзовый котел и обломок каменного серповидного ножа. Еще раньше здесь же рыбаки с. Каменка нашли клад бронзовых изделий V–III вв. до н. э., включавший кинжал, наконечник копья, кельт, зеркало и четыре

экземпляра удил с кольцевидными концами. Севернее с. Каменка учитель истории средней школы с. Ананьево Н. Ф. Мирошниченко нашел и передал нам хорошей сохранности бронзовый кинжал с антенновидным навершием.

Долинка. Житель г. Чолпон-Ата Ю. И. Чалов, увлекавшийся подводным спортом, на дне озера южнее восточной окраины с. Долинка нашел целый лепной круглодонный сосуд, украшенный неглубокими пальцевыми вмятинами и по тулову. Инструктор-подводник Пржевальской юношеской морской школы В. П. Савинов здесь же поднял целый бронзовый котелок, наполненный отходами бронзолитейного производства — отбитыми от отливки литниками и слитками металла. Ценная находка передана в Пржевальский краеведческий музей.

Обследование этого местонахождения нашим отрядом в 1986 г. дополнило отмеченные выше находки двумя фрагментами зернотерок, грузилами и пестом.

Тору-Айгыр. Еще в 1975 г. авторы этих строк при осмотре археологической коллекции средней школы с. Тору-Айгыр обнаружили три серповидных ножа, целый лепной круглодонный сосуд и несколько фрагментов сосудов сакоусуньского времени. Все они, по словам краеведов, были найдены на небольшом холме в предгорьях хребта Кунгей-Ала-Тоо севернее села.

Этот перечень приведен нами с единственной целью: читатель должен знать, что городище Сарыбулун не было каким-то феноменом, рядом с ним существовала сеть (пусть не такая уж густая) других поселений древних скотоводов. Надо помнить, однако, что часть этих древних поселений (Дархан, Койсара, Ананьево, Долинка) были перекрыты средневековыми культурными слоями и малоперспективны для дальнейшего изучения, так как волны озера сильно перемешали древние и средневековые материалы. В несколько лучшем положении находятся поселения Курменты и Фрунзе. На них, как представляется, не были основаны

более поздние средневековые поселения. Однако оба поселения сравнительно недавно освободились из плена озера. Есть все основания подозревать, что архитектуре поселений не поздоровилось в этом плену. Наиболее перспективным для изучения является холмик, расположенный севернее села Тору-Айгыр, где местные краеведы нашли каменные серповидные ножи. Здесь и следует организовать масштабные раскопки.

Все перечисленные пункты, где обнаружены следы поселений древних скотоводов, ни по количеству остатков материальной культуры, ни по площади их рассеивания ни в какое сравнение не могут идти с городищем Сарыбулун, которое выделяется среди них, как сверкающая снегами вершина Тянь-Шаня среди покатых пригорков Сухого Хребта.

ХРОНОЛОГИЯ

Теперь мы знаем точную датировку эпохи затопления древних поселений на побережье озера Иссык-Куль, что имеет большое теоретическое значение.

А. В. Шнитников

Даже беглый обзор материальной культуры с кратким экскурсом в ее хронологию свидетельствует о долгой жизни подводного городища Сарыбулун. Определение времени его зарождения, расцвета и гибели связано с большими трудностями, которых не знает традиционная археология. Да и само изучение подводных памятников неизмеримо сложнее, так как нет возможности проследить взаиморасположение культурных наслоений и датирующих предметов материальной культуры в них. Известный английский археолог Леонард Вулли, лишь до определенной степени испытавший положение подводного исследователя при изучении нижних слоев древнего города Алалаха в Сирии, что было вызвано быстрым подъемом грунтовых вод, пишет, что сначала он просто растерялся и прекратил работы. Позже Л. Вулли применил кессон для предохранения стен раскопа от обвалов и продолжил раскопки в воде. Вот как он об этом рассказывает: «С точки зрения археологии положение было отнюдь не удовлетворительным. Обычные правила научного ведения археологических раскопок неприменимы, когда приходится в ведрах поднимать почти жидкую грязь. Невозможно было изучить что-либо *in situ*

из-за подступающей снизу воды, люди в лучшем случае оказывались по щиколотку, а иногда по пояс в некоем гороховом супе, в котором ничего нельзя было разглядеть»¹. А каково аквалангисту, когда он не по щиколотку и даже не по пояс, а весь в воде, когда неосторожное прикосновение к донному илу не то что лопатой, а кончиком ласты, поднимает такую «тучу» ила, что в этом месте надолго устанавливается нулевая видимость?

Но если способ ведения раскопок лопатой, обычный в традиционной археологии, неприменим под водой, то метод относительной хронологии, суть которого в послойном изучении памятников от верхних (наиболее молодых) к подстилающим (самым древним) слоям, остается неизменным. Выявление этих слоев при подводных изысканиях — дело невероятно трудное, требующее немалой технической вооруженности (как минимум, специальный корабль, эжектор или землесосную установку) и больших средств². Подводные раскопки с целью определения толщины культурного слоя для выявления стратиграфии пока малоэффективны и потому, что еще нет возможности вскрывать большие площади³. Так, стратегический раскоп, заложенный Е. Д. Блаватским в затопленной морем части Фанагории площадью около 17 га, был всего в 16 кв. м и глубиной от уровня дна чуть больше метра.

У нас же не было и этой техники. На городище Сарыбулун подводные археологи работали только в самом верхнем слое, который в течение многих сотен лет не раз «перемывало» озеро, и в результате непрерывной работы волн в верхнем культурном слое городища оказались находки

¹ Вулли Л. Забытое царство. М., 1986. С. 33.

² Ланитцки Г. Амфоры, затонувшие корабли, затопленные города... С. 15–25.

³ Блаватский В. Д., Кошелев Г. А. Открытие затонувшего мира... С. 81–83.

из нижних наслоений. Исследователю при этом остается единственный метод определения времени жизни городища — сравнение сарыбулунских находок с хорошо датированными вещами, добытыми при раскопках иных археологических памятников на суше (метод аналогии).

В настоящее время по ряду ярких и характерных только для одного хронологически четко очерченного периода материалов можно выделить следующие периоды обживания городища Сарыбулун: раннесакский (VIII—VI вв. до н. э.); сако-усуньский (V в. до н. э. — рубеж н. э.); позднесредневековый (XIV—XV вв.).

Самые древние находки на городище — каменные серповидные ножи, которые представляют собой надежный индикатор древнеземледельческих культур эпохи поздней бронзы (XII—VII вв. до н. э.). Такие ножи хорошо известны по раскопкам на поселениях Восточного Туркестана, Ферганы и юга Средней Азии. Ближайшими к иссык-кульским являются поселения чувстской культуры в Фергане, хорошо изученные ленинградским археологом Ю. А. Заднепровским. При сравнении материалов Сарыбулуна и Ферганы выясняется, что наряду с каменными серповидными ножами население иссык-кульских и ферганских поселений пользовалось и другими однотипными орудиями труда: зернотерками, молотами, пестами, бронзовыми серповидными ножами, а также частично схожей керамикой, особенно сосудами с носиком-раструбом¹. Перечисленные предметы материальной культуры нейтральны в отношении определения хронологии, то есть они могли быть как одновременными с каменными серповидными ножами, так могли принадлежать и к более позднему времени.

Находки каменных серповидных ножей на северном побережье озера в районе Ананьево — Каменки и Тору-Ай-

¹ *Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы...* Табл. XVII—XXVIII.

гыра свидетельствуют в пользу того, что поселения эпохи поздней бронзы могли быть и на северном берегу Иссык-Куля. Заманчиво было бы сделать предположение, что в Северной Киргизии, в благодатном Прииссыккулье, в эпоху поздней бронзы существовала высокоразвитая древнеземледельческая цивилизация, которая подобно ферганской или бактрийской имела свой «столичный» центр с мощными крепостными стенами, цитаделью правителя, храмами и домами горожан. Вокруг «столицы» по рекам и речушкам, впадающим в озеро, расположились более мелкие поселения с возделанными полями, садами, виноградниками, огородами... Предположение заманчивое, но на современном уровне археологической изученности Прииссыккулья преждевременное. Нам пока не известны находки второго (после каменного серповидного ножа) индикатора древнеземледельческой культуры Ферганы — парадной керамики, расписанной черной краской по красному фону. Да и шансы найти такую керамику минимальны, так как даже в Фергане ее не так уж много. Даже в «столичном» центре Ферганы — на городище Дальверзин из почти 70 тысяч фрагментов сосудов было только чуть больше 800 (или всего 1,2 процента) расписанных¹.

Следует учесть и тот факт, что в Прииссыккулье одновременно с древнеземледельческой чувстской культурой в Фергане существовала иная культура поздней бронзы, связанная с пастушескими племенами Казахстана и Южной Сибири, которые, что не исключено, уже к IX в. начали вести скотоводческое хозяйство, освоили местные медно-рудные богатства, создали особый производственный центр в рамках семиреченского очага металлообработки².

¹ *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы... С. 27. табл. III.

² *Кузьмина Е. Е.* Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. № 114; Она же. Семиреченский вариант культуры эпохи поздней

Вероятнее всего, что каменные серповидные ножи чувского типа в прииссыккульские поселения проникли в самый последний период существования чувской культуры — в VIII—VII вв. до н. э. А это время в периодизации истории степей называется раннесакским.

Раннесакский период (VIII—VI вв. до н. э.). Он представлен изделиями из металла: амулетом с солярным знаком, навершием булавы, а также, скорее всего, обломком кельта-гесла и кинжалом. Столь ранний этап истории древних кочевников еще не выделен в археологии Киргизии, так как до сих пор не были найдены и раскопаны курганные погребения того времени, не говоря уже о поселениях. Начальный этап сложения культуры древних скотоводов Киргизии пока представлен только случайными находками.

Показательно, что некоторые из них, причем самые выразительные, найдены в ближайших окрестностях городища Сарыбулун. Так, в районе Тюпского залива в начале 80-х г. XIX в. был найден клад, состоящий из 20 предметов набора бронзовых деталей узды. Он включал удила, псалии, ворворки, пряжку, тройники, круглые бляхи. Некоторые из них украшены изображениями животных, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле. Весь комплекс относится к VII—V вв. до н. э. Клад был исследован и опубликован выдающимся советским археологом А. Н. Бернштамом, который первым выделил культуру саков на Тянь-Шане¹. Почти через сто лет в районе Пржевальска случайно найдены и переданы Д. Ф. Виннику две массив-

бронзы // КСИА. 1970. № 122; Винник Д. Ф., Кузьмина Е. Е. Второй Каракольский клад Киргизии // КСИА. 1981, № 167; Дегтярева А. Д. Металлообработка в эпоху поздней бронзы на территории Семиречья // Вест. МГУ. Сер. 8: История. 1985. № .

¹ Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА. 1949. XI. С. 5. рис. 44; Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 65.

ные бронзовые бляхи, изображающие свернувшегося в кольцо хищного зверя¹. Бляхи своеобразны, точно таких нет во всем скифо-сакском мире. Поза зверя в деталях отлична от самых древних образцов, известных по находкам в Зивие (Иран) и Аржане (Тува), в частности, сомкнутыми передними и задними лапами и резко выступающим ухом. Иссык-кульские бляхи в этом отношении наиболее близки к подпружной пряжке в виде свернувшегося хищника из могильника Уйгарак². По-видимому, иссык-кульские бляхи, как и уйгаракская, относятся к VII–VI вв. до н. э. Близ северного берега Тюпского залива на дне озера в сезон 1985 г. найдены бронзовые удила со стремечковидным концом, имеющим дополнительное отверстие³. Как курьез отметим, что большой мастер подводных работ А. Д. Курманенко, нашедший удила столь хорошей сохранности, и помыслить не мог, что он держит в руках вещь, сделанную примерно 2600–2700 лет тому назад. Он использовал их первоначально как рычаг для добычи фрагментов керамики, заглубленных в донный песок.

Раннесакские бронзовые наконечники стрел ромбической формы с втулкой были найдены на трассе Большого Чуйского канала. Некоторые из них идентичны аржанским, то есть самым древним наконечникам стрел саков. Они были отлиты в VIII–VII вв. до н. э.⁴

Сако-усуньский период (V в. до н. э. — рубеж н. э.). Этот период представлен основной массой керамики и, прежде всего, сосудами с ручками в виде выступающих

¹ История Киргизской ССР. Т. 1. С. 166.

² Вишневская О. А. Культура сакских племен... Табл. XXVIII, 7.

³ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 68, рис. 2, 7.

⁴ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. М.;-Л., 1950. Табл. XVI. (МИА, 14); Грязнов М. П. Аржан... С. 22, (рис. 11, 12, 13).

¹⁸ Том IV. В. М. Плоских

уплощенных ли конических налепов. Подобные ручки характерны для восточно-ферганских поселений шурабашатской культуры¹. Нередко их находят в курганах сакского времени и в Семиречье, в том числе в Прииссыккулье. Заметны связи сарыбулунской керамики и керамики из Восточного Казахстана. Расписной узор на чаше из Сарыбулуна идентичен мотивам росписи сосудов из могильников так называемого кулажургинского этапа (III—I вв. до н. э.) культуры древних скотоводов². По всей видимости, это было время расцвета городища Сарыбулун. Из металлических изделий к этому периоду относятся бронзовые котлы на коническом поддоне, втулка наконечника копья, золотая полусферическая нашивка на одежду.

Позднесредневековый период (XIV–XV вв.). Особенностью обживания городища является большой хронологический разрыв (около 1500 лет) между последним и вторым хронологическим периодом. Материальная культура последнего периода представлена весьма скромно: несколько донец хумов и венчиков котлов фрагмента керамики с голубой глазурью и бронзовый кистень. Сюда же, по всей вероятности, следует отнести и три каменных цилиндрических молотильных катка (молоташи).

Таким образом, городище Сарыбулун, возникнув в VIII–II вв. до н. э., просуществовало вплоть до рубежа нашей эры. Тогда площадь зеркала озера Иссык-Куль была намного меньше современной. После длительного перерыва, вызванного, скорее всего, колебаниями уровня озера, то есть его наступлением на сушу (трансгрессией) и отступлением (регрессией), на месте городища возникло небольшое позднесредневековое поселение.

¹ *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы... Табл. LXIII.

² *История Казахской ССР.* В 5-ти томах. Т. 1. Алма-Ата. 1977. С. 256, вкл. между с. 288–289.

Что же известно историкам о народах, населявших Прииссык-кулье в I тыс. до н. э.? Какое место они занимали в истории Средней Азии? На эти и другие вопросы можно получить ответ в древних сочинениях.

IV

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

По ту сторону Яксарта живут скифские племена. Персы вообще называют их саками.

Плиний Старший

Древние скотоводы, населявшие Среднюю Азию, не оставили своих исторических сочинений. Сведения о них можно отыскать в трудах античных авторов. Больше других о среднеазиатских скотоводах писали древние греки. Однако из древнегреческих авторов мало кто сам побывал в столь отдаленных областях, поэтому сведения их, представляющие громадный научный интерес, не просто скупы и разрозненны, но противоречивы и туманны. Не одно поколение ученых анализировало эти сведения, однако по многим вопросам истории древних скотоводов степей Евразии так и не сложилось общего мнения.

Саки. Не вызывает сомнения факт, что Среднюю Азию с VIII в. до н. э. населял многочисленный народ, именовавшийся скифами или, что одно и то же, саками. Он делился на ряд племен (или, точнее, союзов племен). Наиболее известными из них были массагеты, даи, исседоны, аримаспы. В VIII в. до н. э. степь «пришла в движение». Аримаспы потеснили исседонов, те — массагетов, массагеты в свою очередь — скифов, а скифы — родственных им киммерийцев. Последние, спасаясь, сметая все на своем пути, в 20-х годах VIII в. до н. э. вторглись в государства Ближнего Востока и Малой Азии. Здесь с кочевыми завоевателями впервые познакомились древние греки.

Великий Гомер не раз упоминал их в своей «Илиаде» под именем «доителей кобылиц». Примерно через 50 лет вслед за киммерийцами туда же устремились скифы. Они разгромили потомков беглецов, установив почти на 100 лет скифскую гегемонию в Передней и Малой Азии. Впоследствии скифы были разбиты, но не вернулись в Среднюю Азию. Проследовав через Кавказские горы, сначала заняли междуречье Кубани и Дона, а затем покорили все Северное Причерноморье¹. Именно эти скифы в VI в. до н. э. принесли в южнорусские степи свою неповторимую культуру, сложившуюся еще в Средней Азии, но уже с заметным переднеазиатским налетом.

А что же оставшиеся в Средней Азии скифские племена, которых в отличие от причерноморских собратьев именовали саками? Вспомним «отца» истории Геродота: «Саки... они же скифы ...персы всех скифов зовут саками». Точно трудно установить, какую именно территорию подразумевали античные авторы под «страной саков». Но, по всей вероятности, по их представлениям, она охватывала горные массивы Памиро-Алая, Тянь-Шаня, Фергану и Ташкентский оазис.

Так вот, какая-то часть саков, заняв после миграции горы и оазисы Средней Азии, стала вести оседлый образ жизни, другая же продолжала кочевать. Саки долгое время упорно и успешно сопротивлялись натиску персидских царей из рода Ахеменидов, экспансия которых распространилась вплоть до Сырдарьи. Дальше персов не пустили. За Сырдарьей, в предгорьях и горных долинах Тянь-Шаня, в том числе и на территории современной Киргизии, жили саки, которых в V–IV вв. до н. э. называли «заречными»

¹ *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 127–137. Иную реконструкцию ранней истории скифов см.: *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976; *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974; *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей. Новосибирск. 1977.

или «саками, которые за Согдом». Река надолго стала непреодолимым рубежом для завоевателей, даже слывших непобедимыми, каким был, например, Александр Македонский.

В глазах ученого мира Древней Греции река была и географическим рубежом. В античной литературе существовала устойчивая ошибочная традиция, по которой р. Сырдарья отождествлялась с р. Танаис (Доном). По географическим представлениям того времени р. Дон (а следовательно, и р. Сырдарья) рассматривалась как рубеж, разделявший два материка — Европу и Азию. Таким образом, саки, населявшие правобережье Сырдарьи и фактически обитавшие и на территории современной Киргизии, считались «европейскими». Этот географический парадокс надо иметь в виду при чтении трудов античных авторов. Сами саки называли реку Сырдарью Силис, а горы Тянь-Шаня, откуда она берет начало, Кроукасис, то есть «белые от снега». Греки именовали Сырдарью Яксарт или Танаис, а горы, ее породившие, Парнас¹.

Какие же конкретные племена сакской этнической общности скрыты под обобщающим названием «саки, которые за Согдом» или «заречные саки»? Кто же занимал степи и горы севернее порубежного Силиса — Яксарта? Археологические исследования в долинах рек Или, Талас, Чу, на Иссык-Куле, в Центральном Тянь-Шане, в Кетмень-Тюбе и Фергане выявили самобытную, ярко выраженную сакскую культуру². Случайные находки и раскопки курганов

¹ *Куклина И. В.* Этногеография Скифии по античным источникам... С. 104–105, 123, 178–179, 184–185. Попытка доказать тождество Рипейских гор с Уралом см.: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии. М., 1974. С. 27–29.

² *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 27–35; *Зима Б. М.* Избранные научные труды по истории Компартии Киргизии и истории Киргизской ССР. Фрунзе. 1982. С. 146–153; *Акишев К. А., Кушаев Г. А.* Древняя культура

в Восточном Туркестане позволили Б. А. Литвинскому сделать вывод, что на западе, севере, в центральной части этого региона, то есть в районах, примыкавших к Тянь-Шаню и Памиро-Алаю, начиная с VIII—VII вв. до н. э. и почти до рубежа н. э., обитали ираноязычные кочевники-саки, являвшиеся органической составной частью обширной среднеазиатской группировки сакских племен¹.

Здесь, за Сырдарьей, вызрели те грозные силы скотоводов, которые во II в. до н. э. опрокинули прежде мощную Греко-Бактрию — самый восточный осколок мировой державы Александра Македонского. Древнегреческий историк и географ Страбон писал: «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно ассии, пасианы, тохары и сакаравлы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта рядом с областью саков и согдианов, занятой саками»².

Значительно подробнее о некоторых племенах кочевников, в частности, об ассиях и тохарах, сообщают древнекитайские исторические хроники, где они названы усунями и юэчжами³. Сокровища ценнейших и разнообразных сведений о древних народах Средней Азии, содержащихся в древнекитайских исторических сочинениях, открыл миру русский ученый Никита Яковлевич Бичурин.

саков и усуней...; Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978; Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сако-усуньские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе. 1963; Кожомбердиев И. Основные этапы истории культуры Кетмень-Тюбе // Кетмень-Тюбе. Фрунзе. 1977. С. 12–15; Мокрынин В. П., Гаврюшенко П. П. Курганы сакского времени в долине реки Тон...; Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников...

¹ Литвинский Б. А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984. С. 13.

² История Узбекистана в источниках / Сост. Б. В. Лунин. Ташкент. 1984. С. 173–174.

³ Перих Ю. Н. Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 120.

Опальный монах с крамольными четками

В начале мая 1853 г. в холодной келье петербургской Александро-Невской лавры одинокий и всеми забытый умирал первый крупный русский синолог, ученый с мировым именем — монах Иакинф. Он давно перестал принимать пищу и отвечать на вопросы послушника, добровольно за ним присматривающего. Накануне смерти больного посетил один из сослуживцев по Азиатскому департаменту. Выцветшие карие глаза старца были неподвижны. Казалось, он не видел и не слышал посетителя. Наконец тот задал вопрос по-китайски.

Умиравший мгновенно преобразился, глаза заблестели, на резко выступающих скулах появился румянец. Он улыбнулся и заговорил. Говорил долго и непрерывно, как бы наслаждаясь языком, постижению тончайших нюансов которого отдал все свои силы. К утру его не стало. На скромном обелиске над могилой монаха, похороненного в ограде лавры, и сегодня можно прочесть иероглифы, гласящие: «Постоянно прилежно трудился над увековечившими его славу историческими трудами».

Обратимся хотя бы вкратце к вехам его незаурядной жизни и подлинно научного подвига.

Выдающийся русский ориенталист Никита Яковлевич Бичурин, известный миру под монашеским именем Иакинф, родился 29 августа 1777 г. в глухом чувашском селе в семье дьячка местной церкви. Блестяще закончив Казанскую семинарию, он в 1802 г. принял монашество и тал архимандритом иркутского Вознесенского монастыря. Однако за нарушение устава молодого архимандрита лишают должности и ссылают в Тобольский монастырь. Святейший синод остро нуждался в талантливых деятелях церкви. Поэтому в 1807 г. отца Иакинфа назначили начальником русской духовной миссии в Китае и архимандритом Сретенского монастыря в Пекине.

Это назначение стало важным этапом жизни Н. Я. Бичурина. Именно здесь раскрылись его способности историка и языковеда. Все 14 лет пребывания в Китае с необычайной энергией и упорством он изучал китайский разговорный и письменный язык, исследовал и переводил на русский китайские исторические хроники, писал исторические труды. Архимандрита тяготили дела духовной миссии и монастырское хозяйство. Практически он не занимался ими, предоставив полную свободу действий своим помощникам. Как и следовало ожидать, хозяйство миссии пришло в такой упадок и запустение, что по возвращении в Россию в 1821 г. Иакинф был лишен сана и ослан в Валаамский монастырь.

Этот факт не обескуражил ссыльного. Казалось, что он сам стремится к отрешению от всех обременительных обязанностей, связанных с высокими церковными должностями. В уединенной келье монастыря он продолжал бесперывные бдения над вывезенными из Пекина китайскими книгами, число которых было столь велико, что в Россию их доставил караван из 15 сильных верблюдов.

Через четыре года из валаамской кельи его освободили по ходатайству крупного деятеля в Министерстве иностранных дел П. Л. Шиллинга фон Кронштадта и путешественника Е. Ф. Тимковского, которые высоко ценили уникальные синологические познания Иакинфа и надеялись найти им практическое применение. Царь Николай I указал причислить Н. Я. Бичурина к Азиатскому департаменту. Однако на службе нового чиновника почти не видели: он замкнулся в келье Александро-Невской лавры и продолжал свой подвижнический труд. За три года (1828–1830 гг.) Н. Я. Бичурин опубликовал шесть книг и множество различных статей в известных журналах. Пораженный мир жадно знакомился со страной, открытой опальным монахом как бы изнутри. Впервые в европейской литературе о Китае писали не как об отсталой экзотической стране с нищим

Н. Я. Бичурин
в китайском костюме

и обездоленным народом. Иакинф сумел взглянуть на Китай не презрительным взглядом европейца, а глазами китайца, правдиво и уважительно отразить увиденное в своих трудах. В 1848 г. ученый резко выступил против грабежа Китая европейскими державами в результате «опиумной войны», за что был подвергнут критике реакционерами всех мастей и наций, расценивших акт защиты Китая как «наступление на европейскую культуру». Однако и оппоненты Н. Я. Бичурина не могли не отметить его уни-

кальную работоспособность и энциклопедические познания в области синологии. Известный немецкий ученый Ю. Клапрот, постоянно полемизировавший с Н. Я. Бичуриным, писал: «Отец Иакинф один сделал столько, сколько может сделать только целое ученое общество».

Н. Я. Бичурин никогда всерьез не относился к своему монашескому званию и был, как отмечали современники, атеистом. Он тесно связал свою судьбу с передовой русской общественностью и прогрессивной общественной мыслью. Известна его дружба с А. С. Пушкиным. В библиотеке поэта сохранились книги Н. Я. Бичурина с авторскими надписями. А. С. Пушкин использовал их в своих исторических трудах, особенно в «Истории Пугачева».

В 1830 г. Н. Я. Бичурин совершает поступок, беспрецедентный для николаевской России. Через пять лет после восстания декабристов на Сенатской площади, когда еще даже имена ссыльных было опасно произносить, встречается в Забайкалье с одним из вождей декабристов Н. А. Бестужевым. О чем говорили ученый и революционер,

осталось неизвестным. Однако о взаимном дружеском расположении их красноречиво говорят немые свидетели этой встречи. В Кяхтинском музее экспонируется портрет Н. Я. Бичурина, написанный Н. А. Бестужевым. Он же подарил монаху четки, сделанные из собственных кандалов. С этими крамольными четками опальный монах появляется в салонах и гостиных Санкт-Петербурга. Столь открытая демонстрация не осталась незамеченной. Монах становился опасным. И когда в 1831 г. Н. Я. Бичурин подал прошение о снятии с себя духовного сана, Синод, желая избавиться от беспокойного монаха, дал согласие. Тем не менее Николай I наложил на прошение резолюцию: «В 20 день сего мая (1832 г. — Авт.) высочайше повелеть соизволил: оставить на жительство по-прежнему в Александро-Невской лавре, не дозволяя оставлять монашество».

Подвижничеством и научными знаниями Н. Я. Бичурин снискал глубокое уважение европейских и русских ученых. В 1828 г. он был избран членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, а в 1831 г. — членом «Азиатского общества» в Париже. Его книги были переведены на европейские языки. За свои труды Н. Я. Бичурин четырежды (в 1834, 1838, 1842 и 1851 годах) был удостоен полной Демидовской премии. Он был постоянным сотрудником почти двадцати периодических изданий. К концу жизни, почувствовав упадок сил, Н. Я. Бичурин отошел от всех общественных и текущих литературных дел, замкнулся в келье Лавры и принялся за написание главного труда своей жизни — трехтомного «Собрания сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1846–1848 гг.).

В гуманитарной науке встречаются труды, сохраняющие свою актуальность 1020 лет, редкими можно считать сочинения, не утратившие своего научного значения через 50 лет, и уж совсем уникально — пережившие столетие. К последним с полным основанием можно отнести монументальный

трехтомный труд Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», к которому постоянно обращаются русские и советские ученые на протяжении вот уже почти 150 лет. «Собрание сведений» содержит огромный материал по истории народов Южной Сибири, Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии со II в. до н. э. и до середины IX в., со знанием дела подобранный и переведенный из древних китайских хроник, недоступных не только рядовому читателю, но и ученым-несинологам. Переводы сопровождаются тщательно выполненными комментариями и древними китайскими картами.

Значение этого труда Н. Я. Бичурина (Иакинфа) для истории Средней Азии, в том числе Киргизии, переоценить невозможно. Благодаря ему стали известны имена племен, населявших Киргизию в древности и средневековье, основные моменты их политической истории, сведения о династических, этнических и торговых связях. Источники, впервые введенные в научный оборот Н. Я. Бичуриным, сделали возможными ныне существующую периодизацию истории древней и средневековой Киргизии и привязку к ней основного археологического материала. В соответствующих разделах всех четырех изданий «Истории Киргизской ССР» широко и критически использованы материалы, приведенные «в Собрании сведений»¹.

Этническая атрибуция археологических материалов, добытых под волнами Иссык-Куля на поселении Сарыбулун,

¹ Прекрасный биографический очерк о Н. Я. Бичурине и характеристику его трудов дал А. Н. Бернштам в предисловии к его трехтомному труду. (См.: Бернштам А. Н., Бичурин Н. Я. (Иакинф) и его труд «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // *Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1950. С. V–LV). Жизни и деятельности Н. Я. Бичурина посвящен роман В. Кривцова «Отец Иакинф» (Л., 1984).

вынудила нас по примеру многих исследователей также обратиться к бесценным сведениям, оставленным для потомков в трудах нашего прославленного синоведа.

Усуни

Речь пойдет о народе усуней. Немногие среднеазиатско-казахстанские этнонимы имеют столь длительную историю. Появившись на исторической арене во II в. до н. э., усуняне сохранили свое самоназвание и в VI в. н. э. Упоминания о владениях усуней имеются в источниках X–XII вв. И наконец, под родоплеменным названием «Уйсун, уйшун» потомки их в XV–XVI вв. вошли в состав киргизской и казахской народностей¹.

Согласно китайским летописям, раньше усуняне обитали где-то на Востоке, а во II в. до н. э. подчинили саков и заняли Семиречье, Джунгарию и Центральный Тянь-Шань. Здесь они создали одно из древнейших государств на территории современной Киргизии, именовавшееся в источниках терминами «Усунь-го» («усуньское государство»), «Син-го» («кочевое государство») и редко — «Бу-цзу» («племя, племенной союз»). Во главе государства усуней был правитель с титулом кунбаг (гуньмо, гуньэр) с правом наследственной власти. Столица-ставка кунбага, располагавшаяся в Прииссыккулье, именовалась Чигучен (Город Красной долины). Правителя окружала знать — родственники, высшие чиновники, родовая аристократия, вассальные. Согласно истории «Ханыну», всего усуней насчитывалось свыше 630 тысяч. Для отражения врага они якобы могли выставить армию численностью в 188 800 воинов. Это означает, что практически каждый третий житель страны

¹ История Казахской ССР. Т. 1. С. 291; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 411–412.

был мужчина в возрасте от 15–16 до 40–50 лет. Понятно, что число воинов явно завышено. Не исключено, что в состав всех вооруженных сил государства усуней включались и воинские контингенты зависимых от усуней народов, а именно: части племен саков и тохаров, а также хюсюнь, гуаньду, уш и др.

Внутриполитическая история усуней — это история постоянных усобиц и борьбы за верховную власть между высшей аристократией, в которую вмешивались ханьские императоры и гуннские правители (шаньюи). Только во время правления кунбага Цылими (45–14 гг. до н. э.) в землях усуней «настал... глубокая тишина и мир», так как он «поступал с твердостью»¹. В конце концов и Цылими пал жертвой заговора — он был зарезан одним из притворно подчинившихся ему удельных князей.

Между бедными и богатыми усунями уже была пропасть имущественного неравенства. Основным критерием богатства было наличие лошадей, которые, как следует из ханьской династийной истории, находились уже в частной собственности отдельных людей. «В Усуне много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре — пять тысяч голов лошадей»². Из этого сообщения следует, что имущественная дифференциация усуней достигла развитых форм. Оказывается, среди них имелись «самые богатые», что предполагает наличие и «просто богатых». Огромными богатствами располагал сам гуньмо, который в качестве калыма за одну из своих жен мог отдать тысячу голов лошадей³. На другом полюсе имущественного неравенства находилась усуньская беднота. Этнографы подсчитали, что для ведения скотоводческого хозяйства,

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 197.

² Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 120.

³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 192.

которое могло бы обеспечить лишь пропитание для одной семьи, необходимо было стадо скота в 25 условных лошадей (1 лошадь = шести овцам)¹. Отсюда ясно, что «самые богатые» семьи усуней имели скота минимум в 160, а то и в 200 раз больше, чем семья рядового скотовода.

По обычному праву, существовавшему у всех скотоводческих обществ, хозяин скота был фактическим хозяином и пастбищ. Владение пастбищами закреплялось сооружением зимовки и захоронениями предков, над которыми насыпались хорошо заметные курганы. Площади зимних пастбищ соответствовали количеству скота. Практика определила, что для зимовки одного коня необходимо 8–10 га естественных пастбищ среднего качества². Таким образом, полярные размеры пастбищ во владении разных по достатку семей были от 200–250 га до 32–50 тыс. га.

В I в. до н. э. у усуней, видимо, появляются земли, которые находились только в распоряжении верховного правителя. Так, кунбаг Цылими «обнародовал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах»³. Обычно этот важный акт трактуется как свидетельство начала формирования частного землевладения. Однако не исключено и другое объяснение. На пастбищах, принадлежавших кунбагу, и до обнародования указа едва ли безнаказанно мог выпасаться чужой скот. Скорее всего, в этом акте можно видеть попытку формирования государственных коруков — запретных, заповедных пастбищ. Такие коруки распространены в поземельной практике западнотюркских каганов. Один из них был в местности Минбулак (Таласская долина),

¹ Марков Г. Е. Кочевники Азии. М., 1976. С. 21.

² Потапов Л. П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана // Материалы науч. сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Т. 1. Ташкент, 1955. С. 21.

³ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 197.

где в естественных заповедных условиях обитали стада маралов. Второй — в восточной части Чуйской долины — описан средневековым арабским историком Табари: «У хакана были заповедные луг и гора, к которым никто не приближался и не охотился там, они оставались для войны. Продолжение луга — 3 дня и горы — 3 дня (пути)¹. Такие заповедные земли всегда оставались не потревоженными скотом и использовались для откорма боевых коней и нагула отар на случай военных действий.

Сведения письменных источников о резкой имущественной дифференциации общества усуней вполне подтверждаются археологическими материалами. Богатых и знатных хоронили с большой пышностью: в широкие и глубокие ямы, перекрытые бревнами, вместе с покойным клали большое количество принадлежавших ему вещей, среди которых были золотые и привозные из далеких стран. Над ямой насыпали величественные курганы — высотой более 10 м. Рядом с этими степными пирамидами только опытный глаз археолога различает едва заметный холмик, под которым покоился прах рядового общинника. Как бы не горевали родственники покойного бедняка, но в «дальнюю дорогу на вечные небесные пастбища» могли выделить ему только один, от силы, два сосуда с молоком или мясным отваром с просом. Эти погребения были настолько убоги, что первые исследователи таких курганов близ с. Чельпек (в Прииссыккулье) М. В. Воеводский и М. П. Грязнов принимали их не за могилы рядовых скотоводов, а за жалкие погребения их рабов². Формирование классового общества сопровождалось народными волнениями,

¹ *Волин С.* Сведения арабских источников IX–XVI веков о долине реки Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 76.

² *Воеводский М. В., Грязнов М. П.* Усуньские могильники...

бунтами, откочевками, заговорами, которые приводили даже к убийствам кунбагов¹.

Соседние владетели считались с государством усуней.

Иногда послов усуней принимали с большим почетом, чем китайских; кунбаги женились на гуннских и китайских принцессах. Ханьский Китай стремился установить дружественные отношения с государством усуней, чтобы использовать их силы в борьбе с гуннами.

Этническая принадлежность усуней до сих пор не ясна. Одни исследователи полагают, что усунь — одно из скифских племен и говорили они на восточноиранском языке. Другие утверждают, что усунь входили в круг гуннских племен и говорили по-тюркски. Крупный русский дореволюционный востоковед Н. А. Аристов писал (правда, излишне категорично), что усунь — прямые предки современных киргизов, и что народное самоназвание усуней всегда было «кыргыз»². Но то, что как саки, так и усунь вошли компонентами в конгломерат древнетюркских племен, из которых формировалась киргизская народность, учеными принимается безоговорочно³.

Черепя из погребений усуней, раскопанных в Киргизии, в основном европеоидные и похожи на черепа саков, но с большим процентом монголоидной примеси⁴.

¹ История Казахской ССР. Т. 1. С. 303—304.

² Аристов Н. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных о начинающихся антропологических исследованиях // Живая старина. 1984. Вып. 3—4. С. 396.

³ История Киргизской ССР. Т. 1. Гл. VIII.

⁴ Дебец Г. Ф. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956. С. 10.

¹⁹ Том IV. В. М. Плоских

В конце первой половины I тыс. н. э. усунь теряют свое былое могущество. Их поглотили западнотюркские племена. Но это новая, местами также еще загадочная страница истории Киргизстана. От этих времен сохранились каменные скульптуры древних тюрков — местного этнического пласта, на базе которого позже, в XV—XVI вв., сформировалась киргизская народность. Каменные истуканы не спешат открывать тайны своего происхождения даже специалистам.

Они суровы и жестоки,
Их бусы — грубая резьба.
И сказок камня о Востоке
Не понимают ястреба.
Стоит с улыбкой неподвижной
Забытая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом¹.

В. Хлебников

В. Мокрынин и В. Плоских в экспедиции

¹ Хлебников Велимир. Ладомир: Поэмы, стихотворения. Элиста, 1984. С. 51.

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

*Саки, пастухи овецьи, скифского рода,
Живущие в Азии, пшеницей обильной.*

Херил Самосский

Строки, вынесенные в эпиграф, принадлежат автору поэмы «Персика» — древнегреческому поэту с острова Самос. Несмотря на то, что поэма, написанная в V в. до н. э., дошла до нас в фрагментах, немного найдется стихотворных строк, которые бы столь лаконично и емко поставили два основных спорных вопроса реальной истории саков, которые так долго были предметом дискуссий современных историков. Первый постулат Херила — «саки... скифского рода» — убедительно доказал еще в XIX в. видный русский ориенталист В. В. Григорьев в труде, который был озаглавлен слегка перефразированной строкой из Херила¹. Научный мир сразу принял тождество «саки — скифы», хотя и находились упрямы, по-прежнему отвергавшие его. Сложнее обстоит дело со вторым постулатом — «пастухи овецьи... в Азии, пшеницей обильной». Как толковать Херила? Имел ли он в виду, что саки пасли овец в Азии, где другие народы возделывали обильные хлеба, или сами саки-пастухи выращивали еще и пшеницу? Вопрос очень важный для историка, так как речь идет о типе хозяйства саков: чистые скотоводы или скотоводы и земледельцы? Этот же вопрос актуален и в отношении хозяйства усуней.

¹ Григорьев В. В. О скифском народе саках. СПб., 1871.

Древнегреческие авторы очень ярко рисовали непривычный для них кочевой быт саков (скифов). Здесь и тяжелые крытые повозки, которые являются передвижными домами, и громадные отары овец, табуны коней, стада быков, и хозяева этого скота — вооруженные тугими луками лихие всадники, настолько «сросшиеся» с конем, что и ходить-то почти разучились на своих кривых ногах, и специфический напиток кочевников — кумыс, и еще множество других экзотических подробностей, которые будоражили воображение оседлых жителей греческих полисов — земледельцев и мастеровых.

То же самое, независимо от греков, писали древнекитайские хронисты об усунях и гуннах для рисоводов и шелководов долины реки Хуанхэ, запуганных частыми набегами кочевников.

В земледельческих цивилизациях складывался стереотип кочевника-номада — вечного пастуха бродяг, странствовавшего на необозримых просторах степей и гор и не знавшего своей родины. Он был зачат в одном месте, рожден в другом, а вскормлен далеко и от первого, и от второго. Ошеломляющий выход кочевников на историческую арену, в частности, вторжение киммерийцев и среднеазиатских скифов в Переднюю и Малую Азию, обусловил рождение легендарного образа кентавра — коня с торсом человека, который как олицетворение кочевника-скотовода вошел в мифологию многих народов.

Моральный облик кочевников, если судить по античным сочинениям, конечно же, оставлял желать лучшего. Степнякам ничего не стоило организовать конные разбойничьи отряды для набегов на земледельческие оазисы, сжечь поселения, перебить мужчин, а женщин угнать в плен. Из черепов убитых врагов они делали чаши, из которых пили на пирах, вытирая при этом бороды скальпами, снятыми с этих же голов. Кочевники пили вино, не разбавляя его водой, и напивались допьяна. А если и разбавляли,

то только собственной кровью при заключении важных дружественных союзов. Преклонных старцев кочевники убивали, а потом лакомились их мясом. Подобными былями и небылицами пестрят произведения древних авторов как с побережья Средиземного моря, так и с берегов Хуанхэ. Есть, однако, между ними и разница.

Древнегреческие авторы, описывая саков и скифов, изображают странных, непонятных, суровых, но справедливых, умных и деятельных людей. На страницах их произведений нашлось место для повествования о мудрости скифа Анахарсиса, которого объявили одним из семи мудрецов мира, изобретателем трута, якоря, гончарного круга, и для описания неотразимого обаяния царицы саков Зарины, и для рассказа о патриотизме простого пастуха Ширака, отдавшего жизнь за свободу родной земли¹.

Ничего подобного мы не встретим в трудах древнекитайских авторов, где кочевники представлены как хищники, не признающие человеческих законов, не имеющие стыда и совести, помыслы которых направлены только на убийства ради грабежа. «Как дикие звери и птицы», — характеризуются кочевники в летописи «Ханьшу»².

Итак, довольно суровый, но привлекательный образ кочевника, созданный на страницах произведений греческих авторов, становится отталкивающим, звероподобным, если опираться только на китайские — древние хроники. Это лишь один из примеров тенденциозности древних сочинений, правда, проявившейся наиболее рельефно и сразу бросающейся в глаза. Не можем же мы и впрямь предположить, что кочевники были одними по отношению к грекам и совершенно другими в контактах с китайцами. Ларчик открывается просто. Греки и их колонии в Причерноморье

¹ Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба ... С. 79–81.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 1. С. 53.

находились в постоянных преимущественно дружественных торговых и культурных связях с соседями-скифами. Большую симпатию у греческих авторов вызывала успешная борьба скифов и саков с извечным врагом Древней Греции — Ираном. Идиллий в отношениях греков и скифов не было, тем не менее они редко перерастали в открытую вражду. В Центральной Азии все было наоборот. Древний Китай и кочевники вели между собой длительную, с переменным успехом, борьбу — борьбу за выживание, в которой не считались зазорными обман, коварство, удары из-за угла и в спину, ложные клятвы и заверения. Древнекитайские империи, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к «варварам», воспитывали ненависть и пренебрежение к ним, подчеркивая изначальную дикость и извечную отсталость степняков, лишая их общечеловеческих качеств. Без такой официальной пропаганды едва ли стали бы возможными мобилизации громадных людских ресурсов на походы в глубь степей и, особенно, на строительство Великой Китайской стены, а также стратегических военных дорог к ней.

В древнегреческой литературе наблюдается явная идеализация кочевников. Цель: оздоровление греческого общества. Метод оздоровления: возвращение к образу жизни героических предков. Для наглядности нравы воспитанных в суровых и вольных естественных условиях «варварской» жизни степняков противопоставляли утонченным и испорченным нравам в греческих полисах. Эта идеализация достигла апогея в жизнеописании скифского царевича Анахарсиса, сына царя Гнура и дяди царя Иданфирса, разгромившего полчища персидского царя Дария (514 г. до н. э.)¹. Характерно, что в XVIII в. образ того же Анахарсиса использовали Руссо и писатели его круга для

¹ *Доватур А. И.* Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 80.

общественного порицания безоглядной роскоши и мотовства французского двора и подражавшей ему аристократии.

В Центральной Азии идеализация не была в чести. Здесь жили «реалисты». И если ханьцы официально проповедовали номадофобию, то северные «варвары» своей знатью воспитывались в том же духе по отношению к ханьцам. Показательно, например, что аварская (жуань-жуаньская) принцесса, вышедшая замуж за китайского императора, окружила себя большой группой соплеменников, которые вели себя при дворе дерзко и вызывающе. Сама «степная амазонка», став императрицей, прославилась только тем, что «ни разу в жизни не сказала ни одного слова по-китайски»¹.

Однако и «идеалисты», и «реалисты» единодушно», хотя и по разным причинам, в своих сочинениях выпячивали только одну сторону сложного хозяйства соседей — кочевое скотоводство. Сведения о других отраслях трудовой деятельности редки и неконкретны. Так, в китайских династийных хрониках формула «бродят в поисках травы и воды» стала трафаретной для характеристики хозяйственной деятельности всех степных народов с древнейших времен до XIX в. включительно. О других занятиях, по мнению хронистов, и говорить не стоило.

Даже серьезные историки XIX—XX вв. не всегда критически воспринимали многократные и недвусмысленные сведения античных авторов о кочевом скотоводстве как единственном типе хозяйства степняков в древности. Отсюда и хозяйственно-демографические расчеты, которые диктовали неверные политические выводы. Действительно, писали эти историки, для выпаса скота, сколько бы его не было, нет нужды в большом количестве пастухов. Значит, в аилах сосредоточивалось большое количество

¹ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский эпос в средние века (VII—XIII). М., 1984. С. 67.

свободного от активной трудовой деятельности населения, которое легко было сколотить в конные отряды для набегов на соседей. Объектом для нападения кочевников были не столько степняки, у которых кроме скота и взять-то нечего и которые, как правило, могли достойно постоять за себя, а города и поселения земледельцев. Здесь за глиняными стенами (не такая уж и непреодолимая преграда!) находились столь желанные для скотоводов зерно, ткани, высококачественные изделия из металлов, драгоценные украшения и, наконец, люди, которые не обладали ратным искусством степняка. Этих людей можно было пленить, а затем продать в рабство.

Итак, волки — степняки и овцы — земледельцы. Отсюда недалеко и до вредной и неверной теории об извечной, непримиримой вражде степи и оазисов, скотоводов и земледельцев, до деления на цивилизованные и дикие, на исторические и неисторические народы.

На самом деле все не так просто и однозначно. Благодаря трудам советских археологов в Причерноморье, Казахстане и в Средней Азии были открыты как крупные, так и небольшие поселения древних скотоводов, свидетельствующие о развитии в их среде земледелия и ремесел¹.

Поселения усуньского времени найдены и в пределах Семиречья, включая северные районы Киргизии. Однако еще до открытия этих поселений некоторые ученые, исходя из материалов раскопок усуньских курганов, выразили обоснованное сомнение в том, что усуни занимались исключительно кочевым скотоводством. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов в 1928–1929 гг. в окрестностях городов Токмак и Пржевальск раскопали ряд курганов усуньского

¹ См. карты: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 107, 111; Левина Л. М. Поселения VII–V в. до н. э. и «шлаковые» курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 178–190.

времени. В погребениях были найдены зернотерки, обугленные зерна пшеницы, шелуха проса и большое количество хрупкой и тяжелой керамической посуды, не пригодной для частой транспортировки. Отсюда вывод: хозяйство усуней было скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства¹.

С этим выводом со временем согласились практически все археологи, но отметили, что он не вытекает из материалов раскопок, а явился только правильным теоретическим предположением. Действительно, о чем говорят находки остатков зерна? Только о том, что оно употреблялось в пищу, и ни слова о том, каким путем получено. Зерно усуней могли выращивать сами, но могли и обменивать его на скот или продукты скотоводства в земледельческих областях Ферганы или, например, Восточного Туркестана, с которыми имели тесные политические связи. О чем говорит находка зернотерки? Исключительно о том, что полученное неизвестно как зерно превращали в муку и крупу². Третий довод — многочисленная керамика в гробницах — заслуживает более детального анализа.

Мало что дали в строго научном доказательстве развития земледелия в усуньском обществе раскопки поселений первых веков нашей эры — Луговое (А. Н. Бернштам) и Карабалтинское (А. К. Абетеков)³. Находки зернотерок даже в комплексе с остатками глинобитных жилищ еще не являются неоспоримыми фактами, свидетельствующими о занятиях населения, их оставившего, земледелием.

¹ Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники... С. 178.

² Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С. 37–38; Акишев К. А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья... С. 69–70.

³ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. С. 71; Абетеков А. К. Новые археологические данные о хозяйстве усуней // КСИА. 1970. № 122.

Нужны были находки орудий труда, которыми обрабатывают землю, — мотыг, и орудий, которыми убирают урожай, — серпов. Неплохо бы найти и остатки соломы злаковых (но это уже почти из области фантастики). Случайные находки серпов и мотыг, относящихся, как позже выяснилось, к сако-усуньскому времени, были сделаны в Чуйской долине, но они мало что проясняли, так как не имели ни точной хронологии, ни привязки к тому или иному типу памятников¹. Впервые в Семиречье усуньские каменные мотыги и обломок бронзового серпа в комплексе с зернотерками и характерной круглодонной керамикой были найдены К. А. Акишевым в 1962–1963 гг. на берегу р. Кегень при раскопках поселения Актас-2. Здесь же были выявлены дополнительные данные (правда, не во всем достаточно убедительные), свидетельствующие, что земледелие было как богарным, так и поливным, практиковались также огородничество и садоводство. Тут сомневаться уже не приходилось. Гипотетические выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова о комплексном скотоводческо-земледельческом хозяйстве усуней получили убедительную фактологическую базу².

Наши работы на подводных городищах не только расширили эту фактологическую базу территориально, но позволили сделать ряд дополнительных наблюдений относительно Прииссыккуля:

1. Время возникновения занятий земледелием на берегах оз. Иссык-Куль остается еще не выясненным, тем не менее уже сейчас есть все основания утверждать, что земледелие не возникло в усуньское время. Здесь обрабатывали

¹ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. — Табл. XXXV.

² Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Изв. АН Каз. ССР. Сер. обществ. наук, 1969. № 1; *Он же*. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья. С. 71–75.

землю и сеяли злаковые культуры гораздо раньше. Если поселение Актас-2 и Карабалтинское поселение датируются их первооткрывателями I–III вв. н. э., то серповидные каменные ножи чувского типа, свидетельствующие об уже развитом земледелии, найденные на иссыккульских поселениях, относятся ко времени не позже VIII–VII вв. до н. э., то есть ко времени начального этапа формирования культуры саков.

2. Весь облик материальной культуры городища Сарыбулун (особенно керамика, орудия труда из камня, бронзовые серповидные ножи) очень близок к облику материалов древнеземледельческих поселений I тыс. до н. э. Ферганы, Ташкентского оазиса и Восточного Туркестана. Представляется, что развитие культуры земледелия Прииссыккуля находилось в постоянных связях с древнеземледельческими культурами перечисленных выше регионов, особенно Ферганы.
3. Поселения Прииссыккуля в I тыс. до н. э. были очагами не только земледелия, но и ремесленных занятий. Часть каменных орудий (а именно: одна из зернотерок и десятка полтора шаров) использовались для обработки и обогащения медной руды в пределах городища Сарыбулун. Плавка обогащенной руды и металлического лома осуществлялась, по всей видимости, здесь же. На городище Сарыбулун, например, найден небольшой слиток бронзы (меди) и несколько фрагментов крупных сосудов из металла, годных лишь к переплавке. Здесь же найден и прямой свидетель местной плавки — литник, который относится к отходам бронзолитейного производства. Подобная находка была сделана и южнее с. Долинка. В водах озера найден медный котелок, наполненный отходами литья. Среди них выделяются странной грибовидной формы (с конической головкой и тонкой ножкой) остатки литейного производства. Эти медные «грибы» когда-то заполняли отверстия в литейной форме —

так называемые литники. Отверстия эти напоминали воронки: широкий раструб и узкий, круглый в сечении канал, по которому расплавленный металл заливали в орму. Когда жидкий металл застывал, и отливка могла сохранять свою форму, на ней оставались минимум два грибовидных нароста, повторяющих форму литников. Их обрубали у самого основания и опять пускали в переплавку. Эти находки, сделанные юными водолазами Пржевальской морской школы, — неоспоримые доказательства местного производства каких-то крупных, судя по размерам литников, изделий из бронзы¹.

Специальное изучение образцов металлических изделий сакского времени Прииссыкулья в научных лабораториях Москвы раскрыло некоторые производственные секреты и технологические приемы древних металлургов. Аналитическое изучение сакского металла, найденного на территории Иссык-Кульской котловины, позволило прийти к некоторым интересным выводам относительно технологических особенностей изготовления древних изделий. Эти выводы носят сейчас в известной мере условный и предварительный характер в связи с малочисленностью исследованных образцов. Спектроаналитическому исследованию подвергнуто 20 предметов, структурному — 14.

Для отливки инвентаря использовались главным образом металлургически «чистая» медь и оловянная бронза. Из меди изготавливали котлы, котелки, а из оловянной бронзы — преимущественно оружие, орудия труда, а также предметы конской упряжи (кинжалы, наконечники копий, удила, долота). Концентрация олова в составе этих

¹ Мокрынин В. П., Плоских В. М. Итоги и перспективы изучения археологических памятников... С. 70. Спектральный анализ проведен в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР, металлографический — в лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ. Авторы благодарят кандидатов исторических наук Т. Б. Барцеву и А. Д. Дегтяреву за предоставление результатов анализов.

предметов была сравнительно невысокой — от 1,8 до 9%. В диничных (двух) случаях для отливки кинжалов использовалась оловянно-мышьяковая бронза (с содержанием олова 4,5–8%, мышьяка — 3,5–5,0%). Два изделия (наконечник копья и котел) отлиты из мышьяковой бронзы (содержание мышьяка 5,0–5,5%).

Довольно единообразными были и технологические схемы изготовления металлических предметов. Котелки, исследованные методом структурного анализа, отлиты в глиняных или шамотных литейных формах, без последующего деформирующего воздействия на металл. Оружие (кинжалы, наконечники копий) также отливалось в двусторонних литейных формах, после чего лезвийная часть подвергалась незначительной доработке ковкой по холодному металлу. Доработочные операции при этом были направлены преимущественно на заострение лезвийной кромки. Таким образом, технологическая схема изготовления оружия может быть сведена к следующему: литье и слабая доработка лезвия ковкой (степень деформации 20–40%). Удила изготовлены по схеме: отливка одного звена в двусторонней литейной форме, слабая доработка холодной ковкой с устранением пороков литья, формовка кольцевого окончания этого звена в глину и двустороннюю литейную форму, доливка второго звена.

Вот, пожалуй, и все «секреты» древних металлургов, которые удалось разгадать ученым. Их мало. Однако изучению сакской металлургии Прииссыккуля уже положено начало. Нет сомнения, что дальнейшие металлографические и спектроаналитические студии приведут нас к обстоятельным знаниям технологии древних литейщиков и кузнецов, населявших территорию Киргизии в I тыс. до н. э.

Есть основания предполагать, что оседлые поселения Прииссыккуля в те далекие времена были очагами не только металлургического, но и гончарного производства. Нам еще не удалось найти бесспорных свидетельств

(каковыми, например, являются бракованные сосуды, керамические шлаки или остатки обжигательной печи), что на открытых нами поселениях трудились древние гончары, но об этом говорят косвенные данные. Важнейшими из них являются технологическое единство производства и стандартизация форм керамики, найденной в кочевнических курганах и на оседлых поселениях. Они настолько схожи, что практически невозможно различить целые экземпляры сосудов, найденных на городище Сарыбулун и, например, в расположенных от него в 30 км могильниках Каракол и Чельпек.

Как уже отмечалось, еще М. В. Воеводский и М. П. Грязнов обратили внимание на большое количество керамических сосудов в усуньских курганах Прииссыккуля. Тяжелые и хрупкие, они мало подходили к подвижному быту кочевников-скотоводов, которые предпочитали посуду из кожи и дерева. Керамическая посуда гораздо больше соответствует оседлому образу жизни. Следовательно, заключили ученые, усунь должны были вести не только кочевое, но и земледельческое хозяйство. Доводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова оспаривал А. Н. Бернштам, утверждавший, что сферическая форма керамики усуней не говорит о занятиях земледелием. Она прекрасно приспособлена к кочевому образу жизни, так как шарообразная форма лучше всякой другой сопротивляется на сжатие¹. Более внимательно к наличию большого числа керамических сосудов отнеслись казахстанские археологи. Так, Г. А. Кушаев полагает, что большое количество керамики в курганах Семиречья объясняется двумя причинами: 1) влиянием культуры древнеземледельческого населения Средней Азии и 2) оседанием части усуней

¹ Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии... С. 37.; Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или... С. 260–264.

и переходом их к занятиям земледелием, начиная с I в. н. э. и позже.

К. А. Акишев отметил, что большое количество керамических сосудов в погребениях Семиречья в усуньское время является бесспорным свидетельством оседлого образа жизни. Он видит в этом также показатель высокого социального ранга погребенных, так как, по его наблюдениям, большое количество керамики (до 17 сосудов в одном погребении) появляется сначала в курганах знати и лишь на завершающем этапе развития общества усуней (в III–V вв.) и в курганах рядового населения. Отсюда вывод: на раннем этапе развития усуней (в II в. до н. э. — III в. н. э.) «оседлость была в большей степени присуща родовой и племенной знати и крупным владельцам стад». Более широкие слои населения переходили к оседлости и земледелию позже знати. Иными словами, оседлый бай был древнее оседлого бедняка¹.

На территории Прииссыккуля тоже раскопаны курганы с большим набором различных керамических сосудов. В могильнике Каракол их было найдено 17, в могильнике Джергес — 5, а в могильнике Соколовка — 15 сосудов в одной могильной яме².

На наш взгляд, наличие большого количества сосудов в курганных погребениях говорит не столько об оседлости и занятиях земледелием, сколько о тесных экономических связях скотоводов с близко расположенными поселениями, где было развито гончарное ремесло. Эта керамика не случайно имела сферическую форму с округлым дном. Такие сосуды явно были рассчитаны на подвижный,

¹ Акишев К. А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья... С. 76–78.

² Воеводский М. В., Грязнов М. П. Усуньские могильники... С. 174; Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 50, 58.

кочевой образ жизни их владельцев. Шарообразная форма сосудов, как заметил А.Н. Бернштам, является самой прочной на сжатие, а значит — наиболее пригодной для транспортировки. К тому же, как мы знаем, кочевники-киргизы успешно перевозили на большие расстояния даже очень хрупкие тонкостенные сосуды из фарфора и фаянса, упаковывая их в специальные футляры (чыныкап). Нам не известны подобные приспособления в культуре древних кочевников, но зато известны факты, когда целые экземпляры круглодонной керамики сакского времени находили за многие сотни километров от места ее производства. Так, расписанные красной краской сосуды ферганского производства были найдены в курганах в высокогорных долинах Памиро-Алая, Кетмень-Тюбе и даже близ города Фрунзе.

И еще одна деталь. Все авторы отмечали рост числа сосудов в погребениях только для позднеусуньского времени, то есть начиная с III в. н. э.¹ Однако в настоящее время известны факты, указывающие на то, что этот процесс начался еще в сакское время, предшествовавшее усуньскому. Достаточно сказать, что в знаменитом кургане Иссык IV—III вв. до н. э., раскопанном близ Алма-Аты, оказалось свыше 30 сосудов². Это однозначно свидетельствует, что оседлость (а следовательно, земледелие и гончарное ремесло) начала развиваться в Семиречье задолго до позднеусуньского времени.

В свете археологических данных, полученных при исследовании городища Сарыбулун, можно по-новому ос-

¹ Если строго придерживаться фактов, то в III в. до н. э. усуней на территории Семиречья еще не было. Они переселились сюда лишь в самом начале II в. до н. э.

² *Акишев К. А.* Курган Иссык (предварительные итоги раскопок) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 62. Автор указывает, что в кургане был найден 31 керамический, деревянный и металлический сосуд, но не отмечает точное число тех или иных. На фотографии, опубликованной здесь же, насчитывается 16 керамических сосудов.

ветить вопросы, касающиеся экономики саков и усуней Прииссыккуля.

Письменные источники позволяют предположить, что климат Семиречья в I тыс. до н. э. мало чем отличался от современного. «Земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная (с точки зрения уроженца Китая. — Авт.). На горах много хвойного леса»¹. Климат и географическая среда Прииссыккуля и в наши дни больше благоприятствуют скотоводству. Лишь в восточной части есть хорошие условия для занятия земледелием.

Скотоводство в условиях близости высокогорных пастбищ (джайлоо) к речным долинам (кыштоо) с VIII—VII вв. до н. э. могло развиваться только как полукочевое со стационарным жильем на зимовках. Близ зимовок древние скотоводы засевали поля и огороды, разводили сады. Кроме зимовок, появляются крупные поселения с металлургическим, гончарным и другими ремеслами. Некоторые из них, например, Чигу, обносятся крепостными стенами и становятся административно-политическими центрами. Такое хозяйство можно назвать комплексным скотоводческо-земледельческим при ведущей роли скотоводства. В усуньское время, как полагают ученые, земледелие достигает таких успехов, что «каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом мукой, зерном, а растительная пища всегда входила в рацион питания»².

Действительность, документированная археологическими материалами, в значительной мере корректирует сведения письменных источников о хозяйстве древних скотоводов — оно было комплексным.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 190.

² Акишев К. А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья... С. 74.

²⁰ Том IV. В. М. Плоских

САРЫБУЛУН – ЧИГУ

*Ключом ко всякой науке является
вопросительный знак.*

О. Бальзак

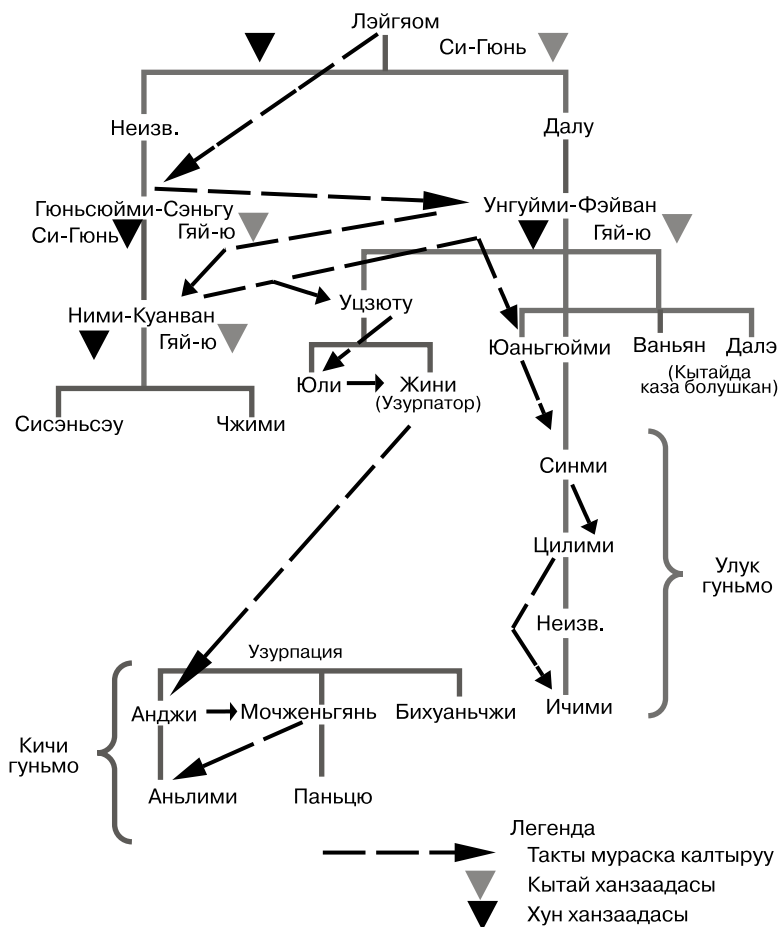
Сарыбулун – единственное известное археологам крупное поселение I тыс. до н. э. на территории Иссык-Кульской котловины. Письменные источники упоминают название только одного населенного пункта на этой же территории – ставку усуньского правителя Чигу. Возникает вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами исторического Чигу? Обратимся к древним хроникам.

Наиболее ранние сведения о Чигу вошли в «Ши-цзи» («Исторические записки») со слов китайского путешественника поневоле Чжан Цяня. Сведения его бесценны. Он единственный из информаторов, кто лично посетил усуньского владыку в его ставке – городе Чигу.

История жизни Чжан Цяня напоминает приключенческий роман. Честолюбивого, умного и энергичного молодого человека, обладавшего к тому же склонностью к авантюрам и недюжинной физической силой, давно тяготило положение мелкого чиновника без протекции, а следовательно, и без видимых перспектив продвижения по службе. Для карьеры нужен был случай, и он представился.

Династия Хань решила нанести удар по усилившимся на севере кочевникам-гуннам. Но для этого нужен мощный союзник. Таким союзником в тот момент могли быть только сильные племена юечжей, претерпевшие от гуннов много кровных обид. Император Ву-Ди поручил подобрать

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА УСУНЬСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ

достойную кандидатуру на почетную роль посла, который сумел бы склонить юэчжей на довольно-таки рискованный политический акт. Видные ханьские чиновники не спешили занять эту престижную должность, так как при удаче они мало что приобретали, а при неудаче теряли все, ибо путь к юечжам лежал через владения враждебных Китаю гуннов. Чжан Цяню нечего было терять. Он добровольно вызвался возглавить опасную миссию и, за отсутствием конкуренции, двор удовлетворил его просьбу.

В 138 г. до н. э. посольство Чжан Цяня пересекло северную границу Китая и тотчас было задержано разъездами гуннов. Шаньюй (хан) кочевников смекнул, что послы Китая к юечжам несут «не мир, а меч». Он задержал послов в орде, вполне резонно заявив: «Юэчжи от нас на севере; по какому же праву Дом Хань отправляет туда посланника? Если бы я захотел отправить посланника в Юе (владение в Южном Китае. — Авт.), то Дом Хань согласился бы на мое желание?»¹. Слова и дела шаньюя свидетельствуют о его дипломатической дальновидности, основанной на отличном знании политических методов династии Хань. Но шаньюй не знал Чжан Цяня и поэтому допустил грубый промах, предоставив ему полную свободу, разумеется, в пределах своей орды. Шли годы. Неудачливый посол стал как бы меньше ростом. Серым, незаметным. Изучил речь степняков, их обычаи, нравы. Стал лихим наездником. Стрелял без промаха из лука. Он даже женился на кочевой красавице, которая родила ему сына. Казалось, китайский дипломат совсем смирился с жизнью в орде. Однако это только казалось. Чжан Цянь надежно припрятал знаки достоинства посла и держал поблизости от себя всех членов своей миссии. Он ждал случая. Случай представился через десять лет, и китайцы бежали в Фергану.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 148.

В то время земли Средней Азии совершенно не были известны в Китае. Чжан Цянь и члены его посольства с удивлением смотрели на многоводные каналы, прекрасно возделанные сады и поля, большие и богатые города с высокой и своеобразной культурой, с собственной системой письма и разнообразными ремеслами. Здесь жили люди, совсем не похожие на китайцев: У них были широко раскрытые глаза и длинные густые бороды. Больше всего чужеземцев поразили здешние красавцы-аргамаки с лебедиными шеями и тонкими длинными ногами с маленькими копытцами. Ферганцы говорили, что эти кони небесного происхождения, потеют «кровавым потом», им нет равных в резвости и выносливости. Но еще больше пришельцев поразила виноградная лоза и приятный сок винограда, после употребления которого легко кружилась голова, появлялась приятная истома, и даже чужие бородатые ферганцы, наполнявшие белые глиняные чаши, расписанные красными узорами, казались милыми и близкими людьми. Гостеприимные ферганцы и не подозревали, что рассказы этого бродяги о чудесах Средней Азии настолько возбудят алчность китайского императора, что через несколько лет за прекрасными аргамаками и виноградной лозой будут посланы сотни тысяч китайских солдат. Они дойдут до Ферганы. Возьмут десяток — другой лошадей, несколько сотен виноградных побегов. Только в Китай вернутся немногие из них: пятеро из каждых шести погибнут в борьбе с населением «Западного края», добывая скромные трофеи.

Больше года странствовал Чжан Цянь по среднеазиатским владениям. Политическая ситуация в Центральной Азии за долгие годы его плена в корне изменилась. Юэчжи, завоевав богатую Бактрию, и слушать не хотели о войне с гуннами. Владетели среднеазиатских государств с интересом воспринимали рассказы о богатствах Китая, но не желали воевать за чуждые им интересы. Чжан Цянь решил вернуться в Китай через земли тибетцев и снова

был схвачен гуннами. Через год (126 г. до н. э.), воспользовавшись очередной междоусобицей, резней и смутой в орде, Чжан Цянь опять бежал.

Печальным было его возвращение на родину. Поручение императора не было выполнено, а из сотни с лишним человек, составлявших посольство, через тринадцать лет возвратилось лишь двое. Однако географический кругозор китайцев неизмеримо расширился. Чжан Цянь поведал, а чиновники записали диковинные сведения о новых экзотических странах Запада: Фергане, Кангюе (Средняя Сырдарья), Согде, Бактрии, Хорезме, Усуни и других среднеазиатских владениях. Многие современные исследователи считают, что путешествие Чжан Цяня положило начало широкой межконтинентальной торговле по Великому шелковому пути.

Для историков Киргизии важны первые сведения об усунях и их ставке Чигу, полученные Чжан Цянем, скорее всего, в Фергане: «Усунь лежит почти в 2000 ли от Давани (Ферганы. — Авт.), на северо-восток»¹. В своем комментарии к этому тексту Н. Я. Бичурин вполне справедливо отметил, что здесь под термином «усунь» разумеется ставка владельца — «городок Чигу»². По его мнению, этот «городок» располагался где-то на территории между северо-восточной оконечностью озера Иссык-Куль и южным берегом р. Или³. Но на своей исторической карте, составленной в 1851 г., ученый располагает Чигу на южном берегу Иссык-Куля несколько западнее р. Тосор⁴.

Нужно отметить, что Н. Я. Бичурин не критически относился к расстояниям, указанным в китайских источниках,

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 150. (Ли — примерно 0,5 км).

² Там же. Т. 2. Примеч. 4.

³ Там же. Т. 2. С. 190.

⁴ Умурзаков С. С. Четырех сторон горизонта. Фрунзе, 1983. С. 31.

и принимал их на веру при идентификации тех или иных топонимов. Настораживает факт, что те же 2000 ли фигурируют при определении расстояния не только между Ферганой и Чигу, но и между Ферганой и Кангюем, Канпоем и Янцаем, Ферганой и Бактрией и т. д., то есть имеются все основания полагать, что эта цифра была трафаретной для даваньских информаторов и лишь весьма примерно отражала действительные расстояния между Ферганой и ставками сопредельных государств.

Более конкретные материалы для локализации Чигу приведены в «Цзяньханыпу» («История старшей династии Хань»). Здесь отмечено расстояние до ставки усуней от точно фиксированного пункта — Чанъани — старой столицы застенного Китая: «Правление усуньского большого гунми (верховного вождя. — Авт.) в городе Чигу, от Чанъань в 8900 ли»¹. Относительная точность указанной цифры проверяется другими данными, содержащимися в той же хронике: «Правление аксуского владетеля в городе Выньсу (современный Аксу. — Авт) от Чанъань в 8350 ли. на север до усуньского Чигу 610 ли»². Как видим, расхождение между цифрами составляет лишь 60 ли, то есть всего 30 км. Самой важной для локализации Чигу является цифра, фиксирующая его удаленность от Аксу. Указанное расстояние (610 ли, т. е. 305 км) выводит исследователя, если учесть, что караванные пути шли через перевал Бедель, прямо к юго-восточному побережью озера Иссык-Куль. Однако доверие к знаниям китайскими историками действительных расстояний между отдельными географическими пунктами серьезно подрывает более поздняя хроника «Бейши» («История северных династий»). Расстояние от тогдашней столицы Китая до Чигу оказалось,

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 190.

² Там же. Т. 2. С. 199.

если верить «Бейши», не на 610 ли больше, чем до Аксу, а на 410 ли меньше¹.

В «Цзяньханьшу» имеются существенные детали, позволяющие создать представление (правда, весьма туманное) о внешнем и внутреннем облике усуньской ставки в I в. до н. э. Сам владетель предпочитал жить «в круглой хижине, обтянутой войлоками»². Значит ли это, что владыка усуней жил в разборной юрте?³ По-видимому, нет, так как юрта в полном смысле этого слова, т. е. жилище кочевников с разборным решетчатым остовом, появилась гораздо позже. Исследователи архаичных жилищ кочевников установили, что «изобретение юрты и ее распространение относится к середине I тысячелетия н. э. и связано с древнетюркской средой»⁴. Скорее всего, усуньский владетель обитал в крытом войлоком круглом неразборном жилище гуннского типа. Остается неясным, было ли такое жилище сезонным или в нем жили круглый год.

Наличие войлочных неразборных жилищ ставки усуней не исключало сооружение построек из глины или камня. Такие постройки раскопаны археологами на поселениях усуней близ города Кара-Балта (Киргизия) и в долине реки Кегень (Казахстан). Нельзя исключить и срубные деревянные постройки, известные пока только по облицовкам могильных ям⁵. В Чигу были и капитальные вместитель-

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 258.

² Там же. Т. 2. С. 192.

³ См.: Заднепровский Ю. А., Кожомбердиев И. К. Кочевники в VI в. до н. э. — середине VI в. н. э. // История Киргизской ССР. Т. 1. С. 148. Авторы утверждают: «Жилищем усуням служила войлочная юрта, хорошо приспособленная к условиям полукочевой жизни и быта».

⁴ Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СА. 1976. С. 46, № 4; Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века... С. 141–143.

⁵ Абетеков А. Ж. Новые археологические данные о хозяйстве древних усуней / Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 137–138;

ные сооружения. Известно, что для китайской принцессы, выданной замуж за усуньского владыку, и ее придворного штата в Чигу был выстроен дворец¹. Дворец принцессы, скорее всего, был не дворец в полном смысле слова, а богатая усадьба, построенная по образцу ханьских жилищ состоятельных людей. Терракотовые модели таких усадеб известны по археологическим находкам в Китае. Они представляли собой несложные каркасные бесфундаментные сооружения, включавшие жилой дом, помещение у орот, амбар, кухню, башню и другие хозяйственные постройки, образующие замкнутый четырехугольник, иногда разделенный внутренней стеной. Двускатная черепичная крыша опиралась на две внутренние деревянные колонны². До наших дней от такого дворца могут дойти лишь остатки плоской и полуцилиндрической черепицы, а также каменные базы для двух несущих колонн. О сооружении дворцового типа на иссык-кульском поселении Сарыбулун свидетельствует находка в воде на глубине 1,5 м монолитной каменной базы для колонны. База представляет собой невысокий цилиндр, расположенный на пятиугольном плоском основании неправильной формы. По своей форме сарыбулунская база отдаленно напоминает современные железные наковальни, однако едва ли была таковой, так как легко могла расколоться при ударе молотом.

В китайских источниках название усуньской ставки буквально передано как «Чигу-чэн», где термин «чэн» означает

Акишев К. А. Зимовки-поселения и жилища древних усуней // Изв. АН Каз. ССР. Сер. обществ. наук. 1959. № 1. С. 29–47; *Он же*. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 69–78.

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 192.

² Крюков М. В., Переломов Л. С., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 212–219.

укрепленное стенами поселение. В «Цзяньханшу» при описании смуты во владениях усуней упомянуто, что гарнизон Чигу выдержал многомесячную осаду превосходящих сил противника¹. Последнее обстоятельство позволяет предполагать наличие если и не неприступных, то вполне солидных фортификационных укреплений вокруг города.

Никаких других сведений о Чигу в письменных источниках нет. Все ранее предполагаемые локализации Чигу страдали одним существенным недостатком — они были связаны с конкретным археологическим памятником, относящимся к античному времени. Письменные источники достаточно определенно указывали на район Юго-Восточного Прииссыккуля — от р. Тосор до р. Тон. Точную локализацию затрудняла путаница в древних картах, на которых Чигу были отмечены кроме Иссык-Куля и в Кочкорской, и даже в Чуйской долине. С. Умурзаков, специально исследовавший этот вопрос, полагает, что на древних картах, видимо, нет путаницы. Разнобой был вызван тем, что на картах обозначался не сам «Город Красной долины», а различные ставки усуньских кунбагов, местопребывание которых в разное историческое время менялось, но название ставки по традиции оставалось прежним. Заслуживает пристального внимания попытка С. Умурзакова связать Чигу с известными по источникам городами Кункат и Багкат². Это отождествление, как представляется, требует более убедительной системы доказательств.

В связи с открытием крупного поселения I тыс. до н. э., лишь частично освобожденного из подводного плена озера Иссык-Куль, мы вправе поставить вполне резонный вопрос: а не является ли городище Сарыбулун развалинами так долго и безуспешно разыскиваемого города Чигу?

¹ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта... С. 31.

² Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений... Т. 2. С. 195.

В пользу правомерности предлагаемой нами идентификации можно выдвинуть следующие аргументы:

1. Городище Сарыбулун расположено на юговосточном побережье оз. Иссык-Куль, где, согласно письменным источникам, и должен был находиться исторический Чигу. Прежние поиски учеными развалин этого города не выходили за границы треугольника Тюп – Пржевальск – Тосор.
2. Большая площадь распространения и плотная насыщенность ее остатками материальной культуры свидетельствуют в пользу того, что здесь была расположена не заурядная зимовка, а крупный по тем временам населенный пункт, среди построек которого были капитальные сооружения. Письменные источники, как было сказано выше, упоминают только один относительно крупный населенный пункт в стране усуней – Чигу.
3. Косвенным подтверждением гипотезы Сарыбулун – Чигу может служить этимология термина Чигу – «Красная долина». А. Н. Бернштам в свое время придавал решающее значение этой этимологии. Он предложил искать Чигу в районах выхода горных пород красного цвета – от Джеты-Огуза до ущелья Джууки¹. Ровная долина, на которой расположено ранее затопленное поселение Сарыбулун, тоже красная. Красный цвет ей придает обильно растущая здесь невысокая разновидность полыни (верблюжья пустынка) не зеленого или седого, а действительно красного цвета. О причинах необычайной метаморфозы с цветом растений на бывшем дне озера еще скажут специалисты. Для нас важно то, что долину, как в наши дни, так и в древности, вполне можно назвать красной. Следовательно, можно предположить, что и поселение, расположенное на ней,

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая... С. 97.

могло именоваться «Город Красной долины». По сути дела, современный киргизский топоним Сарыбулун (желтый угол) тоже относится к разряду цветовой топонимики, по законам которой цвет «сары» (желтый) находится в одном ряду с «кызыл» (красный). Оба термина равнозначны, известны варианты топонимов с их взаимозаменой.

Привязка исторического Чигу к определенному городищу имеет важное научное значение. Если дальнейшие изыскания подтвердят наше предположение, то скудная письменная история города-ставки усуньских кунбагов получит не только точную локализацию на местности, но прочную фактологическую базу, покоящуюся на беспристрастных и многочисленных археологических материалах. Отождествление городища Сарыбулун с Чигу уже сейчас, на предварительной стадии обобщения археологических материалов, позволяет установить многие ранее неизвестные факты, имеющие не только историкопознавательное, но и политическое значение. Важнейшие из них:

1. Чигу не был основан какими-либо иноземцами во II в. до н. э., как это представлено в некоторых современных трудах зарубежных ученых. Он уже существовал и только впервые упомянут в китайских летописях в связи с событиями этого времени. Жизнь на городище документируется археологическими находками, по меньшей мере, на 500 лет раньше этого первого упоминания, что позволяет предполагать местоположение здесь ставки еще раннесакских вождей.
2. Чигу был не только городом-ставкой кочевого владыки, но и городом ремесленников и земледельцев.
3. Культура оседлого населения Прииссыккуля в I тыс. до н. э. была тесно связана с культурой среднеазиатских поселений и прежде всего Ферганы.

ТРОФЕИ ГОРОДИЩА САРЫБУЛУН

Профили и мотив
росписи сосудов

Керамика

Керамический сосуд

Керамический котел

Каменные и бронзовые серпы

ВЕРХНИЙ БАРСХАН

*Когда б из Хытая не быть караванам,
Привез ли бы кто-нибудь ткани шелка нам?
И если б торговцам в походах не быть,
Кто смог бы увидеть жемчужную нить!*

Юсуф Баласагунский

НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Иссык-Куль — жемчужина Тянь-Шаня

Купцы и путешественники вот уже свыше двух тысячелетий не только проходили по его берегам в поисках барышей и знаний, но, что очень важно, оставили восторженные и деловые записи о своих маршрутах.

Одним из самых любопытных и интригующих в исторической литературе является сюжет о романтике странствий — Великом шелковом пути, одной из своих ветвей пролежавшем по Иссык-Кулю. Караваны, флегматичные верблюды с вьюками шелка на спинах, с колокольчиками на шеях, пески, пустыни, оазисы с холодной родниковой водой, высокогорные перевалы, разбойники за каждым поворотом...

Здесь разворачивались трагедии и фарсы, а иногда и настоящие детективные сюжеты, когда смельчаки дерзко обходили закон, каравший смертью всех, кто попытается вывезти коконы шелкопряда за пределы Китая. Помните хитрого монаха, который, презрев жестокие законы,

под страхом смерти похитил коконы шелкопряда, спрятал их в выдолбленный посох и, обманув бдительную стражу, доставил главный ремесленный секрет Китая в Византию?

Известен и иной вариант, согласно которому иноземный принц, сыграв на легкомыслии своей юной невесты — дочери китайского императора — лишил Китай монополии на шелк. Прием, который применил жених, был банальный, но неотразимый и в наши дни. Между будущими мужем и женой якобы состоялся диалог примерно следующего содержания:

— Как вы прекрасны в этом шелковом наряде!

— Ах!... (На нежном личике счастливая улыбка). — Какая досада, что в моей стране нет шелковичных червей и вам придется довольствоваться платьем из грубых тканей.

— Ох!... (На нежном личике искреннее огорчение). — А не спрятать ли вам всего несколько коконов в вашу чудную прическу, тогда только для вас мы будем шить платья из шелка. Все дамы при моем дворе просто умрут от зависти.

— Ух!... — сказала дочь императора с мужской решимостью на нежном личике, спрятала коконы шелкопряда в свою пышную прическу и укатила в другую страну.

Эту легенду (или быль?) французский экономист, специалист по научной разведке Жан Бержье считает классическим примером промышленного шпионажа в глубокой древности, но, увы, далеко не первым. (Первым, вероятно, был шпионаж с целью раскрытия секрета добывания огня)¹.

Позже на трассах Шелкового пути охотились за секретами «греческого огня» — этакое напалма средневековья, за тайнами пороха, фарфора... На неискушенный взгляд, древняя торговая трасса представляла собой сплошную романтику купеческих походов с детективным уклоном.

¹ Бержье Ж. Промышленный шпионаж. М., 1971. С. 32–33.

На самом деле повседневная реальность на Великом шелковом пути была не романтической и не детективной. Была гигантская торговая артерия, функционировавшая полтора тысячелетия, которая тесно связывала исторические судьбы многих стран и народов, был бесперебойно действовавший ретранслятор не только товаров и технологий, но и идей религиозных и философских систем. Главной фигурой на Шелковом пути был не обаятельный принц или простушка-принцесса, а купец, воин и монах, за которыми стоял труд многих и многих поколений простых людей.

Возникновение Великого шелкового пути во II в. до н. э. связывают с путешествием Чжан Цяня, о котором мы уже знаем.

Но это не совсем верно. В Китае, Средней Азии и на Переднем Востоке с древнейших времен складывались локальные системы торговых путей, например, «базальтовый путь» в Передней Азии. В неолитическое время системы торговых путей Передней и Средней Азии связал мостик так называемого «лазуритового пути», по которому знаменитый бадахшанский самоцвет попадал в Египет, Шумер, Аккад и другие месопотамские государства. На Китайской равнине в Центральной Азии и Южной Сибири тысячелетиями формировались свои традиционные пути. Великий шелковый путь стал самим собой лишь тогда, когда между двумя уже сложившимися системами торговых

П. П. Семенов-Тян-Шанский
во время путешествий
по Исык-Кулю
(1856–1857 гг.).

взаимосвязей, территориально разделенных горами Памира и Тянь-Шаня, был перекинут соединительный мост. Это знаменательное событие в истории культуры человечества произошло во II в. до н. э.

Шелковый путь, названный по основному товару транспортировки и торговли, начинался в центральных районах Китая и вел на запад к Дуньхуану. Здесь он раздваивался на северный и южный. Северная ветвь пролегла через Турфан, Кашгар, Фергану, Самарканд, Мерв, южная — через Хотан, Яркенд, Балх, Мерв. В Мерве обе ветви Шелкового пути соединялись и далее на запад караваны шли через Нису, Исфаган, Багдад и далее к ортам Средиземного моря. Протяженность этой первой мировой трансконтинентальной торговой трассы превышала 7000 км. Основное направление Шелкового пути не менялось никогда, но локальные изменения на равнинах происходили довольно часто. Практически неизменными были горные дороги, пролежавшие по ущельям, перевалам и высокогорным сыртам. Как известно, горы далеко не везде проходимы, что лишало караванщиков возможности выбирать дорогу по своему усмотрению.

Значение Шелкового пути стало катастрофически падать в связи с началом великих географических открытий и прокладки мировых морских трасс в XIV в., да так стремительно, что к XVI в. он уже практически утратил свое прошлое экономическое и культурное значение.

Города на трассе былого процветания, в том числе и в окрестностях Иссык-Куля, пришли в упадок, многие из них были покинуты жителями и стали обиталищем сов и лихих людей. Другие значительно сократили свою площадь и численность населения. Застой в экономике неизбежно повлек за собой консервацию общественных отношений и культурной жизни. Восток стал отставать от быстро развивающегося Запада. То, чего не могли сделать многочисленные войны за преобладание на Шелковом пути,

²¹ Том IV. В. М. Плоских

Дорога в Боомском ущелье. XIX — нач. XX в.

то, что не могли уничтожить даже кроважанные орды Чингисхана, шутя совершил нарождающийся европейский капитализм. Стремительно развивающееся морское судоходство сделало караванную торговлю по суше экономически невыгодной. Парусные многомачтовые суда даже против ветра шли быстрее верблюдов.

Где же конкретно трасса Шелкового пути пересекала территорию Киргизии? Да и как можно определить направление Шелкового пути? Не мостили же камнем древние дороги для караванов, состоящих из верблюдов и мулов? На этот вопрос ответили еще ученые XIX в., изучавшие средневековые сочинения, и археологи XX в., исследовавшие древние города и погребения.

Мощных дорог в древности действительно не было, поэтому ученые не могут указать совершенно точно и безапелляционно: «Вот на это место ступила нога верблюда

средневекового торгового каравана». Да такая точность и не нужна. Общее направление торговых трасс определяют несколькими методами в зависимости от географического положения исследуемого региона. Легче всего в усто населенных местах, которые были только в зонах земледелия. Сохранились средневековые сочинения, так называемые «дорожники», которые поочередно называли цепочку городов на Шелковом пути и даже расстояние между ними. Остается взять эти сочинения, изучить китайский, арабский, персидский языки, отождествить упоминаемые в дорожниках пункты с современными, соединить их на карте одной линией, и трасса того или иного участка мировой торговой трассы восстановлена.

А как быть, если вы, изучив все древние письма и языки, в одном из сочинений весьма почтенного возраста читаете: «От Тараза до Кавакета 7 фарсахов. Оттуда до местопребывания царя кимаков 80 дней пути, на который берут (с собой) провизию»¹. По письменным источникам мы знаем, что Тараз — современный город Джамбул, Навакет — развалины к северо-востоку от него, царь кимаков в IX в. (время написания источника) жил на берегах среднего течения р. Иртыш. Можно ли в таком случае соединять на карте город Джамбул и Павлодарское Прииртышье прямой линией для представления о торговой трассе? Увы, нельзя. Так мы можем вынудить торговый караван пересечь озеро Балхаш «аки по суху».

В таких случаях на помощь приходит археология.

В источнике ясно сказано, что к кимакскому царю путь ведет по местам малонаселенным, где нет земледельческих городков, так как караванщикам рекомендуется запасаться провизией. Там можно встретить только кочевников,

¹ *Волин С.* Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 74.

**Находки средневековой
керамики на дне озера
близ с. Дархан**

**Котел XIII – XV вв.,
найденный на дне озера
близ с. Улахол**

**Средневековые хумы и часть
кувшина со дна озера близ
турбазы «Улан» (с. Тору-Айгыр)**

которые сами охотно купят у караванщиков муку, крупу, сладости, фрукты и овощи.

В обмен кочевники из съестного могут предложить только скот и продукты скотоводства. Среднеазиатские купцы везли к кимакам ценные ткани, сосуды из серебра и бронзы, зеркала, женские украшения и особенно много бус из сердолика, горного хрусталя, агата и стекла. Многие из этих товаров оседали по пути к кимакам в кочевьях

Аквалангист под водами оз. Иссык-Куль

скотоводов. Их покупали, получали в подарок, принимали как плату за то, что пропускали караваны по своим землям. А при случае кочевники и грабили малочисленные караваны. Владельцы привозных вещей ценили свои сокровища не только при жизни. После смерти бусы, зеркала, сосуды и другие ценные вещи клали вместе с покойными в могилу. В наши дни их находят археологи. Если нанести на карту археологические находки привозных вещей, то окажется, что наибольшей густоты их встречаемости будет как раз вдоль трассы торгового пути.

А как же в пустыне, где даже древних курганов либо нет, либо очень мало? В пустыне, как и в горах, торговый путь менялся очень редко — он должен был вести только от колодца к колодцу. Вторым индикатором торгового пути в пустыне являются кости павших животных, а нередко и людей. Они скапливались за многие сотни лет, и теперь места их нахождения, как пунктиром, обозначают былой

трудный путь торговых людей в далекие страны.

Поразительные возможности для установления истинных торговых путей с точностью до сантиметра позволяет современная техника, о чем свидетельствует опыт американских ученых, о котором рассказывала, например, канадская газета «Глоб энд мейл». С помощью телеметрического оборудования, установленного на спутнике «Лэндстат IV» и самолетах, летающих на

Перед спуском

больших высотах, удалось обнаружить тропинки у доисторических индейских поселений на северо-западе Коста-Рики. Эти тропинки были скрыты не только джунглями, но и мощным слоем вулканического пепла толщиной в несколько метров. Тропинки соединяли отдельные селения древних индейцев и густой сетью покрывали пространство вокруг каждого из них. Оказывается, что отдельные дорожки были протоптаны к родникам, каменоломням, кладбищам, ритуальным местам¹.

Выявление трассы Шелкового пути в средневековом Киргизстане определялось первым из указанных нами методов. И она вырисовывается довольно отчетливо. Установлено, что северная дорога на территории Киргизии делилась на две ветви: Фергано-Алайскую и Чуйско-Иссыккульскую. Перед караванщиками, вышедшими из Самарканда, возникала дилемма: каким же путем следовать дальше? Механизм выбора не совсем ясен для нас: известно, что караваны

¹ Известия. 1987. 27 мая.

следовали по обеим ветвям. В Ферганской долине путь вел по предгорьям, где было много цветущих селений, пока путники не прибывали в город Ош. Из Оша недалеко было до городка Медва (современное с. Мады), а оттуда караванам предстоял нелегкий путь через перевал Талдык, Алайскую долину, Иркештам в Восточный Туркестан.

Другая ветвь пересекала Ташкентский оазис и вдоль северных отрогов Киргизского хребта вела в Чуйскую долину в богатые города Невакет (близ современного с. Красная Речка) и Суяб (развалины у современного г. Токмак). Отсюда было уже рукой подать до озера Иссык-Куль, где располагались тоже значительные торговые центры на Великом шелковом пути¹.

Однако на Иссык-Куле исследователей ждет неприятный сюрприз: средневековые города и поселения, через которые проходила торговая трасса, со временем по ряду причин оказались на дне озера. Это обстоятельство делает непригодными названные выше методы определения направления торговых путей (кроме, вероятно, космического, но который еще не применялся в нашей стране). Нужен был подводный поиск, и он был начат. Киргизские археологи, взяв на вооружение современные акваланги и в помощники московских энтузиастов подводного плавания, пришли на Иссык-Куль. Прежде чем приступать к подводным работам, нужно было хотя бы примерно знать, где же их начинать? Неоценимую помощь при ответе на этот вопрос оказали свидетельства средневековых письменных источников.

¹ Более подробно о средневековых торговых путях Киргизии см.: *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Соч., Т. 2, Ч. 2. М., 1964; *Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941; *Караев О. К.* Арабские и персидские источники IX–XII вв. о киргизах и Киргизии. Фрунзе. 1968; *Мокрышин В. П.* Торговые связи Кыргызстана (VI–X вв.) // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973.

VIII

ГОРОДА ПРИИССЫККУЛЬЯ ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

*Еще род людей есть, кто знаньем богат, —
Их знанья звездой путеводной горят.
Любезен, учтив, будь с такими людьми,
Хоть малое знанье от них перейми.*

Юсуф Баласагунский

Сюань Цзан на Иссык-Куле

Восьмого месяца 629 г., смешавшись с толпой слуг, сопровождавшей большой торговый караван, из западных ворот древней столицы Китая Чанъань вышел молодой человек в скромном платье буддийского монаха. С ним было два верных друга — крепкий бамбуковый посох, помогавший не отставать от ходко шагающих верблюдов, и медная чаша для сбора подаяний — единственная его кормилица. Бросая в чашу горсточку проса или кусок лепешки, караванщики и не подозревали, что их нищенствующий спутник является одним из самых светлых умов танского Китая. Весть о нем будет лететь быстрее самых быстрых дромадеров. Монаха с почетом будут принимать владетельные князья и правители городов. Даже гордый и всесильный каган тюрков с уважением выслушает горячие проповеди монаха и с почтением проводит из своей роскошной столицы Суяб на р. Чу. Через пустыни и оазисы, через горы и реки путник преодолеет многие тысячи километров, дойдет до Индии, впитает всю буддийскую премуд-

дрость и через семнадцать лет вернется на родину в зените славы и всенародного обожания. После его смерти даже надменный «сын неба» император Гао Цзун (правил в 650—683 гг.) выделит на его похороны государственные средства и скажет: «Наша страна лишилась сокровища»¹. Но это будет потом...

Один из величайших землепроходцев Сюань Цзан, имя которого современные ученые ставят в один ряд со знаменитыми Марко Поло, Гильомом Рубруком и Плано Карпини, родился в 602 г. близ Лояна (ныне провинция Хэнань). Любознательный, не по годам серьезный и замкнутый мальчик рано пристрастился к наукам, особенно к буддийской философии. В тринадцатилетнем возрасте он уходит в монастырь, где своей ученостью вскоре превзошел всех местных мудрецов. Обладая феноменальной памятью, юноша без труда выучил наизусть и без запинки пересказывал все важнейшие буддийские сутры, чем поразил и изумил не только монастырских братьев, но и всю округу. Шутя завоеванная, популярность претила Сюань Цзану. Он ее просто не замечал. Искренне верующего монаха почти физически мучили многие противоречия и спорные вопросы буддизма, которые быстро заметил его острый ум, но разрешить которые еще не позволяли знания. Сюань Цзан решил продолжить образование на родине буддизма — в Индии и обратился за разрешением на выезд к императору. Тот не разрешил. Тогда монах положился на судьбу и отправился без разрешения. Путь его в желанную Индию лежал через пустыню Такла Макан, через высочайшие перевалы Тянь-Шаня, южный берег Иссык-Куля, Чуйскую и Таласскую долины, через Ташкент, Самарканд, Кабул.

¹ Шихуа о том, как трипитака великой Тан добыл священные книги. (До Тан Сянь-Цзан цюй цзии шихуа) / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. Л. К. Павловской. М., 1987. С. 30.

Как показали исследования, Сюань Цзан большую часть своего пребывания в Индии провел в монастыре Ниланда (княжество Магадха), где шлифовал свое образование под руководством девяностолетнего главы мира буддийской учености Шилабхадры¹. После пяти лет обучения с громадным количеством книг и кумиров, которые с трудом поднял сильный слон, Сюань Цзан отправился в обратный путь. Его возвращение было триумфальным. Учитывая это, император Тан Цзан (правил в 627—649 гг.) не только обласкал ослушника, но даже задним числом выдал разрешение на путешествие, из которого он уже вернулся. До конца своих дней (умер в 664 г.) Сюань Цзан проделал титаническую работу: он перевел на китайский язык семьдесят четыре буддийских сочинения, восстановил на санскрите по старым китайским переводам в то время уже утерянную в Индии одну из основополагающих сутр, перевел на санскрит главное сочинение даосов т. д. Но главным его трудом стали не многочисленные религиозные книги, а единственное светское сочинение, продиктованное одному из собратьев по вере, в котором он поведал о западных странах. Его путешествие произвело столь сильное впечатление на современников и потомков, что яркую личность религиозного деятеля Сюань Цзана затмил образ героя-землепроходца Сюань Цзана².

Следует особо отметить, что путешествия Сюань Цзана и его последователей значительно обогатили культуру средневекового Китая. До сих пор китайские археологи не устают удивлять научный мир сенсационными открытиями вещественных свидетельств таких путешествий. Недавно при расчистке фундамента рухнувшей древней

¹ Шихуа о том, как трипитака великой Тан добыл священные книги. (До Тан Сянь-Цзан цюй цзи шихуа) / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. Л. К. Павловской. М., 1987. С. 30, 31.

² Там же. С. 37.

пагоды в подземном склепе было обнаружено богатейшее собрание уникальных художественных ценностей. Среди находок выделяются позолоченный сосуд в виде спящей черепахи, лакированная посуда, шелковые одеяния с богатым орнаментом. Как утверждают эксперты, среди сокровищ были обнаружены кости пальцев, будто бы принадлежавших основателю буддизма принцу Шакьямуки. Каждая косточка хранилась в футляре, отделанном золотом, серебром, нефритом, хрусталем и благовонным сандаловым деревом. Они были привезены из Индии и переданы храму в танскую эпоху, то есть в ту же эпоху, когда жил Сюань Цзан¹.

Путешественник Сюань Цзан оставил свой след и в истории Киргизии. Ему принадлежит заслуга первого описания северной ветви Великого шелкового пути, городов, обычаев, населения, нравов при дворе западнотюркского кагана Тон-джабгу (правил в 618–630 гг.), оленьего заповедника Мин-Булак в Таласской Долине и многого другого. Сюань Цзану принадлежит и приоритет описания озера Иссык-Куль.

Пройдя через города Восточного Туркестана, которые путешественник подробно описал, он через перевал Бедель достиг высокогорных долин Центрального Тянь-Шаня, где, казалось, не ступала нога человека. Суровый край. Здесь зимой и летом сохраняются первозданной чистоты льды и снега. Тропы труднопроходимы. Свирепый ветер бросал в лицо путникам хлопья снега вперемешку с песком и камнями. На глазах паломника несколько верблюдов вместе с поклажей сорвались в пропасть. Гибли и путники. «Трудно сохранить жизнь», — констатирует Сюань Цзан².

¹ Известия. 1987, 5 июня.

² Сюань Цзан. Да тан сиюцзи // Вэньсюэ каньсин ше. 1955, 1, 8а. (на китайском яз.). Авторы благодарят кандидата исторических наук Г. П. Супруненко за любезно предоставленный перевод текста.

Наконец, пройдя 400 ли (около 200 км), путник вышел к южному берегу озера Иссык-Куль.

Сюань Цзан приводит сразу три названия озера и все три точно, как удачные эпитеты, характеризуют его сущность: Прозрачное море, Горячее море, Соленое море. Далее следует довольно верное описание его размеров и очертаний: «В окружности его (Иссык-Куля. — Авт.) 1000 с небольшим ли (около 500 км. — Авт.), с запада на восток длинно, с севера на юг узко. Со всех сторон окружено горами, множество потоков [стекает в него]. Цвет воды зеленый, а вкус горько-соленый; воды его бушуют и вздымаются в виде огромных валов. Драконы и рыбы живут в нем, и время от времени всплывают необыкновенные чудовища. Поэтому путешественники, проезжающие здесь, молятся о благополучном окончании путешествия. Хотя водная фауна богата, рыболовством никто не занимается»¹.

Описание озера Сюань Цзаном, точное и конкретное в своей основе, несколько смущает современного читателя упоминанием о драконах и других чудовищах, якобы обитавших в пучине озера. Скорее всего, и сравнительно точные размеры озера, и правильные его очертания сообщили путешественнику местные жители, обильно разбавив свои рассказы легендами. Стоит ли удивляться склонному к чудесам и экзальтации буддийскому монаху VII в., поверившему в иссык-кульских чудовищ, если в наши дни серьезные ученые устанавливают новейшую электронную аппаратуру на дне озера Лох-Несс в Шотландии, чтобы сфотографировать динозавра Несси, якобы дожившего до эры компьютеров?

Покинув берега Иссык-Куля, Сюань Цзан пришел в Чуйскую долину, описание которой он начал с повествования о городе «генерала» Пэйло, подробного рассказа о Суюбе (городище Ак-Бешим близ Токмака) и десятке других городов.

¹ Сюань Цзан. Да тан сиюйци...

А что же города Прииссыккулья? Почему великий землепроходец, описав города Восточного Туркестана и Чуйской долины, ни разу не обмолвился о лежащих между ними иссык-кульских городах и поселениях? Можно ли допустить, что Сюань Цзан, помнивший слово в слово большинство длинейших сутр, забыл о них? Маловероятно. Может быть он, зорко подметив, что даже цвет воды озера и качество тканей, из которых были сшиты одеяния кагана Тон-джабгу, просто не заметил городов Прииссыккулья? Абсолютно исключено. Отсюда вывод: в первой трети VII в. на северной трассе Великого шелкового пути между Восточным Туркестаном и Чуйской долиной на территории Тянь-Шаня и Прииссыккулья никаких городов не было. Одни исчезли раньше, другие появились позже. А когда же? На этот вопрос мы можем ответить довольно точно — вскоре после того, как здесь побывал Сюань Цзан. Уже в описании дорог VII в. упоминаются город Дуньдо, где-то в Центральном Тянь-Шане, и города Дун, Хэле, и Ечжи, которые располагались вдоль южного побережья Иссык-Куля¹.

Очевидно, китайский дорожник составлялся по данным второй половины VII в. Именно это время можно считать началом средневековой урбанизации (развитие городской культуры) Прииссыккулья. У читателя могут возникнуть вполне закономерные сомнения: в первой трети VII в. городов не было, а через каких-то 20–30 лет их стало четыре? Города и поселения в древности и средневековье строились поразительно быстро. Историки походов Александра Македонского упоминают строительство бесчисленных городов, названных Александриями в честь завоевателя, которые росли, как грибы. Вот что писал Квинт Курций Руф

¹ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С. 501; Зуев Ю. А. Китайские известия о Суябе // Изв. АН Каз. ССР. Сер. археол. и этногр. Вып. 3 (14). 1960. С. 93–94.

о постройке Александрии-Эсхаты (Дальней) на р. Сырдарье: «Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый окончит работу»¹. А площадь города по тем временам была довольно большой. Тот же Квинт Курций отметил, что стены города имели длину в 60 стадиев, т. е. 10–11 км. В раннем средневековье строители были не менее расторопны, чем в древности. В начале VIII в. арабы захватили славный и богатый город Бухару и, как повествовал историк Мухаммед Наршахи, стали заставлять жителей города принять мусульманскую веру. Те не захотели. Тогда завоеватели приказали всем, кто не желал сменить веру отцов на ислам, покинуть город. Богатые дихканы (в VII–VIII вв. так именовали не крестьян, как позже, а согдийскую родовитую знать) и купцы тотчас же выехали за пределы стен Бухары и неподалеку от нее стали строить замки для своих семей. К удивлению арабов, постройки росли прямо на глазах, и вскоре здесь вырос новый хорошо укрепленный город, каждый дом которого был небольшой крепостью.

Едва ли иссык-кульские строители городов были менее квалифицированы. Нужно помнить и то, что часть из них были переселенцами из Согда, и даже, не исключено, из самой Бухары. В китайских письменных источниках, кроме названий, об иссык-кульских городах больше нет сведений. Да и не могло быть. В 751 г. на реке Талас китайские войска были разбиты объединенными силами арабов и тюрок-карлуков. Вскоре после этого в Китае началась кровопролитная затяжная гражданская война. Китайцам стало не до Средней Азии, в том числе и не до городов Прииссыккуля.

¹ История Узбекистана в источниках. С. 126.

Среди арабских путешественников первым упомянул города Прииссыккулья Темим ибн Бахр, который лично посетил их во второй половине VIII в. Он отметил, что здесь было четыре больших и четыре малых города. В одном из них было до 20 тысяч воинов¹. Это первое, на наш взгляд, упоминание области Верхний Барсхан как вполне сложившейся территориальной единицы. Что представляла собой эта средневековая область?

Верхний Барсхан

Все проезжающие по автотрассе по южному побережью озера Иссык-Куль восточнее курорта «Тамга» могут прочитать дорожный указатель «река Барскоун». К югу от автотрассы поближе к горам вольготно раскинулось большое село Барскоун. Мало кто знает, что эти названия являются одними из самых древних на территории Киргизии. Для сравнения можно отметить, что топоним «Барсхан» был зафиксирован в письменных источниках несколько раньше, чем топоним «Киев». Впервые его упомянул в своем труде арабский аристократ персидского происхождения, начальник почты багдадских халифов ал-Мутамида и ал-Мутаида Абу-л-Касим Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Хордадбех (годы жизни и примерно 820—890 гг.). Его книга «Китаб алмасалик валмамалик» («Книга путей и стран») в свое время стала этапной. Она открыла блестящую серию средневековых арабских географических сочинений². В труде Хордадбеха предельно сухо и официально описаны все

¹ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Гл. IV. М., Л., 1957. С. 137; Винник Д. Ф. Древние города и поселения на Иссык-Куле... С. 35.

² Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Избр. соч. Т. IV. С. 147—150.

известные в мире того времени торговые пути, города и селения, лежащие на густой сети этих путей, с указанием расстояний между ними. Вот как, например, описана ветвь Великого шелкового пути, пересекавшая с запада на восток Северную Киргизию: «До Асбары 4 фарсаха, до большого села Нузката 8 ф., до большого села Харанджавана 4 ф., до Джула 4 ф., до большого села Сарига 7 ф., далее до столицы (города) хакана тюргешей (ат-туркаши) 4 ф., до Навакета 4 ф., до Кубала 3 ф., затем до Верхнего Барсхана, где проходит граница ас-Сина, 15 дней караванного пути по пастбищам, а почта тюрок (ат-турк) преодолевает это расстояние за три дня»¹.

Ученые давно и неоднократно пытались отождествить данные Хордадбеха с известными развалинами средневековых городов. В большинстве своем они спорны. В настоящее время можно согласиться только с четырьмя идентификациями: Асбара — городище на левом берегу р. Аспары близ с. Каинда; Навакет — комплекс развалин на восточной окраине с. Красная Речка, Кубал (он же средневековый Суяб) — развалины Ак-Бешим близ г. Токмак, Верхний Барсхан — юговосточное побережье озера Иссык-Куль.

Согласно Хордадбеху, в Верхний Барсхан вела еще одна дорога. Она начиналась в Узгене, пересекала Центральный Тянь-Шань и выводила к Верхнему Барсхану. Позже эти же сведения с небольшими вариациями повторяли многие средневековые географы.

Текст Хордадбеха не позволял с достаточной определенностью представить, что скрывалось под топонимом Верхний Барсхан — город или целая область с многими городами и селениями? Судя по тому, что в округе средневекового Тараза (современный город Джамбул) багдадский

¹ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., комментарии, исследования, указатели и карты Наили Валихановой. Баку, 1986. С. 65 (Фарсах — 6 км).

начальник почты называет городок Нижний Барсхан, можно полагать, что и Верхний Барсхан — тоже какой-то конкретный населенный пункт. Арабский географ X в. Кудаман ибн Джафар, повторив сведения Хордадбега о пути в Верхний Барсхан, отметил, что он состоял из целой группы поселений — четырех больших и пяти маленьких¹. Это сообщение, перекликаясь с данными Темима ибн Бахра, позволяет полагать, что здесь речь идет не столько о городе, сколько об области с девятью населенными пунктами. В 982—983 гг. неизвестным автором было написано замечательное географическое сочинение «Китаб Худуд ал-Алам мин ал-Машрик ила-Магриб» («Книга о пределах мира от востока к западу»). В нем упомянуты и города южного побережья озера Иссык-Куль. «Тонг и Талхиза — два селения, расположенные между горами, на самой границе между чигилиями и халлухами (карлуками. — Авт.), поблизости от озера Иссык-Куль. Жители воинственные, смелые и доблестные.

Барсхан — город на берегу озера, благоустроенный, богатый. Правитель его из халлухов, однако население держит сторону тогуз-гузов». Тот же неизвестный автор впервые упоминает город на северном побережье озера: «Город назывался Сикуль» (Иссык-Куль). Это был «большой город», «населенный» и «богатый торговый пункт»².

Уникальные сведения Гардизи позволяют выйти на новый уровень научных представлений об иссык-кульских городах. Прежде всего, мы можем определить сравнительно точное количество населения в таких городах, как Яр и Барсхан. Историки давно установили строгую количественно-пропорциональную зависимость между общим

¹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Соч. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 38.

² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 75; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 43.

²² Том IV. В. М. Плоских

числом народонаселения и числом боеспособных мужчин. Оно равняется 5:1, то есть каждые пять человек жителей города или айла (с учетом женщин, стариков, малолетних и калек) могут выставить лишь одного воина. Отсюда следует, что в самом западном селении Прииссыккулья — Яре — насчитывалось до 15 тысяч жителей, а в Барсхане — вдвое больше.

Много это или мало? Иными словами, какое место занимали города Прииссыккулья в системе средневековых городов Средней Азии, расположенных на Великом шелковом пути? Если отбросить такие города-монстры, как Самарканд или Мерв, которые в X—XII вв. насчитывали от 100 тысяч до 150 тысяч человек населения и занимали площадь до 150 га, то придется признать, что Яр, а тем более Барсхан были очень крупными поселениями для своего времени¹. Яр по численности своего населения приближался к таким известным торгово-ремесленным городам, как Отрар, население которого, по подсчетам казахских археологов, колебалось между 15 тысячами и 17 тысячами человек, они занимали площадь в несколько десятков гектаров².

Главный город Прииссыккулья Барсхан по численности населения не уступал некоторым столицам периферийных

¹ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 265. Методика подсчета населения города по количеству выставляемых воинов несовершенна, так как остается много неясных вопросов, но если ошибка достигнет даже 50%, то и в этом случае мы получаем вполне определенные демографические данные. Более совершенные методы, основанные на расчетах, связанных с площадью домостроений и общей площадью городов, разработанные О. Г. Большаковым, К. И. Петровым, К. М. Байпаковым, для большинства исык-кульских городов неприменимы, так как развалины их были уничтожены в результате трансгрессии озера.

² *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С. 159.

областей. Уж насколько известным был богатый центр Ташкентского оазиса славный город Бинкент, а в нем проживало, по подсчетам одного из самых скрупулезных исследователей О. Г. Большакова, около 23—25 тысяч человек, то есть столько же, сколько и в Барсхане. Бинкент вместе с садами и виноградниками занимал площадь в 1350 гектаров. Очевидно, и площадь города Барсхана была в пределах этой величины.

Если для сравнения взять ближайшие к Иссык-Кулю крупные города Чуйской долины, то Яр по количеству жителей был близок к древним поселениям, известным ныне под названиями Шиш-Тюбе, Степниское, Ак-Бешим, Сокулукское, а Барсхан — к средневековому Невакету (Краснореченское городище)¹.

Большой интерес вызывает титулатура правителей иссык-кульских селений. Если в селении Яр находились шатры *тексина* (скорее всего, *тегина*, т. е. царского сына, принца) скотоводов-джикилей, то наверняка и все селение находилось в его власти. Тегины были правителями и в других городах Семиречья. Так, в городе Беклилик, который находился к северу от перевала Ксатек, правил некий йинал-тегин. Гораздо сложнее обстоит дело с загадочным титулом правителя Барсхана — *манак* (или *манаф* — согласно чтению одного из крупнейших русских востоковедов В. Ф. Минорского).

Здесь есть над чем подумать. Дело в том, что титул *манак* (*манаф*) очень напоминает киргизский феодальный титул *манап*, который распространился у киргизов в конце XVIII — начале XIX в. и который не был известен у других тюркских народов. Информацию к размышлению могут дать и следующие факты. Еще в середине

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии... С. 267; Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII в. Фрунзе, 1981. С. 162, табл. 1.

VI в., в период становления Тюркского каганата, видную роль в проведении его внешней политики играл согдиец Маниах. Имеются обоснованные суждения, что он же был правителем согдийской колонии в Семиречье, а Маниах — не имя, а титул этого правителя¹. Таким образом, в VI, XI и XVIII—XIX вв. греческие, персидские и, наконец, русские письменные источники фиксируют титул, не известный у других тюркских народов: *маниах* — *манаф* — *манап*.

Как объяснить столь загадочное явление? Глубокая преемственность? Исторический курьез? Случайность? Дальнейшие научные изыскания (главным образом тюркологов-лингвистов) должны пролить свет на происхождение загадочного титула.

Текст Гардизи позволяет поставить вопрос не только о количественном, но и о национальном составе населения иссык-кульских селений. В Яре, как уже упоминалось, стояли шатры тегина джикилей. Вместе с ним, надо полагать, жили и его домочадцы, слуги, дружина, чиновники со своими семьями, т. е. можно говорить о том, что в селении Яр была какая-то прослойка тюркского населения. Видимо, такая прослойка была и в других иссык-кульских селениях, о чем убедительно свидетельствует древнетюркская руническая надпись, найденная на городище Койсары.

Анализ легенды, приведенной Гардизи для объяснения этимологии топонима «Барсхан», позволяет предполагать там ираноязычное, возможно, согдоязычное население. Иранский историк прямо указывает: «Жители Барсхана происходят от персов, именно жителей Фарса». Далее повествуется пространное предание о том, как Александр Македонский, покорив Иран, взял в знатных персидских семьях заложников, дабы предотвратить вполне возможные мятежи. Отправляясь в поход на Китай, Александр увел

¹ Мокрыгин В. П. Византийский историк о согдийцах в Семиречье // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 176—177.

и заложников, однако, оказавшись в стесненных обстоятельствах, вынужден был бросить ставших обузой знатных персов на берегах Иссык-Куля. Сыновья персидских вельмож, потеряв надежду вернуться домой, отстроили здесь города на манер городов Фарса, а «местности дали название Барсхан, т. е. повелитель Фарса»¹.

Едва ли историческая действительность была столь древней и романтической. Тем не менее, следует заметить, что легенда базируется на вполне реальной исторической основе. Приток иранского и согдийского населения во второй половине VII–VIII вв. в Туркестан – факт известный. Эмиграция части населения, в основном знати, из Ирана и Согды была вызвана арабскими завоеваниями. Весьма показательны, что иссык-кульские города возникли, как отмечено выше, никак не раньше второй половины VII–VIII вв. Именно на VII–VIII вв. как время возникновения города Барсхан указывает еще одна красноречивая деталь легенды, приведенной Гардизи: для постройки города кроме мастеров по изготовлению кирпича и плотников вельможные заложники наняли и живописцев, которые должны были украсить их жилища. Археологические работы в Согде, Уструшане и Тохаристане показали, что в доарабской Средней Азии не только интерьеры храмов и дворцов, но и стены домов горожан были сплошь расписаны полихромными многоярусными панно².

Легенда об основании Барсхана, как представляется, возникла на Иссык-Куле в среде ираноязычных поселенцев, которые ко времени Гардизи, по истечении более чем 300 лет, еще помнили свои этнические корни, но напрочь утратили память о реальных исторических событиях, вызвавших переселение.

¹ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи... С. 50–51.

² Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись. Скульптура. М., 1973. С. 14–33.

Сведения о Барсхане дошли и до выдающегося среднеазиатского мыслителя Абу-р-Райхана Мухаммеда ибн-Ахмеда ал-Бируни. В своем «Минералогическом трактате», анализируя таинственный сплав «харсини», секрет которого тщательно хранили китайские мастера, ал-Бируни писал: «...харсини — это тот металл, из которого отливаются колокола в Кашгаре и котлы в Барсхане, расположенном на берегу Иссык-Куля, то есть горячего озера, а также и другие сосуды, очень грубые, но это зависит от мастеров и их искусства, так как то, что из него вырабатывается в Китае, крайне изящно и тонко»¹.

Эпизод, приведенный великим хорезмийцем, несколько приоткрывает завесу времени над жизнью барсханских ремесленников-металлургов. Они вместе с кашгарцами раскрыли тайну сплава, начали выпускать продукцию, которая стала известной на мировом рынке. Беда только, что она не могла конкурировать с изделиями китайских мастеровых. Качество барсханских изделий явно оставляло желать лучшего из-за низкой квалификации ремесленников.

Письменные источники донесли до наших дней сведения только о двух выдающихся выходцах из Барсхана. Люди они разноплановые, но как один, так и другой, были известны не только в мусульманском мире, но и далеко за его пределами. Один из них — Себук-тегин Насир ад-дин ва-д-дауля. Это был обыкновенный юноша из тюркского племени барсхан, которое кочевало в Прииссыккулье. Он был взят в плен и продан на невольничьем рынке в Хорасане. Купил его видный полководец (спехисалар) Али-тегин, который тоже был тюркского корня. Молодой барсханец стал гулямом (рабом-воином). На этом поприще он проявил выдающиеся способности

¹ *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Белицкого. М., 1963. С. 244.*

и вскоре обошел по службе многих своих сотоварищей. После смерти Али-тегина коварный и дальновидный барсханец всеми правдами и неправдами устранил конкурентов и 20 апреля 977 г. был провозглашен эмиром Газны. Он только номинально подчинялся правителю Бухары. Однако этому солдату было мало маршалского жезла в ранце. Оказалось, что в нем нашлось место и для короны. После того, как Себук-тегин одержал ряд блестящих побед в Афганистане и Индии, он совсем перестал считаться со своим ослабевшим сюзереном — эмиром из династии Саманидов. Вскоре караханидские ханы нанесли ряд тяжелых ударов по державе Саманидов и взяли их столицу Бухару. Себук-тегин воспользовался этим и объявил Хорасан, Афганистан и часть Индии отдельным государством. Простой неверный тюрк, пленный, гулям стал царем. Столицей его была прекрасная Газна. Отсюда и династия, основанная Себук-тегином, стала называться Газневидской. Воцарившийся барсханец никогда не скрывал своего происхождения и даже гордился им. Он часто рассказывал приближенным о своем пленении, о частых и нещадных порках, которым подвергал его работорговец, о тяжком пути на невольничий рынок в город Нишапур. Тем не менее, и тогда нашлись историки, которые доказывали, что генеалогия этого сына иссык-кульского пастуха безупречна. Он был объявлен благородным потомком и законным наследником древнеперсидских царей. Как знать? Может быть, немалую роль в системе этих лжедоказательств сыграла иссык-кульская легенда о знатном происхождении барсханцев, которую рассказал Гардизи? Умер Себук-тегин в 997 г. Похоронен в Газне¹.

¹ Сведения о Себук-тегине см.: Абу-л-Фазл Бейхаки. История Масуда (1030–1041) / Пер. с перс., введение, комментарии и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е, доп. М., 1969; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. 1. М., 1963. С. 322–326.

Другим знаменитым барсханцем был один из величайших ученых средневековья — Махмуд Кашгарский. Правда, он не совсем барсханец. В Барсхане родился его отец. Но Махмуд настолько привержен был «земле предков», что на своей известной круглой карте мира озеро Иссык-Куль и прилегающие к нему регионы обозначил как центр обитаемой земли. К сожалению, мы почти ничего не знаем о жизни ученого. Главный труд всей жизни Махмуда — энциклопедический «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), написанный в Багдаде в 1072–1074 гг. Он явился плодом его долгих путешествий по всем землям тюркских народов. Книга Махмуда и сейчас является первоклассным источником для изучения филологии, географии, истории, этнографии средневековых тюрков¹.

Барсханцы были неробкого десятка и могли постоять за свою независимость. Державу караханидских ханов раздирали постоянные распри. Дело дошло до того, что в борьбу за ханскую корону вмешались женщины. Одна из них, жена Богра-хана, недовольная тем, что наследником престола был объявлен не ее любимый сын, отравила самого Богра-хана и его ближайших родственников. По ее приказу брат Богра-хана, Арслан, был задушен, а главнейшие приближенные и военачальники зарезаны. После этого, как рассказал историк Ибн-ал-Асир, она возвела на престол своего малолетнего сына Ибрахима. Эти события произошли в 1047/48 г. Однако «тянь-шаньской леди Макбет» было мало крови. В конце концов, ханша уничтожила и своего любимца: она отправила сына «с войском к городу, называемому Барсхан, владетелем которого был йинал-тегин. Йинал-тегин побе-

¹ Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугатат-тюрк.» // СТ. 1972. № 1; Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // СТ. 1973. № 1. Научно-популярное повествование о Махмуде Кашгарском см.: Газиев А. Во времена Караханидов // Литературный Киргизстан. 1986. № 6. С. 84–98.

дил и убил его, а войско Ибрахима бежало к его матери»¹.

Сказанным выше почти полностью исчерпываются известия письменных источников о раннесредневековых городах Прииссыккуля. Их нет сейчас, но они были. В них жили турки и иранцы, которые совместными усилиями разгадывали секреты иноземных мастеров, растили хлеба и сады, торговали, писали книги, защищали свой край. Даже те крохи сведений о Барсхане и барсханцах, которые история донесла до сегодняшнего дня, вызывают у нас вполне законное чувство гордости и уважения к их деяниям, закладывавшим основы современной цивилизации в центре Небесных гор.

К концу XVI в. оседлоземледельческая культура в Прииссыккулье, а следовательно, города и селения, приходят в упадок и исчезают. По крайней мере, историки походов Железного хромца — Тимура, скрупулезно перечисляя даже сколько-либо известные урочища или речушки, где проходили войска этого «гения коварства и жестокости», ни разу не упомянули даже небольшое селение. Исключение составляет г. Иссык-Куль и дворец тюрка на острове. Оригинальным источником является так называемая Каталонская карта, составленная в 1375 г. На ней на северном побережье озера обозначен Иссык-Куль с припиской, что там расположен монастырь «армянских братьев» — монахов.

Больше о городах Прииссыккуля средневековые авторы не писали.

¹ Материалы по истории киргизов и Киргизии. С. 59; *Караев О. К.* История Караханидского каганата (X — начало XIII в.). Фрунзе, 1983. С. 162.

ЗАТОНУВШИЕ ГОРОДА

*Рожденному — смертный приходит черед;
Поднятое ввысь непременно падет!
Где взлет — там паденье, где высь — там закат,
Где радость — там горе, где сладость — там яд.*

Юсуф Баласагунский

Лихолетье лихолетью рознь. В начале XIII в. цветущие города и селения Прииссыккуля пришли в упадок. Владелец кочевников-найманов Кучлук, не выдержав борьбы с Чингисханом в монгольских степях, бежал на запад. В Семиречье беглец явился как бедный проситель убежища для себя и своего народа. Он получил его. Отдышавшись и осмотревшись, коварный Кучлук воспользовался слабостью местного правителя и захватил верховную власть. Положение узурпатора было незавидным. Страшный Чингисхан лишь на время оставил его в покое, так как был занят завоеванием Китая. С запада найманам угрожала мощная держава Хорезмшахов. Кучлук понимал, что в таких тисках он — «калиф на час», и вел себя соответственно своему положению. Произвол и грабежи не прекращались, резня и насилия тоже. Но и этого было мало. Кучлук, желая опустошить не только мошну, но и душу горожан, запретил мусульманское богослужение. Стон и плач стояли над Семиречьем и Кашгаром.

Монгольский отряд под командованием отважного Чжебе, как всегда, нагрянул неожиданно-негаданно. Кучлук бежал, но был настигнут в Сарыколе и обезглавлен. Голова найманского владыки стала ключом к воротам

любого ранее подвластного ему города. Стоило монголам лишь показать защитникам голову узурпатора, как ворота твердыни распахивались перед ними. К тому же Чжебе оказался умным политиком и восстановил мусульманское богослужение. О грабежах и бесчинствах победителей не было и речи, так как армия монголов в то время отличалась строжайшей дисциплиной. Вполне естественно, что семиреченские и кашгарские горожане считали антинайманскую акцию Чингисхана «милостью божией»¹.

Но радоваться было рано. Монгольские нойоны, как и большинство кочевых феодалов, считали земледелие блажью, а ремесло и торговлю — занятием недостойным. Желая расширить свои земельные угодья, особенно в таких благодатных для животноводства местах, как Семиречье, кочевники часто превращали пашни, сады и виноградники в пастбища для овец. Только весной 1269 г. на всемонгольском курултае в Таласе трезвый и расчетливый политик Хайду навязал потомкам Чингисхана решение «жить в горах и степях, не брать с жителей ничего, кроме законных податей»². Однако было уже поздно. Процесс деградации городов Семиречья, в том числе и Прииссыккуля, зашел настолько далеко, что стал необратимым. Многие из них были покинуты жителями, в других жизнь едва теплилась. Перефразируя известную английскую пословицу, можно сказать, что «овцы съели семиреченские города».

Если в Таласской и Чуйской долине до наших дней сохранились величественные средневековые развалины, свидетельствующие о былой мощи и высокой городской культуре, то от большинства крупных иссык-кульских городов не осталось и этого. Лихолетье, вызванное стихией, по своим последствиям оказалось еще более страшным,

¹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 470.

² Там же. С. 583.

чем лихолетье нашествий. Очередная трансгрессия озера поглотила многие руины и населенные пункты, расположенные на берегах озера Иссык-Куль. В настоящее время от них остались лишь едва заметные следы.

Койсары

Русские крестьяне старых переселенческих сел Липенка и Богатыровка были довольны обжитыми местами в урочище Койсары, расположенном на восточном побережье озера. Тут тебе и обильные пашни, и богатая рыбалка. А фазаны, как куры, только ночуют не на насесте, а в зарослях джерганака (облепихи). Была у них и своя диковинка — «кирпичный завод», который не требовал ни разработки глиняных карьеров, ни сооружения печей, ни заботы о топливе. Нужно было только взять лодку, отплыть от берега с полверсты и нагрузить ее кирпичом прямо со дна залива. И всего трудов! Обширные русские печи с лежанками и полатами в Богатыровке и Липенке были сложены из этого кирпича. Качество его было отменным, намного лучше, чем выпускал мало мощный кирпичный заводик в городе Каракол. Поэтому даже каракольские мещане иногда покупали у богатыревцев и липенцев воз-другой «морского кирпича». От русских крестьян не отставали и местные киргизы-скотоводы, которые добывали кирпич для постройки надмогильных склепов (гумбезов) знатных и богатых сородичей. Один из таких гумбезов осмотрел В. В. Бартольд по дороге из Пржевальска в деревню Сливкино (ныне районный центр с. Покровка)¹. Вот так стихия и человек объединили свои усилия и разрушили славный средневековый город, важный перевалочный и ремесленный центр на северной ветви Шелкового пути.

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67.

Развалины на дне озера близ Койсары стали известны не только в научных кругах, но и широкой общественности России и всего мира. Сведения о них были включены в такие авторитетные издания, как энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, а также в словарь Гранат¹. А колониальная администрация области и уезда пальцем не пошевелила для предотвращения варварского разрушения ценнейшего памятника.

В настоящее время озеро полностью освободило город из плена. Там, где были улицы, кварталы и архитектурные ансамбли, — ныне песчаная равнина, местами густо поросшая джержанакон, местами заболоченная, кое-где в камышовой оправе блестят зеркала крохотных озер, возвышенные места покрыты щетками чия. Не так уж часто, но можно различить бугорки и валы, бывшие крупные строения и оборонительные стены. Значительная площадь восточней части городища распахана. На полях, особенно после полива или дождя, можно собрать солидную коллекцию керамики. Попадают в основном фрагменты толсто-стенных сосудов (хумы, котлы). Изредка на пашне блеснет мелкий фрагмент парадной глазурованной посуды белого, зеленого или коричневого цветов, характерных для семиреченских городов X—XII вв. Фрагментов керамики голубого цвета, посуды так называемого монголо-тимуридского времени (XIV—XV вв.), которые отмечены нашими предшественниками, в сезоны 1986—1987 гг. нам не посчастливилось найти.

Представление о былых размерах и топографии средневекового города, расположенного в урочище Койсары, в настоящее время могут дать только публикации П. П. Иванова и Д. Ф. Винника. Оба исследователя отмечают, что город

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIII. СПб., 1894. С. 462; Энциклопедический словарь Гранат. Изд. VII. Т. 22. СПб., 1914. С. 275.

по своему типу принадлежал к тем средневековым городам, площадь которых была окружена «длинными стенами». Остатки этих стен и сейчас видны, но только в тех местах, куда не смогла дойти всеокрушающая сила воли озера. Одна из них протяженностью в 6 км ограждает территорию от озера Кара-Куль до юго-западного угла урочища. Сохранившаяся высота ее от 1 до 2,5 м, ширина основания — 15–18 м. Другая стена, ломаной линией пересекая первую в районе с. Богатыровка, тянулась от края террасы до поймы реки Джеты-Огуз. Такого вида длинные стены известны вокруг крупных городов Таласской и Чуйской долин¹. Они ограждали сады, огороды, пастбища для скота горожан. В пределах территории, защищенной длинными стенами, строили усадьбы, храмы, отводили площадь под городские кладбища. Одно из них находилось в северной части урочища и, судя по находкам двух каменных изваяний, принадлежало древним тюркам.

Особенностью развалин близ Койсары является включение в систему «длинных стен» отдельных довольно крупных поселений. В северной части городища П. П. Иванов описал вполне автономное поселение с цитаделью высотой до 9 м и окружностью до 150 м. У цитадели тогда были видны следы развалин различных построек. В настоящее время цитадель частично разрушена выборкой грунта для хозяйственных нужд. Это поселение с цитаделью по своей топографии напоминает согдийские поселения Чуйской долины. Не из таких ли отдельных поселений формировался Верхний Барсхан, о чем еще в X в. писал Кудаман ибн Джафар?

¹ *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 65130; *Он же.* Раннесредневековые города и поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 145–177.

Центральные развалины, т. е. собственно город, судя по остаткам густой застройки, располагался юго-западнее устья Черной Речки, соединявшей озеро Кара-Куль с Иссык-Кулем. Они занимали значительную территорию площадью примерно в 3×2 км. Здесь же располагался и ремесленный центр города, где трудились камнетесы и металлурги. На территории бывших ремесленных кварталов (как мы их условно назвали) найдено «большое количество каменных зернотерок молотильных камней, больших слитков кричного железа, металлической и глиняной посуды и других материалов»¹. Не исключено, что именно здесь, в северной части городища, трудились мастера, разгадавшие секрет сплава харсини, о чем было известно еще аль-Бируни.

О высокой санитарной культуре жителей города свидетельствуют частые находки кобуров — керамических труб, из которых составляли подземные трассы водопровода и канализации. В черте густой застройки П. П. Иванов отметил ниточку водопровода, состоящую примерно из пятидесяти кобуров. Несколько целых экземпляров водопроводных труб опубликовал Д. Ф. Винник. Ему же удалось раскопать нитку водопровода, состоящую из тридцати составных частей. Глубина ее залегания достигала 1,5 м, исследованная длина — 10 м².

Развалины у Койсары — единственное из городищ, освобожденных озером, на котором были проведены научные археологические раскопки. Здесь в 1960 г. Д. Ф. Винник исследовал монументальное архитектурное сооружение из обожженного кирпича. Здание было квадратным в плане (14,2 × 14,2 м), по углам его украшали трехчетвертные колонны, в восточной стене был вход, толщина стен

¹ Винник Д. Ф. К исторической топографии... С. 29–30.

² Там же. С. 33.

составляла 2,4 м. Функциональное назначение сооружения не вызывало сомнения — это была погребальная родовая усыпальница, гумбез. Внутри его было раскопано тридцать скелетов. Усыпальница была построена в XIV в.

Дархан

В настоящее время местность севернее современного села Дархан, где располагалось средневековое поселение, очень напоминает окрестности Койсары. Толстый слой песка, поросшего непроходимой стеной джержанака и барбариса. Кое-где бьют родники, места ниже их заболочены. Только на приозерной террасе, как и у Койсары, сохранились остатки пригородных сооружений — торткули. В 60-х годах их было восемь¹. Сейчас сохранился только один. Группа торткулей, расположенная на левой надпойменной террасе р. Джуука, севернее с. Дархан, в 1983 г. была скрыта бульдозером. На их месте раскинулись поля пшеницы, среди которой можно найти большое количество фрагментов средневековой керамики и обожженных кирпичей.

Изделия из металла представлены только двумя экземплярами. Один из жителей Дархана нашел здесь целое бронзовое зеркало. К сожалению, он разломал его на части, так как полагал, что находка отлита из чистого золота. Убедившись, что это далеко не так, он отдал обломки археологам. Зеркало восьмилопастное с круглой шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято двумя парами противостоящих птиц (фазаны?). Птицы разделены цветочными побегам. Во внешнем поле, отделенном бортиком, в каждой из лопастей помещены стилизованные цветы (пальметы?). Внешний бортик ровный, высокий, узкий. Диаметр зеркала 12,5 см. Отливка некачествен-

¹ Винник Д. Ф. К исторической топографии... С. 111.

ная. Орнамент расплывчатый, детали плохо различимы. Не исключено, что зеркало было отлито по китайскому оригиналу местными мастерами. Такие зеркала бытовали в VIII–IX вв.¹

Другая находка из металла была заготовкой для медно-свинцового дирхема караханидского времени. По данным нумизмата М. Н. Федорова, такие заготовки в XII – начале XIII в. имели обращение по принудительному курсу наряду с чеканной монетой. Обнаружена она была на дне озера в 30–35 м от современной береговой полосы совсем молодым и малоопытным аквалангистом чуть ли не при первом погружении. Опытные его коллеги считают, что это почти сказочное везение. При постоянно меняющейся ситуации на дне озера, когда волны непрерывно перемещают песок, временно обнажая одни участки дна и затягивая другие, даже учитывая феноменальную прозрачность исык-кульской воды, такую крошечную пластинку металла заметить невероятно трудно.

За примером далеко ходить не надо. В 1984 г. опытный подводник А. Д. Курманенко здесь же на дне озера (глубина около 3-4 м) обнаружил до десятка человеческих скелетов. Они лежали на спине в вытянутом положении, головой на север. Аквалангист понимал всю важность находки: открыто одно из размытых кладбищ городища Дархан. Оно дает возможность определить не только погребальный обряд, но и сделать существенные демографические заключения: серия из десяти черепов позволит определить расовый тип горожан, среднюю продолжительность их жизни и, возможно, причины смерти. А. Д. Курманенко хорошо запомнил место и наметил на берегу створы. Через некоторое время аквалангисты и археологи, которые намеревались сфотографировать скелеты и изъять кости для исследования, нашли

¹ Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины. М., 1975. С. 55, рис. 28.

на этом месте лишь ровное песчаное дно без малейших признаков кладбища. Озеро умеет хранить свои тайны.

В прибрежной зоне и на дне озера найдены три каменных диска от ручных мельниц и фрагмент жернова, диаметр которого достигал 1,5 м. В 150 м от современной кромки озера в зарослях джержанака лежит цилиндрический молотильный камень. Наиболее частые находки на территории бывшего города — изделия средневековых гончаров.

Керамика собрана на поселении, расположенном к северу от с. Дархан, представлена подъемными сборами со дна озера Иссык-Куль и прибрежной зоны. Она очень фрагментарна, включает обломки лепных и станковых сосудов¹.

Судя по форме венчика и верхней части тулова, основная их часть принадлежала широкогорлым котлам (диаметр венчика 20—35,5 см) с округлым и горизонтально срезанным венчиком, который незначительно отогнут наружу или вытянут вверх, и шаровидным или сферическим туловом. Ввиду фрагментарности изделий не представляется возможным установить, были они плоскодонными или круглодонными. Можно лишь отметить, что из 10 обнаруженных на памятнике плоских дниц от сосудов неизвестной формы лишь одно принадлежало большому толстостенному котлу с уплощенным дном. Встречены котлы, изготовленные как ручной лепкой, так и с доработкой на гончарном круге. Они сформованы из керамической массы с большим включением отощителя (непросеянный песок). Обжиг сосудов производился в окислительной среде, некоторые котлы прокалены не на всю толщину черепка (он в изломе трехслойный).

Фрагменты горшков немногочисленны. У них округлые, плавно отогнутые венчики, переходящие в невысокую

¹ Описание керамики, собранной на подводных развалинах, выполнено канд. ист. наук Л. Е. Семениченко, за что авторы выражают ей свою признательность.

шейку, и широкие плечики. На двух сосудах по плечикам проходил горизонтально-линейный орнамент. У одного горшка плечики были украшены орнаментальным пояском из разомкнутых элементов зигзага (в виде прописной буквы Г). По всему кольцу венчика с внутренней стороны проходит неглубокий желобок, видимо, сосуд был с крышкой. Он украшен рядом вдавленных кружочков, нанесенных пунсоном. Горшки изготовлены из такой же керамической массы, что и котлы.

Хумы и хумчи предназначались для хранения продуктов. Они представлены единичными экземплярами. Хум слабо профилирован, с выпуклым туловом и массивным треугольным в сечении венчиком, наружный край которого незначительно приподнят (диаметр венчика 39 см). По внешней стороне он украшен прямоугольными вдавлениями, в изломе — темно-оранжевый, прокален не на всю толщину. Хумча имеет округлый венчик (диаметр его 13,5 см), невысокую горловину, плавно переходящую в расширенные плечики.

Помимо этого найден фрагмент стенки сосуда с остатками носика. Сосуд был орнаментирован поясками из горизонтально прочерченных линий, между которыми проходили волнистые линии. Орнамент выполнен четырехзубым инструментом. Интересно отметить, что носик был прикреплен к сосуду после нанесения орнаментации.

Обнаружен фрагмент стенки, видимо, от кувшина с остатками вертикальной, полуовальной в сечении ручки. Сосуд по тулову, ниже основания ручки, орнаментирован семилепестковыми розетками.

На поселении найдено большое количество фрагментов стенок от орнаментированных сосудов. Как правило, орнамент наносился на подсушенные изделия и лишь в единичных случаях он был процарапан по обожженному черепку. Основные орнаментальные зоны — плечики и верхняя часть тулова, довольно редко он выполнялся

на венчике и нижней части тулова. Наиболее распространенные приемы орнаментации — прочерченный и врезной. Они наносились одноострийным или многоострийным инструментом (3–9 зубцов). Чаще всего встречался горизонтально-линейный, волнистый, фестончатый, арочный орнамент, зигзаг. Эти виды орнамента наносились на сосуд как самостоятельный узор, так и в сочетании друг с другом, образуя различные композиции: горизонтально-линейный с волнистым, горизонтальнолинейный с фестончатым и т. п. Помимо того, стенка одного из сосудов была украшена пересекающимися горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями, нанесенными многоострийным инструментом (6 зубцов).

Штампованный орнамент выполнен штампами-печатами, прямоугольными лопаточками различных размеров, гребенчатым штампом. Наиболее распространенные виды орнамента — розетка, ямочные и ромбические вдавления. Большой интерес представляет фрагмент стенки сосуда, на котором сохранилась часть орнамента в виде четырехлепестковой розетки, в каждом лепестке которой был изображен лежащий козел.

Судя по соотношению лепной и станковой керамики, использованию гончарного круга медленного вращения, некоторым видам орнамента (концентрические круги и др.), данный керамический комплекс можно предварительно датировать VIII–X вв.

Городище Дархан занимало исключительно важное географическое положение — оно контролировало Джуюкинский (Заукинский) перевал — наиболее удобный проход через хребет Терскей-Ала-Тоо в Центральный Тянь-Шань и дальше оттуда — в Фергану и Восточный Туркестан.

**Зернотерки, песты, рудотерки.
Камень II в. до н. э. – XII вв. н. э.**

Трипод. Бронза. VIII–XII вв.

**Подвеска, серьги, нашивные бляшки, фрагменты украшений.
Золото. V–III вв. до н. э.**

Котлы. Керамика. VIII–XII вв.

Чирага. Керамика. VII–XII вв.

Монеты. Серебро. VIII–XII вв.

Наконечники стрел. Бронза. VIII–XII вв.

Кресты. Бронза. VIII–XII вв.

Печать. Колокольчики. Бронза. VIII–X вв.

Тюп

Еще П. П. Семенов-Тянь-Шанский, опираясь на сведения, полученные от местного киргизского населения, отметил подводные развалины на дне залива в устье реки Тюп. Проверить эти сведения не удалось, так как путешественник не смог лично осмотреть место расположения развалин. Тем не менее, П. П. Семенов счел возможным включить эти сомнительные данные (правда, с оговорками) в свой «Географическо-статистический словарь».

Примерно через сорок лет после П. П. Семенова следы поселения здесь пытался осмотреть В. В. Бартольд. Опять неудача, так как «о подводных развалинах около устья Тюпа крестьяне села Преображенского (ныне с. Тюп. — Авт.) ничего не знали»¹. Ученого в очередной раз «угостили» полудостоверными рассказами о находках на озере множества кирпичей и изделий из меди: ножей, пик, стрел, топоров, серпов. В доказательство абсолютной истинности этих рассказов жители с. Преображенского показали В. В. Бартольду большой медный котел, вырытый верстах в пяти вверх по течению от устья Тюпа. Владелец котла запросил за него 30 руб. Ограниченный в средствах ученый не смог уплатить столь крупную сумму. По сходной цене он приобрел лишь медный нож, найденный там же.

Подводные развалины близ Тюпа пытался разыскать и П. П. Иванов. Опять неудача: «Расспросы среди крестьян и рыбаков с. Тюп показали, что значительных развалин здесь в окрестностях нет так же, как и на дне залива»². Ученому рассказали о каких-то «дорогах», которые проложены по дну озера, а местами выходят на сушу. Однако показали зато вполне реальные «морские горшки» (очевидно,

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 65.

² Иванов П. П. Материалы по археологии... С. 84.

хумы), которые очень ценились местными крестьянками за прочность и непроницаемость для жидкостей.

В 1986 г. мы обследовали территорию от с. Тюп до берега залива, подплывали на корабле «Юнга» к устью реки со стороны озера. Следов крупного поселения нам обнаружить здесь не удалось. Остается предположить, что поселение на дне залива близ устья р. Тюп либо плод мистификации, либо оно полностью заилено речными наносами.

Долинка

Случай свел нас с интересным человеком — Ю. Чаловым, рабочим-строителем из города Чолпон-Ата. Он и его маленькая дружная семья влюблены в озеро Иссык-Куль. Сам Юрий увлекается подводным плаванием, охотой и фотографированием. Обзавелся аквалангом, специальным гидрокостюмом, ружьями для подводной охоты. Сам смастерил водонепроницаемый бокс для фотоаппарата. Дно озера в окрестностях города и далеко за его пределами он знает не хуже, чем свою строительную площадку. В домашней коллекции Чаловых хранятся два древних керамических сосуда, добытых на дне озера.

Естественно, что наш первый вопрос был: «Откуда сосуды?» На следующий день Ю. Чалов показал место «добычи». Оно располагалось примерно в 2,5 км к югу от восточной окраины с. Долинка. Керамику можно было собирать прямо на превосходном песчаном пляже и у кромки воды. В прибрежной акватории в течение трех дней вели разведочные погружения аквалангисты С. С. Прапора. Трофеями их были зернотерки, половина жернова от ручной мельницы и, конечно, фрагменты керамики.

По технике изготовления керамика представлена фрагментами станковой и лепной посуды. Станковая преобладает.

По форме и функциональному назначению делится на несколько типов: котлы, горшки, хумы.

Котлы, судя по сборам на поселении, являются одним из самых распространенных типов посуды. У них прямой или округлый венчик и сферическое тулово. Нижняя часть изделий не сохранилась. Все сосуды широкогорлые (диаметр венчика 19–35,5 см). На некоторых в верхней части тулова прочерчен горизонтально-линейный орнамент (в 1–3 линии). Встречены обломки котлов с горизонтальными ручками округлого и овального сечения. Некоторые у основания орнаментированы глубокими округлыми вдавлениями. Для прочности крепления концы ручки вставлялись в специально проделанные отверстия и примазывались изнутри. Есть и изделия, покрытые толстым слоем сажи. По всей видимости, котлы использовались в качестве кухонной и тарной посуды.

Горшок слабо профилирован, с прямым, выступающим наружу венчиком и расширенным туловом. Сосуд светло-желтого цвета.

Хумы представлены фрагментами двух сосудов. Изделия широкогорлые (диаметр венчика 28–34 см). У одного массивный прямой венчик, расширяющийся на обе стороны, наружный край его утончен и несколько приподнят вверх, образуя широкий желобок. Внешняя сторона венчика украшена тонкими ногтевыми вдавлениями. На плечиках сосуда расположен пояс из вдавленных кружков (диаметр 2/3 см), рассеченных рельефным крестом. Он выполнен штампом-печатью. Ниже проходил врезной арочный орнамент, под которым почти у основания соединения арок находились три маленьких вдавленных кружочка, расположенных треугольником. Внешняя поверхность сосуда белого цвета.

Встречены стенки станковых сосудов, орнаментированных волнистым, фестончатым орнаментом, пояском из разомкнутых элементов зигзага. Один из сосудов был орнаментирован пояском из наклонных точечных вдавлений

гребенчатого штампа, ниже шел арочный орнамент, под которым располагались горизонтальные линии. Вся орнаментальная композиция выполнена четырехзубым инструментом.

Лепные изделия немногочисленны и представлены единичными экземплярами.

Чаши (2 экз.) округлой формы (найлены только верхние части) со скошенным наружу краем.

Обломок кувшина с утонченным прямым венчиком, скошенным внутрь. Сосуд широкогорлый, с расширенным туловом. К плечикам и верхней части тулова прикреплена вертикальная ручка с заостренным верхним концом.

Сосуд баночной формы с округлым краем и прямыми, плавно расширяющимися к дну стенками. В верхней части тулова сохранились остатки вертикальной ручки. Был ли сосуд с одной или двумя ручками, определить невозможно вследствие фрагментарности изделия. Как и кувшин, этот сосуд тонкостенный. По венчику с внутренней стороны проходит полоса красной краски.

В целом обнаруженный керамический комплекс по ряду признаков (преобладание станковой посуды, качество изделий, их форма и др.) можно предварительно датировать X—XII вв.

На подводных развалинах южнее с. Долинка мы в первый раз (но не в последний) столкнулись с варварским отношением к древностям, на которые ранее было как бы наложено негласное табу. Здесь оскверняли останки людей, умерших и похороненных около тысячи лет тому назад. Отдыхающие из ближайших пансионатов ныряли и поднимали на поверхность черепа покойных. Из них изготавливали исык-кульские «сувениры» — пепельницы, светильники и даже, уподобляясь гуннским и печенежским князьям, чаши, оправленные металлом. Преступному аморальному промыслу должен быть положен конец.

Койсуу

Если в научном мире наиболее известными стали подводные развалины средневекового города в урочище Койсары, то в Мире туристов — развалины к югу от с. Курское. Популярность их объясняется просто: в свое время В. В. Бартольд связал остатки поселения у с. Курское с мрачной славой хромого «потрясателя вселенной» — эмира Тимура. Средневековый историк Ибн Арабшах писал, что на острове озера Иссык-Куль Тимур построил «небольшое жилище», где содержались пленники, захваченные им во время походов. Позже моголистанский историк и полководец Мухаммед Мирза Хайдар отметил, что эмир Хакк-Берды Бекичек построил тянь-шаньский вариант замка Иф (Монте-Кристо) — неприступную крепость на иссык-кульском острове в местности Койсуу, где и поселил свою семью. Зачем же понадобилась степному феодалу водная твердыня? Дело в том, что сам эмир совершал постоянные набеги на среднеазиатские города Сайрам и Туркестан. Набеги отвлекали большие воинские силы. Поэтому эмир опасался удара в слабо защищенную «спину» со стороны калмыков. Крепость среди озера должна была обезопасить близких эмира и избавить их от судьбы, подобной той, которую сам Хакк-Берды уготовил жителям Сайрама и Туркестана¹.

К сообщению Ибн Арабшаха, которое не подтверждается другими авторами, нужно относиться если не скептически, то весьма и весьма критически. Действительно, эмир Тимур, начиная с 1371 г., много раз ходил походами на Тянь-Шань. Не один раз после жестоких победных сеч с кочевыми аборигенами он смывал кровь с рук своих в святых водах озера Иссык-Куль. Однако реальной власти над могольскими племенами Тянь-Шаня Тимур не имел никогда. Как только полководец поворачивал свои войска

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 66.

на запад, север или юг, могулы опять занимали свои тянь-шаньские пастбища и готовили коней для похода к сердцу владений обидчика — прекрасному и богатому Самарканду¹. Такая политическая ситуация едва ли способствовала строительству. К тому же пленников Тимур, как правило, не содержал близ кочевий их соплеменников, которые внезапным ударом могли их освободить, а гнал в свою столицу. Вот характерная реляция после очередного разгрома тянь-шаньских могулов, написанная биографом эмира Шараф ад-дином Али йезди: «...избиением и грабежом стирали их (могулов. — Авт.) с лица земли, захватив многочисленный полон и несчетную добычу ... погнав ту толпу, привели в Самарканд, вместе с имуществом и добычей»².

Однако в словах Ибн Арабшаха есть и правдоподобная нота: напрасно пишут, что Тимур-де, как смерч, нес только разрушения в чужие земли. На развалинах городов он охотно строил... Но строил-то исключительно крепости и тюрьмы! Поэтому сообщение средневекового историка о строительстве «жилища» для содержания пленных на каком-то иссык-кульском острове не выглядит совсем уж невероятным. Только был ли остров?

Более определенными кажутся сведения Мухаммеда Мирзы Хайдара, который указывает местность, где находился остров. К тому же могульские эмиры не раз строили и перестраивали тянь-шаньские крепости, примером чего могут служить известные Кошой-коргон и Ширдадбек, развалины которых опозитизированы киргизскими сказаниями.

Первым на подводные развалины у устья реки Чон-Койсуу обратил внимание Г. А. Колпаковский. Всего в одной сажени от берега (уровень озера 1869 г.) и на глубине около аршина ему показали следы построек, назначение

¹ История Киргизской ССР. Т. 1. С. 397–403.

² *Шараф ад-дин Али Йезди*. Зафар наме / Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина // МИКК, вып. 1. С. 138–139.

которых, по словам исследователя, «было трудно понять». И немудрено. Семиреченский губернатор увидел три параллельные стены на расстоянии всего в аршин друг от друга! Стены не замыкали какого-либо пространства, а, располагаясь перпендикулярно к берегу, уходили далеко в глубину озера. По мнению Г. А. Колпаковского, стены были сложены из обожженного кирпича. Большое количество кирпича было разбросано и у основания стен¹. Действительно, и нам, как и первооткрывателю, «трудно понять» функциональное назначение и целесообразность подобной постройки.

18 августа 1927 г. часа в 4 пополудни от берега у с. Курское отплыла большая лодка и взяла курс на восток. Вода «без морщинки», солнце яркое, видимость отменная! На веслах сидели сельские рыбаки — большие знатоки секретов озера, которыми они охотно делились с общительным и простым в обращении человеком — приезжим ученым П. П. Ивановым. А секреты? Вот они — в каких-то трехстах метрах от берега и на глубине всего в 4–6 м. Рыбаки показали ученому на дне озера зыбкие очертания груды кирпичей, деревянного «моста», площади, выложенной квадратными кирпичами, осколков сосудов. Кто помоложе, по просьбе Павла Петровича ныряли на дно озера за кирпичами, измеряли длину и толщину бревен «моста», поднимали фрагменты керамики. В одном месте удалось заметить совершенно целый конической формы кувшин. «Мой «водолаз» пытался его достать, — писал П. П. Иванов, — но оказалось, что сосуд своим нижним краем «врос» в дно и оторвать его можно только с риском расколоть самый кувшин»². «Ловцы древностей» вернулись домой только после захода солнца.

¹ Колпаковский Г. А. О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куль // ИРГО. Т. 6, 1870. Отд. II. С. 102.

² Иванов П. П. Материалы по археологии... С. 92.

П. П. Иванов обратил особое внимание на вымостки из бревен, которые располагались не на одной прямой и под углом друг к другу. Однако его объяснение функционального назначения бревенчатого настила (крыши подземных сооружений) едва ли выдерживает критику. Какие могут быть подземные сооружения на острове, если траншея глубиной всего в 0,5 м, вырытая неподалеку от настила в 1986 г., в 3–4 часа заполнилась грунтовыми водами? Примерно такие же результаты были получены и иными исследователями, пытавшимися вести раскопки близ берега озера¹.

В целом ученый с помощью рыбаков хорошо разобрался в ситуации: «Неподалеку от берега (метрах в 200) под водой почти перпендикулярно береговой линии тянется возвышенность, на которой и расположена главная масса кирпича... По обеим сторонам засыпанного кирпичами пространства видны обрывы... Вполне возможно, что исчезнувший остров «в местности Кой-Су» был именно здесь... Значительная площадь, густо засыпанная кирпичом и отчасти грудами камней и плит в районе осмотренных деревянных «мостов», как нельзя более указывает на существование здесь в былое время сооружения, каковым могла быть, например, построенная в XV в. на острове эмиром Хакк-Берды Бекичеком крепость»².

Загадочных стен, изумивших Г. А. Колпаковского своим нелепым взаиморасположением, П. П. Иванов не видел.

Более чем через тридцать лет выводы П. П. Иванова подтвердил Д. Ф. Винник, который сосредоточил работы сезона 1939 г. в основном на подводных развалинах близ с. Курское. Положение за это время значительно изменилось: озеро еще более отступило от прежней береговой

¹ *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г... С. 101.

² *Иванов П. П.* Материалы по археологии... С. 93–94.

линии. Если в 1927 г. кирпичи лежали на глубине 4–6 м, то в 1959 г. — на метр ближе к поверхности, самая высокая часть отмели в 1953–1954 гг. полностью освободилась от воды и стала островом. Пионеры близлежащего лагеря «Чайка» назвали его в честь пионера-героя «Островом Вали Котика». Они сами соорудили здесь незатейливый обелиск, на котором увековечили имя своего сверстника-героя¹.

Аквалангистам в тот сезон удалось сделать и ряд существенных дополнений к описанию подводных развалин П. П. Ивановым. Если последний сделал лишь визуальные наброски плана взаиморасположения «моста» и «кирпичных полов», то в 1959 г. был сделан подробный план подводных развалин, где были учтены не только бревенчатые настилы, но и вновь открытые постройки из кирпича, колья деревянной изгороди, фундаменты и остатки стен, каменные вымостки. Кроме того, аквалангисты сумели собрать приметную коллекцию материальной культуры, включающую строительные материалы, водопроводные трубы и немного осколков керамической посуды. Исследуя бревенчатый настил, аквалангисты открыли стену, сложенную из крупных камней. Стена была расположена как раз на краю крутого откоса отмели, за которым глубина сразу достигает 30 м. На верхние камни стены были уложены торцы бревен настила, основная часть которого лежала на песке отмели. На такие же каменные опоры у края обрыва был уложен и второй бревенчатый настил. Вновь открытые факты, по мнению Д. Ф. Винника, подтверждают мысль П. П. Иванова о подземных сооружениях на острове².

Еще через четверть века развалины у с. Курское были обследованы авторами этих строк. Уровень зеркала озера за это время понизился настолько, что к обелиску,

¹ Зюков Б. Под волнами Иссык-Куля. С. 59.

² Винник Д. Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г... С. 90–94.

сооруженному в честь Вали Котика, мы добирались не на лодке, а свободно подъехали на экспедиционном рафике. Отмель почти полностью обнажилась. Водой покрыта только ее западная часть, но и здесь глубина такая, что свободно расхаживают кулики. Остров стал полуостровом. На бревенчатом настиле можно было сидеть, свесив ноги, и не замочить их озерной водой. Трудно себе представить, что даже подпрыгнув, мы далеко не сумели бы дотянуться до киля лодки, в которой, казалось бы, так недавно проплывали над отмелью аквалангисты Д. Ф. Винника (а наши однокашники по историческому факультету КГУ) В. Буканев и Б. Кочнев. А в лодку П. П. Иванова с современной поверхности едва-едва запрыгнул бы со своим шестом знаменитый Сергей Бубка.

На полуострове у нас окончательно оформилась давно зревшая, казалось бы, парадоксальная, мысль: разведку подводных городов гораздо эффективнее производить именно тогда, когда они находятся под водой. Сейчас полуостров занесен толстым слоем песка, который скрыл бывшие остатки строений. Его уже не смывают крутые волны. Большая часть территории заросла буйным джерганаксом. Где площади, вымощенные кирпичом и булыжником? Где колья ограды и стены строений? О наличии их сейчас никто бы не догадался. Теперь эта местность ничем не отличается от других привычных иссык-кульских пляжей. Только по планам подводных развалин, составленным некогда П. П. Ивановым, а потом Д. Ф. Винником, будущий исследователь, заложив обширный раскоп и затратив массу труда, сумеет найти те объекты, которые его предшественники визуально фиксировали, сидя в лодке. А может быть, и не сумеет. Дело в том, что и в наши дни для местных жителей высококачественный средневековый суперкирпич продолжает оставаться желанным и даровым строительным материалом. Еще Г. А. Колпаковский писал, что из кирпича, поднятого со дна озера близ Чон-Койсуу,

был построен гумбез над могилой какого-то Бамбая¹. Несколько десятков лет местные жители, как и в урочище Койсары, растаскивали бесценные для науки архитектурные памятники времени становления киргизской народности для постройки печей. Д. Ф. Винник отметил несколько гумбезов на кладбищах близ сел Чон-Сары-Ой и Курское, построенных из средневекового кирпича, который доставали, разрушая подводные архитектурные сооружения.

В сезон 1986 г. мы заложили траншею на том месте, где на плане Д. Ф. Винника значится постройка из обожженного кирпича. Постройка была довольно внушительной: одна стена, как ее видели аквалангисты, сохранилась на 7,5 м в длину, другая — на 3,3 м. Ширина и высота стен была около полуметра. Траншея шириной в 2 м и длиной 12 м была заложена в 70 м (согласно плану) к югу от второго бревенчатого настила. Трасса траншеи была проложена с северо-востока на юго-запад, т. е., согласно расчетам, она должна была пересечь обе стены под углом. В траншее были обнаружены куски кирпича и фрагменты керамики, найдена гигантская керамическая плита (51×51×6,5 см) и обломки от подобной ей, отыскивали даже маленькую пятнадцатикопеечную монету выпуска 1939 г., но громадных стен не обнаружили. Слабым утешением была находка в траншее кусочка изразца, покрытого с одной стороны голубой глазурью. О подобных изразцах со слов рыбаков упоминал П. П. Иванов. Плитки с голубой глазурью находил и Д. Ф. Винник. Находки таких плиток важны тем, что вполне определенно датируют постройки XIV—XV вв. Неудачи раскопок можно объяснить многими обстоятельствами. Наиболее вероятное из них: в промежутке между 1959 и 1986 гг. опять кому-то понадобилось строить либо печь, либо гумбез.

¹ Колпаковский Г. А. О древних постройках... С. 104.

Наша траншея довольно быстро заполнилась водой. Нам, увы, осталось только рекультивировать нарушенный раскопками чудесный иссык-кульский пляж.

Здесь же на полуострове мы столкнулись с геологическим новообразованием конгломератного типа. Оно тянется вдоль западного мелководного нынешнего берега залива и вполне напоминает разрушенную стену, плотно сцементированную из песка и озерной гальки. Достоверность имитации постройки усиливается тем, что кое-где в конгломерат включены плотно сидящие в нем средневековые кирпичи. В одном месте новообразования всего на расстоянии 0,5–0,7 м тянутся параллельно друг другу. Не исключено, что подобный природный феномен в свое время ввел в заблуждение Г. А. Колпаковского, который, как уже упоминалось, видел три ряда стен близ Койсуу.

Серьезные опасения в наши дни вызывает судьба бревенчатого настила. Его разрушают отдыхающие. Бревна, срубленные на северных склонах Кунгей — Ала-Тоо свыше полутысячи лет тому назад и с большим трудом доставленные к берегу, сейчас бездумно и бесцельно, прилагая при этом значительные усилия, вырывают из настила и за ненужностью бросают в воду. Они тонут, наши аквалангисты на глубине около 10 м обнаружили четыре затонувших бревна.

Обследование каменной стены, на верх которой опирается торцовая часть бревенчатого настила, убедило нас в том, что эта стена была сложена не для постройки какого-то подземного сооружения, как предполагали наши предшественники, а для укрепления берега острова с целью предотвращения его от размыва волнами озера.

В настоящее время факт постройки дворцового типа на острове (или полуострове) близ с. Курское не вызывает сомнения. Постройка была парадной, о чем убедительно свидетельствуют изразцы с голубой глазурью и фигурные плитки с рельефным узором. Стены построек были раз-

рушены очередной трансгрессией озера и хищнической деятельностью местных жителей.

Зафиксированные учеными сохранившиеся до наших дней следы строительных работ относятся, на наш взгляд, не столько к истории архитектуры, сколько к истории инженерной мысли средневекового Кыргызстана. Неведомому зодчему, получившему задание от какого-то феодала, будь-то Тимур, Хакк-Берды Бекичек или кто иной, до начала возведения стен нужно было решить нелегкую задачу: а на что же будет опираться его творение? Он хорошо знал древнюю истину: дворец можно строить только после стабилизации зыбкой почвы, нельзя, да и невозможно строить на песке. Технические приемы стабилизации почвы острова подсказывала сама природа. Восточный берег, круто уходящий в воду на глубину до 30 м, откуда можно было ожидать наиболее сильных ударов волн, укрепили каменной стенкой и бревенчатым настилом. Пески центральной части острова закрепляли вымосткой из специально изготовленных более чем полуметровых керамических плит. Плиты были, конечно, дорогим материалом, поэтому для закрепления песка использовались и вымостки булыжником. Кое-где стабильность почвы достигалась забивкой свай. Так, Д. Ф. Винник только на небольшом участке насчитал 58 таких свай, которые отделялись друг от друга расстоянием от 0,5 до 0,8 м¹. Трактовать сваи как остатки изгороди едва ли возможно, так как среднеазиатская средневековая архитектура всегда применяла изгородь только типа дувала. Система инженерных мер по укреплению почвы острова, как видим, была довольно эффективной и сохранилась до наших дней.

Закончить тему о развалинах Койсуу мы сочли нужным отнюдь не археологическим сюжетом. Более чем скромный

¹ *Винник Д. Ф.* Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г... С. 97.

самодеятельный обелиск, который возвели здесь пионеры в середине 50-х годов в честь Героя Советского Союза пионера Вали Котика, оказался забытым. За ним уже не ухаживают пионеры конца 80-х годов, не звучит здесь горн, не гремит барабан, не звенят пионерские песни, не звучат торжественные клятвы верности Родине и делу Ленина. Сейчас территорию близ обелиска прочно закрепили за собой взрослые дяди и тети, которые зачастую поют совсем не пионерские песни. Не пора ли соответствующим организациям Иссык-Кульского района, и прежде всего райкому комсомола и райвоенкомату, возродить былую пионерскую традицию и воздвигнуть здесь памятник, достойный подвига юного героя? Патриотическое и интернациональное воспитание от этого только выиграет.

Тору-Айгыр

Подводные развалины юго-западнее с. Тору-Айгыр были открыты случайно. Летом 1985 г. по северному берегу Иссык-Куля распространился слух о «находке века» на дне озера близ туристической базы «Улан». Сообщалось как вполне достоверный факт, что повар турбазы, увлекающийся подводным плаванием, нашел глубоко под водой кирпичный дом с деревянной дверью. Когда повар потянул ручку на себя, то дверь распахнулась, и он свободно вплыл в комнату. Здесь подводного пловца ожидало неслыханное везение: посередине комнаты (по другому варианту — в углу) лежала груда золотой и серебряной посуды. Три ночи повар доставал сокровища и прятал в укромном месте, а затем внезапно уехал домой в Ташкент, прихватив с собой всю посуду и дверную ручку впридачу. При ближайшем рассмотрении она оказалась из чистого золота. Сказка? Конечно, но и в ней, несмотря на весь наш скепсис, как и во всякой сказке, оказалась доля истины.

В августе того же года мы завернули в «Улан». Старший инструктор Э. Кауль подтвердил только часть слухов, притом ту, которая меньше всего интересовала археологов: повар-ташкентец был, он увлекался подводным плаванием, уволился по семейным обстоятельствам, но уехал, как приехал, со сменными рубашками и бритвенным прибором в портфеле. «А не интересуется ли вас глиняная посуда?» — спросил старший инструктор, когда тема, казалось, была уже исчерпана. И он показал нам солидную коллекцию средневековой керамики, которая хранилась в одной из кладовых. Оказалось, что вся она была собрана на дне озера близ «Улана» и предназначалась для будущего музея турбазы. Что ж, нет худа без добра. Открыто новое, самое западное местонахождение подводных развалин на северном берегу озера Иссык-Куль¹.

Сведения Э. Кауля были полностью подтверждены в сезон 1986 г. сотрудником нашего отряда В. М. Блиновым, получившим специальность легкого водолаза во время прохождения срочной службы на Дальнем Востоке. Он обследовал обширную акваторию (800×400 м) озера к югу от восточной части территории турбазы «Улан».

Здесь рельеф дна неровный, есть возвышенности и глубокие впадины, грунт — глина, покрытая илом и песком. Растительность полностью отсутствует. Видимость зависит от погоды и часто не превышает 0,4–0,5 м, что значительно затрудняет подводный поиск. В районе поиска проходит сильное придонное течение, направленное с востока на запад. Оно перемещает песок и ил, обнажая одни и погребая другие участки дна. Течение часто меняет придонную ситуацию так, что обследованный сегодня объект можно не найти завтра. Учитывая эти обстоятельства, В. М. Блинов использовал систему легких буйков, которые значительно облегчали ориентирование.

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67.

На расстоянии 250 м от береговой линии на глубине 3,5 м аквалангист обнаружил вымостку из обожженного кирпича ($28 \times 14 \times 5,5$ см). Это был участок неправильной формы, площадью 17,5 кв. м. Кирпич был уложен в «елочку» и скреплен очень плотным раствором, не поддающимся даже воздействию металла. Толщина промазки между кирпичами — 0,5 см. На значительном расстоянии вокруг выкладки валяются куски и целые экземпляры кирпича. По всей вероятности, здесь было помещение, пол которого и составляла фигурная кирпичная кладка. Даже оснований стен этого помещения, несмотря на все усилия, В. М. Блинову обнаружить не удалось. Если стены были сложены из сырцового кирпича, то их, конечно, размыли воды озера, а если из обожженного, — они вполне могли пойти на вымостку пола, как отметил еще В. В. Бартольд, «на старой Тору-айгырской станции»¹.

В 300 м от берега на глубине до 3,5 м прямо на илистом грунте был обнаружен «ящик», сложенный из обожженного, почти квадратного кирпича ($13 \times 12 \times 5$ см). Боковые стенки и дно — в один кирпич. Размеры «ящика» $40 \times 20 \times 12$ см. Рядом с этим сооружением неизвестного назначения было большое скопление керамики. Несколько мористее на глубине 4 м сохранились остатки стен помещения (2×2 м), стороны которого ориентированы по странам света. Стены в высоту сохранились всего на четыре кирпича. Пол покрыт очень прочным цементирующим раствором.

Остатки монументального строительства из обожженного кирпича на дне озера близ с. Тору-Айгыр в наши дни, как

¹ Бартольд В. В. указал на бесплодие территории около станции Тору-Айгыр, но заметил, что выше станции имеется «кирпичный завод», а в самой станции пол был выложен средневековым кирпичом (*Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 67*); *Иванов П. Л. Материалы по археологии... С. 95*; *Винник Д. Ф. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г... С. 87*.

и следовало ожидать, сохранились не лучше, чем в урочище Койсары и на «острове Тимура». Тем самым слухи о «сокровищнице с деревянной дверью и золотой ручкой» получили документальное опровержение.

Изделия из камня на городище Тору-Айгыр представлены четырьмя жерновами метрового диаметра и толщиной от 8 до 12,5 см. Привести в движение такую махину могла только сила животных или, скорее всего, сила падающей воды.

По территории подводного городища без какой-либо системы были разбросаны скелеты людей, древних его жителей. Положение скелетов разное: вытянут на спине головой на север, запад или юг; на боку. Иногда попадался череп без скелета, в другой раз — наоборот. Сейчас трудно объяснить это обстоятельство. То ли здесь жили люди с самыми различными религиозными воззрениями, а, следовательно, и с различным погребальным обрядом, то ли произошла неведомая нам катастрофа, при которой погибшие остались непогребенными. Дальнейшие археологические и антропологические работы прольют свет и на этот вопрос.

Улахол

В сезон 1986 г. мы обратились за гидрографической консультацией к известному исследователю ихтиофауны Иссык-Куля А. Конурбаеву, который в то время возглавлял Биологическую станцию АН Киргизской ССР в г. Чолпон-Ате. В заключение беседы, узнав о наших интересах, ученый показал нам великолепной сохранности керамический круглодонный котел с двумя горизонтальными ручками подтреугольной формы. По его словам, котел подарили ему рыбаки, которые извлекли находку ее дна озера близ с. Улахол. На дне котла, доверху забитого илом и песком,

сохранились даже кости барана. Кости были направлены в одну из лабораторий Московского университета, где они были датированы XIV в. На вопрос, были ли близ места находки котла еще какие-либо фрагменты керамики, кирпичей и других индикаторов подводных поселений, ученый ответить не мог, так как получил котел через третьи руки. Фамилии и адреса рыбаков, обнаруживших котел, тоже остались неизвестными. Котел А. Конурбаев оставил в своей домашней коллекции как будущий экспонат музея Иссык-Куля, проект которого давно вынашивает этот истинный знаток и патриот нашего озера. Мы произвели замеры, зарисовку и фотофиксацию интересной находки, решив при случае обследовать дно озера близ с. Улахол с помощью аквалангистов.

В конце сезона 1987 г. сотрудница нашего отряда — молодой кемеровский археолог Е. А. Миклашевич встретила жителя г. Рыбачье С. П. Багрина, который поведал ей историю о котле, найденном на дне озера близ с. Улахол. Он подтвердил, что котел был передан на Биологическую станцию. Концы сошлись. С. П. Багрин рассказал, что большая площадь на озере в районе находки буквально усеяна фрагментами керамики. Здесь же с лодки он видел каменный жернов. Перечисленные признаки достаточны для вывода: на дне озера близ с. Улахол находятся развалины средневекового поселения, которое просуществовало минимум до XIV в. Однако и на сей раз проверить и документировать полученные сведения не удалось. Аквалангисты уже отбыли в Москву. Точное выяснение местонахождения этого поселения и его исследование отложим до будущих времен.

КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

*Я к знаньям стремился с желаньем упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.*

Юсуф Баласагунский

Процесс средневековой урбанизации (от латинского *urbanius* — городской), начавшийся в Средней Азии в VI в., уже в VII—XIII вв. затронул Прииссыккулье. Сущность этого явления раскрыл К. Маркс: «Урбанизация — это целостный процесс, содержанием которого являются изменения культурного значения и социальных функций, городской концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей»¹. Ученые пока не располагают необходимыми источниками, которые позволили бы с достаточной полнотой осветить жизнь городов Прииссыккуля в VIII—XIV вв. Поэтому наше повествование, как и наши источники, будет отрывочным, разрозненным и далеко не полным.

Письменные источники упоминают названия только пяти иссыккульских городов. Кроме них археологи открыли около сотни мелких поселений. Этот факт свидетельствует в пользу того, что плотность населения иссыккульской котловины к XI—XII вв. едва ли была намного меньше, чем в наши дни. У читателя может возникнуть вполне закономерный вопрос: «А где же эти города? Где Барсхан,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 50.

который был якобы не меньше столицы Ташкентского оазиса? Где Яр, равный Отрару? А где таинственный город Иссык-Куль и монастырь «армянских братьев»? Ответы ученых на эти вопросы неоднозначны.

Видный советский археолог А. Н. Бернштам, например, не сомневался, что развалины близ Койсары и есть исторический город Верхний Барсхан — центр одноименной области. В то время эта идентификация не вызывала сомнений, так как другие развалины крупных средневековых поселений в Восточном

Прииссыккулье ученому не были известны. Д. Ф. Виннику близ устья р. Барскаун, недалеко от кромки озера удалось обнаружить впечатляющие средневековые развалины площадью 4×4 км. Это обстоятельство позволило ему отождествить город Верхний Барсхан с открытым городищем, с тем большим основанием, что рядом протекала одноименная река¹.

Однако не все так просто. Историческая топография городища Барскаун — четырехугольник стен — (торткуль) — не соответствует топографии согдийских городов, где неизменными элементами являются наличие высокого холма (цитадели) и примыкающего к нему города (шахристана). Четырехугольная планировка была характерна, начиная с X в., для поселений тюрок. Мы же помним, что, согласно Гардизи, город Верхний Барсхан был основан не тюрками, а выходцами из Ирана или Средней Азии. Вопрос об идентификации знаменитого города остается открытым.

На современном уровне наших знаний мы не можем с достаточной определенностью сказать, где находились города южного побережья озера Хол (современный Улахол?) и Яр (близ Рыбачьего?). Идентификация их — дело

¹ Винник Д. Ф. Древние города и поселения Прииссыккулья // ПК. № 1. Фрунзе, 1970. С. 35.

будущего. Но зато с достаточной определенностью можно сказать, где был город Тон. Еще В. В. Бартольд, посетив развалины Хан-Дюбе, которые располагались на левом берегу р. Тон, высказал предположение, что здесь и располагался исторический город Тон¹. В настоящее время нет оснований оспаривать это отождествление.

Еще меньше данных для определения местонахождения единственного города северного побережья озера, упомянутого в письменных источниках под названием Иссык-Куль. На северном побережье известны только два пункта, где отмечены крупные средневековые развалины: Каменское городище, которое расположено севернее восточной окраины с. Джаркинбаево, и подводные развалины близ с. Тору-Айгыр. С городом Иссык-Куль, по-видимому, был связан христианский монастырь «армянских братьев». На северном берегу озера христианские надгробные надписи найдены только близ с. Тору-Айгыр. Но они выполнены не армянскими графемами, а сирийскими. Поиск города должен быть продолжен.

Как выглядели иссык-кульские горожане?

Портреты средневекового населения городов Прииссыккуля до нас не дошли. Тем не менее, антропологи хорошо представляют себе внешний облик горожан того времени. Они определяют его по черепам, которые добывают археологи при раскопках средневековых городских кладбищ. На Иссык-Куле в 1971 г. частично раскопан только один некрополь, располагавшийся к северу от городища Хан-Дюбе. Здесь получено 59 черепов из погребений жителей X—XII вв. исторического города Тон. Эту довольно представительную серию черепов тщательно изучил тогда еще

¹ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 73—75.

молодой специалист, а ныне ведущий ученый-антрополог Средней Азии Т. К. Ходжайов.

В целом горожане по своему расовому типу были европеоидами с примесью монголоидности. Они были очень похожи на жителей Невакета (городище у с. Красная Речка) и тех христиан, которые были похоронены на кладбище XIII—XIV вв. близ г. Фрунзе. Исыккульцы были близкородственны и жителям городища X—XII вв. Бейшеке (Таласская долина), хотя и отличались от них несколько ярче выраженной монголоидностью. По мнению Т. К. Ходжайова, европеидный тип горожан Киргизии того времени восходит своими корнями к древним сакским и усуньским племенам.

Средняя продолжительность жизни горожан Тона исчисляется 26,7 годами. Она была несколько выше, чем в целом на территории нашей страны в средневековье, где средняя продолжительность жизни, по определению В. П. Алексеева, едва превышала 20 лет. Исыккульские мужчины тогда были «долговечнее» женщин: они жили в среднем 34,9 года, а женщины — только 31,5 года. На кладбище средневекового г. Тон не было похоронено ни одного человека старше 55 лет. Довольно высокой была детская смертность¹.

Иными антропологическими фактами, позволяющими пролить свет на демографические процессы в средневековых городах Прииссыккуля, наука не располагает.

Религия

Письменные источники с равной степенью достоверности сообщают, что население средневековой Киргизии исповедовало несколько различных религиозных систем:

¹ Ходжайов Т. К. Некрополи средневекового Тона и Бейшеке // Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. С. 120—134.

христианство несторианского толка, буддизм, маздеизм, манихейство, ислам. Ныне известные эпиграфические памятники и, в меньшей степени, археологические материалы Прииссыккуля подтверждают функционирование здесь только христианства, буддизма и ислама.

Христианство. В середине 80-х годов XIX в. научный мир С.-Петербурга, Москвы и других европейских столиц был взбудоражен далеко не ординарным событием: в Пишпекском уезде Семиреченской области землемер Т. Андреев, отводивший земельные угодья для крестьян с. Лебединовки, обнаружил на камнях (кайраках) изображения странных крестов, окруженных непонятными письменами. Вскоре такие же памятники на городище Бурана (близ Токмака) обнаружил врач Ф. В. Поярков. Крупнейшие специалисты (некоторые из них с мировой известностью) буквально набросились на первые фотографии и эстампажи, поступавшие из Пишпека и Токмака. Материалы поражали своим обилием. Только близ Пишпека чиновник для особых поручений при семиреченском губернаторе Н. Н. Пантусов насчитал 611 камней с надписями. Ученые вскоре выяснили, что на семиреченских камнях были выбиты эпитафии (надгробные надписи) христиан несторианского толка. Позже такие же эпитафии были найдены в Ташкенте, Илийской долине и близ Кульджи¹.

Следов пребывания христиан в Прииссыккуле сравнительно немного. Еще в 1907 г. у р. Жууку (Зауке) было найдено два кайрака с несторианскими письменами². В 1963 г. житель Джеты-Огузского района Бапаев у с. Саруу нашел

¹ Историю и подробную библиографию изучения эпиграфических памятников семиреченских несториан см.: *Джумагулов Ч.* Язык сиротюркских (несторианских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971. С. 3–22.

² *Пантусов Н. Н.* Христианское кладбище у ущелья Зауке // ПЗСТКЛА, 1908. С. 14–15.

еще одну эпитафию¹. На стеле высокогорной пещеры Ак-Чункур (бассейн р. Сары-Джаз) военный топограф и альпинист В. И. Рацек обнаружил и скопировал изображение несторианского креста. Он был нарисован черной краской, рядом — непонятные письмена².

Некоторые археологические свидетельства о христианстве на Иссык-Куле требуют дополнительного изучения и тщательной проверки полевыми исследованиями. Еще в прошлом веке в Ташкентском историческом музее В. В. Бартольд видел покрытую синей глазурью керамическую вазу, которую доставили туда с Иссык-Куля. На ней были изображены двенадцать человеческих фигур нетюркского облика. Количество фигур необычного для Семиречья облика вызвало предположение, что на вазе были изображены 12 апостолов — сподвижников Иисуса Христа. В. В. Бартольд усомнился в такой трактовке, так как заметил среди изображений женскую фигурку с ребенком³. Иссыккульская ваза, на наш взгляд, требует дополнительного изучения в связи с тем, что христианская символика несториан Семиречья (кроме характерных крестов и сцены жертвоприношения огню с двумя человеческими фигурами) практически неизвестна.

Среди материалов краеведа Н. Д. Черкасова хранилась фотография валуна с изображением типичного несторианского креста. По словам Н. Д. Черкасова, снимок был сделан на Иссык-Куле в окрестностях с. Тору-Айгыр. Наши попытки найти этот валун пока не увенчались успехом.

Кто такие христиане-несториане и как они попали на Иссык-Куль? Несторианство как религиозное течение

¹ Чтение и перевод эпитафии см.: *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 40–43.

² *Окладников А. П., Рацек В. И.* Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня // ИВРО. Т. 6. Вып. 5. М., 1954. С. 167.

³ *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию... С. 75–76.

возникло в Византии в первой половине V в. Основателем его был константинопольский патриарх Несторий (умер около 451 г.). В противовес мистицизму ортодоксальной церкви, утверждавшей, что Иисус есть сын божий и богочеловек, несториане проповедовали, что Иисус — человек и сын человеческий, который по наитию святого духа стал мессией (Христом). Были и другие разногласия, которые не выходили за рамки схоластических споров, пока не обозначились социальные корни и политическая направленность несторианства. Патриарха Нестория решительно поддержали горожане, особенно ремесленники и купцы, среди которых еще держались традиции античного рационализма. Особо сильны были несториане в византийской провинции Сирии. Горожане-несториане выступали за сильную власть императора, которая способствовала развитию ремесла и торговых связей, а следовательно, и процветанию городов. Ортодоксальная церковь, наоборот, делала все возможное для ограничения власти императора и даже пыталась сконцентрировать светскую и духовную власть в руках папы римского. Противоречие стало непримиримым. На Эфесском церковном соборе в 431 г. победили сторонники папы во главе с фанатичным епископом Кириллом Александрийским, опиравшимся на земледельцев глубинных районов Египта, Палестины и Малой Азии. Учение Нестория было объявлено ересью, сам патриарх отправлен в ссылку, а его сторонники подверглись гонениям. Сначала они бежали в Иран и Среднюю Азию. К VIII в., как свидетельствуют археологические данные, они добрались до Таласской и Чуйской долин. На городище Ак-Бешим (средневековый город Суяб) были раскопаны христианская церковь и кладбище христиан вокруг нее. В г. Невакете (Краснореченское городище) тоже проживала христианская община, о чем свидетельствуют находки надгробных кайраков с эпитафиями и погребений, где на скелетах лежали бронзовые и нефритовые типично несторианские

кресты¹. Есть сведения, что тюркское племя, называвшееся джикиль (или часть его), которое, как нам известно, проживало в окрестностях озера Иссык-Куль, в частности, близ города Яра, уже в VIII в. приняло христианство².

В конце XII в. Кашгар и Семиречье, а значит и территория Прииссыккулья, входили в одну несторианскую митрополию. Наибольшего влияния на территории Киргизии христианство достигло во времена правления первых ханов-чингизидов. Хань Гуюк, Менгу и Хулагу покровительствовали несторианам. Если верить землепроходцу Марко Поло, то хан Джагатай сам принял христианство. Правда, как определил В. В. Бартольд, подобные сообщения мало чего стоят, так как европейские миссионеры, стремясь выдать желаемое за действительное, «часто называли христианами тех ханов, которые только покровительствовали христианам»³.

На Иссык-Куле, согласно Каталанской карте 1375 г., проживали христиане не только несторианского толка, но и последователи одной из ересей, распространенных среди армян (павликане, тондракийцы?). На этой карте, на северном берегу озера было изображено здание, увенчанное крестом, с пояснительной надписью: «Место, называемое Иссык-Куль. В этом месте — монастырь братьев армянских, в котором, говорят, пребывает тело Св. Матфея, Апостола и Евангелиста»⁴. Сведения Каталанской карты

¹ *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. М. 1956. С. 231; История Киргизской ССР. Т. 1. С. 373.

² *Григорьев В. В.* Об арабском путешественнике X века Абу-Долефе // ЖМНП, Ч. № XIII. 1872. № 9. Отд. И. С. 27–28.

³ *Бартольд В. В.* Мусульманские известия о чингизидах-христианах // Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 263.

⁴ *Слуцкий С. С.* К семиреченским несторианским надписям // Древности восточные. Т. 1. Вып. 2. М. 1891. С. 179.

косвенно подтверждаются текстом одной из эпитафий, найденной близ Пишпека Н. Н. Пантусовым при раскопках христианского кладбища. Надпись оказалась сиро-армянской. Она гласила, что здесь в 1323 г. был похоронен армянский епископ Иоан. Специальную статью этой надписи посвятил академик Н. Я. Марр. Он сделал вывод, что этот памятник указывает «на более или менее значительную колонию армянскую, а не на единичную личность, заброшенную судьбой в такую даль от Родины»¹.

Немногочисленные иссык-кульские памятники христиан относятся ко времени монгольского господства, то есть к XIII–XIV вв.

Буддизм. В 1956 г. мировая общественность отметила 2500-летие со дня смерти (погружения в нирвану) Будды Гаутамы, или принца Шакьямуни, — основателя одной из трех самых распространенных в наши дни религий — буддизма. На рубеже нашей эры буддизм проникает в южные районы Средней Азии и в Китай. В VIII в. в городах Чуйской долины жили многочисленные общины буддистов, о чем свидетельствуют раскопки храмов, монастырей, находки бронзовых позолоченных изображений божеств буддийского пантеона, барельефы с буддийскими сценами на камне, буддийская символика в орнаментации керамики. Эти материалы свидетельствуют, что буддизм проник в чуйские города из Средней Азии, скорее всего, из Тохаристана². Носителями этой религии были переселенцы, не желавшие попрасть веру отцов и в угоду завоевателям-арабам обратиться в правоверных мусульман.

Ничего подобного в местах затонувших городов на Иссык-Куле пока не найдено. Буддийские памятники в окрестностях озера представлены пока только тибетскими

¹ Марр Н. Надгробный камень из Семиречья с армянской надписью 1323 г. // ЗВОРАО. Т. VIII. СПб., 1893–1894. С. 347.

² История Киргизской ССР. Т. 1. С. 350–352, 372.

текстами, содержащими известную религиозную формулу: «Ом мани падме хум» («Ом! Драгоценность на лотосе. Хум!»). Наиболее известными являются четыре выразительных текста в ущелье Тамга, высеченных в строгом монументальном стиле, когда вокруг букв вырублена поверхность камня, что делает их рельефно-объемными.

Местное население сложило легенду о ближайшем к озеру камне, именуемом Тамга-Таш («Камень с клеймом»), который, как определили исследователи, раскололся на две части еще до нанесения надписи. Согласно легенде, текст надписи на нем содержит реестр богатых трофеев, добытых любви мым героем киргизских эпических сказаний Манасом в одном из удачных походов. К тому же, камень является зримым свидетельством богатырской силы героя, который ударом сабли якобы развалил монолит надвое. Тамга-Таш был настолько популярным, что его имя закрепилось за рекой, на берегу которой он лежит, ущельем, по которому бежит река, и за всей местностью, прилегающей к ним. Имя «Тамга» носит известный киргизский курорт.

Тамгинские надписи, как полагают ученые, были нанесены самими тибетцами во время их господства в Восточном Туркестане, то есть в промежутке между серединой VII — серединой IX в.¹

Надписи молитвенной формулы «Ом мани падме хум» найдены в ущелье р. Жууку, в урочище Ак-Терек (близ местечка Дума́на), у с. Ой-Тал Тюпского района, в урочище Ак-Улен, где еще в 1937 г. Б. М. Зима собрал 17 камней с тибетскими письменами, близ с. Чон-Сары-Ой². Эти надписи гораздо меньших размеров, выполнены небрежно, неумелой рукой и датируются XVII — первой половиной XVIII в. Они не имеют отношения к средневековым

¹ *Зелинский А. Н., Кузнецов Б. И.* Тибетские надписи Иссык-Куля // СНВ. Вып. 8. М., 1969. С. 185.

² *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2... С. 47–57.

городам Иссык-Куля, которые к этому времени давно поглотили волны озера.

Ислам. Надежным индикатором ислама в свете археологических данных являются культовые сооружения, погребения и надгробные эпитафии. При раскопках койсаринских развалин был обнаружен фундамент мавзолея (гумбеза) с погребениями без инвентаря. Подобные мавзолеи были широко распространены в мусульманском мире. Обычно они воздвигались на могилах знати, купечества или видных религиозных деятелей. Мавзолеи представляют собой монументальные архитектурные сооружения, которые вписывались в городские ансамбли, определяя лицо средневекового мусульманского города. Четыре таких мавзолея открыты на городище Бурана. Три мавзолея в г. Узгене вместе с минаретом (XII в.) и сейчас, особенно после реставрации, радуют своим совершенством и красотой¹. Только изредка мавзолеи строили вне городских стен. Таковым, например, является памятник XIV в. известный как «гумбез Манаса»².

Под водой в месте расположения средневековых поселений у сел Дархан, Долинка, Тору-Айгыр были найдены скелеты людей, лежащие ровными рядами на расстоянии 1,5–3 м друг от друга. Скелеты в основном покоились на спине в вытянутом положении, головой на север. Руки вытянуты вдоль туловища или согнуты в локтях, а кисти сложены на груди. Есть все основания полагать, что эти скелеты указывают на места, где были расположены средневековые некрополи (кладбища) затонувших городов. Такие некрополи не раз встречались при раскопках городищ

¹ Горячева В. Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии. Фрунзе, 1983. С. 35–47; Иманкулов Дж. О реставрации древних средневековых сооружений // ПК. № 7. Фрунзе, 1983. С. 27–30.

² Помаскин Б. В. Гумбез Манаса. Фрунзе, 1972.

в Киргизии, в том числе и на Иссык-Куле¹. Здесь при раскопках городища Хан-Дюбе (исторический город Тон) к северу от второго кольца мощных крепостных стен был обнаружен обширный городской некрополь, где было вскрыто два типа погребальных сооружений: 1 — наземные склепы из сырцового кирпича (кладка без раствора), которые имели плоское или двускатное перекрытие; 2 — могильные ямы со стенками, обмазанными глиной, с деревянным перекрытием. Захоронения были расположены рядами, скелеты лежали в вытянутом положении, на спине, головой на север². Связь между некрополями, находящимися под водой, и некрополем городища Хан-Дюбе очевидна. Естественно, что под водой мы никогда не найдем склепов из сырцового кирпича, да еще и сложенных без скрепляющего раствора. Их давно размывли волны озера.

Погребения такого типа датируются XXII вв. и вполне обоснованно считаются мусульманскими.

Самым убедительным доказательством исповедания ислама населением средневекового Прииссыккуля являются многочисленные надмогильные эпитафии. Вот содержание одной из них: «Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемилостивого, всемилосердного. Засвидетельствовал бог, что нет бога, кроме него; и ангелы и люди знающие, соблюдая справедливость [исповедуют]: нет бога, кроме него, всемогущего, мудрого; поистине [настоящая] вера перед богом — ислам. Да благословит бог Мухаммеда, пророка...» Снимок с этой надписи, найденной на Иссык-Куле, в 1913 г. прислал священник Д. П. Рождественский.

¹ Труды Семиреченской археологической экспедиции. Чуйская долина. С. 34–35; *Кожемяко П. Н.* Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище // Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967. С. 82.

² *Ходжайов Т. К.* Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке. С. 120–121.

Прочитал и перевел ее В. В. Бартольд. Он же определил, что содержание надписи передает один из стихов Корана¹.

Исламизация населения Прииссыккуля, как и всей Северной Киргизии, была осуществлена во время господства Караханидов, т. е. в X—XII вв. Однако наряду с исламом часть горожан продолжала исповедовать христианство. Позиции ислама как государственной религии при господстве кара-китаев и первых ханов-чингизидов были даже потеснены христианством и буддизмом. Такое положение продолжалось до конца XIV в., когда монгольские ханы приняли ислам и с фанатизмом неопитов стали силой насаждать учение Мухаммеда среди последователей Шакьямуни и Иисуса Христа.

Письменность

Вопрос о времени появления собственной письменности на территории Киргизии остается открытым. Самые древние письмена в Семиречье найдены на чаше в кургане Иссык (IV — начало III в. до н. э.). Надпись из Иссыка дала основание для двух гипотез: 1) еще у саков и усуней существовала собственная письменность; 2) иссыкское письмо является еще неизвестным и недешифрованным древнебактрийским. Как бы там ни было, до полной расшифровки всякое заключение о языке иссыкской надписи и ее национальной принадлежности будет преждевременным². Сейчас с полной уверенностью можно утверждать, что коренное население Киргизии овладело письменностью только в раннем средневековье.

¹ Бартольд В. В. Надпись с кладбища у озера Иссык-Куль // Соч. Т. IV. М., 1966. С. 339—340.

² Мокрынин В. П. По следам прошлого. Фрунзе, 1986. С. 54—56.

Алфавит и караваны. На территории Киргизии найдено большое количество средневековых памятников эпиграфики и нумизматики, по которым можно изучать еще не написанную историю письменности Киргизии. Здесь найдены тексты, нанесенные латынью, китайскими иероглифами, согдийскими письменами, санскритскими и тибетскими знаками, древнетюркским (руническими) и уйгурскими графемами, сирийским и арабским алфавитами. Значит ли это, что средневековое население Киргизии изучило все девять зафиксированных археологами систем письма и пользовалось ими в повседневной жизни? Конечно, нет! В большинстве случаев это многообразие алфавитов и языков связано с торговыми караванами на Шелковом пути. Они хорошо документируют национальность купцов, проходивших по трассе со своими караванами, но лишь немногие системы письма оставили глубокий след в жизни местного населения. Значение различных алфавитов для развития культуры средневековой Киргизии не было однозначным. Некоторые системы письма, например, латынь и китайские иероглифы, были известны средневековому населению Киргизии исключительно по легендам на монетах или по надписям на привозных вещах. Они совсем не оказали влияния на культурную жизнь региона.

Другие системы письменности — тибетская, санскрит — были связаны только с религией. Сведений об использовании этих алфавитов в мирской жизни нет.

Заметную роль сыграл сирийский (несторианский) алфавит, который, несмотря на ряд трудностей, пытались употребить для передачи тюркской звуковой речи. Изучению сложных процессов сиро-тюркских языковых связей посвятил ряд своих исследований видный киргизский ориенталист Четин Джумагулов.

Важную роль в культурной жизни средневекового Киргизстана сыграли согдийский и арабский алфавиты. Мало того, что согдийский алфавит в чистом виде использовался

древнетюркскими каганами для точной фиксации важнейших государственных актов, модифицированное согдийское письмо стало основой для возникновения двух самостоятельных древнетюркских алфавитов — рунического и уйгурского. Об исключительном культурном значении арабского алфавита свидетельствует тот факт, что начиная с X в. он стал не только алфавитом исламского культа, но и алфавитом литературы, искусства, науки.

На территории Приисыккуля известны средневековые памятники эпиграфики, нанесенные древнетюркским, сирийским, тибетским и арабским алфавитами.

Древнетюркское руническое письмо. Древние тюрки, образовав в середине VI в. обширное государство, остро нуждались в собственной системе письма. На первых порах для регулирования внешних и внутренних государственных функций использовалась согдийская письменность. Согдийское курсивное письмо мало подходило для передачи тюркской речи, поэтому на его основе была создана древнетюркская (руническая) письменность. Это произошло не раньше VII в., так как самый старый, хорошо датированный текст, выполненный руническими графемами, относится только ко второй половине VII в.

На территории Киргизии найдено немало древнетюркских текстов, главным образом в Таласской долине. На Иссык-Куле найдена лишь одна такая надпись, и та стала недоступной для изучения, так как вскоре после открытия пропала. При обследовании городища Койсары П. П. Иванову посчастливилось найти билингву — надпись на камне, выполненную древнетюркскими руническими и арабскими буквами. Она привлекла внимание В. В. Бартольда, С. Е. Малова, М. Е. Массона, А. Н. Бернштама, т. е. всех крупнейших специалистов по эпиграфике того времени. Они хотели обратиться к оригиналу, но, к сожалению, надпись исчезла. В 60-х годах следы ее пытался отыскать Д. Ф. Винник. Ему удалось встретить местного жителя

А. Е. Балыбина, который в свое время помогал П. П. Иванову исследовать урочище. Тот рассказал, что еще в 1929 г. на курорте Койсары появились двое неизвестных, которые представились научными сотрудниками из Ташкента, наняли подводу и увезли камень с письменами. А куда? Этого выяснить не удалось. Едва ли камень вывезли за пределы Иссык-Кульской котловины, так как в музее Средней Азии он не поступал. Возможно, билингва лежит где-нибудь во дворе, скорее всего, в Пржевальске. Она не может привлечь внимание хозяина двора: обыкновенный камень, да еще и расколот на две части. Письмена едва просматриваются из-за известкового слоя, который нанесла на камень вода озера. Авторы просят пржевальцев, живущих в старом городе, внимательно осмотреть свои приусадебные участки. Возможно, им удастся вернуть науке утраченную ценность. А научное значение койсаринского камня очень велико. К сожалению, по несовершенной копии, сделанной П. П. Ивановым, текст прочитать невозможно, другой же надписи, выполненной руническими письменами, в Прииссыккулье пока отыскать не удалось.

Проблема происхождения древнетюркской письменности еще не выяснена. Из нескольких гипотез наиболее привлекательной является та, которая предполагает, что прототипом для большинства рунических знаков послужило согдийское курсивное письмо, и только меньшая их часть была изобретена¹.

Древнетюркский рунический алфавит состоял из 37 (или 38) знаков. Они имели геометризированные очертания, что было удобным при начертании текста на дереве, камне, металле. Главным достоинством рунических букв

¹ *Лившиц В. А.* О происхождении древнетюркской рунической письменности // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С. 3–13.

была точная передача фонетических особенностей тюркской звуковой речи.

Сирийское письмо. После раскола христианской церкви сирийский язык и письмо разделились на две ветви: серто (западную) и несторианскую (восточную). Все христианские эпитафии, найденные в Киргизии, были сделаны несторианским письмом. Алфавит письма имел всего 22 буквы и поэтому был неудобен для передачи тюркской речи, где звуков было в полтора раза больше. Чтобы передать в сирийском письме тот или иной характерный только для тюрков звук, приходилось применять невообразимые буквосочетания, что в конечном итоге выразилось в большом разрыве между графическим обозначением звуков и действительным их произношением. Слова писались справа налево или сверху вниз. Гласные в середине слов, как правило, опускались, пунктуация применялась крайне редко.

Сирийский алфавит стал применяться в Семиречье после проникновения сюда христианства, т. е. примерно в VI–VIII вв. Хотя самый ранний с твердо фиксированной датой памятник несторианского письма в Киргизии относится к концу VIII в. Он был найден на Краснореченском городище (Чуйская долина) К. М. Байпаковым. На небольшом черного цвета кайраке едва разборчиво сообщалось, как прочитали В. Н. Настич и А. В. Пайкова, что в 1100 г. эры «хана Александра» почил некая девица йаланч. Указанный год в Переводе на наше летосчисление — это 789 г.¹ Памятники сирийского письма, найденные на берегах озера Иссык-Куль, относятся к XIV в.²

Почему же тюркское население Киргизии, имея свой (рунический) алфавит, идеально приспособленный для передачи особенностей тюркской речи, вдруг стало применять

¹ История Киргизской ССР. Т. 1. С. 369.

² Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2. Фрунзе, 1982. С. 38–45.

чужой, да еще и крайне неудобный сирийский алфавит? На этот вопрос ответила Н. В. Пигулевская — крупнейший знаток древней сирийской культуры: «Это обращение к чужой форме могло быть следствием обращения к несторианству какого-нибудь социального слоя или целого племени, как это было, например, с кераитами»¹. Иными словами, для тюрков, принявших христианство, сирийский алфавит служил только церковным письмом и сугубо для религиозных целей. В повседневной бытовой или литературной жизни он едва ли применялся. Так в наши дни, например, применяется давно ушедший из жизни церковнославянский алфавит.

Арабское письмо. Памятники эпиграфики Прииссыккуля, выполненные арабскими графемами, в количественном отношении существенно превышают число памятников с текстами любой другой системы письменности. Только на кладбище у р. Чон-Аксу Н. Н. Пантусов насчитал 83 кайрака с арабскими текстами, близ Тона их было 19, немало их лежало севернее Чолпон-Аты, между Сазановкой и Корумду, близ р. Жууку и в других местах². Арабскими письменами были выбиты легенды на караханидских дирхемах Барсханского монетного двора. Ими же выполнена «еретическая» надпись, восхваляющая земную жизнь, на бронзовом сосуде. Арабские тексты богаты не только числом, но и жанром. Они представлены не только эпитафиями или религиозными заклинаниями. Среди них часты наиболее популярные тексты из Корана, встречаются стихи мирских поэтов. Количество и относительное разнообразие памятников арабского письма позволяют высказать некоторые суждения о грамотности иссыккульцев XII—XIV вв. Надписи выполнены разнообразными

¹ Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана // СВ. Т. 1. М.; Л., 1940. С. 233.

² Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2... С. 59—71.

почерками: насх, сульс, цветущий куфи. Большинство из них выбито небрежно и неумело. Наряду с ними встречаются надписи, мастерски вырезанные талантливой рукой опытного каллиграфа.

Многолетние исследования средневековых надгробных эпитафий, выполненных арабскими письменами, позволили одному из самых опытных современных эпиграфистов В. Н. Настичу сделать следующие выводы относительно общего уровня развития языка и письменности среди населения Киргизии. Только очень небольшое число текстов, составленных на арабском языке, можно назвать безупречными в отношении языковой грамотности. В подавляющем большинстве эпитафий наблюдаются несогласованность в роде и падеже, неправильное употребление артикля, орфографические ошибки, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть погрешностей и ошибок ученый объясняет общей невысокой грамотностью авторов текстов и сильным влиянием местных языковых норм, в частности, персидской, таджикской, а также тюркской. А если добавить, что лексика и фразеология арабских текстов сильно формализована и насыщена застывшими оборотами, далекими от живых разговорных и письменных норм, то ста новится понятным, что арабский язык никогда не был в живом употреблении среди населения средневековой Киргизии. Он оставался языком мусульманской религиозной обрядности (в данном случае погребальной), проводником идеологии ислама. Реальную языковую ситуацию в средневековой Киргизии, если судить по арабским текстам, отражали вставленные в них отдельные слова, фразы и даже целые надписи на кайраках, выполненные по-персидски или под заметным влиянием этого языка. Присутствуют здесь и тюркизмы. Так, В. Р. Розен, изучавший арабские тексты с южного берега Иссык-Куля, отметил в них наличие слов тюркского

корня¹. Эти факты свидетельствуют в пользу того, что горожане Киргизии XII—XIV вв., как и прежде, говорили на тюркском и согдийском языках.

Если арабский язык и не был принят средневековым населением Киргизии как язык живого общения в повседневной жизни, то судьба арабской письменности была совсем иной. Уже во времена караханидских ханов арабская графика была применена для передачи тюркской речи. Арабскими графемами, например, писал свою тюркскую поэму знаменитый Юсуф Баласагунский. В течение XII—XIV вв. арабское письмо выдерживает конкуренцию с уйгурским, древнетюркским руническим, согдийским и несторианским алфавитами, которые, оставив заметный след в культурной жизни Киргизии, уступили ему свое место. Арабскими письменами писали дипломатические послания, деловые документы и даже стихи некоторые киргизские поэты XIX — начала XX в.; они же использовались для эпитафий на могилах знатных и богатых киргизов². Первая газета на киргизском языке «Эркин Тоо» тоже была набрана арабским шрифтом.

Тибетская письменность. Она возникла в VII в. и связана с проникновением в Тибет буддизма. Основой для нее послужил санскритский алфавит. Тибетскими письменами едва ли пользовалось население средневековых городов Прииссыккуля. Большинство памятников тибетской

¹ *Настич В. Н.* Арабские и персидские надписи на кайраках с городища Бурана // Киргизия при Караханидах. Фрунзе, 1983. С. 234; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Вып. 2... С. 60.

² *Юнусалиев В. М.* Отражение диалектных особенностей в санатах Молдо Нияза // Тюркологические исследования. Фрунзе, 1970; *Плоских В. М.* Первые киргизско-русские посольские связи. Фрунзе, 1970; *Плоских В. М., Кудайбергенев С.* Ранние киргизские письменные документы // Изв. АН Кирг ССР. 1968. № 4; *Плоских В. М., Назаралиев Т.* Оригинальные источники по истории Киргизстана // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

эпиграфики было оставлено скотоводами-калмаками в XVII—XVIII вв., когда средневековые города уже лежали в развалинах или были затоплены водами Иссык-Куля.

Календарь

Находка и прочтение средневековых эпитафий в Прииссыккулье позволяют определить календарные системы, которыми пользовалось население того времени. Наиболее древней из них является селевкидская эра, которая вела отсчет от 1 октября 312 г. до н. э. Этот календарь был учрежден полководцем Александра Македонского Селевком I Никатором, но семиреченскими христианами он упорно назывался летосчислением «хана Александра». Имя Селевка не упомянуто ни на одном памятнике. Для примера приведем начало несторианской эпитафии, найденной у с. Сару Джеты-Огузского района: «По счету лет от хана Александра в году 1674, 14 декабря...»¹. Эта дата соответствует 1336 г. ныне принятого календаря.

Характерно, что в тексте этой же эпитафии иные события датируются еще и «годом мыши» и «годом свиньи». Это свидетельствует в пользу того, что тюркское население Прииссыккулья, исповедуя христианство и восприняв селевкидский календарь, не отказалось от своего старого календаря, основанного на двенадцатилетнем животном цикле, когда годы вместо порядковых цифр именовались годом того или иного животного. Таких животных было двенадцать, располагались они в строго определенном порядке.

Наконец, в X в. с утверждением ислама был введен и мусульманский календарь, годами которого были датированы эпитафии, выполненные арабским письмом, найденные близ современного с. Темировка, близ городища

¹ Джумагулов Ч. Эпиграфика Киргизии. Вып. 2... С. 42.

Хан-Дюбе (к югу от современного с. Торт-куль) и в других местах. Отсчет лет по мусульманскому календарю начинается со времени переселения (хиджры) пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину, которое произошло в 622 г. Исходной датой хиджры считается пятница 1-го мухаррама (16 июля) 622 г. В основе мусульманского календаря лежал лунный месяц. Лунный год на 10% суток меньше, чем солнечный, что приводило к постоянному смещению начала года. Оно приходилось то на лето, то на зиму. Это создавало неудобства в ведении сезонных сельскохозяйственных работ. Поэтому параллельно с хиджрой турки Семиречья продолжали использовать Двенадцатилетний животный цикл или даже заменяли лунную «эру пророка» солнечным календарем, ведя отчет от 622 г. Такое летосчисление официально называли «эрой Джалали», а в народе — «календарем Омара Хайяма»¹.

Благоустройство

Крепостные стены любой протяженности и высоты все равно ограждают ограниченную городскую площадь. Рано или поздно она становится дефицитом. Поэтому главным бичом средневекового города была теснота. Отсюда скученная застройка, часто в два этажа, узкие улочки, переулки, проблемы санитарного состояния. Среднеазиатские города отличались высоким уровнем благоустройства для своего времени. Оно гарантировалось общим экономическим состоянием, культурным уровнем и, что немаловажно, сухим климатом. В нашем распоряжении имеются лишь очень ограниченные археологические материалы, позволяющие судить о благоустройстве иссыккульских средневековых городов.

¹ *Настич В. П.* К истории календаря в средневековом Семиречье // МАЦКЦА. Информационный бюллетень. Спец. вып. М., 1987. С. 116—117.

Исследователи подводных развалин «дворца Тимура» близ с. Курское отметили здесь мостовую, выложенную из речной окатанной гальки. Здесь же значительные площади были вымощены крупными керамическими плитами. Этот факт свидетельствует о том, что средневековые поселения Прииссыккуля не отставали в своем культурном развитии от крупных городских центров Средней Азии. Ученые установили, что мостовые, например, были в Самарканде, Термезе, Бухаре, Хульбуке¹. При раскопках усадьбы XI в. на городище Бурана (Чуйская долина) были обнаружены каменные вымостки пешеходных дорожек шириной от 1 до 2 м. Бордюры буранинских тротуаров были четко обозначены крупными камнями. На вымостку площади пешеходных дорожек шла плоская галька². Мостовые и тротуары являлись крупным культурным достижением средневековых городов.

Все познается в сравнении. Достойная оценка значимости среднеазиатских мостовых X—XIV вв. может быть более зримой в сопоставлении, например, с состоянием городских улиц крупнейших городов Западной Европы. Осенью, зимой и весной, то есть в период наибольшей интенсивности осадков, узенькие улицы большинства западноевропейских городов превращались в грязевое месиво, в котором горожане часто теряли деревянные башмаки. Многие бюргеры освоили передвижение на ходулях. Богачи и знать ездили верхом. Но и это не всегда спасало. Император Фридрих III (XV в.), например, чуть не утонул вместе с конем в грязи на одной из улиц города Рейтлингена и принял «грязевые ванны», когда его конь по брюхо провалился в яму с зловонной жижей на центральной улице Тутлинга. Мостовые в Европе появились позже, чем в Средней Азии: в Праге —

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии... С. 306.

² Горячева В. Д. Средневековые городские центры... С. 50.

в 1331 г., в Нюрнберге — в 1368, во Франкфурте-на-Майне — в 1399 г. Горожане Киева, Чернигова, Новгорода и других русских городов, где всегда не хватало камня, делали тротуары и мостовые из дерева. В Новгороде существовал даже специальный Устав (свод правил), регламентирующий вымостку улиц¹.

Средневековые исыккульцы заботились о санитарном состоянии своих городов, что выражается в дорогостоящей прокладке трасс водопроводов и канализационных систем. Почти все исследователи, которые писали о подводных развалинах на озере, отмечали находки водопроводных труб. Они очень похожи на глиняные цилиндры длиной до 50 см. Но это не совсем цилиндры, так как диаметры торцов таких труб разные: один из них шире другого. При прокладке водопроводной трассы более узкая часть одной трубы вставлялась в более широкую другой. Зазора обычно не было, но во избежание возможной утечки воды стыки замазывались глиной. Если находки отдельных труб и их фрагментов на исык-кульских средневековых поселениях далеко не редкость, то водопроводная система, составленная из керамических труб, найдена лишь одна. При раскопках городища в урочище Койсары Д. Ф. Винник на глубине 1,5 м расчистил часть водопровода, идущего по линии восток — запад. Протяженность вскрытого участка 10 м. Трубы не были стандартны: длина их варьировала от 35 до 40 см, но диаметр торцов всех труб был одинаков: верхней части 14 см, нижней — 10,5 см. Исследователь расчистил всего 30 звеньев. Быстро прибывающие грунтовые воды вынудили прекратить работы².

¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 532; Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1. М., 1969. С. 190.

² Винник Д. Ф. К историко-топографическому изучению урочища Кой-Сары... С. 33.

Буддийские статуэтки. Бронза. VIII–X вв.

Фигурки. Бронза. VIII–XII вв.

Монеты. Серебро. X–XIV вв.

Удачная находка

Такие водопроводные системы не требовали строительства напорных башен. Средневековые инженеры хорошо использовали рельеф Киргизии с его значительным генеральным понижением. Голову системы, как правило, строили выше города и холодная, чистая горная вода самотеком направлялась в общественные водоемы (хаузы). Индивидуальные водопроводы в Средней Азии того времени не известны¹.

Не менее важным культурным достижением средневековых городов Семиречья следует считать сооружение канализационных систем. Они были двух типов. Простейшая из них была в каждом дворе и представляла собой глубокий поглощающий колодец, в устье которого вставлялся крупный керамический сосуд без дна. Отверстие обычно было прикрыто каменной плиткой или крупным черепком. Такая канализация надежно поглощала грязную воду после мытья посуды. Однако в некоторых случаях эта система была малоэффективна или вообще ненадежна. Тогда сточные воды отводились трубопроводами из керамических труб². На наш взгляд, канализационной системой, отводящей грязную воду от бани, является гидросооружение из сочленения керамических труб, раскопанное на городище Бурана. Оно датируется XI в. Отличительной особенностью системы, делающей ее уникальной, является трехъярусность, когда плети труб в траншее располагались друг над другом в три ряда³.

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии... С. 307.

² Там же.

³ Ведутова Л. М. Буранинский водопровод // Изв. АН Кирг. ССР. Обществ. науки. 1987. № 1. С. 69. Отвод сточных вод из бани, раскопанной на городище Отрар, тоже производился при помощи керамического трубопровода. (Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С. 141).

Обратимся опять к средневековым городам Европы. Ни о канализации, ни о водопроводе (кроме одного-двух монументальных акведуков, «сработанных еще рабами Рима») здесь не могло быть и речи. Все содержимое помойных лоханок, корыт и ведер выплескивалось прямо на улицу. Поток, скапливаясь в ямах и колдобинах, образовывал застоявшиеся смрадные лужи. Единственными санитарями городов были многочисленные собаки и свиньи, которые свободно разгуливали по улицам и пожирали отбросы. Однако те же свиньи не столько очищали, сколько загрязняли город. Раскормленные и отяжелевшие, строптивые, они весь день барахтались в грязи и разрыхляли почву, приводя улицу в невообразимое состояние даже в сухую погоду¹.

Горожане Средней Азии придавали большое значение личной гигиене, что выразилось в строительстве общественных бань. Первые из них появились не ранее VIII в. Много бань первой половины IX в. раскопано на городище Афрасиаб (древний и средневековый Самарканд), известны они по раскопкам в городах Таразе (Джамбул), Ахсикенте (Ферганская долина), Отраре (Южный Казахстан) и в других местах².

На территории Киргизии известны три средневековые бани: одна из них в г. Оше, другая — на городище Бурана, третья — близ с. Тору-Айгыр, что на северном берегу Иссык-Куля. Эта последняя оказалась наилучшей сохранности. Торуайгырская баня является грандиозным архитектурным сооружением XIV в. — площадь ее до 648 кв. м.

¹ Подробнее о санитарном состоянии средневековых городов Европы см.: *Эпштейн А. Д.* Средневековый город / Книга для чтения по истории средних веков. Ч. 1. М., 1969. С. 189–197.

² *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии... С. 307–309; *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 141–143.

В плане она крестообразная, что является продолжением традиции строительства бань более раннего времени. Крестообразные бани начали строить еще в XI–XII вв.¹ Все сооружение было построено из обожженного кирпича и делилось на несколько частей, каждая из которых имела свое назначение. Главная из них — топка с двумя печами, где в кирпичных резервуарах, покрытых изнутри толстой обмазкой алебаstra, грели воду. Долгое время археологам было не совсем понятно, как можно было разогреть воду в толстостенном кирпичном резервуаре, и сколько же топлива и времени на это понадобится? Ситуацию прояснили раскопки бани в Отраре. Оказывается, в дно таких резервуаров вмазывался громадный железный котел, устье которого было на уровне дна кирпичного резервуара, а дно и стенки были опущены в топку². По сути дела, огонь раскалял железный котел, что обеспечивало быстрое повышение температуры воды.

Помещение для топки сообщалось дверными проемами с помещением для мытья и с дугообразным хранилищем для топлива. Помещение для мытья площадью в 100 кв. м имело кирпичный пол, под которым от топок ровными рядами шли жаропроводящие каналы, выложенные из кирпича. По этим каналам проходил горячий воздух и обогревал всю моечную. У северной стены моечной имелись два небольших резервуара, стенки и пол которых были выложены голубыми изразцовыми плитками. По-видимому, сюда наливали холодную воду, где могли освежаться купальщики.

К помещению для мытья примыкали, как мы полагаем, прачечная и комната для отдыха. Прачечная была восьмиугольной в плане. Пол ее был выложен жженым

¹ *Маньковская Л. Ю.* Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начало XX в.). Ташкент, 1980. С. 72–73.

² *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья... С. 142.

кирпичом, поверх которого на алебастровом растворе были уложены глазурованные плиты. В центре прачечной было отверстие для стока грязной воды, которая отводилась при помощи системы керамических труб и желоба. Комната для отдыха (раздевалка?) площадью в 100 кв. м была очень нарядной. Стены и потолок ее были сплошь расписаны красной, черной и желтой красками. Пол выложен голубыми глазурованными плитами¹.

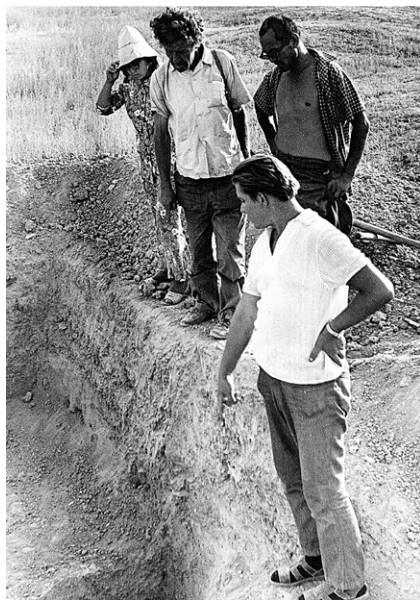
Характер перекрытия удалось установить только для дугообразного помещения, где хранились запасы топлива. Оно было купольным. Скорее всего, и остальные помещения были перекрыты куполами, опорами для которых служили капитальные внешние и внутренние стены. В целом турайгырская баня представляла собой не только необходимое для города коммунальное предприятие, но и парадное архитектурное сооружение, украшавшее город.

В средневековых городах Средней Азии бани стали очень популярны. Они были самыми посещаемыми после мечетей общественными местами. Порядок и чистота в банях строго контролировались городскими чиновниками — мухтасибами. Они следили за регулярной очисткой

¹ Это замечательное архитектурное сооружение ранее было интерпретировано как «ремесленный центр по производству жженого кирпича и глазурованных облицовочных плит» или попросту «кирпичный завод». Такое определение функционального назначения памятника основано не на анализе материалов раскопок, а на курьезе. Дело в том, что русские переселенцы и киргизы, разбирая кирпич средневековой постройки для своих нужд, с юмором вандалов называли памятник «кирпичным заводом». В. В. Бартольд, посетивший Тору-Айгыр в конце XIX в., отметил, что пол на почтовой станции здесь был выложен средневековым кирпичом. Ему стало известно и о «кирпичном заводе»: «Около станции Турайгыр (первой после Кутемалды) приблизительно в версте выше ее, находится так называемый «кирпичный завод»... Почти все кирпичи свезены отсюда на постройки. «Завод» находился около высохшего русла какого-то ручья или арыка». (Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию. С. 67). В. В. Бартольд, если учесть красноречивые кавычки, не считал памятник заводом.

пола и частой сменой воды в бассейнах. Средневековые горожане считали неприличным мыться без специальных набедренных повязок, поэтому мухтасибы строго требовали, чтобы у банщиков всегда было достаточное количество чистых платков (отсюда и прачечное помещение в торуайгырской бане). Особое внимание обращали мухтасибы на характер росписей бань. Неприличные для того времени изображения в столь уважаемом общественном месте категорически запрещались (поэтому торуайгырская баня расписана орнаментальными мотивами).

В городах Средней Азии бань было очень много. В Самарканде и Мерве, например, в IX–XII вв. их насчитывалось до сотни, а в сирийском Алеппо в середине XIII в. было 138 общественных бань. Если учесть, что население Мерва и Самарканда едва ли превышало 100 тысяч человек, то на одну баню приходилось примерно немногим больше 1000 горожан обоих полов и всех возрастов. Бани благодаря массовой посещаемости давали приличный доход. Поэтому среди владельцев этих заведений источники называют даже ханов¹.

На раскопе: В. Мокрынин,
А. Абетеков, Д. Винник,
Н. Галочкина

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. В., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии... С. 309.

Наши сведения о благоустройстве средневековых городов Прииссыккуля пока очень ограничены. Новые данные поступят с новыми масштабными археологическими изысканиями. Однако уже сейчас, как мы убедились, можно сказать, что уровень благоустройства их был не ниже, чем в прославленных городах Средней Азии и гораздо выше, чем в западноевропейских городах того времени. Сравнительно высокий уровень санитарного состояния городов обеспечивал не только опрятность их внешнего облика, но и снижение числа болезней и эпидемий среди горожан. Правда, санитарное состояние не было панацеей от всех эпидемий. Как свидетельствуют надписи на христианских надгробиях, страшная эпидемия чумы буквально косила семи-реченских горожан в XIV в. Эта эпидемия, наряду с другими причинами, сыграла свою роль в запустении, упадке, а затем и гибели семиреченских городов. Но гораздо опаснее любой эпидемии была очередная трансгрессия озера, которая уничтожила средневековые города Прииссыккуля.

РЕКВИЕМ БЫЛОЙ КУЛЬТУРЕ

*Месяца месяцами сменялись до нас,
Мудрецы мудрецами сменялись до нас.
Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.*

Омар Хайям

Вместо заключения

Мы сознательно включили в свое повествование о подводных развалинах на озере Иссык-Куль киргизские легенды. Они различны по сюжету, но единодушны в одном: под водами озера скрыт город или, по меньшей мере, дворец хана. А ведь сравнительно недавно мало кто верил в реальность подводных развалин на дне Иссык-Куля. Киргизские же легенды почему-то не внушали доверия. Все помнят знаменитый литерный поезд, который мчал Остапа Бендера на стройку Турксиба. Правда, не все обратили внимание на то, что бесшабашная интернациональная семья журналистов единодушно поклялась «не писать об Узун-Кулаке, что значит Длинное Ухо... Не писать очерков под названием «Легенда озера Иссык-Куль». Довольно пошлостей в восточном вкусе!» Но легенды существуют, и в них есть зерно истины. В них опоэтизированная память киргизского народа донесла до наших дней отзвук тех далеких времен, когда на побережье озера действительно стояли города

и поселения¹. Сейчас ученым известно свыше десятка подводных развалин, изучение которых имеет громадное научное и народнохозяйственное значение, так как позволит прогнозировать пределы колебания уровня озера.

А как же они оказались на дне озера? Что случилось на берегах древнего Иссык-Куля? И когда случилось? На эти вопросы легенды не могут дать ответа. Едва ли кто в наши дни поверит, что катастрофа наступила из-за преступной халатности рассеянной женщины, забывшей закрыть крышку колодца, хлынувшие воды которого затопили город и образовали водоем площадью свыше 6000 квадратных километров глубиной до 668 м, с общим объемом воды около 1700 кубических километров, средняя глубина которого в три раза превышает среднюю глубину Балтийского моря².

Древние прибрежные города и порты со временем оказываются на дне морей и озер не только на Иссык-Куле.

¹ Первые легенды об Иссык-Куле были опубликованы в дореволюционной литературе (См: *Сорокин Н. В.* В горах и долинах русского Тянь-Шаня // Исторический вестник. Т. XXIV, 1986. С. 382–386; *Ивановский А.* Черепа из озера Иссык-Куля // Тр. Антропол. отд. Т. XII. М., 1890. С. 173–182; Сказание об Иссык-Куле // *Окраина*. 1890. № 177; *Потанин Г. Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие 1884–1886. Т. 2. СПб., 1893. С. 211, 217, 383; *Булгаковский Л.* Иссыккульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии. СПб., 1896. С. 13–17; *Кирснер А. Л.* Семиреченская область // *Тейер И.* Туркестан. 2-е изд. Ташкент, 1903. С. 24–29; *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910. С. 293–300; *Терн В.* Поездка в долину оз. Иссык-Куль // Семипалатинские областные ведомости. 1890. № 31, 33; *Голубев А. Ф.* Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции // Вестник Русск. геогр. о-ва. 1860. Ч. 28. № 4; *Костенко Л. Ф.* Очерки Семиреченского края // Военный сборник. 1872. № 12 и др. (см.: Приложение).

² Новые цифровые параметры озера несколько отличаются от данных академика Л. С. Берга (См.: *Забиров Р. Д., Кортаев В. Я.* Положение морфометрии озера // Озеро Иссык-Куль. Очерки по физической географии. Фрунзе, 1978. С. 12–17.

Много их, как уже упоминалось, в прибрежной полосе Черного и Средиземного морей. Ученые, загипнотизированные потрясающим по своей правдоподобности трагическим рассказом древнегреческого философа Платона о гибели мифической Атлантиды, до сих пор разыскивают следы древнейшей цивилизации на дне Атлантического океана¹. Вполне реальные следы исторического Порт-Ройяла найдены на дне Карибского моря. Древнейшие поселения известны по находкам в Цюрихском озере (Швейцария), озерах Больсе-на (Италия), Вербелинзее и Камберзее (ГДР). Многие из них оказались на дне водоемов в результате крупных геологических катастроф, значительно меняющих очертания побережий.

Могла ли такая катастрофа произойти на Иссык-Куле? Конечно могла, так как озеро расположено в высокосейсмической зоне молодых гор. Так, вслед за верненским землетрясением 8 июня 1887 г. на северном берегу озера в районе Чолпон-Аты «близстоящий берег Иссык-Куля на протяжении сотен сажен опустился ниже своего прежнего уровня и погрузился под воду»². При землетрясении 29 июня 1889 г. в некоторых местах «берег понизился и уменьшился, а уровень воды повысился»³. В результате землетрясения 1910 г. топография местности между селами Ой-Тал и Ананьево совершенно изменилась за счет вновь образовавшихся провалов, обрывов и складок, а в районе с. Григорьевка даже раскололись и обрушились громадные

¹ Литература об Атлантиде насчитывает сейчас свыше 5 тысяч названий. Варианты ее вероятного местонахождения включают обширную территорию — от гор Атласа до острова Гельголанд. (См.: *Жиров Н. Ф.* Атлантида. М., 1964).

² Туркестанские ведомости. 1887. № 31.

³ *Зеланд Н. С.* берегов Иссык-Куля // Туркестанские ведомости. 1891. № 35—36.

скалы¹. Естественно, что ученые не могли не учитывать подобные обстоятельства при изучении вопроса о происхождении затонувших городов. Академик Л. С. Берг писал, что «подводные развалины на Иссык-Куле обязаны своим происхождением опусканию части берега вследствие землетрясений», а не единовременному «грандиозному» провалу, как полагали некоторые авторы².

Однако эта точка зрения тоже оказалась недостаточно обоснованной. Дело в том, что тектонические изменения в результате землетрясений происходят на сравнительно небольших участках берега, тогда как древние затопленные города расположены на всем побережье вокруг озера. Это свидетельствует в пользу того, что подъем воды в озере, равно как и опускание берега, были не местным, а тотальным актом.

А. В. Шнитникову, одному из видных физико-географов страны, удалось доказать, что уровень озера подвержен крупным длительным колебаниям, которые непосредственно связаны с общими многовековыми климатическими изменениями в северном полушарии. Ученый установил несколько фаз максимального подъема (трансгрессии) и максимального падения (регрессии) уровня воды. Период между двумя самыми мощными трансгрессиями, по Шнитникову, равен примерно 1850 лет. Одна из них была где-то на рубеже новой эры, другая — на рубеже XVIII—XIX вв. В последний период уровень воды в Иссык-Куле был на 12–13,5 м

¹ *Иванов П. Л.* Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. С. 98.

² *Берг Л. С.* Озеро Иссык-Куль // *Землеведение*. XI. 1904. С. 48–52. Подробную точку зрения разделяют некоторые современные исследователи (См.: *Попов В. В., Резанов И. А.* О неотектонике Тянь-Шаня в связи с его сейсмичностью // *Вопросы геологии Азии*. Т. 2. М., 1955; *Горчев А. В.* Мезозойско-кайнозойская структура, история тектонического развития и сейсмичность озера Иссык-Куль. М., 1959.

выше современного, и часть своих вод через проток Кутемалды (близ г. Рыбачье) озеро сбрасывало в реку Чу¹.

На основании многочисленных письменных источников, картографических и археологических материалов киргизские ученые С. У. Умурзаков и Д. Ф. Винник определяют четыре фазы высокого и четыре фазы низкого стояния уровня вод озера Иссык-Куль².

Высокий уровень (трансгрессия)	Низкий уровень (регрессия)
1. Рубеж II в. до н. э. — I в. н. э.	1. II—III вв. н. э.
2. Около IV—VI вв. н. э.	2. Первая половина VII в.
3. VII—VIII вв. н. э.	3. XI—XVI вв.
4. Вторая половина XVIII — первая половина XIX в.	4. XVII — первая половина XVIII в.

В другом своем труде С. У. Умурзаков отметил четыре трансгрессивные и только три регрессивные фазы уроненного режима озера за последние 2000 лет³.

Практическое значение наших работ на подводных городищах Иссык-Куля заключается в том, что они позволяют на широком археологическом материале установить длительную «античную» фазу регрессии уровня озера, максимум которой приходится примерно на VIII—I вв. до н. э.

¹ Шнитников А. В. Иссык-Куль: Природа, охрана и перспективы использования озера. Фрунзе, 1979. С. 9–14. Есть основания полагать, что в период трансгрессии р. Чу впадала в озеро. Последнее обстоятельство подтверждается историческими фактами. (См.: Умурзаков С. У. Очерки по истории географических открытий и исследований Киргизии. Фрунзе, 1959).

² Умурзаков С. У., Винник Д. Ф. Исторические и археологические свидетельства колебания уровня озера Иссык-Куль // Проблемы географии Киргизии: Материалы к II съезду Киргизского географического общества. Фрунзе, 1975. С. 209.

³ Умурзаков С. С четырех сторон горизонта... С. 45.

Материалы городища Сарыбулун полностью согласуются с выводами В. М. Букина, основанными на геоморфологических данных. По его мнению, «уровень озера в период VII—I вв. до н. э. находился ниже современного на 6–8 м (возможно, на 12–13 м)»¹.

Далеко не все ясно с временем наступления средневековой трансгрессии. На городище Сарыбулун аналогичное низкое стояние уровня озера определяется для XIII–XV вв., о чем свидетельствуют найденные здесь немногочисленные, но выразительные материалы монголо-тимуридского времени (керамика с голубой глазурью, бронзовый кистень). На затонувшем городище Дархан собраны тоже незначительные материалы VIII в. Наиболее многочисленной на затонувших поселениях является керамика, датированная X–XII вв.

Таким образом, озеро Иссык-Куль несколько раз переживало максимум стояния уровня своих вод, за которым наступал спад (по мнению А. В. Шнитникова, трансгрессивных фаз было восемь, начиная с максимума последнего оледенения). Оно как бы дышит. И период между двумя полными богатырскими вдохами озера определяется приблизительно в 1850 лет!

Нам еще не известны территориальные пределы максимального уровня выдоха тянь-шаньского чудо-великана. Определить его помогут дальнейшие подводные археологические изыскания, которые должны проводиться в тесном содружестве с естественными науками.

Какова же судьба города Чигу в свете изложенных выше фактов? Если бы мы могли войти в машину времени и унести к берегам Иссык-Куля на 2800 лет назад, то увидели бы примерно такую картину.

¹ Букин В. М. Морфология и рельеф дна озера Иссык-Куль: Автореф. дисс. канд. геогр. наук. Фрунзе, 1975. С. 22.

В VIII в. до н. э. ландшафт современного Тюпского залива был совсем иным. Залива не было. Здесь раскинулась широкая долина, по которой плавно несла воды река, которая впадала в озеро несколько западнее городища Сарыбулун. Возможно, что здесь было даже несколько протоков реки, образующих дельту. Дельта была богата рыбой (еще в середине XIX в. казаки, сопровождавшие Чокана Валиханова, в реке Тюп рубили пашками громадных сазанов на уху) и заросла высоким камышом. В увлажненной дельте земледельцы всегда получали хорошие урожаи. Такие благодатные места во все времена привлекали и скотоводов, так как были наиболее удобными для зимовки скота и жизни людей. Здесь на возвышенном месте (теперь отмель залива) на левом берегу реки возникло поселение саков. Возможно, уже тогда оно стало постоянным местом зимовки или ставкой какого-то сакского князя. Здесь же лепили примитивные печи гончары и плавильщики меди, изготавливавшие свою продукцию в соответствии с вкусами и привычками скотоводов. Саки Прииссыккулья, видимо, не раз бывали в поселениях Ферганы и Восточного Туркестана и научились многим полезным вещам у их оседлых обитателей.

Когда во II в. до н. э. усунь, потеснив саков, захватили долины Тянь-Шаня, их верховный правитель по праву победителя занял ставку бывшего хозяина этих земель. Именно сюда, как представляется, прибывали китайские послы, именно здесь горько рыдала юная китайская принцесса, молодость которой была принесена в жертву престарелому владыке усуней в обмен на его мощную конницу.

Где-то на рубеже новой эры (или несколько раньше) началась очередная трансгрессия озера. Воды его поднялись по реке, затопили дельту, а потом и всю долину до высоты нынешнего порога стока — 1620 м. Со временем под водой оказался и город Чигу, что еще раз подтвердило философскую истину: «Имеющее начало имеет и конец».

Фото: В. Мокрынин, В. Плоских, Я. Шер, Н. Каниметов

Усуни вынуждены были перенести свою ставку в другое место. По традиции ставка продолжала именоваться Чигу, а на исторических картах обозначалась то в Чуйской долине, то в Кочкорской котловине, то в горах Центрального Тянь-Шаня¹. Вероятно, в начале новой эры правители усуней уже не имели постоянного места пребывания.

Все сказанное выше позволяет уже сегодня с немалой долей обоснованности высказаться в пользу гипотезы: затонувшее городище Сарыбулун является историческим Чигу.

К VIII в. н. э. воды Иссык-Куля начали отступать. Постепенно вокруг озера возникают богатые средневековые города, торговое значение которых было известно даже в Багдаде — центре арабского халифата. Сведения же о городе Иссык-Куль дошли до Испании, что нашло отражение на Каталанской карте. К концу XIV в. по ряду причин средневековые города пришли в запустение. Очередная трансгрессия поглотила развалины ранее цветущих поселений и безвозвратно уничтожила остатки глино-

¹ Умурзаков С. С. Четырех сторон горизонта... С. 31.

битных дворцов и хижин» храмов и мастерских, мавзолеев и торговых лавок» Только жалкие остатки строений из обожженного кирпича свидетельствуют о суетном величии былых архитектурных ансамблей. От высокоразвитой средневековой оседло-земледельческой культуры до наших дней дошло немного. Да и это немного, уподобясь скупому рыцарю, ревниво хранят воды озера...

Закончить наш рассказ хочется стихами выдающегося средневекового поэта и мыслителя Мирзо Абдулкадыра Бедия:

*Виденьем страшным удручен, руины я узрел колонн,
Дворец гордыней вознесен, но он порос быльем...¹*

Однако археологические работы только начаты. Впереди — новые поиски, новые обоснования, новые находки и ... новые гипотезы.

¹ Бедиль. Избранное. Душанбе, 1984. С. 18.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Киргизские предания об озере Иссык-Куль

* * *

Высоко-высоко в замкнутой цепи гор лежала цветущая долина. Правил ею могущественный царь, деспотичный и жестокий. Под его гнетом стонал народ. Год от года свирепел царь, уничтожая юношей, которых становилось все меньше и меньше. Станный был обычай у царя: он выбирал себе брадобрея только на один раз, после чего его немедленно казнили.

В этом городе жила бедная вдова с юным сыном. Но вот пришла и в ее дом беда: явились царские слуги и потребовали, чтобы юноша поутру явился побрить царя. Сбежались соседи, ужас объял души всех — такой хороший юноша, любимец народа и должен погибнуть во цвете лет. Но ничего не поделаешь, не пойдешь против царского указа, не нарушишь.

Долго думали мать и сын, как помочь беде, но пришло время ложиться спать. Мать уложила сына, пообещав ему что-нибудь придумать к утру. Проснулся сын, умылся и стал собираться в дорогу. Вышла мать проводить его и говорит:

— Вот тебе, сын мой, платок, в нем две лепешки. Когда ты придешь к царю, скажи ему: Государь мой, я знаю, что ты предашь меня казни, как только я тебя побрею, исполни же мою предсмертную просьбу — съешь одну лепешку, испеченную моей матерью, а другую съем я.

Так и сделал юноша, когда пришел во дворец. Царь не смог отказать в просьбе молодому человеку и съел лепешку. Затем юноша приступил к бритью головы царя. И, о ужас! У царя были ... ослиные уши. Справившись со страхом, исполнил сын вдовы свой долг — побрил царя, а затем сказал ему, как научила мать:

Царь, ты не можешь теперь казнить меня, так как мать моя лепешки замесила на своем молоке, и мы с тобой теперь молочные братья.

Рассердился царь, но делать нечего — не может он казнить своего молочного брата. Отпустил юношу, взяв с него клятву, что тот никому не расскажет о его тайне.

Пришел юноша домой, мать и соседи радостно встретили его и давай расспрашивать, по чему же царь казнит своих брадобреев? Молчит юноша, не может выдать тайну царя, так и разошлись все, не выпытав тайны. Но мать упростила сына сказать, в чем же дело? Не смог он ей отказать — ведь это она спасла ему жизнь, и сказал, что у царя ослиные уши, заставив мать поклясться, что она никогда не выдаст его тайны, иначе им обоим грозит немедленная смерть.

Долго мать таила в себе это сообщение. Но женщина есть женщина: тайна казалась ей еще более тяжким бременем оттого, что не могла она ни с кем ею поделиться. И вот однажды утром пошла она за водой к колодцу, наполненному такой прозрачной водой, что отражалось в ней синее небо. И тут ей пришла мысль поделиться с водой своей тайной. Оглянувшись кругом, никого близко не было, она наклонилась к воде и шепнула: «У нашего царя ослиные уши». Загудел колодец, заклокотала в нем вода после такого клятвопреступления. Поднялась из колодца вода, и стремительный поток понесся за женщиной, сметая все вокруг. Утонула, захлебнулась несчастная мать, а вода уже превратилась в реку и устремила на город, затопила его, смыла дворец. Уже погиб весь народ, а вода все прибывала. Уже вся долина ушла под воду, а вода все прибывала. Вот с тех пор и плещет голубыми волнами Иссык-Куль.

* * *

В давние-предавние времена существовал древний город. Над городом на вершине крутой горы стоял замок. Принадлежал он старому и могущественному хану, который

славился не только своим богатством, но еще больше своей жестокостью. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь не сделался жертвой его каприза. Несмотря на старость, хан был сластолюбив, но не знал он ни любви, ни привязанности. Однажды до него дошел слух, что в одной бедной семье кочевников есть девушка сказочной красоты, и он решил овладеть ею. Девушка эта жила в маленьком аиле, приютившемся у подножья гор, на берегу ручья. Не один славный джигит на поединке сложил свою голову за красавицу, но на предложения о женитьбе она всем отвечала, что любит другого.

Кого любила девушка, никто не мог знать. Да и сама она не знала. Помнила только, что в одно раннее утро, когда солнце озарило вершины гор, явился перед нею на белом коне красавец-джигит, схватил ее, и она вместе с ним взвилась высоко-высоко. Помнила она, как с быстротою вихря неслись они вдвоем в недосыгаемой вышине, как он обнимал ее, целовал, а, расставаясь, снял с руки кольцо и, надев ей на палец, сказал: «Я скоро вернусь. Кольцо никогда не снимай, и пока оно у тебя, никакое несчастье тебя не коснется».

И теперь, когда посланники хана явились к ней с богатыми дарами и предложением выйти за него замуж, она с негодованием оттолкнула подарки и воскликнула :

— Я люблю другого, и ничьей женой кроме своего возлюбленного не буду!

Сказав это, девушка тайком ушла в горы в надежде снова встретить дивного всадника, искать у него защиты.

И тут только девушка заметила, что перстень исчез с ее руки, она заплакала и решила возвратиться домой. Не успела она дойти до дому, как ее окружили вооруженные всадники, схватили и быстро скрылись в мрачном ущелье. Когда ее освободили и сняли с глаз повязку, она увидела себя среди сказочного великолепия. Тогда она

поняла, что находится в плену у хана, и решила: лучше умереть, чем стать его женой.

Хан окружил ее неслыханной роскошью, но никакие подарки не могли поколебать девушку.

Наконец хан решил силой взять то, чего так бесплодно добивался подарками. Он снова пришел к ней, обещая за любовь все, даже свободу.

— Я люблю другого, — был прежний ответ.

Хан бросился на девушку, но она быстро оказалась у раскрытого окна, над зияющей бездной.

— Нет, хан, я не буду твоей, — и с громким криком девушка бросилась вниз. В тот же миг дрогнули неприступные стены, рухнули гранитные своды, провалился мрачный замок старого хана и из всех ущелий хлынула вода. Уже скрылись под водой остатки ханского дворца, а вода все прибывала и прибывала до тех пор, пока не затопила большую долину.

* * *

Давно, так давно, что никто из людей не может сосчитать эти ушедшие в вечность годы, там, где шумит теперь Иссык-Куль, было богатое ханство. В плодородных долинах паслись бесчисленные отары овец, табуны быстрых коней...

В то время этой долиной правил хан, прославивший страшным деспотом. Чуть не каждый месяц менял он своих мулл. Только привыкнет мулла к делу, как уже слух в народе идет, что исчез он, и хан повелевает искать нового.

В том городе жил скромный юноша. Однажды хан увидел юношу, тот понравился хану, и он предложил ему занять место муллы. Испугался молодой человек такого предложения, да вспомнил, что у него есть старуха-мать, и согласился.

Тогда хан предупредил его:

— Что бы ты, юноша, не увидел у меня, ты никому не должен говорить. В тот час, когда расскажешь о виденном, умрешь.

Вскоре юноша пошел во дворец к хану. Вошел и обмер: у хана были ослиные уши. Понял он теперь, почему хан носит такую высокую пышную чалму. Но вспомнил и ханские слова и сделал вид, что ничего необычного не заметил.

Вышел однажды мулла из дворца навестить мать. День был теплый, ясный, степь кругом зеленела, деревья шептались, даже горы подняли свои белые шапки — видно и им жарко стало. И люди встречались все веселые. Только молодой мулла был задумчив и грустен. Замучило его желание поделиться тем, что знал он о хане — хане с ослиными ушами.

Зашел мулла к матери, посидел у нее, поговорил о хозяйстве и вышел, чтобы возвратиться во дворец. Только страшно ему было снова идти через город, где встречаются знакомые, — так и хочется поведать кому-нибудь о тайне хана. Вот и задумал он идти через степь. День был солнечный, жаркий. Захотелось пить. Прошел он немного, и видит: в стороне стоит колодец. Подошел мулла к колодцу, опустил кожаный мешок на длинной веревке, зачерпнул воды и стал тащить. Наклонился он над колодцем и увидел в воде свое отражение. Вспомнил в этот момент юноша тайну хана и захотелось ему шепнуть ее хоть своей тени. Оглянулся — видит степь без конца и края, даже криков пастухов не слышно, а над ним чистое, безоблачное небо. Снова глянул он на свое отражение в воде и шепнул:

— А я знаю, что у хана ослиные уши.

Услышала вода шепот муллы, заволновалась и, глухо, сердито шумя, стала прибывать в колодце. Видит мулла, набралось ее уже до краев, но ничего не смог он сделать, чтобы остановить воду. Вот вода потекла уже по степи, залила самого муллу, его мать, дворец хана, у которого были

ослиные уши, но все прибывает, все шумит. И покрыла вода всю долину так, что образовалось целое море. Шумит она и до сих пор, скрывая под собой город и ханство хана с ослиными ушами.

* * *

На том месте, где теперь находится озеро Иссык-Куль, стояли некогда богатые города, окруженные со всех сторон горами. Жители этих городов брали воду из подземных водоемов, ключ от которых хранился у одного отшельника. Когда нужна была вода, у него брали ключ, открывали водоем, набирали воду и снова запирали его, а ключ возвращали отшельнику. Так велось много лет.

Но вот однажды ключ взяла девушка, назначившая своему возлюбленному свидание у водоема. Нечаянно она уронила ключ в воду, испугалась и убежала неизвестно куда. Между тем вода все текла и текла, пока не залила все города.

* * *

У неверного народа был бездетный хан. Он долго молился о даровании ему детей, и молитва была услышана. Ханша во время прогулки встретила осла, который обнаружил к ней расположение; она родила сына Джанибек-хана с ослиными ушами. Джанибек скрывал свои уши и казнил всех цирюльников. Один юноша, бривший хана по жребию, понравился ему, и он оставил его при себе постоянным цирюльником, сделал его визирем, но наказал никому никогда не говорить об ушах. Но однажды на охоте визирь не вытерпел. Когда его сокол опередил ханского, визирь закричал от восторга:

— Мой сокол лучше сокола Джанибек-хана — ослиной головы!

Опомнясь, он бежал в горы. Долго-долго визирь скитался в горах и только по ночам входил в ханский город, где у колодца, негодуя на возобновление казней, молил бога о ниспослании всех бед хану и его развратному народу. Молитвы дошли до неба: из колодца хлынула вода, и в таком изобилии, что залила город и образовалось озеро Иссык-Куль.

* * *

Давно, очень давно, на месте озера расстилалась огромная равнина, на которой кочевали народы со своими многочисленными стадами. В одном месте долины находился колодец: вода вытекала из него с такой силой, что каждый, приходивший за водой, тотчас же спешил завалить отверстие бассейна тяжелым камнем, как только сосуды были наполнены.

В это доброе время жили одна девушка-красавица и молодой джигит, страстно в нее влюбленный. Пора, кажется, было подумать и о свадьбе, но родители почему-то об этом и слышать не хотели. Мало того, они запретили молодым людям даже видеться. Но влюбленные не могли расстаться. Однажды девушка назначила возлюбленному свидание у колодца. Юноша, конечно, явился. Камень был отвален, ведра поставлены под струю воды, а молодые люди в это время были заняты разговором. Много ли, мало прошло времени, они наслаждались, но вдруг послышался шум потока, и из отверстия колодца хлынуло столько воды, что погубила она влюбленную пару, разлилась по равнине и потопила все, что встречалось ей на пути.

* * *

Очень давно на месте нынешнего озера Иссык-Куль жили люди и среди них был, один святой, у которого хранился

ключ от колодца, находившегося на равнине. Колодец этот обладал чудесной силой — если оставить его открытым на время, большее, чем требуется, чтобы набрать воды в ведро, то из него начинало литься столько воды, что она могла затопить всю равнину. Однажды к святому пришла девушка и стала просить ключ от колодца. Святой дал ей ключ, но сказал:

— Не забудь, когда наберешь воду в ведра, запереть колодец, а ключ отдать мне.

Девушка отвечала, что не забудет, и ушла. Когда она набирала воду, к ней подошел ее жених и вступил с нею в разговор. Она до того увлеклась разговором, что не заметила, как в колодце поднялась вода и стала затоплять окрестности. Молодые люди испугались и побежали прочь от колодца, но спастись не смогли. Вода залила всю равнину и образовала озеро. Все люди, жившие на равнине, погибли.

ЭПИЛОГ

...В наказание за нарушение клятвы воды колодца вздыбились и бурным потоком хлынули на город. Стены рухнули, жители утонули, вода затопила всю долину и получилось озеро. А развалины города и сейчас видны на дне его.

Так киргизские легенды объясняют феномен резких колебаний уровня озера Иссык-Куль, а заодно и загадку находок в его водах громадных бронзовых котлов, кирпичей, керамических сосудов... Где здесь правда, где вымысел? Были ли древние города под волнами озера? А если были, то когда? Об этом и повествуют киргизские ученые, которые в течение ряда лет проводили подводные археологические исследования и лишь слегка приоткрыли тайну высокогорного озера.

Друзья по жизни и творчеству после успешного полевого сезона. 1991 г. Слева направо: Г. В. Харченко, В. П. Мокрынин, В. М. Плоских, В. Г. Ратман

ВСТУПЛЕНИЕ К КАТАЛОГУ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КРСУ

Я очень рада представить вашему вниманию многоплановое собрание артефактов, найденных в разных уголках Кыргызской Республики и отражающих всё богатство и глубину истории этой страны. Коллекция собиралась в течение многих десятилетий и охватывает разные аспекты наследия Великого Шёлкового пути, сохранившегося на территории Кыргызской Республики, но только сейчас эти уникальные вещи собраны вместе и к ним обеспечен публичный доступ. Я надеюсь, что подготовленная экспозиция будет служить источником вдохновения не только для будущих историков, но и для наших молодых педагогов, художников и политиков.

Сотрудничество посольства США с Кыргызско-Российским Славянским университетом (КРСУ) в работе над этим проектом показательно для нашей многолетней дружбы и партнерства. Ведь именно в КРСУ был открыт первый Американский центр в Кыргызской Республике, и это только один пример наших совместных усилий по укреплению дружественных отношений между Соединёнными Штатами и Кыргызстаном.

Реставрация экспонатов и подготовка экспозиции проведена благодаря Посольскому Фонду сохранения культуры (АФСР) Государственного департамента США. Проекты, осуществляемые при финансовой поддержке этого Фонда, дают Соединённым Штатам замечательную возможность

продемонстрировать то глубокое уважение, которое наш народ питает к культуре и истории других стран. Со времени создания Фонда в 2001 году при его поддержке было обеспечено сохранение мест и объектов культурно-исторического значения, а также традиционных видов искусства в более чем 100 развивающихся странах по всему миру. И это всего лишь одно из многих направлений нашего постоянного сотрудничества в области культуры.

Я благодарна нашим партнёрам, доктору исторических наук, академику Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР), профессору Владимиру Михайловичу Плоских и ректору КРСУ, доктору технических наук, академику НАН КР профессору Владимиру Ивановичу Нифадьеву за их неиссякаемый энтузиазм и поддержку.

Чрезвычайный и Полномочный Посол
США в Кыргызстане, 2013 г.

Памела Л. Спратлен

ОТ РЕДАКТОРА КАТАЛОГА ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ КРСУ

Открытие Историко-археологического музея Кыргызско-Российского Славянского университета связано с двадцатилетним юбилеем вуза и базируется на результатах экспедиционных исследований и студенческих практик.

В нем, в основном, экспонируются материалы, собранные учеными

во время палеоархеологической, этнографической, фольклорной экспедиций, как в Чуйской долине, так и, в основном, на Иссык-Куле. Сенсационными можно назвать уникальные античные (сако-усуньские) и средневековые артефакты с затонувших памятников Иссык-Куля, собранные Международной Иссык-Кульской экспедицией ученых Кыргызско-Российского Славянского университета. Национальной академии наук Кыргызстана, Конфедерации подводной деятельности России и группы специалистов от Американского Географического Общества. Благодаря спонсорской поддержке посольства США в Кыргызстане, музей удалось оснастить современным оборудованием, издать путеводитель и создать видеофильм об исследовании прибрежных и затонувших памятников Иссык-Куля.

Музей уже имеет опыт осуществления международных проектов. Совместно с коллегами из Казахстана, Узбекистана и Монголии студенты участвовали в проекте «Мы родом

из одного этноса» в 2005 году. На базе Иссык-Кульской экспедиции в 2011 году на грант международного гуманитарного фонда России прошли Летние учебные школы историков и подводных археологов стран СНГ.

Экспедиционные и фондовые материалы используются для подготовки дипломных и диссертационных работ, написания научных статей и монографий, научно-популярных книг и видеофильмов. При музее создана и реставрационная лаборатория.

Наш музей выполняет не только педагогические функции. Он стал поистине как собирателем и хранителем, так и просветителем, популяризатором памятников истории, материальной и духовной культуры прошлых цивилизаций.

Посетителя здесь ждут поднятые со дна Иссык-Куля золотой слиток и бронзовые котлы, акинаки, конские пса-лии и другие античные предметы.

Музей гордится своей уникальной нумизматической коллекцией — от первых металлических денег местного производства до монет других стран, торговавших по трассе Великого Шелкового пути. Здесь представлены и ювелирные импортные украшения, а также предметы зороастризма, буддизма, христианского и мусульманского культа наших предков.

Добро пожаловать в наш МУЗЕЙ.

Академик НАН КР,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории и культурологии КРСУ
В. М. Плоских

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«АТЛАНТИДА» ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ – ТАЙНА ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

I. Проблемы древней цивилизации Иссык-Куля	7
«Пульсирующее сердце» Евразии	7
История изучения	8
Первые попытки подводных исследований	12
Затопленные города	16
К новым, открытиям Иссык-Кульской экспедиции	24
II. Клад Чингисхана: миф или реальность?	33
История и мифология клада	34
Так что это за легенды?	35
Одиссея Курментинского клада	37
Поиски и раскопки клада	39
III. Христианская святыня на дне Иссык-Куля?	45
Из истории раннего христианства	45
Каталанский атлас	47
Исследования продолжаются	52
Смотреть в будущее	54
Вместо послесловия	57
Приложение	
Рандеву с вечностью	61
О, сколько здесь открытий чудных!	66
Сокровища Чингисхана (поиски, находки)	71
Евангелие от археологов	81

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИССЫК-КУЛЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ В ИСТОРИЮ

Вместо введения	91
I. Следы первобытного человека	96

Предыстория. Сколько лет Иссык-Кулю?	96
Первые исследователи палеолита Прииссыккуля	98
Тоссор	99
Боз-Бармак	101
Реальность и надежды Джергалана	105
II. Наскальная галерея	109
Самолет в художественной мастерской древности	109
Загадки первобытного искусства	109
С фотоаппаратом за рисунками	114
Сколько лет рисункам?	115
У подножья Хан-Тенгри	117
Наш путь в пещеру	121
В пещере Ак-Чункур	122
Беречь и изучать	125
III. В поисках клада	128
Легенда или быль!	128
Первые поиски	131
Ученые не остались в стороне	132
Четверть века спустя	133
Шамсинский клад	135
Золотой джейран	139
Тайник ыссыкского кургана	140
Барскаунская коллекция	142
Находки продолжают	144
IV. Подводные тайны	147
Инициаторы	147
Сто лет до этого	151
Ученые сомневаются, спорят	154
Иссык-кульская легенда	157
От легенды к науке	159
Под голубыми волнами	163
Исследования продолжают	166
Итоги	169
Заключение	171
Каталог исторических памятников Прииссыккуля	176

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ КЫРГЫЗСТАНА

Предисловие	181
I. Чигу	183
Истоки	183
Семенов-Тянь-Шанский ищет Чигу	183
Несбыточные мечты губернатора	186
Внимание не ослабевает	192
Новейшие исследования	195
Трофеи из Иссык-Куля	198
Мировая практика	202
Аквалангисты в экспедиции	205
II. Городище Сарыбулун	210
Открытие	210
Подводные сокровища	212
Каменные орудия труда	220
Загадочные шары	224
Маленькая гостья из сказочной страны	226
Современная техника и подводные поиски изделий из металла	228
Изделия из рога	238
Приглашение к поиску	233
III. Хронология	244
IV. История с географией	252
Опальный монах с крамольными четками	256
Усуни	261
V. Кочевники и земледельцы	267
VI. Сарыбулун – Чигу	282
VII. Верхний Барсхан	294
На великом шелковом пути	294
Иссык-Куль – жемчужина Тянь-Шаня	294

VIII. Города прииссыккулья глазами средневековых авторов	304
Сюань Цзан на Иссык-Куле	304
Верхний Барсхан	311
IX. Затонувшие города	322
Койсары	324
Дархан	328
Тюп	333
Долинка	334
Койсуу	337
Тору-Айгыр	346
Улахол	349
X. Культура средневековых поселений	351
Как выглядели	
иссык-кульские горожане?	353
Религия	354
Письменность	363
Календарь	371
Благоустройство	372
XI. Реквием былой культуре	381
Вместо заключения	381
Приложение. Киргизские предания об озере Иссык-Куль	391
Эпilog	401
Вступление к каталогу историко-археологического музея КРСУ	402
От редактора каталога историко-археологического музея КРСУ	404

Владимир Михайлович Плоских

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
Иссык-Кульская «Атлантида»

ТОМ IV

Редактор-составитель: проф. *В. А. Воропаева*
Под общей редакцией академика *Т. Койчуева*

Дизайн: *В. Горнушкин*
Компьютерная верстка: *В. Горнушкин*

Подписано к печати 01.03.2017.

Заказ № 45.

Формат бумаги 60 x 84 $\frac{1}{16}$. Объем 25,75 п. л.

Тираж 250 экз.

ОсОО «НЕО ПРИНТ»

